

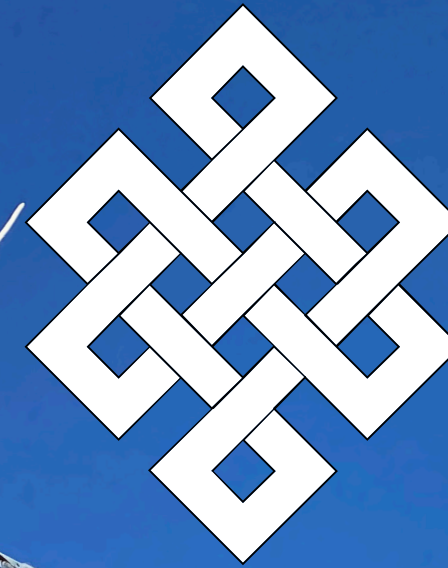
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2023

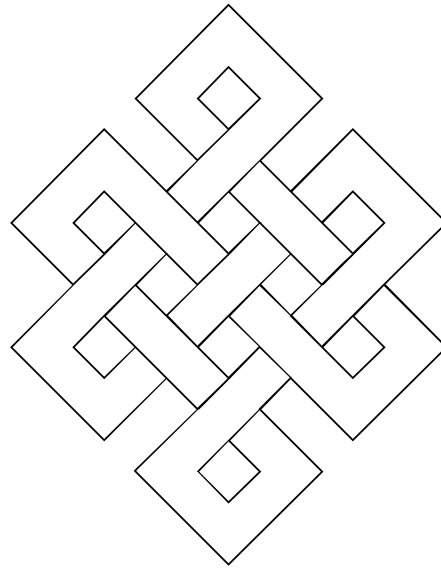
№ 3

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№3
2023

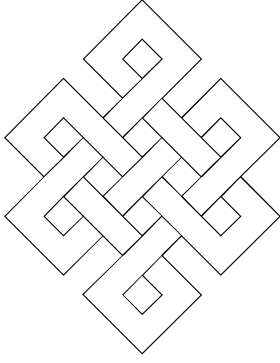
nit.tuva.asia

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2023

№ 3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонова В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии
 Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
 университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бочина Т. Г. (Россия) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке6

Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. (Россия) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом сөс на иноязычном фоне 21

Бредис М. А., Новоспаская Н. В. (Россия) Особенности употребления нумератива *пять* в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) 36

Николаева Е. К., Селиверстова Е. И., Ломакина О. В., Сувандии Н. Д. (Россия) Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц)51

Иванов Е. Е., Монгуш Ш. В. (Россия) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках 65

Соян А. М. (Россия) Образ коня в тувинских загадках 84

Просяникова О. И., Скорик К. В., Гребнев А. Н. (Россия) Пространственная модель в героическом тувинском и древнеанглийском эпосе97

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Хисамитдинова Ф. Г., Мухтаров Т. Г. (Россия) Башкирские наименования лиц в русских письменных источниках XVI–XVIII вв. 125

Уланов М. С., Бадмаев В. Н. (Россия) Феномен социально вовлеченного буддизма в современном мире 138

Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. (Россия) Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования 151

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Четырова Л. Б., Сергеева Н. М. (Россия) Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений 171

Балакина Г. Ф. (Россия) Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов 193

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. (Россия) Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект207

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Монгуш А. В. (Россия) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность220

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Bochina T. G. (Russia)</i> Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man	6
<i>Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. (Russia)</i> Tuvan paroemias of comparative semantics with the component <i>cəc</i> as compared to foreign language material	21
<i>Bredis M. A., Novospasskaya N. V. (Russia)</i> Features of the use of the numeral <i>five</i> in Tuvan linguoculture (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages)	36
<i>Nikolaeva E. K., Seliverstova E. I., Lomakina O. V., Suvandii N. D. (Russia)</i> The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs)	51
<i>Ivanov Eu. Eu. (Belarus), Mongush Sh. V. (Russia)</i> The world of wild animals and their images in Tuvan riddles ..	65
<i>Soyan A. M. (Russia)</i> The image of the horse in Tuvan riddles	84
<i>Prosyannikova O. I., Skorik K. V., Grebenev A. N. (Russia)</i> Spatial model in the Tuvan and Old English heroic epics	97

ORIENTAL STUDIES

<i>Khisamitdinova F. G., Mukhtarov T. G. (Russia)</i> Bashkir names of persons in Russian written sources of the 16th–18th centuries	125
<i>Ulanov M. S., Badmaev V. N. (Russia)</i> The phenomenon of socially engaged Buddhism in the contemporary world	138
<i>Bitkeeva A. N., Khokholova I. S., Filippova V. V. (Russia)</i> Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods	151

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Chetyrova L. B., Sergeeva N. M. (Russia)</i> Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of power relations	171
<i>Balakina G. F. (Russia)</i> Adaptation strategies of the population of the Republic of Tuva: The problematic field of research and expert opinions	193
<i>Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N. (Russia)</i> Challenges of educational migration of Tuvan youth: Demographic aspect	207

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

<i>Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Mongush A. V. (Russia)</i> The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity ...	220
--	-----

Специальная тема
«Тува в континууме лингвокультуры
Центральной Азии и тюркоязычного мира:
от фольклорного текста к современным
дискурсивным практикам»

Ответственные редакторы:
доктор филологических наук
Ольга Валентиновна Ломакина
(Российский университет дружбы народов),
кандидат филологических наук
Надежда Дарьевна Сувандии
(Тувинский государственный университет)

Special issue
“Tuva in the continuum of linguoculture
Central Asia and the Turkic-speaking World:
from Folklore text to Modern
Discursive Practices”

Edited by
Olga V. Lomakina
Doctor of Philology,
Peoples’ Friendship University of Russia,
Russian Federation,
Nadezhda D. Suvandii
Candidate of Philology,
Tuvan State University, Russian Federation

DOI: 10.25178/nit.2023.3.1

ФИЛОЛОГИЯ

Статья

Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке

Татьяна Г. Бочина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Целью данной статьи является определение особенностей функционирования числового и цветового кодов культуры в описательной части тувинской загадки. Актуальность исследования мотивируется важностью познания устно-поэтического наследия народов России, ценностью реконструкции глубинных категорий мышления, значимостью выявления особенностей категоризации и концептуализации мира разными народами, в том числе на материале традиционных загадок. Объектом исследования являются тувинские загадки о человеке, предметом — семантика числа и колоратива в энигматическом тексте.

Установлено, что имена числительные в загадках употребляются, как правило, в своем буквальном математическом значении в функции описания загаданного предмета посредством указания на его объективный количественный признак, помогающий совершить когнитивный «скачок» от энигматора к энигмату. Использование колоративов как в прямом, так и в переносном значениях связано с лингвокультурным освоением мира и спецификой тувинской картины мира. Делается вывод о том, что в тувинских загадках о человеке количественный и цветовой признаки, являющиеся общим для закодированного

объекта действительности и кодирующей части, стимулирует механизмы логического мышления и мотивируют метафорический перенос.

Источником исследования послужил сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 года издания, из которого методом сплошной выборки отобрано 135 загадок о человеке и мировоззрении.

Ключевые слова: загадка; тувинская загадка; культурный код; число; цвет

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Для цитирования:

Бочина Т. Г. Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 6-20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бочина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Тел.: +7 (842) 221-33-70. Эл. адрес: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

BOCHINA, Tatyana Gennadievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in the Field of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation. Tel.: +7 (842) 221-33-70. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID ID: 0000-0002-2606-2985

PHILOLOGY

Article

Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

The purpose of this article is to determine the features characterizing the functions of numerical and color culture codes in the descriptive part of the Tuvan riddle. The significance of the study is its insight into the oral and poetic legacy of the peoples of Russia, the reconstruction of the underlying categories of thinking and the identification of the unique features of categorization and conceptualization of the world by different peoples, including a case study of traditional riddles. The object of our research is Tuvan riddles about man; its subject is the semantics of number and color in an enigmatic text.

We have found that numerals in the riddles are used, as a rule, in their literal mathematical meaning. They describe an implied object by pointing to its objective quantitative feature that helps to make a cognitive "leap" from its coding part ("enigmator") to its coded object ("enigmat"). The use of color vocabulary both in direct and figurative meanings is connected with the linguistic and cultural acquisition of the world and the specific character of the Tuvan worldview. The article concludes that quantitative and color attributes, which are common for both the coded object of reality and the coding part, stimulate the mechanisms of logical thinking and justify the metaphorical transfer in the Tuvan riddles about man.

The research is based on a collection of Tuvan riddles compiled by Georgy N. Kurbatskii and published in 2021. 135 riddles about man and his world outlook were selected from the edition by a continuous sampling method.

Keywords: riddle; Tuvan riddle; cultural code; number; color

Financing

The article was written within the framework of the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University.

For citation:

Bochina T. G. Chislovoi i tsvetovoi kod kak komponent tuvinskih zagadok o cheloveke [Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 6-20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Введение

Не вызывает сомнений важность познания устно-поэтического наследия народов России, ценность реконструкции глубинных категорий мышления, значимость выявления особенностей категоризации и концептуализации мира разными народами. Современная российская лингвистика пристальное внимание уделяет исследованиям этнокультурных моделей мира, особенностей лингвокультур. В этой связи неуклонно возрастает интерес к изучению малых жанров фольклора, воспроизводящих традиционные культурные ценности, в том числе жанров тувинского устного народного творчества (Паремиология в дискурсе, 2015, Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2022; Бредис и др., 2021, 2022; Зиновьева, Алешин, 2022; Иванов, 2022abc, 2023; Курбатский, 2001; Ломакина, 2022; Бочина, 2022, 2023).

Одним из архаичных жанров, сохраняющих актуальность и в современном мире, являются загадки (энигматические тексты), которые неоднократно становились объектом научного анализа, в том числе

на материале русского¹, калмыцкого², якутского³ и других языков, а также в сопоставительном аспекте (Чеснокова, Усманов, 2022ab; и др.⁴).

Тексты загадок представляют исследователю ценную информацию о этнокультурном своеобразии картины мира, лингвокультурных константах, ибо «и выбор тематики загадок, и лингвистические особенности репрезентации загаданного денотата оказываются напрямую связанными с этнокультурными особенностями мировосприятия» (Логутенкова, 2016: 50).

Если появление загадки связано «с архаическим ритуалом, моделирующим преодоление хаоса и упорядочение состава мира путем обозначения и именованя каждого его элемента...» (Седакова, Толстая, 1999: 233–234), то ее жизнь — это способ передать познанное новому поколению таким образом, чтобы сохранить своеобразие этнокультурной традиции.

Текстообразующим принципом загадки, по признанию многих лингвистов, является двухчастная структура — «наличие энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке) и энигматора (кодирующей, описательной части)...»⁵. При этом в загадке и отгадке сочетаются реалии разного порядка: «Компоненты данных частей принадлежат, как правило, к разным классификационным категориям: неодушевленное — одушевленное, объекты — люди, растительный и животный мир — люди, естественные предметы. В загадке постулируется равенство данных классов по определенному основанию при сокрытии их прочих сторон»⁶. Именно этот семантический «разрыв» между двумя компонентами текста делает его непонятным и загадочным, а чтобы его расшифровать, требуется знание культурного кода: «Традиционная загадка — состоявшийся речевой акт с выраженными позициями адресанта (левая часть текста) и адресата (правая часть текста), в котором зафиксирован древнейший общекультурный код (шифр), имеющий различные социальные функции»⁷.

В свою очередь, описательная часть энигматического текста (энигматор) состоит из двух компонентов. Первый из них — метафора, которая придает тексту загадочность, ибо ее денотат и денотат отгадки обозначают реалии разных сфер жизни, зачастую очень далеких друг от друга. Именно метафорический образ тесно связан с особенностями мировидения народа, является лингвокультурным маркером и отражением этнического своеобразия концептуализации и категоризации действительности. В нем заключается тот самый квант знания, овладение которым позволяет ребенку социализироваться, перенять культурную эстафету этноса. Метафорическая модель, если она отличается от родной и привычной, делает загадку трудно разгадываемой и даже принципиально непонимаемой для носителя иной лингвокультуры. Второй компонент — это признак, который является общим для энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке) и энигматора (кодирующей части), признак, который стимулирует механизмы логического (общечеловеческого!) мышления и мотивирует метафорический перенос. И метафора, и ее мотиватор, как правило, являются единицами культурных кодов.

Исследование культурных кодов, или «системы знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» (Ковшова, Гудков, 2017: 40), вызывает неизменный интерес лингвокультурологии.

¹ Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Томск, 2012. 23 с.; Солдаева А. А. Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект : автореф. дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2018. 25 с.; Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология : дисс. ... д-ра филол. н. Орел, 2019. 524 с.

² Устиева И. С. Калмыцкие народные загадки : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Элиста, 2011. 22 с.

³ Филиппова В. В. Якутские загадки: семантика и структура : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Улан-Удэ, 2012. 22 с.

⁴ Файзуллина Н. И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков) : дисс. ... д-ра филол. н. Казань, 2019. 339 с.; Медведева Е. С. Лингвокультурологический анализ репрезентации флоры и фауны в испаноязычных загадках (на материале пиренейского и мексиканского национальных вариантов) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 2022. 24 с.

⁵ Струкова Т. В. Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология : дисс. ... д-ра филол. н. Орел, 2019. С. 13.

⁶ Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Томск, 2012. С. 9.

⁷ Солдаева А. А. Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект : автореф. дисс. ... канд. филол. н. СПб., 2018. С. 7.

Таким образом, актуальность статьи мотивируется научной значимостью познания лингвокультурных особенностей репрезентации культурных кодов энигматическими текстами.

В последние годы наблюдается возрастание интереса лингвистов к исследованию тувинских загадок в различных аспектах. В диссертации Ч. А. Кара-оол¹, посвященной детскому фольклору тувинцев, значительное место отведено рассмотрению традиционных загадок как средству социализации ребенка. В центре внимания Е. Е. Иванова находится семантическая типология тувинских загадок (Иванов, 2022а). Межъязыковое сопоставление с тувинскими загадками в своих статьях осуществляют О. С. Чеснокова и Т. Ф. Усманов, исследовавшие пищевой (Чеснокова, Усманов, 2022а) и природный коды (Чеснокова, Усманов, 2022б). В работе Ж. М. Юши рассматривается жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии (Юша, 2021). В статье А. М. Соян предметом исследования является символика числа үш 'три' в разных жанрах фольклора и в литературе тувинцев (Соян, 2020). Тувинские загадки о человеке еще не были в фокусе внимания лингвокультурологов, что составляет новизну данной статьи, в которой исследуется семантика числа и колоратива антропонимических загадок.

Выбор числового и цветового кодов для исследования определяется следующим. Количественная характеристика денотата в описательной части загадки нередко используется в качестве его ключевого признака, что представляется глубоко закономерным, поскольку оценка по количественным параметрам является одним из исходных пунктов аксиологического анализа ситуации и ее компонентов (Баранов, 1989: 77). Кроме того, числовое кодирование «обеспечивает связь объектов мира, являющихся предметом загадывания и разгадывания и, следовательно, некое, хотя бы относительное единство самого мира» (Топоров, 2005: 360). Сегментирование окружающего мира в аспекте количественности представляет собой сложный когнитивный процесс, которому ребенок обучается, в том числе через загадки. Как отметила Ч. А. Кара-оол, Н. В. Катанов писал, что «загадка дает детям возможность приобрести навыки систематизации, логического мышления»².

Другим очевидным признаком денотата загадок является цвет, маркирующий внешний вид загаданного предмета.

Цветовой код является универсальным компонентом этнокультурных языковых картин мира, ибо, с одной стороны, цвет является очевидным, лежащим на поверхности, признаком познаваемых объектов реальной действительности, являясь типом мотивации (внутренней формы слова), отражающей объективную характеристику предмета, с другой — значения колористических лексем развивают множество этноспецифичных аксиологических, символических и семиотических коннотаций в связи с лингвокультурной обусловленностью освоения и восприятия мира.

Итак, целью данной статьи является определение особенностей функционирования числового и цветового кодов культуры в описательной части тувинских загадок о человеке.

Гипотеза исследования: количественный и цветовой признак, являющийся общим для закодированного объекта действительности и кодирующей части, стимулирует механизмы логического мышления и мотивирует метафорический перенос в тувинских загадках.

Источником исследования послужил сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского 2021 года издания³, содержащий 1 121 загадку, из которого методом сплошной выборки было отобрано 135 загадок о человеке и его мировоззрении. Данное издание примечательно прежде всего тем, что оно вобрало в себя энигматические тексты из предыдущих сборников, научных и публицистических изданий, кроме того, в него вошли более 400 загадок, записанных составителем и студентами-филологами Кызылского государственного пединститута с 1964 по 1985 г.⁴ Весьма ценно, что книга двуязычная: и загадки, и отгадки даются на тувинском и русском языках (редакторы переводов — С. М. Орус-оол и Н. Ш. Куулар).

¹ Кара-оол Ч. А. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев (конец XIX — начало XXI в.) : дисс. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2015. 136 с.

² Там же. С. 43.

³ Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. 158 с.

⁴ Там же. С. 3.

Числовой код как компонент денотата загадок о человеке

Как известно, в языковом мышлении выделяют размерную, пространственную, числовую количественность; количественность времени, а также интенсивности, степени (Бодуэн де Куртенэ, 1963: 313). В тувинских загадках о человеке в основном используется такая разновидность количественного мышления, как числовая. В наивной анатомии маркером того или иного органа (глаза, уши, рот) или части тела (пальцы, пупок) является указание на его количество, таким образом ребенок наряду со знанием о мире получал еще и наглядное представление о счете и элементарных арифметических действиях (сложение, вычитание).

Так, в тувинских загадках числовым эталоном пупка является *чаңгыс* ‘единица’:

<p><i>Чал ортузунда, Чаңгыс оңгар чыдыр</i> (419)¹.</p>	<p>Посреди насыпи Одна яма лежит (пупок).</p>
<p><i>Чалым хаядан, Чаңгыс ыргай үндү</i> (420).</p>	<p>На неприступной скале Одна ирга-ягода выросла (скала — это человек, ирга — его пупок).</p>
<p><i>Чалым хаям ортузунда Чаңгыс ыргай</i> (421).</p>	<p>Посреди широкой скалы Одна ирга (пупок).</p>

Числительное *ийи* ‘два’ указывает на парные части тела и органы (щеки, груди, ноздри и т. п.):

<p><i>Ийи тейниң аразында Ийленчек сарыг оорга чыдыр</i> (400).</p>	<p>Меж двух холмов Наклонный желтый хребет лежит (нос между щеками).</p>
<p><i>Шыгыр-шыгыр чоруктуг, Ийи дорзук хүнезинниг</i> (427).</p>	<p>«Скрип-скрип» едзящий, Два бурдюка провизии имеющий (Ребенок в люльке. Грудь матери).</p>
<p><i>Ийи доскаар саржаг</i> (438).</p>	<p>Две бочки масла (сопли), где две бочки — две ноздри, в которых скопилась слизь.</p>

Числительное *беш* ‘пять’ ассоциировано с пальцами на одной руке, соответственно *он* ‘десять’ — с пальцами на двух руках:

<p><i>Ортулукта он оол, Бежеликте беш оол</i> (408).</p>	<p>На острове десять парней, В каждой его половине по пять парней (пальцы руки).</p>
<p><i>Хаактыгны куду Ийи хаа моорлап батты, Ийи хааны беш хаа уткуду</i> (443).</p>	<p>Вниз по Тальниковому Двое посыльных пожаловали, Двоих посыльных пятеро посыльных встретили (сопли, пальцы).</p>

¹ Здесь и далее загадки и их перевод на русский язык цитируются по изданию: Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. Здесь и далее в скобках указаны номера загадок, ответы на которые приводятся в сборнике под теми же номерами в разделе «Отгадки».

В загадках о зубах ключевым компонентом, указывающим на загаданный предмет, также является признак количества:

<p><i>Үжен ийи кожактыг, Ходугур шилги бызаалыг (399).</i></p>	<p>С тридцатью двумя лентами, С торчащим красно-рыжим теленком (рот, зубы, язык).</p>
--	--

Весьма показательно также наличие загадок по анатомии человека, в которых на загадываемый предмет указывает сумма чисел, ассоциированных с составными частями этого предмета. Например, голова зашифрована числительным *чеди* 'семь', которое является суммой $2+2+2+1$, где двойка символизирует парные органы (глаза, уши, ноздри), а единица — рот:

<p><i>Борбак тейниң үдү чеди (351).</i></p>	<p>У круглого холмика семь дыр (голова: два глаза, ноздри, уши, рот).</p>
---	--

Имеется и еще более сложный с точки зрения наивной картины мира и математики вариант, когда один из компонентов суммы, в свою очередь, уже является суммой $4+2=6$, где $4=2+2$:

<p><i>Дөрбелчин дөртөлээ, Амырга алдалаа (350).</i></p>	<p>Квадратных четверо, С дудкой шестеро (глаза, уши, нос).</p>
---	--

О разном уровне абстрактности, соответственно разной степени сложности, свидетельствуют также загадки-синонимы, в которых в одном случае используется более конкретное сочетание «числительное + метафора», а в другом — только метафора, поднимающая ребенка на следующую ступень его социализации и познания мира:

<p><i>Беш алышкы дош чүктеди (410).</i></p>	<p>Пятеро братьев лед тащат (пальцы).</p>
---	--

<p><i>Алышкылар дош чүктеди (409).</i></p>	<p>Братья лед тащат (пять пальцев с ногтями).</p>
--	--

В качестве катализатора процесса отгадывания выступают числительные и в универсальной загадке о периодах жизни человека:

<p><i>Эртен дөрт буттаар, Дүшпте ийи буттаар, Кежээ үш буттаар (430).</i></p>	<p>Утром на четырёх ногах, В полдень на двух ногах, Вечером на трёх ногах (в младенчестве человек ползает, повзрослев ходит, в старости бредет, опираясь на палку).</p>
--	--

В ней известная для ребенка информация (у человека две ноги) запускает процесс догадки-озарения о том, что закодировано сочетаниями *три ноги, четыре ноги*. В тувинском фонде имеется и более сложный ее вариант, в котором первоначальная загадка о четырех — двух — трех ногах человека является уже известной частью денотата энигматического текста, стимулирующей ребенка посредством логики развить метафору и найти отгадку:

<p><i>Дүне када бүшкүйүп аар, Даң бажында кулбурап кээр, Эртен кезжээ дег олурар, Биче дүгшита дөрт даяктаар, Дүгшита ийи буттаар, Кезжээ үш буттаар, Дүн четкелекте чыдыптар (432).</i></p>	<p>Ночью стобится, На заре выскользнет, Утром, как стела, сидит, В полдень на четырёх опорах, Днём на двух ногах, Вечером на трёх ногах, В сумерках ляжет (нахождение в чреве матери, рождение, младенец садится, ползание, ходьба, костыли в старости, смерть).</p>
---	---

В тувинском фонде загадок имеются еще более сложные по структуре, математической шкале и метафоризации примеры. Так, загадка об особенностях человеческого возраста состоит из семи частей с семью числительными, шесть из которых — производные (20, 30, 40, 50, 60, 70). Описательная часть текста построена по одной модели, где числительное указывает на количество лет, а предмет (одушевленный или неодушевленный) — метафорически характеризует период жизни человека: щенок — младенец, волк — юность, сабля — цветущая молодость, богатырь — сила, уверенность, чиновник — умственная зрелость, посох — начало старения, палка — старость.

<p><i>Он эник, Чээрби бөрү, Үжен хылыш, Дөртен маадыр, Бежен дүжүмет, Алдан даяңгыыш, Чеден быра (1008).</i></p>	<p>(Человеческий возраст, жизнь: 10 щенков — от 1 года до 10, младенческий возраст; 20 волков — от 10 до 20, возраст, когда человек много недопонимает, самонадеян; 30 сабель — цветущая молодость; 40 героев-богатырей — человек не торопится, ничего не боится; 50 чиновников — пора умственной зрелости; 60 посохов — начало старения; 70 рычагов-опор — человек стар и пользуется палкой).</p>
--	---

Важно отметить и то, что в загадках о человеке числительные используются также в сочетании с народными единицами измерения, характерными для традиционной культуры:

<p><i>Сөглээри биле көөрүнүң Аразы дөрт илиг, Дыңнаары биле сөглээриниң Аразы мугур сөөм (404).</i></p>	<p>Разница между сказанным и видимым — Четыре пальца, Разница между слышимым и сказанным — Малая пядь (Расстояние между ртом и глазом — четыре пальца, Расстояние между ухом и ртом — малая пядь).</p>
--	---

Когда загадывается предмет, одним из признаков которого является наличие большого количества однородных предметов, в тексте загадки, как правило, используется числительное 1 000 или слова со значением неопределенно большого количества *көвей, хөй* 'много, множество':

<p><i>Муң кара хоюм Демир-биле сүрдүм (367).</i></p>	<p>Тысячу черных овец моих Железным кнутом гнал (бритьё головы).</p>
---	--

<i>Хөл кыдыында көвей маас олур</i> (382).	У озера много оводов (глаз).
<i>Хөл кыдыында көп кас олур</i> (383).	У озера множество гусей сидят (ресницы).
<i>Көвей кижги хөл харады</i> (384).	Множество людей озеро обозревают (ресницы глаз).

Итак, имена числительные в загадках употребляются, как правило, в описательной функции в точных арифметических значениях, отражая количественность объективной реальности. В то же время загадки о человеке дают яркий пример функционирования числительного үш ‘три’ в сакральной роли, однако это касается не лексико-семантического уровня энигматического текста, а его структуры. Имеются в виду загадки триады (үш-), в которых отгадка представляет собой единство трех понятий, образов (Мижит, 2004: 248) и которые «загадывали детям старше шести лет»¹.

Л. С. Мижит отмечает: «Например, загадка *Кижиде үш бай. Ол чүл?* / ‘Три богатства у человека. Что это?’ имеет следующий ответ: *Башкы бай — ажы-төл, Ортаа бай — эртем-билиг, Соңгу бай — эртин-байлак* ‘Первое богатство — дети, Среднее богатство — образование, Последнее богатство — имущество и драгоценности’» (Мижит, 2013: 128). Следует отметить, что загадки-триады характерны для фольклора тувинцев не только России, но и Китая и Монголии (Юша, 2021: 31–32), а также и для калмыков², бурятов (Бабуева, 2001: 94) и других народов. Более того, тройственные образы характерны не только для разных жанров тувинского традиционного творчества (героический эпос, сказка, шаманские алгыши, благопожелания, загадки-триады) (Мижит, 2013: 44), но и сохраняют свою актуальность в современной поэзии³ (Соян, 2020). Можно говорить о том, что триады — пример взаимодействия фольклорных жанров, ибо «когда остроумные ответы воспринимаются уже без вопроса и известны всем, они приобретают характер пословиц» (Бредис и др., 2022: 286).

Как видно из сборника загадок Г. Н. Курбатского, особой значимостью триады обладают в таком тематическом разделе загадок, как «Загадки о собственно духовной культуре» (подробнее см. в разделе «Цветовой код как компонент денотата загадок о человеке»).

Таким образом, имена числительные в загадках употребляются, как правило, в своем буквальном математическом значении в функции описания загаданного предмета посредством указания на его объективный количественный признак, помогающий совершить скачок от энигматора (кодирующей, описательной части) к энигмату (объекту действительности, закодированному в загадке). В этом заключается главное отличие в использовании числительных в жанре загадки, ибо в других фольклорных текстах (сказках, пословицах, благопожеланиях и др.) числительные имеют культурную коннотацию: «Тувинские паремии в основе своей имеют символическую и сакральную семантику чисел, основанную на народных поверьях, обрядах, фольклорных и мифологических представлениях...» (Бредис и др., 2022: 287–288).

Цветовой код как компонент денотата загадок о человеке

В тувинских загадках о человеке цветовая палитра достаточно ограничена, что представляется глубоко закономерным, ибо жанр загадки очень древний, а в далекой древности люди не различали цвета так, как современные народы (имеется в виду наличие специальных номинаций цвета). В филогенезе белый цвет представлял обобщенно ряд цветов светлых тонов, а также большую цветовую интенсивность или ее отсутствие; черный цвет обобщал все темные цвета (в том числе, синий). Черный — всегда скрывает в себе все, что несет, т. е. он «загадочен»; позднее был освоен красный

¹ Кара-оол Ч. А. Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев (конец XIX — начало XXI в.) : дисс. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2015. С. 44.

² Устиева И. С. Калмыцкие народные загадки : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Элиста, 2011. С. 11.

³ Мижит Л. С. Триада в тувинской словесности: поэтический жанр ожук дажы (трехстишие) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Уфа, 2007. 25 с.

цвет — цвет солнца, горячего песка и огня, крови и жизни (Колесов, 1982: 17). Как отмечал известный филолог В. В. Колесов, «даже в XX веке многие дикие племена в Африке или Южной Америке четко противопоставляют только красный — черный — белый цвета. Каждый из них имеет свой смысл, все одинаково важны в представлении этих народов. Они и обозначены словом только потому, что важны в жизни — все остальные цвета бессмысленны, бесполезны, и потому их не видят. Их не видят потому, что не знают» (там же: 28). Кроме того, для описания человека, как правило, достаточно основных цветов.

Прилагательные цвета в загадках о человеке отражают народный идеал красоты: тувинец — черноволосый и темноглазый, белозубый и смуглый.

Так, волосы в текстах загадок зашифрованы разными метафорами, однако они все объединены черным цветом: черный тальник и черная лоза (растения с тонкими гибкими ветками), черные овцы (скот, который пасет человек — расчесывает, бреет, стрижет), черная тайга (густая растительность):

<i>Кара талдың өзээ чок, Кара хаактың будуу чок (360).</i>	У чёрного тальника сердцевины нет, У чёрной лозы веток нет (волосы на голове).
<i>Муң кара хоюм Демир-биле сүрдүм (367).</i>	Тысячу чёрных овец моих Железным кнутом гнал (бритье головы).
<i>Ыяжының өзээ, чүзү чок Мөкүлчек кара тайгам (355).</i>	Древесной сердцевины, сучка нет У круглой чёрной тайги моей (голова).

На темные глаза загадка намекает использованием не только черного, но и синего цвета (темный цвет в понимании древнего человека, цвет воды — более позднее восприятие):

<i>Хөө дег кара, Хөл кавайлыг, Туң дег ак (369).</i>	Черный, как сажа, Колыбель его — озеро, Белое, как раковина (глаз).
<i>Хөл кыдыында көк пөс, Эрик кырында эрегей-хорагай (386).</i>	У озера синяя ткань, На берегу — изобилие парчи (ресницы).

В качестве характеристики денотата использовался также признак двухцветности глаз, который тувинцы в соответствии с парадигмой кочевого народа передавали обозначением масти скота (*ала* — ‘пегий, с белыми пятнами на тёмном или рыжем фоне’) — *пегая лошадь, корова, теленок*:

<i>Ала аьдым хыл кажаалыг (371).</i>	Пегая лошадь моя, волосом огороженная (глаз).
<i>Куй иштинде ала инек чыдыр, (372).</i>	В пещере пегая корова лежит (глаз).
<i>Ала бызаамны Хаак-биле кымчыладым (385).</i>	Пегого телёнка моего Тальниковым кнутом бил (ресницы).

С темными волосами и глазами контрастируют белые (светлые и блестящие) зубы — нечто белое и крепкое, например, белые бабки (*кажыкта* — играть в бабки), скалы, камень, кости:

<p><i>Ажарга, ак чайт, Шыварга, шыпшың (389). Аптарам ишти ак кажыктарлыг (391).</i></p>	<p>Откроеет — белым-бело. Прикроеет — тишина (рот, зубы). В сундуке моем белые бабки (рот, зубы).</p>
--	---

Интересна загадка о мясе, застрявшем в зубах (образ, типичный для тюркоязычных народов), в которой два эпитета-кolorатива используются в одном случае в прямом денотативном значении (**ак хаялар**), а в другом — в коннотативном метафорическом, указывающем на пищевую ценность продукта (**алдын чиңгис**):

<p><i>Ак хаялар аразында Алдын чиңгис чыдыр (392).</i></p>	<p>Между белыми скалами Золотой мох лежит (мясо, застрявшее между зубами).</p>
--	--

Бесспорно, мясо у тувинцев, как и у других народов-мясоедов, издревле являлось очень ценной пищей (Курбатский, 2001: 25). Неслучайно костный мозг, сало и мясо «в загадках поэтизируются за счет сравнения с драгоценными металлами...» (Чеснокова, Усманов, 2022а: 310):

<p><i>Сөөк иштинде — мөңгүн, Мөңгүн интинде — алдын, Алдын иштинде — амдан (621).</i></p>	<p>Внутри кости — серебро, Внутри серебра — золото, Внутри золота — вкус (сало, костный мозг).</p>
---	--

Другими словами, золотой мох — это не цвет загаданного предмета, а признание его высокой ценности в лингвокультуре тувинцев.

Среди энигматических текстов об «анатомии человека» имеется немало вариантов с отгадкой «язык», в большинстве которых в описательной части загадки ключевую роль играет цвет загаданного органа, отраженного посредством традиционного для кочевников образа животного определенной масти: *шилги* — ‘красновато-рыжий’ (о масти лошади, коровы) и метонимически связанного с ним образа привязи того же цвета:

<p><i>Ак даш артында Шилги бызаа алгырып тур (393).</i></p>	<p>За белым камнем Красновато-рыжий телёнок ревет (язык).</p>
---	---

<p><i>Хан шилги аьдым Сөөк кажалыг (396).</i></p>	<p>Кроваво-красноватый конь мой, Огороженный костями (язык).</p>
---	--

<p><i>Ужен ийи кожактыг, Ходугур шилги баглааштыг (399).</i></p>	<p>С тридцатью двумя лентами, С торчащей красновато-рыжей привязью (рот, зубы, язык).</p>
--	---

В разделе «Загадки о собственно духовной культуре» имеются триады, в которых ключевым компонентом денотата являются прилагательные *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’.

Так, разные фазы развития маркируются через белый цвет тех или иных частей тела в определенный период жизни человека:

<p><i>Өртемчейде үш ак (1011). (Аныяанда дизи ак, Кырый бээрге, бажы ак, Өлү бээрге, сөөгү ак).</i></p>	<p><i>Во вселенной три белых. (В молодости зубы белые, В старости голова белая, После смерти кости белые).</i></p>
---	--

В триаде о трех черных вещах цветовой эпитет употребляется в разных значениях, синтезируя в рамках одной загадки денотативный, коннотативный, символический компоненты семантики колоратива: *хамүрү кара*, *бажы кара* — ‘цвет’, *баары кара* — качественная (пейоративная) оценка ‘злой, коварный’, *чевээ кара* — отрицательная коннотация ‘нечто страшное, неизвестное’, *коданы кара* — количественная оценка ‘многочисленный’, ср. «*кара шаар мал-маган* — черное множество скота, *кара шаар шериг* — черное множество воинов...» (Сиянбиль М., Сиянбиль А., 2000: 53; курсив мой. — Т. Б.).

<p><i>Чүведе үш кара</i> (1013). (Пар ыяштың хөмүрү кара, Бак кижиниң баары кара, Бай кижиниң коданы кара).</p>	<p><i>В вещах три черных.</i> (У лиственницы уголь черный, У плохого человека печень черная, У богатого человека стойбище черное).</p>
<p><i>Өртемчейде үш кара</i> (1014). Аныяанда бажы кара, Көже бээрге, чурту кара. Өлү бээрге, чевээ кара.</p>	<p><i>Во вселенной три черных.</i> В молодости голова черная, При перекочевке стойбище черное, После смерти могила черная.</p>

Образы трех красных в тувинской загадке представляют разные эталоны одного и того же цвета: *соо кызыл* — ‘цвета зари’, *караа кызыл* — ‘цвета крови’, *чаагы кызыл* — ‘румянец — цвет здоровья и красоты’, соединяя таким образом космогоническую, зоонимическую и антропонимическую ипостаси модели мира.

<p><i>Өртемчейде үш кызыл</i> (1016). Кааң дээрниң соо кызыл, Калчаа аъттың караа кызыл, Кадын кыстың чаагы кызыл.</p>	<p><i>Во вселенной три красных.</i> У ясного неба западный край красный, У озорующего (взбешенного) коня глаза красные, У ханской дочери щеки красные.</p>
---	---

Таким образом, прилагательные цвета в тувинских загадках чаще всего используются в своем прямом значении, указывая на эталонную характеристику энигмата (*черные волосы, глаза; белые зубы, красный язык*). С другой стороны, данные цветовые образы прямо связаны с лингвокультурным освоением мира и тувинской картиной мира — это и представление о том, какова должна быть внешность тувинцев в норме, т. е. этнический идеал красоты, и колоративы, использующиеся для обозначения масти одомашненных животных, а скотоводство как изначальный вид трудовой деятельности тувинцев — важный аспект моделирования окружающего мира. В загадках о человеке встречаются также случаи использования цветowych эпитетов не в колоративном значении, а в метафорическом (*золотой мох* — ‘мясо, ценная пища’, *черное пастбище* — ‘множество скота’, *черная печень* — ‘плохой человек’).

Заключение

Для описательной части тувинских загадок о человеке характерно употребление имен числительных в буквальном математическом значении с указанием на объективный количественный признак загаданного предмета, который, являясь общим для энигматора (кодирующей части) и энигмата (зашифрованного объекта действительности), стимулирует когнитивный «скачок» от загадки к отгадке. Тем самым числовой код служит передаче знаний об особенностях анатомии человека, дает ребенку наглядное представление о счете и элементарных арифметических действиях и развивает логическое мышление, поскольку наличие в энигматическом тексте количественного признака, являющегося исходным пунктом аксиологического анализа, облегчает дешифровку метафорического образа. Тенденция к использованию числительных в прямом значении отличает жанр загадки от других тувин-

ских фольклорных текстов (сказок, пословиц, благопожеланий и др.), в которых числовой код выражает культурные коннотации и символическое освоение мира.

В то же время сакральная роль числительного *үш* 'три' отражается в своеобразном виде тувинских загадок-триад, распространенных как в традиционных фольклорных текстах, так и в произведениях современной художественной литературы. В загадках-триадах о человеке числовой код нередко взаимодействует с цветовым (*үш кызыл* 'три красных', *үш ак* 'три белых', *үш кара* 'три черных').

Цветовой код в тувинских загадках о человеке указывает на эталонную характеристику части тела, того или иного органа (*черные волосы, глаза; белые зубы, красный язык*), формируя этнический идеал красоты. Другой особенностью функционирования цветового кода культуры в тувинских загадках о человеке является использование колоративов для обозначения масти животных, т. е. в составе зоонимической метафоры, что связано с традиционным видом деятельности тувинцев. Лингвокультурное освоение мира проявляется в этноспецифичных метафорах цвета (*алдын чиңгис, баары кара*).

Таким образом, количественный и цветовой признаки являются общими для загадки и отгадки, что мотивирует метафорический образ энигматического текста.

Благодарности

Автор благодарит рецензентов за конструктивные замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабуева, В. Д. (2001) Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы. 144 с.
- Баранов, А. Н. (1989) Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. № 3. С. 74–90.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. (1963) Избранные труды по общему языкознанию : [в 2 т.]. М. : Изд-во Акад. наук СССР. Т. 2. 391 с.
- Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
- Бочина, Т. Г. (2023) Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 286 с.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Зиновьева, Е. И., Алешин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Иванов, Е. Е. (2022a) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
- Иванов, Е. Е. (2022b) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>
- Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ковшова, М. Л., Гудков, Д. Б. (2017) Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис. 192 с.

Колесов, В. В. (1982) История русского языка в рассказах : кн. для учащихся ст. классов. 2-е изд., перераб. М. : Просвещение. 191 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 462, [1] с.

Логутенкова, О. (2016) Отражение фольклорной картины мира в языковом сознании русско-греческих билингвов (на материале русских и новогреческих загадок) // Cuadernos de Rusística Española. № 12. С. 47–56.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мижит, Л. С. (2004) Числовая символика в тувинской фольклорно-литературной традиции // Ученые записки ТИГИ. Кызыл. Вып. XX. 420 с. С. 239–251.

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Паремиология без границ (2020) : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и др. ; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) : Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / О. Б. Абакумова, А. С. Алешин, Т. Г. Бочина и др. ; под ред. О. В. Ломакиной. М. : URSS ; Ленанд. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Седакова, И. А., Толстая, С. М. (1999) Загадки // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения. Т. 2. 697, [1] с. С. 233–237.

Сиянбиль, М. О., Сиянбиль, А. А. (2000) Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл : Тип. Госкомитета печати и массовой информации РТ. 72 с.

Солян, А. М. (2020) Символика числа Үш — ‘три’ в фольклоре и литературе тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 4 (83). С. 371–373. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00795>

Топоров, В. Н. (2005) Заметка о числовом коде русских загадок // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры. 818 с. С. 350–361.

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Юша, Ж. М. (2021) Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (30). С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Дата поступления: 03.06.2023 г.

Дата принятия: 10.07.2023 г.

REFERENCES

- Babueva, V. D. (2001) *Mir traditsii buriat [The world of Buryat traditions]*. Ulan-Ude, Ulzy. 144 p. (In Russ.).
- Baranov, A. N. (1989) Aksiologicheskie strategii v strukture iazyka (paremiologiya i leksika) [Axiological strategies in the structure of language (paremiology and vocabulary)]. *Voprosy iazykoznaviia*, no. 3, pp. 74–90. (In Russ.).
- Baudouin de Courtenay, J. (1963) *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaviiu [Selected works on general linguistics]* : in 2 vols. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 2. 391 p. (In Russ.).
- Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Bochina, T. G. (2023) *Poslovitsa na veka molvitsia: izbrannye trudy po russkoi paremiologii* [The proverb is said for the ages: Selected works on Russian paremiology]. Kazan, Kazan University Publishing House. 286 p. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-linguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2022a) Semanticheskaja tipologija tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022b) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022c) Aforizm v krugu malykh tekstovykh form v ustnom, pis'mennom i elektronnom diskursakh [Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskome slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye poniatii i metodika vyivleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Kovshova, M. L. and Gudkov, D. B. (2017) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of linguoculturological terms]. Moscow, Gnozis. 192 p. (In Russ.).

Kolesov, V. V. (1982) *Istoriia russkogo iazyka v rasskazakh* [The history of the Russian language in stories]: A book for high schoolers. 2nd ed., revised. Moscow, Prosveshchenie. 191 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 462, [1] p. (In Russ.).

Logutenkova, O. (2016) Otrazhenie fol'klornoj kartiny mira v iazykovom soznanii russko-grecheskikh bilingvov (na materiale russkikh i novogrecheskikh zagadok) [The folklore picture of the world reflected in the language consciousness of the Greek-Russian bilinguals (on the material of Greek and Russian traditional riddles)]. *Cuadernos de Rusística Española*, no. 12, pp. 47–56. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologija: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mizhit, L. S. (2004) Chislovaia simvolika v tuvinskoj fol'klorno-literaturnoi traditsii [Numerical symbolism in Tuvan folklore and literary tradition]. In: *Uchenye zapiski TIGI* [Proceedings of Tuvan Institute for Humanities Research]. Kyzyl. Issue XX. 420 p. Pp. 239–251. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoj traditsionnoj kul'ture [Tuva tercet. The triad in Tuvan traditional culture]*. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. 138 p. (In Russ.).

Paremiologija bez granits [Paremiology without borders] (2020) : A monograph / E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova et al. ; ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologija v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) : General and applied issues of paremiology. The proverb in discourse and in text. The proverb and language picture of the world / O. B. Abakumova, A. S. Aleshin, T. G. Bochina et al. ; ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS ; Lenand. 304 p. (In Russ.).

Paremiologija na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Sedakova, I. A. and Tolstaia, S. M. (1999) Zagadki [Riddles]. In: *Slavianskie drevnosti [Slavic antiquities]*: An ethnolinguistic dictionary : in 5 vols. / ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2. 697, [1] p. Pp. 233–237. (In Russ.).

Siiabil', M. O. and Siiabil', A. A. (2000) *Traditsionnyi tuvinskii kostium (Istoriia. Simvolika) [Traditional Tuvan costume (History. Symbolism)]*. Kyzyl, Printing House of the State Committee of Press and Mass Media of the Republic of Tuva. 72 p. (In Russ.).

Soyan, A. M. (2020) Simvolika chisla Ysh — 'tri' v fol'klore i literature tuvintsev [Symbolism of the number three in Tuvan folklore and literature]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 4 (83), pp. 371–373. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00795>

Toporov, V. N. (2005) Zametka o chislovom kode russkikh zagadok [A note about numerical code of Russian riddles]. In: Toporov, V. N. *Issledovaniia po etimologii i semantike [Studies on etymology and semantics]*. Vol. 1: Teoriia i nekotorye chastnye ee prilozheniia [Theory and some of its particular applications]. Moscow, Iazyki slavianskoj kul'tury. 818 p. Pp. 350–361. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Zagadki o pishche v tuvinskoj i russkoj lingvokul'turakh [Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022b) Obrazy prirody v tuvinskikh, tatarskikh, russkikh i ispanskikh zagadkakh [Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish riddles]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Yusha, Zh. M. (2021) Zhanr zagadki v fol'klore tuvintsev Rossii, Kitaia i Mongolii [The genre of riddle in folklore of the Tuvans of Russia, China, and Mongolia]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 2 (30), pp. 28–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Submission date: 03.06.2023.

Acceptance date: 10.07.2023.

Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом сѳс на иноязычном фоне

Елена И. Зиновьева

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,

Алексей С. Алёшин

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Российская Федерация

В статье рассматриваются тувинские пословицы и поговорки сравнительной семантики, включающие в свой состав компонент «сѳс», на фоне бурятского, русского и шведского языков. Цель работы заключается в системно-структурном и лингвокультурологическом исследовании тувинских паремий с семантикой сравнения на иноязычном фоне для выявления общих и отличительных характеристик. Поставленная цель предполагает решение таких задач, как выявление корпуса исследуемых единиц в тувинском языке и языках, служащих фоном для анализа; классификация паремий по выражаемым установкам культуры, синтаксическим моделям; описание ценностных предпочтений, выражаемых паремиями; анализ метафор и слов-реалий как языковых средств, формирующих национально-культурный образ.

Несмотря на то, что компарация представляет собой универсальный способ познания, сравнение в паремиях с рассматриваемым компонентом имеет свои отличительные особенности в каждом из анализируемых языков. Отличия проявляются в используемых синтаксических моделях, преобладании определенных их типов. Для тувинских паремий анализируемого разряда, как и для бурятских паремиологических единиц, характерны предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма. В шведских паремиях нет явно выраженного преобладания какого-либо типа моделей, а для русского языка в рассматриваемом корпусе паремий преобладают контаминации разных типов моделей. Общие установок культуры во всех четырех языках оказалось больше. Паремии рассматриваемых языков отмечают важность слова в жизни людей, выделяют параметры, определяющие значимость слов — смысловую нагруженность, правдивость, меткость; указывают, что слово не должно расходиться с делом. Расхождения наблюдаются в частных установках культуры, которые могут присутствовать в одном языке и быть лакунарными в другом (других). Так, тувинские паремии акцентируют роль родительских слов; бурятские отмечают важность слов, сказанных в древности; шведские указывают на необходимость контроля и ответственности за сказанное. Различия касаются и количества пословиц, выражающих одинаковую установку культуры

в анализируемых языках.

Делается вывод о сходствах и различиях культурных установок проанализированных паремий в четырех языках, выражаемых ценностных предпочтениях, образной составляющей паремийных единиц, нашедших отражение в исследуемом фрагменте паремиипространства.

Ключевые слова: паремия; культурная установка; ценность; образ; метафора; тувинский язык; шведский язык; бурятский язык; русский язык

Для цитирования:

Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом сѳс на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 21-35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Зиновьева Елена Иннокентьевна — доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Тел.: +7 (921) 995-46-40. Эл. адрес: e.i.zinovieva@spbu.ru

Алёшин Алексей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета социальных цифровых технологий Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича. Адрес: 193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22, к. 1. Тел.: +7 (911) 220-13-45. Эл. адрес: aleshin.as@sut.ru

Tuvan paroemias of comparative semantics with the component *cəc* as compared to foreign language material

Elena I. Zinovieva

Saint Petersburg State University, Russian Federation,

Alexey S. Alyoshin

*Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications,
Russian Federation*

The article deals with Tuvan proverbs and sayings of comparative semantics, which include the component “*cəc*” against the background of the Buryat, Russian and Swedish languages. The purpose of the work is a systematic, structural and linguoculturological study of Tuvan proverbs with the semantics of comparison in contrast to foreign language examples in order to identify common and distinctive characteristics. The set goal involves handling the following tasks: identifying a corpus of units under study in Tuvan and languages that serve as a background for the analysis; providing a classification of proverbs according to expressed cultural attitudes and syntactic models; description of value preferences expressed by proverbs; analysis of metaphors and nationally biased units as linguistic means that form a national and cultural image.

Despite the fact that comparison is a universal way of cognition, comparison in proverbs with the component under consideration has its own distinctive features in each of the analyzed languages. The differences are manifested in the used syntactic models and the predominance of their certain types. Tuvan proverbs of the analyzed category, as well as Buryat paroemiological units, are characterized by sentences built on the principle of syntactic parallelism. In Swedish paroemias, there is no clearly expressed predominance of any type of models, and in case of Russian, contaminations of different types of models prevail in the corpus of paroemias that we have considered. There are more common cultural attitudes in all four languages. Paroemias of the analyzed languages emphasize the importance of the word in people’s lives, highlight the parameters that determine the significance of words, i.e. their semantic load, truthfulness, accuracy; they indicate that the words should not diverge from the deeds. Differences are observed in particular cultural settings, which may be present in one language and be absent in another (others). Thus, Tuvan proverbs emphasize the role of parental words; Buryat ones signify the importance of words spoken in ancient times; Swedish paroemias indicate the necessity of control and responsibility for what is said. The differences also relate to the number of proverbs expressing the same cultural attitude in the analyzed languages.

A conclusion is made about the similarities and differences in the cultural attitudes of the analyzed proverbs in these four languages, the expressed value preferences, the figurative component of the proverbial units, which are reflected in the studied fragment of the proverbial space.

Keywords: paroemia; cultural attitude; value; image; metaphor; Tuvan language; Swedish language; Buryat language; Russian language

For citation:

Zinovieva E. I. and Alyoshin A. S. Tuvinskie paremii sravnitel’noi semantiki s komponentom *sös* na inoiazыchnom fone [Tuvan paroemias of comparative semantics with the component *cəc* as compared to foreign language material]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 21-35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

ZINOVIEVA, Elena Innokentievna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 11, Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (921) 995-46-40. E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6253-9739

ALYOSHIN, Alexey Sergeevich, Candidate of Philology, Associative Professor; Head, Department of Foreign Languages, Faculty of Social Digital Sciences, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications. Postal address: 22, Prospekt Bolshhevikov, 193232 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (911) 220-13-45. E-mail: aleshin.as@sut.ru

ORCID ID: 0000-0001-6058-8844

Введение

Современная лингвистика отличается полиаспектным исследованием языковых единиц. Изучение паремий приобретает в этой связи особую актуальность, поскольку они вербализуют многовековой социально-исторический опыт народа, этнический менталитет, народные знания, в лаконичной форме фиксируют ценностные ориентации, предписывают определенное поведение в той или иной ситуации, построены по определенным синтаксическим моделям, аксиологически заряжены, образны.

В настоящее время паремии исследуются в рамках традиционной лингвистики, сопоставительного языкознания, фольклористики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и других дисциплин. В последние годы наибольший интерес вызывают лингвокогнитивное и лингвокультурологическое изучение паремий (см., например: Семенов, Кривошеев, 2019; Семенов, 2020; Сычева, 2020; Никитина, Роголева, Пяо Лисян, 2021; и др.). Следует отметить и возросший в последние годы в лингвистической литературе интерес к разноаспектному сопоставительному изучению паремий в системно различных языках (см., например: Ая, 2011; Дзахова, Дзодзикова, Кудзоева, 2020; Бредис, Иванов, 2021, 2022; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, 2023; Петрушевская, 2023). Выделяются работы сопоставительного характера, объектом которых являются паремии с каким-либо компонентом (Боктаева, 2016; Галимуллина, Шаймарданова, 2018; Комова, Ломакина, 2020; и др.).

В последние годы наблюдается всплеск интереса к исследованию паремий тувинского языка. Так, внимание исследователей было направлено на изучение контраста в тувинских пословицах (Бочина, 2022), анализ абсурдных и парадоксальных пословиц тувинского языка (Иванов, 2023), исследовались бинарные структуры в тувинских пословицах (Селиверстова, 2022), номинации животных в тувинских пословицах и поговорках (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022), тувинские паремии с компонентом *чер* 'земля' (Сувандии, 2023), был проанализирован лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал тувинской паремиологии (Ломакина, 2022).

В сопоставительном плане был проведен анализ тувинских паремий различных тематических групп на европейском паремиологическом фоне (Бредис и др., 2021), исследована градуальная семантика тувинских и русских пословиц (Колесникова, 2022), проанализированы провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии на фоне русского и английского языков (Бредис, Иванов, 2022, исследованы проблемы лингвокультурологического комментария в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре (Иванов, 2023), провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде на фоне современных европейских языков (Петрушевская, 2023), выявлены и рассмотрены аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур (Нелюбова, 2022).

Паремии с компонентом «слово» являлись объектом исследования на материале разных языков в связи с выявлением одноименного паремиологического концепта в русском, английском и узбекском языках (Галиева, 2020), а также в связи с выявлением семантических образов лексемы «слово» в русской языковой картине мира (Переход, 2022). Паремии тувинского языка с компонентом *сөс* до настоящего времени не исследовались.

Интересующие нас в данной статье паремии сравнительной семантики (компаративные паремии или паремии компаративной структуры) — это пословицы и поговорки, эксплицитно или имплицитно содержащие сравнение. Компарация как когнитивная операция универсальна, но в силу особенностей менталитета народа-носителя языка она может быть выражена различными способами (Зиновьева, Алёшин, 2022: 133). Для решения вопроса об отнесении конкретной паремии к интересующему нас разряду использовался экспериментальный прием трансформации: если паремию можно переформулировать в виде конструкции со сравнительным союзом без потери смысла, то она относится к разряду единиц сравнительной семантики.

Новизна исследования заключается в интегративном подходе к анализу паремий сравнительной семантики с одним компонентом, имеющим эквиваленты в разносистемных языках, проведении исследования в системно-структурном, лингвокультурологическом и аксиологическом аспектах. Целью данной статьи является выявление сходств и различий между паремиями тувинского, бурятского, шведского и русского языков с анализируемым компонентом для определения универсального и культурно-обусловленного в данном фрагменте провербиального пространства разно-

системных языков. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить структурно-синтаксические модели исследуемых паремий в каждом из рассматриваемых языков; выделить установки культуры, выражаемые в анализируемых пословицах; проанализировать вербализуемые паремиями ценности и образную основу паремийных единиц.

В статье используются методы описательного, структурного, лингвокультурологического, аксиологического и компаративного анализа, приемы количественных подсчетов и стилистической характеристики.

Источниками исследования послужили: сборники «Пословицы и поговорки тувинского народа»¹ и «Пословицы русского народа»², словари шведских паремий П. Хольма³ и Ф. Стрёма⁴, сборник бурятских пословиц и поговорок Б. Ц. Бальбуровой⁵.

Методика исследования в связи с поставленными задачами включает несколько последовательных этапов:

- 1) отбор паремий с компонентом *сөс* и его эквивалентами в тувинском, бурятском, шведском и русском языках;
- 2) выделение из отобранной картотеки паремий единиц сравнительной семантики;
- 3) выявление структурных моделей анализируемых пословиц;
- 4) определение выражаемых в пословицах культурных установок и ценностных предпочтений;
- 5) анализ образной составляющей пословичных единиц.

Пословицы тувинского языка сравнительной семантики с компонентом *сөс*

Методом сплошной выборки материала из словаря Б. К. Будупа «Пословицы и поговорки тувинского народа» было отобрано 15 пословичных единиц с компонентом *сөс*, выражающих сравнение. Необходимо отметить, что практически все паремии тувинского языка с этим компонентом выражают сравнение, за рамками исследования осталось лишь четыре единицы с компонентом *сөс* без сравнительной семантики. Согласно принятой в данном исследовании методике, рассмотрим сначала структурные модели данных пословиц.

I. С точки зрения структуры, выделяются следующие пословичные модели:

— Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма (10 единиц):

а) с семантическими отношениями противопоставления между частями, формально выраженными с помощью противительного союза «а»: *Бижектиң чидии херек, сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, а слово — меткое' (ППТН, с. 21⁶);

б) с семантическими отношениями уподобления, выраженными бессоюзным предложением: *Сөглээр сөстүң чигези херек, чиир эттиң чаглы херек* 'Мясо нужно жирное, слово — меткое' (ППТН, с. 50); *Артык сөстен кырыш үнер, арагадан чогуш үнер* 'От лишнего слова возникает ссора, от вина — драка' (ППТН, с. 86); *Сөске шын херек, багга доң херек* 'Слову нужна правда, ремню нужен узел' (ППТН, с. 50); *Чорук багы — чаа, сөс багы — чаргы* 'От плохого поступка — война, от плохого слова — ссора' (ППТН, с. 68)⁷; *Ада сөзүн ажырып болбас, ие сөзүн ижит болбас* 'Наказ отца запоминай, слова матери

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное изд-во имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы»», 2020. В связи с тем, что как писали М. А. Бредис и др., данный сборник содержит множество неточных переводов тувинских пословиц на русский язык (Бредис и др., 2021 : 145), в ряде случаев переводы уточнены. Авторы выражают благодарность к.ф.н., доценту кафедры тувинской филологии и общего языкознания ТувГУ Айланме Мылдыргыновне Соян за уточнение переводов паремий на русский язык.

² Пословицы русского народа: сборник В. И. Даля: в 2-х т. М. : Художественная литература, 1989.

³ Holm P. 3530 ordspråk och talesätt: "ett ord i rätan tid". Stockholm : Bonnier fakta, 1984.

⁴ Ström F. Svenska ordstäv. Stockholm : Tidens Förlag, 1929.

⁵ Буряад арадай оньон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят / сост. Б. Ц. Бальбурова. Улан-Удэ, 2020.

⁶ Здесь и далее указаны страницы из сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт «Радуга Тувы»», 2020.

⁷ Перевод на русский язык А. М. Соян.

уважай' (ППТН, с. 12); *Хомудаачалга сөс аар, кошкакка дүк даар* 'Обидчивому — словечко тяжело, слабому — пушинка тяжела' (ППТН, с. 58); *Чөптүг сөсте буруу чок, чөремедө сөөк чок* 'В правдивом слове обиды нет, в чореме костей нет' (ППТН, с. 68); *Хөй сөсте олча чок, чаңгыс сөсте хор чок* 'Много слов — прибýtка нет, мало слов — убытка нет' (ППТН, с. 59); *Чаштаа кижиниң сөзү хөй, чалгаа кижиниң чылдаа хөй* 'У подхалима много слов, у лентяя много причин' (ППТН, с. 66);

— Предложения тождества (2 единицы): *Сөглээн сөс — керткен ыяш* 'Сказанное слово — зарубка на дереве' (ППТН, с. 50); *Ада сөзү — "амыдырал", ие сөзү — "ажыл-иш"* 'Слово отца — жизнь, матери — труд' (ППТН, с. 82).;

— Предложения, содержащие прилагательные и наречия в сравнительной или превосходной степени (2 единицы): *Аткан окту чедип алыр, сөглээн сөстү чедип албас* 'Легче вернуть посланную стрелу, чем сказанное слово' (ППТН, с. 87)¹; *Сөсте шын күчүлүг* 'Правдивое слово сильнее всего' (ППТН, с. 50);

— Предложения с сравнительными союзами (1 единица): *Ада сөзү — дашка баскан таңма ышкаш* 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне' (ППТН, с. 82).

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых тувинскими пословицами **культурных установок и ценностных предпочтений**.

Установки культуры — это ментальные прескрипции (предписания), оценивающие социальные и духовные практики человека (Телия, 2004).

1. В исследуемых тувинских пословицах выражается идея о том, что слово несет большую нагрузку, в связи с этим пословичные единицы фиксируют то, каким должно быть слово — метким, точным, попадать в цель: *Бижектиң чидии херек, сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, а слово — меткое' (ППТН, с. 21); *Сөглээр сөстүң чигези херек, чиир эъттиң чаглыы херек* 'Мясо нужно жирное, слово — меткое' (ППТН, с. 50). Ср. пословичную единицу без сравнительной семантики с той же культурной установкой: *Сөстүң чигези дээштиг* 'Меткое слово действительно' (ППТН, с. 50). Слово также должно быть правдивым: *Сөске шын херек, багга доң херек* 'Слову нужна правда, ремню нужен узел' (ППТН, с. 50); *Сөсте шын күчүлүг* 'Правдивое слово сильнее всего' (ППТН, с. 50); *Чөптүг сөсте буруу чок, чөремедө сөөк чок* 'В правдивом слове обиды нет, в чореме костей нет' (ППТН, с. 68). Ср. пословичную единицу сравнительной семантики без компонента *сөс*, но выражающую ту же мысль: *Шывык туткан кижээ ызырар ыт өштүг, шынын сөглээн кижээ тенек кижэ өштүг* 'Палка в руках — злая собака лает, правду сказать — глупый человек ненавидит' (ППТН, с. 72).

2. Слова родителей признаются самыми важными: *Ада сөзү — "амыдырал", ие сөзү — "ажыл-иш"* 'Слово отца — жизнь, матери — труд' (ППТН, с. 82); *Ада сөзү — дашка баскан таңма ыкаш* 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне' (ППТН, с. 82); *Ада сөзүн ажырып болбас, ие сөзүн ижип болбас* 'Наказ отца запоминай, слова матери уважай' (ППТН, с. 12).

3. Необратимость слова, сказанное слово не вернуть назад: *Аткан окту чедип алыр, сөглээн сөстү чедип албас* 'Легче вернуть посланную стрелу, чем сказанное слово' (ППТН, с. 87).

4. Человек должен быть хозяином своему слову: *Сөглээн сөс — керткен ыяш* 'Сказанное слово — зарубка на дереве' (ППТН, с. 50). Ср. пословичную единицу не сопоставительной семантики, обладающую прямой дидактичностью и выражающую ту же установку культуры: *Эткен сөзүңге ээ болур* 'Дал слово — будь хозяином' (ППТН, с. 78).

5. Необходимо контролировать свои слова. Лишнее слово может стать каузатором нежелательных событий: *Артык сөстен кырыш үнер, арагадан чогуш үнер* 'От лишнего слова возникает ссора, от вина — драка' (ППТН, с. 86).

6. Нужно достойно реагировать на критику: *Хомудаачалга сөс аар, кошкакка дүк аар* 'Обидчивому — словечко тяжело, слабому — пушинка тяжела' (ППТН, с. 58).

7. Тувинские пословицы противопоставляют доброе и плохое слово, маркированным оказывается плохое слово, которого народная мудрость советует избегать: *Чорук багы — чаа, сөс багы — чаргы* 'От плохого поступка — война, от плохого слова — ссора' (ППТН, с. 68). Ср. пословицы без компонента *сөс*, прямо выражающие эту установку: *Аас белээ ачылыг, аас халавы айыылдыг* 'Подарок во рту лечит, оговор очень опасен' (ППТН, с. 80)².

¹ Перевод на русский язык А. М. Солян.

² Перевод на русский язык А. М. Солян.

8. Отрицательно в тувинских пословицах с сопоставительной семантикой оценивается многословие: *Хэй сөсте олча чок, чаңгыс сөсте хор чок* 'Много слов — прибылька нет, мало слов — убытка нет' (ППТН, с. 59); *Чашпаа кижиниң сөзү хэй, чалгаа кижиниң чылдаа хэй* 'У подхалима много слов, у лентяя много причин' (ППТН, с. 66).

III. Образная составляющая рассматриваемых тувинских пословиц проявляется через когнитивные метафоры в их составе.

Для анализируемых пословиц больше всего характерна метафора предметного типа.

1. Слово в тувинских пословицах уподобляется оружию, попадающему в цель, стреле, обращает на себя внимание постоянный эпитет «меткое»: *Бижектиң чидиш херек, сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, а слово — меткое' (ППТН, с. 21); *Сөглээр сөстүң чигези херек, чиир эъттиң чаглыы херек* 'Мясо нужно жирное, слово — меткое' (ППТН, с. 50); *Аткан окту чедип алып, сөглээн сөстү чедип албас* 'Легче вернуть посланную стрелу, чем сказанное слово' (ППТН, с. 87). Имплицитно в данных пословицах возникает и образ субъекта, подразумевается уподобление субъекта стреляющему воину;

2. Слово — это некий материальный след на поверхности предмета — стволе дерева или камне: *Сөглээн сөс — керткен ыяш* 'Сказанное слово — зарубка на дереве' (ППТН, с. 50); *Ада сөзү — дашка баскан таңма ыкаш* 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне' (ППТН, с. 82).;

3. Слово образно воспринимается как предмет, имеющий вес: *Хомудаачалга сөс аар, кошкакка дүк аар* 'Обидчивому — словечко тяжело, слабому — пушинка тяжела' (ППТН, с. 58);

4. Правдивое слово выступает как предмет, имеющий объем, как вместилище чувств: *Чөптүг сөсте буруу чок, чөрөмеде сөөк чок* 'В правдивом слове обиды нет, в чореме костей нет' (ППТН, с. 68). Этнокультурный компонент пословицы проявляется в присутствии этнокультурной реалии, которой уподобляется слово — *чөрөме* 'мясное кушанье в виде колбасы-жгута';

5. Слова отождествляются с деньгами, прибылью или убытком: *Хэй сөсте олча чок, чаңгыс сөсте хор чок* 'Много слов — прибылька нет, мало слов — убытка нет' (ППТН, с. 59).

Кроме того, в рассматриваемых тувинских пословицах обнаруживаются витальная метафора (слово отца — жизнь) и социоморфная метафора (слово матери — труд): *Ада сөзү — "амыдырал", ие сөзү — "ажыл-иш"* 'Слово отца — жизнь, матери — труд' (ППТН, с. 82).

Пословицы бурятского языка сравнительной семантики с компонентом угэ

Приемом сплошной выборки материала из словаря пословиц бурятского языка было отобрано 16 пословичных единиц с компонентом угэ, выражающих сравнение.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели рассматриваемого разряда бурятских пословиц:

— Предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма (12 единиц): *Абари хайта арба хонохо, ама муута хээрэ хонохо* 'С добрым словом — долго гостит, злословный — на улице спит'; *Агта алдабал баригдаха, ама алдабал баригдахагүй* 'Конь ускачет — поймаешь, слово обронишь — не поймаешь'; *Алаха малай шуһа абаха, алуулха хүнэй үгэ абаха* 'Жертвенной скотинке сначала кровь пускают, человеку, приговоренному к смерти, слово дают'; *Үгэ удхатай, үүлэн бороотой* 'Слово со смыслом, облако с дождем'; *Дэмы үгэ дээбэри дээгүүр, үлүү үгэ үрхэ дээгүүр* 'Необдуманное слово — над крышами, лишнее слово — над трубами'; *Үгэ оло дабтахада нойрой бааһан, ном оло дабтакада, сээжын хэшэг болодог* 'Много слов — пустота, много книг — душе услада'; *Үгэ хэлээрээ — үнэгэн, үйлэ хэрэгээрээ — шоно* 'По словам — лиса, по делам — волк'; *Үгэнь — бухын, ухаан — тугалай* 'Слова — бычьи, ум — телячий'; *Үгэһөө үгэ гарадаг, үнэнһөө тугал гарадаг* 'От слова — слово, от коровы — теленок'; *Худагай оёор хүйтэн, худал үгэ хурдан* 'Дно колодца холодное, лживое слово быстрое'; *Хуушан үгэ сэсэн, хушын шэлбэ ногон* 'Древнее слово мудрое, кедровая ветвь зеленая'; *Хуушан хүүр хуушархагүй, хушын шэлбэ унахагүй* 'Старые (мудрые) слова не состарятся, кедровые ветви не выпадут';

— Предложения с логической рядоположенностью компонентов (2 единицы): *Гурбан зөөлэн. Найн угэ зөөлэн, эсэһэн хүндэ унтари зөөлэн, амтата эдээн хотодо зөөлэн* 'Три мягких. Доброе слово мягкое, для усталого человека кровать мягкая, вкусная еда для желудка мягкая'; *Үгэ богонидоо хайн, үгэсэ түлбэридөө хайн* 'Хорошо, когда речь краткая, долг платежом красен';

— Предложения тождества (1 единица): *Хэлсэһэн үгэ — шэрэм, хэһэн хэрэг — булад байха ёхотой* ‘Сказанное слово — чугу́н, изготовленное дело — сталь’;

— Предложения со сравнительным союзом (1 единица): *Шог угэ шоро шэнги* ‘Меткое слово как вертел’;

— Предложения с наречием в сравнительной степени (1 единица): *Үгэ алдаһанһаа үхэр алдаһан дээрэ* ‘Лучше потерять корову, чем сболтнуть лишнее’.

II. Перейдем к рассмотрению вербализуемых бурятскими пословицами **культурных установок и ценностей**.

1. Как и в проанализированных тувинских пословицах, в бурятских пословицах описываемого разряда отмечается, что слово имеет большую важность. Слово — это последнее, что разрешается сделать человеку перед казнью: *Алаха малай шуһа абаха, алуулха хүнэй үгэ абаха* ‘Жертвенной скотинке сначала кровь пускают, человеку, приговоренному к смерти, слово дают’. Ср. пословицу не сопоставительной семантики, также свидетельствующую о значимости слова: *Ганса үгэ газар дэлхэй хүлгүүлхэ* ‘Одно слово может мир перевернуть’.

К слову предъявляются следующие требования — оно должно быть:

1) метким: *Шог угэ шоро шэнги* ‘Меткое слово как вертел’;

2) разумным, иметь смысл: *Үгэ удхатай, үүлэн бороотой* ‘Слово со смыслом, облако с дождем’.

2. В анализируемых бурятских пословицах противопоставляются доброе и злое слово: *Абари һайта арба хонохо, ама муута хээрэ хонохо* ‘С добрым словом — долго гостит, злословный — на улице спит’; *Гурбан зөөлэн. Найн угэ зөөлэн, эсэһэн хүндэ унтари зөөлэн, амтата эдээн хотодо зөөлэн* ‘Три мягких. Доброе слово мягкое, для усталого человека кровать мягкая, вкусная еда для желудка мягкая’.

3. Налицествует установка о том, что сказанное слово не вернуть: *Агта алдабал баригдаха, ама алдабал баригдахагүй* ‘Конь ускачет — поймашь, слово обронишь — не поймашь’; *Хэлсэһэн үгэ — шэрэм, хэһэн хэрэг — булад байха ёхотой* ‘Сказанное слово — чугу́н, изготовленное дело — сталь’.

4. Особо выделяются лишнее и необдуманное слово: *Дэмы үгэ дээбэри дээгүүр, үлүү үгэ үрхэ дээгүүр* ‘Необдуманное слово — над крышами, лишнее слово — над трубами’; *Үгэ алдаһанһаа үхэр алдаһан дээрэ* ‘Лучше потерять корову, чем сболтнуть лишнее’.

5. Выделяется лживое слово: *Худагай оёор хүйтэн, худал үгэ хурдан* ‘Дно колодца холодное, лживое слово быстрое’.

6. Отмечается особая роль древней народной мудрости, запечатленной в словах: *Хуушан үгэ сэсэн, хушын шэлбэ ногон* ‘Древнее слово мудрое, кедровая ветвь зеленая’; *Хуушан хүүр хуушархагүй, хушын шэлбэ унахагүй* ‘Старые (мудрые) слова не состарятся, кедровые ветви не выпадут’.

7. Многословие не приветствуется: *Үгэ богонидоо хайн, үгэсэ түлбэридөө һайн* ‘Хорошо, когда речь краткая, долг платежом красен’; *Үгэ оло дабтахада нойрой бааһан, ном оло дабтахада, сээжын хэшэг болодог* ‘Много слов — пустота, много книг — душе улада’.

8. Противопоставляются слово и дело: *Үгэ хэлээрээ — үнэгэн, үйлэ хэрэгээрээ — шоно* ‘По словам — лиса, по делам — волк’.

9. Устанавливается несоответствие между словами и умом человека: *Үгэнь — бухын, ухаан — тугалай* ‘Слова — бычьи, ум — телечий’.

10. Отмечается, что слово рождает следующее слово: *Үгэһөө үгэ гарадаг, үнэнһөө тугал гарадаг* ‘От слова — слово, от коровы — теленок’.

III. Образная составляющая рассматриваемых бурятских пословиц проявляется через следующие типы когнитивных метафор:

— *Предметная метафора*. Слово в бурятских пословицах образно сопоставляется с острым хозяйственно-бытовым орудием: *Шог угэ шоро шэнги* ‘Меткое слово как вертел’. Слову приписываются тактильные признаки. Оно может быть мягким: *Гурбан зөөлэн. Найн угэ зөөлэн, эсэһэн хүндэ унтари зөөлэн, амтата эдээн хотодо зөөлэн* ‘Три мягких. Доброе слово мягкое, для усталого человека кровать мягкая, вкусная еда для желудка мягкая’. Или твердым: *Хэлсэһэн үгэ — шэрэм, хэһэн хэрэг — булад байха ёхотой* ‘Сказанное слово — чугу́н, изготовленное дело — сталь’.

— *Пространственная ориентационная метафора*, указывающая на локус необдуманных и лишних слов: *Дэмы үгэ дээбэри дээгүүр, үлүү үгэ үрхэ дээгүүр* 'Необдуманное слово — над крышами, лишнее слово — над трубами'. Слово способно к передвижению в пространстве: *Агта алдабал баригдаха, ама алдабал баригдахагүй* 'Конь ускачет — поймаешь, слово обронишь — не поймаешь'. Образ быстро передвигающегося в пространстве лживого слова возникает в следующей пословице: *Худагай оёор хүйтэн, худал үгэ хурдан* 'Дно колодца холодное, лживое слово быстрое'. Незаполненность пространства создает образ пустоты как результат многословия: *Үгэ оло дабтахада нойрой бааһан, ном оло дабтакада, сээжын хэшиг болодог* 'Много слов — пустота, много книг — душе улада';

— *Временная метафора*. Древнему мудрому слову приписывается вечное существование, как вечнозеленым ветвям кедр: *Хуушан үгэ сэсэн, хушын шэлбэ ногон* 'Древнее слово мудрое, кедровая ветвь зеленая'; *Хуушан хүүр хуушархагүй, хушын шэлбэ унахагүй* 'Старые (мудрые) слова не состарятся, кедровые ветви не выпадут';

— *Зооморфная метафора*. Человек по своим речам сравнивается с лисой, вкрадчивой и хитрой, а по своим поступкам — с волком: *Үгэ хэлээрээ — үнэгэн, үйлэ хэрэгээрээ — шоно* 'По словам — лиса, по делам — волк'. Речи могут звучать убедительно и твердо, как у сильного животного, а ум может быть развит, как у маленького слабого ребенка-теленка: *Үгэнь — бухын, ухаан — тугалай* 'Слова — бычьи, ум — телячий'. Приговоренного к смерти человека отождествляют с жертвенной скотинкой: *Алаха малай шуһа абаха, алуулха хүнэй үгэ абаха* 'Жертвенной скотинке сначала кровь пускают, человеку, приговоренному к смерти, слово дают';

— *Витальная метафора* представляет слово как живое существо, слово рождается от другого слова, как теленок от коровы: *Үгэһөө үгэ гарадаг, үнэнһөө тугал гарадаг*. 'От слова — слово, от коровы — теленок'.

Пословицы шведского языка сравнительной семантики с компонентом *ord*

Из шведских лексикографических источников приемом сплошной выборки материала было выделено всего шесть пословиц с сопоставительной семантикой с компонентом *ord*.

I. С точки зрения структуры выделяются следующие модели рассматриваемого разряда шведских пословичных единиц:

— Предложения с наречием в сравнительной степени (2 единицы): *Många kloka ord säges på skämt, ändå flera dumma ord säges på allvar* 'Многие умные слова говорятся в шутку, и еще больше глупых слов говорится всерьез'; *Ordet far längre än mannen* 'Слово идет дальше, чем человек';

— Предложения, выражающие противопоставление (2 единицы):

а) с помощью противительного союза *och*: *Man fångar fisk med krok och folk med fagra ord* 'Рыбу ловят на крюк, а людей на красивые слова';

б) без союза: *Stor i orden liten på jorden* 'Большой в словах, маленький на земле'.

— Предложения с логической рядоположенностью компонентов (1 единица): *Ordet ur munnen och stenen ur handen kan man inte stanna* 'Слово изо рта и камень из руки не остановить';

— Предложения со сравнительным союзом *som* (1 единица): *Han håller ord som hunden håller fastan* 'Он держит слово как собака пост'.

II. Вербализуемые шведскими пословицами с семантикой сопоставления установками культуры и ценностными доминантами являются следующие:

1. Сказанное слово распространяется широко: *Ordet far längre än mannen* 'Слово идет дальше, чем человек';

2. Слова и дела человека могут не соответствовать друг другу: *Stor i orden liten på jorden* 'Большой в словах, маленький на земле';

3. Слово невозвратимо: *Ordet ur munnen och stenen ur handen kan man inte stanna* 'Слово изо рта и камень из руки не остановить';

4. Рассматриваемые шведские пословицы противопоставляют умные и глупые слова: *Många kloka ord säges på skämt, ändå flera dumma ord säges på allvar* 'Многие умные слова говорятся в шутку, и еще больше глупых слов говорится всерьез';

5. Людям свойственно поддаваться на красивые слова собеседника: *Man fångar fisk med krok och folk med fagra ord* 'Рыбу ловят на крюк, а людей на красивые слова';

6. Человек должен держать данное слово. Эта установка культуры вербализуется ироничной шведской поговоркой о человеке, не соблюдающем данную установку: *Han håller ord som hunden håller fastan* 'Он держит слово как собака пост'.

III. Образная составляющая рассматриваемых шведских поговорок реализуется через антропоморфную метафору (*Ordet far längre än mannen* 'Слово идет дальше, чем человек'), предметную метафору, в которой слово выступает как приманка (*Man fångar fisk med krok och folk med fagra ord* 'Рыбу ловят на крюк, а людей на красивые слова') и зооморфное сравнение (*Han håller ord som hunden håller fastan* 'Он держит слово как собака пост').

Пословицы русского языка сравнительной семантики с компонентом слово

Из лексикографических источников русского языка с помощью приема сплошной выборки материала было выявлено 47 пословиц с сопоставительной семантикой.

I. С точки зрения структуры, выделяются следующие модели рассматриваемого разряда русских пословичных единиц:

1. Предложения, выражающие противопоставление (5 единиц):
 - а) с помощью противительного союза «а» или «да»: *Щедр на слова, да скуп на дела. По словам овцы, а по делам мошенники; На словах — орел, а на деле — мокрая курица; Слово к ответу, а хлеб — к обеду; Слово бело, да дело черно;*
 - б) без союза: *Слова бархатные, дела — свиной щетины (ежовые);*
2. Предложения тождества (2 единицы): *Сказанное слово — пущенная стрела; Доброе слово сказать — посошок в руку дать;*
3. Предложения, представляющие собой контаминацию предложений тождества и противопоставления (6 единиц): *Красивое слово — серебро, а хорошее дело — золото; Слово делу — родной племянник; Много слов — кладь для ослов, а короткое слово — украшение мира; Сказанное слово — серебро, а несказанное — золото; Слово — серебро, молчание — золото; Слово — ветер, а бумажка — грунт;*
4. Предложения с наречиями и прилагательными в сравнительной степени (13 единиц): *Поменьше бы слов, да побольше дела; Добрые слова лучше мягкого пирога; Ласковое слово лучше мягкого пирога; От ласкового слова в избе светлее; Ласковое слово рубля дороже; Ласковое слово слаще меду; Доброе слово дороже золота; Доброе слово пива дороже; Иное слово хуже стрелы; Слово ранит сильнее штыка; Слово вовремя и кстати сильнее письма и печати; Живое слово дороже мертвой буквы; Слово твое слаще меду;*
5. Отрицательные предложения тождества (2 единицы): *Хорошие слова не лишний груз на сердце; Слово не обух, в лоб не бьет;*
6. Контаминация отрицательных предложений тождества и противопоставления (5 единиц): *Слово не нож, а до ножа доводит; Слово не обух, а от него люди гибнут; Слово не пуля, а ранит; Слово не стрела, а пуце разит; Слово не стрела, а сердце язвит;*
7. Предложения, представляющие собой контаминацию предложений тождества и эксплицитно выраженного с помощью сравнительного союза сопоставления (1 единица): *Слово — закон, держись за него как за кол;*
8. Предложения с сравнительными союзами «что» и «как» (4 единицы): *Пустые слова что орехи без ядра; Доброе слово человеку что дождь в засуху; Доброе слово что весенний день; Прямикое слово что рогатина;*
9. Контаминация эксплицитно выраженного сопоставления с помощью сравнительных союзов и противопоставления (2 единицы): *Словами что листьям стелет, а делами что иглами колет; На словах как (что) на гусях, а на деле — как (что) на балалайке;*
10. Предложения со сравнением, выраженным формой творительного падежа существительного (1 единица): *Прямое слово рожном торчит;*
11. Предложения с логической рядоположенностью компонентов (1 единица): *Плюнешь — не воротишь; выпустишь слово — не поймашь;*
12. Отдельную модель представляют собой предложения, в которых правая часть поясняет содержание левой (4 единицы). При этом в левой части может быть представлено эксплицитное

сравнение, выраженное с помощью сравнительных союзов: *Пустое слово как солома: много местом, да мало весом; Дурное слово что смола: пристанет — не отлепится.* Левая часть может также представлять собой предложение тождества или отрицательное предложение тождества (деидентификацию): *Слово не воробей: вылетит — не поймаешь; Слово — солома: загорится не зальешь.*

II. В русских пословицах с сопоставительной семантикой выделяются следующие установки культуры и ценности:

1. Слово не должно расходиться с делом: *Поменьше бы слов, да побольше дела; Слово делу — родной племянник;*

Расхождение между словом и делом маркируется в пословицах: *Слова бархатные, дела — свиной щетины (ежовые); Щедр на слова, да скуп на дела; По словам овцы, а по делам мошенники; Словами что листьем стелет, а делами что иглами колет; Слово бело, да дело черно; Красивое слово — серебро, а хорошее дело — золото; На словах как (что) на гусях, а на деле — как (что) на балалайке; На словах — орел, а на деле — мокрая курица; На словах что на санях, а на деле — что на копыле; На слове — князь, а на деле — грязь;*

2. Слова обладают большой силой воздействия на человека. В русских пословицах маркируется негативное воздействие слов: *Иное слово хуже стрелы; Слово жжет хуже огня; Слово не нож, а до ножа доводит; Слово не пуля, а ранит; Слово не стрела, а пуще разит; Слово не стрела, а сердце язвит; Слово ранит сильнее штыка.* Некоторые пословицы двойственны. Так, с одной стороны: *Слово не обух, в лоб не бьет.* С другой стороны: *Слово не обух, а от него люди гибнут;*

3. Сказанное слово не возвратно: *Плюнешь — не воротить; выпустишь слово — не поймаешь; Слово воробей, вылетит не поймаешь; Слово не воробей: вылетит — жди беды; Слово не воробей: вылетит — не поймаешь; Сказанное слово — пущенная стрела; Слово — солома: загорится не зальешь;*

4. Данное слово нужно держать: *Слово — закон, держись за него как за кол; Слово — закон, держись за него как за кон; Слово к ответу, а хлеб — к обеду;*

5. Особо выделяется в русских пословицах роль добрых, хороших и ласковых слов: *Добрые слова лучше мягкого пирога; Доброе слово дороже золота; Доброе слова пива дороже; Доброе слово сказать — посошок в руку дать; Доброе слово сильнее дубины; Доброе слово человеку что дождь в засуху; Доброе слово что весенний день; Хорошие слова не лишний груз на сердце; Ласковое слово лучше мягкого пирога; От ласкового слова в избе светлее; Ласковое слово рубля дороже; Ласковое слово слаще меду.* Добрым, хорошим и ласковым словам противопоставляется дурное слово: *Дурное слово что смола: пристанет — не отлепится;*

6. В некоторых случаях необходимо промолчать, воздержаться от лишних слов: *Сказанное слово — серебро, а несказанное — золото; Слово — серебро, молчание — золото;*

7. Важно слово, сказанное в нужный момент: *Слово вовремя и кстати сильнее письма и печати;*

8. Особо выделяется в русских пословицах прямое слово: *Прямоковое слово что рогатина; Прямое слово рожном торчит;*

9. Письменная речь противопоставляется устной. Это противопоставление носит двойственный характер. С одной стороны: *Живое слово дороже мертвой буквы.* С другой стороны: *Слово — ветер, а бумажка — грунт.;*

10. Осуждаются многословие (*Много слов — кладь для ослов, а короткое слово — украшение мира*) и пустые, бессодержательные речи (*Из-за пустых слов пропал как пес; Пустые слова что орехи без ядра; Пустое слово как солома: много местом, да мало весом.*)

III. Образная составляющая русских пословиц с компонентом слово была рассмотрена применительно к разным типам паремийных единиц, вербализующих концепт «слово» (Галиева, 2020; Переход, 2022).

Что касается паремий сравнительной семантики, то для них характерны практически все виды метафор и образов, выделенных данными исследователями, а также ряд дополнительных разрядов. По частотности и количеству подтипов в русских паремиях, как и в тувинских, преобладает предметная метафора.

В предметных метафорах особо выделяется образ орудия / оружия, например: *Слово пуще стрелы разит; Слово не обух, а от него люди гибнут; Слово не обух — в лоб не бьет;* образ материальной / ду-

ховной ценности (дар, награда, богатство), например: *Добрый словом и бездомный богат; Слово толковое стоит целкового. Ласковое слово рубля дороже; Слово — серебро, молчание — золото.* Слово характеризуется как предмет, имеющий определенный вес, например: *Пустое слово как солома, — много местом, да мало весом; Пустые слова, что орехи без ядра.* Слово имеет вкусовые признаки и ассоциируется с различными видами пищи, используется пищевая метафора, например: *Ласковое слово слаще меда; Доброе слово лучше мягкого пирога.* В предметной метафоре выделяется тактильная: *Недоброе слово больней огня жжет; Слова бархатные, дела — свиной щетины (ежовые).* Отметим также не выделенные исследователями метафоры, используемые в паремиях компаративной семантики: слово — вещество (*Дурное слово что смола: пристанет — не отлепится*) и слово — украшение (*Много слов — кладь для ослов, а короткое слово — украшение мира*).

Натуроморфная метафора отождествляет доброе слово с благодатными осадками в засуху (*Доброе слово человеку, что дождь в засуху*), а также с весенним днем, когда стоит хорошая погода (*Доброе слово что весенний день*).

Характерна для русских пословиц и орнитологическая метафора, например: *На словах — орел, а на деле — мокрая курица; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь.*

Антропоморфная метафора не частотна для русских паремий сравнительной семантики: *Слово делу — родной племянник.*

В рассмотренных собраниях паремий тувинского, бурятского, шведского и русского языков наблюдаются количественные различия в наличии паремийных единиц сравнительной семантики с компонентом *слово*: 15 паремий в тувинском языке, 16 — в бурятском, 6 — в шведском и 49 — в русском. Явное количественное преобладание паремий русского языка в исследуемом корпусе связано с большей доступностью языкового материала, что обусловлено большей лексикографической разработанностью пословиц и поговорок, наличием большого количества словарей и сборников пословиц.

С точки зрения системно-структурного подхода в рассмотренных тувинских паремиях сравнительной семантики, как и в бурятских, преобладают предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма. Для всех привлеченных к анализу паремийных корпусов четырех языков характерно выражение сравнения с помощью союзов, сравнительной степени наречия и противопоставления. Предложения тождества встретились в рассмотренных паремиях тувинского, бурятского и русского языков. Логическая рядоположенность компонентов паремии была отмечена в бурятском, шведском и русском языках, а отрицательные предложения тождества были выявлены только в паремиях русского языка, как и сравнение, выраженное предложным падежом существительного, что обусловлено особенностью грамматической системы русского языка. Только для русского языка характерной в проанализированном разряде паремий оказалась контаминация различных моделей компарации: соединение предложений тождества и противопоставления; противопоставления и сравнения с помощью союзов.

Общими для паремий из привлеченных к анализу источников тувинского, бурятского, шведского и русского языков оказались такие установки культуры, как значимость слова, необратимость сказанного слова, необходимость держать слово, противопоставление слова и дела. В паремиях тувинского, бурятского и русского языков положительно оцениваются добрые слова, осуждаются многословие и лишние слова. Тувинские и бурятские паремии отмечают особую важность метких и правдивых слов. Установками, характерными только для тувинских паремий, являются следующие: необходимость достойно реагировать на критику, особая важность родительских слов. Бурятские паремии маркируют особую важность слов, сказанных в древности. Шведские паремии противопоставляют умные и глупые слова, отмечают склонность человека поддаваться на красивые слова, а русские паремии противопоставляют устное и письменное слово, выделяют важность прямых слов.

Образная составляющая в исследованных паремиях вербализуется с помощью метафор, устойчивых сравнений, эпитетов и этнокультурных реалий. Ведущим способом создания образа в паремиях из рассмотренных собраний всех четырех языков оказывается метафора. Для тувинского, бурятского, шведского и русского языков общим является наличие предметной метафоры в исследованных паремиях. Но наиболее широко этот тип метафоры представлен в проанализированных источниках тувинского и русского языков. Для паремий тувинского языка метафора предметного типа реализуется в образах оружия, образе материального следа на поверхности предмета, предметов, имеющих вес, объем, финансовую значимость (деньги, прибыль или убыток). Для русских паремий это также

образы оружия или орудия, предметов, имеющих вес, вещества; кроме того, это тактильная и пищевая метафоры. Для тувинских и бурятских паремий характерна витальная метафора, а для шведского и русского языков — антропоморфная. Только в паремиях тувинского языка встретилась социоморфная метафора, а в паремиях бурятского языка — пространственная, временная и зооморфная. Натуроморфная и орнитологическая метафоры были обнаружены только в паремиях сопоставительной семантики русского языка. В тувинских паремиях было отмечено употребление слова-реалии *чорем*, создающего этнокультурную образность, в шведском языке — использование устойчивого сравнения *Han håller ord som hunden håller fastan* 'Он держит слово как собака пост'.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что наряду с общими чертами на уровне синтаксической структуры, установок культуры и образности в паремиях сравнительной семантики всех проанализированных языков с компонентом *слово* можно отметить специфику, связанную, с одной стороны, с различным строем сопоставляемых языков, с другой стороны, с традиционным бытом и природной средой обитания народа-носителя конкретного языка, что формирует культурно-обусловленные различия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ая, У. (2011) Русские пословицы на фоне эстонских: к концепции тематического лингвокультурологического словаря // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 5 (59). С. 43–47.
- Боктаева, В. Л. (2016) Пословицы и поговорки с зоонимическим компонентом и их национально-культурная специфика в русском и английском языках // Вестник Калмыцкого университета. № 1 (29). С. 36–43.
- Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угрюведения. Т. 11, № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Галиева, М. Р. (2020) Метафорическая репрезентация концепта *слово* в художественном тексте // Иностранные языки в Узбекистане. № 2 (31). С. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.36078/1588928622>
- Галимуллина, Р. И., Шаймарданова, М. Р. (2018) Лингвокогнитивное изучение паремиологических единиц с компонентом-зоонимом в татарском, русском и английском языках // Современные исследования социальных проблем. Т. 10, № 4. С. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-62-73>
- Дзахова, В. Т., Дзодзикова, З. Б., Кудзоева, А. Ф. (2020) Пословицы с компонентом *сыгъзæрин/Gold/золото* в осетинском, немецком и русском языках: универсальные и специфические черты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13, № 7. С. 287–290. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.57>
- Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>
- Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
- Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Комова, Д. Д., Ломакина, О. В. (2020) Характеристика фразеологизмов и паремий с компонентом-символом в романских и славянских языках // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. № 62. С. 218–225.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Никитина, Т. Г., Рогалева Е. И., Пяо Лисян. (2021) Словарная репрезентация лингвокультурных стереотипов: коммуникативное поведение русских в тематическом словаре пословиц // Научный диалог. № 10. С. 117–133. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-117-133>

Переход, О. Б. (2022) Семантические образы лексемы «слово» в русской языковой картине мира // Славянские языки: слово в меняющемся мире и художественном тексте : монография / Г. А. Веремеюк [и др.] ; под общ. ред. О. А. Фелькиной. Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина. 188 с. С. 9–16.

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Семененко, Н. Н. (2020) Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 2. С. 213–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Семененко, Н. Н., Кривошеев, Г. С. (2019) Паремическая картина мира как проводник этнокультурного стереотипа [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». № 4 (апрель). С. 268–276. URL: <http://e-koncept.ru/2019/195011.htm> (дата обращения: 20.05.2023). DOI: <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-15011>

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Сычева, Н. (2020) Концепт «любовь» в паремиологических единицах русского и польского языков // Slavica Wratislaviensia. Т. 171. С. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.19195/0137-1150.171.14>

Телия, В. Н. (2004) Культурно-языковая компетенция, ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки славянской культуры. 344 с. С. 19–30.

Дата поступления: 03.06.2023 г.

Дата принятия: 10.07.2023 г.

REFERENCES

Aya, U. (2011) Russkie poslovitsy na fone estonskikh: k kontseptsii tematicheskogo lingvokul'turologicheskogo slovaria [Russian proverbs at the background of Estonian ones: considering the concept of thematic linguistic and culturological dictionary]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (59), pp. 43–47. (In Russ.).

Boktaeva, V. L. (2016) Poslovitsy i pogovorki s zoonimicheskim komponentom i ikh natsional'no-kul'turnaia spetsifika v russkom i angliiskom iazykakh [Proverbs and sayings with zoonyms in their texts and their national and cultural specificity in Russian and English languages]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1 (29), pp. 36–43. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2022) Kontrast v tuvinskikh poslovitsakh [Contrast in Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, № 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E. (2022) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu., and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-

linguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Galieva, M. R. (2020) Metaforicheskaia reprezentatsiia kontsepta slovo v khudozhestvennom tekste [Metaphoric representation of the concept ‘word’ in fictional text]. *Foreign Languages in Uzbekistan*, no. 2 (31), pp. 139–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.36078/1588928622>

Galimullina, R. I. and Shaimardanova, M. R. (2018) Lingvokognitivnoe izuchenie paremiologicheskikh edinit s komponentom-zoonimom v tatarskom, russkom i angliiskom iazykakh [Lingvo-cognitive study of the paroemiological units with a zoonym component in the Tatar, Russian and English languages]. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 10, no. 4, pp. 62–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-62-73>

Dzakhova, V. T., Dzodzikova, Z. B. and Kudzoeva, A. F. (2020) Poslovitsy s komponentom syg’zærin/Gold/zoloto v osetinskom, nemetskom i russkom iazykakh: universal’nye i spetsificheskie cherty [Proverbs with the component ‘Сыг’зæрин/Gold/Золото’ in the Ossetian, German and Russian languages: Universal and nationally specific features] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 13, no. 7, pp. 287–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.57>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem’ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul’turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskom slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional’naia spetsifichnost’ poslovichnogo fonda: osnovnye poniatii i metodika vyavleniia [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhitovnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradual’naia semantika russkikh i tuvinskikh poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Komova, D. D. and Lomakina, O. V. (2020) Kharakteristika frazeologizmov i paremii s komponentom-simvolom v romanskikh i slavianskikh iazykakh [Characteristics of phraseological unit and proverbs with a symbol component in Romanian and Slavic languages]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 62, pp. 218–225. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiia: lingvokul’turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Nelyubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinsko, russko i frantsuzskoi etnokul’tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Tuvan, Russian and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nikitina, T. G., Rogaleva E. I. and Piao Lixiang. (2021) Slovarnaia reprezentatsiia lingvokul’turnykh stereotipov: kommunikativnoe povedenie russkikh v tematicheskome slovare poslovits [Dictionary representation of linguocultural stereotypes: Communicative behavior of Russians in Thematic Dictionary of Proverbs]. *Nauchnyi dialog*, no. 10, pp. 117–133. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-117-133>

Perekhod, O. B. (2022) Semanticheskie obrazy leksemy «slovo» v russko iazykovo i kartine mira [Semantic images of the lexeme “word” in the Russian language picture of the world]. In: *Slavianskie iazyki: slovo v meniaiushchemsya mire i khudozhestvennom tekste [Slavic languages: Word in a changing world and a literary text]: A monograph / G. A. Veremeiuk et al. ; ed. by O. A. Felkina. Brest, A. S. Pushkin Brest State University. 188 p. Pp. 9–16. (In Russ.).*

Petrushevskaya, J. A. (2023) Proverbial’nye universalii v tuvinskom poslovichnom fonde (na fone sovremennykh evropeiskikh iazykov) [Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Seliverstova, E. I. (2022) Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional’no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Semenenko, N. N. (2020) Aksiologiia paremii v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniia semantiki russkikh poslovits [Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of semantics of Russian proverbs]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 213–232. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Semenenko, N. N. and Krivosheev, G. S. (2019) Paremicheskaia kartina mira kak provodnik etnokul'turnogo stereotipa [Paremiological picture of the world as a conductor of ethno-cultural stereotype]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*, no. 4 (April), pp. 268–276. URL: <http://e-koncept.ru/2019/195011.htm> (accessed 20.05.2023). (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-15011>

Suvandii, N. D. (2023) Cher 'zemlia' v paremiiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Sycheva, N. (2020) Kontsept «liubov'» v paremiologicheskikh edunitsakh russkogo i pol'skogo iazykov [Concept of "love" in paremiological units of the Russian and Polish languages]. *Slavica Wratislaviensia*, vol. 171, pp. 139–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19195/0137-1150.171.14>

Teliia, V. N. (2004) Kul'turno-iazykovaia kompetentsiia, ee vysokaiia veroiatnost' i glubokaia sokrovennost' v edunitsakh frazeologicheskogo sostava iazyka [Cultural and linguistic competence, its high probability and deep intimacy in the units of phraseological composition of a language]. In: *Kul'turnye sloi vo frazeologizmax i v diskursivnykh praktikakh [Cultural layers in phraseological units and in discursive practices]* / ed. by V. N. Teliia. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 344 p. Pp. 19–30. (In Russ.).

Submission date: 03.06.2023.

Acceptance date: 10.07.2023.

Особенности употребления нумератива *пять* в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков)

Михаил А. Бредис, Наталья В. Новоспасская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В работе рассматриваются тувинские фразеологизмы и фольклорные тексты с числом *пять*, полученные методом сплошной выборки из словарей и сборников фольклорных произведений. *Пять* как компонент числового кода тувинской культуры анализируется и сопоставляется с этим нумеративом в хакасском, алтайском, монгольском, калмыцком и бурятском языках. В работе применялись методы лингвокультурологического и описательно-аналитического анализа.

Установлено, что частотность употребления компонента-нумератива *пять* и сила его символики в тувинской фразеологии и фольклоре значительно уступают символике числа *пять* в монгольских языках. То же самое относится и к числу *пять* у тюркских народов Саяно-Алтая (хакасов и алтайцев).

В тувинской фразеологии число *беш*, не являясь сакральным и не обладая мощной силой символики, все же играет определенную роль, символизируя большое количество или длительные временные отрезки. Кроме того, нумератив связан с древнейшим образом пяти пальцев, о чем свидетельствуют общие тюрко-монгольские поговорки с этим образом.

Отмечено влияние монгольской культуры на тувинскую, чем объясняется сходство символики числа *пять*, которое можно обосновать родством тюркских и монгольских языков в рамках алтайской макросемьи языков, а также длительностью общей истории и лингвокультурным трансфером.

Ключевые слова: числовой код; фразеологизм; поговорка; тувинский язык; фольклор; культурный трансфер; символика чисел; героический эпос; народные сказки

Для цитирования:

Бредис М. А., Новоспасская Н. В. Особенности употребления нумератива *пять* в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 36-50. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: bredis-ma@rudn.ru

Новоспасская Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: novospasskaya-nv@rudn.ru

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: bredis-ma@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-4885-952X

NOVOSPASSKAYA, Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7599-0246

Features of the use of the numeral *five* in Tuvan linguoculture (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages)

Mikhail A. Bredis, Natalia V. Novospasskaya
Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

The article examines Tuvan phraseological units and folklore texts that comprise the number of five. These examples were selected by continuous sampling from dictionaries and collections of folklore works. Five as a component of the numerical code of Tuvan culture is analyzed and compared to this numeral in the Khakas, Altai, Mongolian, Kalmyk and Buryat languages. In this work, we used a set of linguoculturological, descriptive and analytical methods.

It has been found out that the frequency of use of the component and numeral "five" and the strength of its symbolism in Tuvan phraseology and folklore are significantly inferior to those of the number of five in the Mongolian languages. The same applies to the number of five among the Turkic peoples living in the Sayano-Altai region (the Khakas and Altaians).

In Tuvan phraseology, the number of besh, not being sacred and having no significant power of symbolism, still plays a certain role. It symbolizes a large number or long time periods. In addition, the numeral is associated with the oldest image of the five fingers, as evidenced by the common Turkic and Mongolian paroemias with this image.

The authors note the influence of the Mongolian culture on the Tuvan one. This explains the similarity of the symbolism of the number of five, which can be proved by the kinship of the Turkic and Mongolian languages within the Altai macrofamily of languages, as well as the length of the common history and linguistic and cultural transfer.

Keywords: numerical code; phraseological unit; paroemia; Tuvan language; folklore; cultural transfer; symbolism of numbers; heroic epic; folk tales

For citation:

Bredis M. A. and Novospasskaya N. V. Osobennosti upotrebleniia numerativa *piat'* v tuvinskoii lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Features of the use of the numeral *five* in Tuvan linguoculture (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 36-50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>

Введение

Кодами культуры в понимании М. Л. Ковшовой, которое мы разделяем, являются вторичные знаковые системы, использующие различные средства для кодирования одного и того же культурного содержания, соединяющегося в картине мира того или иного социума (Ковшова, 2012: 170). Числовой код культуры составляют числительные и слова, которые обозначают количество. Оценка по количественным параметрам является первоначальным уровнем иерархии оценивания (Бочина, 2023: 82). Числа играют большую роль в лингвокультуре, поскольку обладают культурными смыслами, приобретают символическую семантику, которая уходит своими корнями «в древние толщи магических осмыслений Числа» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021: 204). Эта символическая семантика привлекает исследователей фольклора и фразеологии. Числовой код в тюркских языках можно считать универсальным, поскольку в его основе лежат общетюркские числительные.

В тувинском фольклоре нумеративы как часть числового кода культуры изучены пока недостаточно полно. Говоря о тувинских паремиях как части фразеологии, необходимо отметить, что знание лингвокультурного своеобразия паремий позволяет обеспечить их правильную интерпретацию как

знаков культуры. Новейшие сопоставительные исследования тувинской фразеологии на фоне разных языков говорят о важности выявления прежде всего общего для разных лингвокультур, что позволяет с учетом этого общего описывать специфику паремий (Бредис и др., 2021; Бредис, Иванов, 2022b; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Ломакина, 2022; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022; Нелюбова, 2022; Петрушевская, 2022ab, 2023).

Цель статьи — рассмотрение и сопоставительный анализ символики числа *пять* во фразеологии разных разрядов и фольклорных текстах в тувинском языке (на фоне ряда тюркских и монгольских языков), а также выявление особенностей употребления этого нумератива. В числе фольклорных текстов мы рассматривали героический эпос, богатырские и другие народные сказки. Число *пять* было выбрано потому, что оно как компонент фразеологии и фольклорных текстов ранее практически не рассматривалось в известной нам научной литературе. Ставилась задача — выявить роль и место данного нумератива в числовом коде тувинской лингвокультуры.

Методологической базой для исследования послужили научные работы, в которых рассматривается символика чисел в фразеологии и фольклоре (Бредис, 2023; Гармаева, 2008¹; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Каратаева, 2020; Бредис и др., 2022), новейшие работы по теории паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремология без границ, 2020; Паремология на перекрестках ... , 2021), по теории семантического описания паремий (Иванов, 2022ab), по теории лингвокультурного сопоставления паремий (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Бредис, Иванов, 2021, 2022a; Иванов, 2023; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021). Авторы использовали в работе описательный метод с элементами лингвокультурологического и историко-этимологического анализа.

Источниковой базой исследования послужила авторская картотека, включающая тувинские (16), хакасские (7), алтайские (17), монгольские (35), бурятские (104), калмыцкие (116) ФЕ и примеры фольклорных текстов с нумеративом *пять* (295 единиц).

Материал получен методом сплошной выборки из авторитетных фразеологических и паремиологических словарей и сборников фольклорных текстов² рассматриваемых тувинского, хакасского, алтайского, монгольского, бурятского и калмыцкого языков, а также ряда монографий и статей, содержащих аутентичные фольклорные тексты.

¹ См. также: Гармаева А. Э. Числовая символика в монгольских языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. 25 с.

² Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имененова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хоконова ; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961–1964; Алтайские пословицы и поговорки = Алтай кеп ле укаа сөстөр / сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010; Бальбурава Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020; Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009; Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т. : около 70 000 слов / [Ё. Баярсайхан и др.]; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023); Калмыцко-русский словарь : 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: Джангар, 2007; Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука; Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12); Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск : Наука ; Сибирская издательская фирма, 1994. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкиноиздат, 1966; Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968; Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021; Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992.

Символика числа пять у тюркских и монгольских народов

Нумератив *пять* не относится к имеющим особую сильную символику в тюркских языках, как бы выпадая из магического ряда тюркских нумеративов 3, 4, 7, 8, 9, в который входят также числа 12 и 40 (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 580). Исследователи числового кода в тувинском фольклоре и поговорках, видимо, по причине отсутствия сакральности числа *пять*, как правило, обходят это число своим вниманием. При этом в некоторых тюркских языках число *пять* относится к магии времени, подобно сильным числам *три* и *семь*. Так, в киргизском эпосе «Манас», например, в одном фрагменте упоминаются семилетняя кобыла и две пятилетние кобылы (*беш жылдыктан эки бээ*) (Каратаева, 2020: 95).

В тувинской лингвокультуре по силе символики число *беш* несравнимо с числом *тос* 'девять', которое, пожалуй, является у тувинцев наиболее могущественным (см.: Кенин-Лопсан, 2021; Бредис, 2023).

Тем не менее число *беш* имеет в тувинской лингвокультуре свою символику, если не сакральную, то повседневную, практическую, связанную с традиционной кочевой культурой. В разных источниках и местностях тувинцы часто выделяют семь или девять видов скота (Бредис, 2023: 233), но также говорят и о пяти видах скота. Цэнгэльские тувинцы, живущие в Монголии, выделяют пять видов домашнего скота: 1) *аът* 'лошадь'; 2) *теве* 'верблюд'; 3) *инек* 'корова'; 4) *хой* 'овца' и 5) *өшкү* 'коза'. Як (*сарлык*) и корова (*инек*) у них относятся к одному виду крупного рогатого скота¹. Нумератив *беш* выступает здесь как необходимое и достаточное количество, символизируя хороший достаток семьи.

Для соседних с тувинцами монгольских народов характерно выделение именно пяти видов домашнего скота: монг. *таван хошуу мал*; бурятск. *табан хушуу мал* 'пять видов скота', к которому причисляются крупный рогатый скот, лошади, верблюды, овцы и козы. При этом, в отличие от монголов и бурят, калмыки традиционно насчитывали четыре вида скота, поскольку козы не включались в общий список домашнего скота (Бакаева, 2009: 120).

Число *беш* у тувинцев также связано с важным временным отрезком в начале жизни человека. В традиционной народной культуре, когда ребенку исполнялось пять лет, начинался новый этап — взрослые вовлекали его в обучение повседневному труду. Мальчику в пять лет отец дарил маленький аркан, которым тот учился ловить резвых козлят и телят. Девочке мама дарила ведро или бадейку, чтобы она училась доить козу. Пятилетним детям тувинцы давали поручения, посылали к соседям, просили следить за животными на пастбище (Кенин-Лопсан, 2021: 176).

В тувинской традиционной семье хорошим считалось иметь пять сыновей. В исследовании М. Б. Кенин-Лопсана о тувинской культуре в ответ на вопрос «Что такое пять?» приводится следующая фраза: «Если родить пять мальчиков и научить их пяти знаниям, то это хорошо» (там же: 79).

Тувинцы, как монголы, буряты и калмыки, исповедуют буддизм. Упоминание в монографии М. Б. Кенин-Лопсана пяти знаний (наук) для тувинских мальчиков, по-видимому, связано с буддизмом, в котором существует понятие о пяти науках. В буддизме вообще довольно распространены пятичленные структуры, такие как пять чакр, пять татхагат, пять элементов мироздания, а корона из пяти черепов является атрибутом всех устрашающих божеств буддизма. Каждый из пяти черепов ассоциируется с пятью сторонами света (север, восток, юг, запад, центр) и пятью органами чувств (Жуковская, 2002: 175).

У монгольских народов пятичленные множества очень распространены. Летописное название монгольской империи — *таван өнгө дөрвөн харь улс* 'народ пяти цветов и четырех чужих племен'. В состав этой империи входили монголы, китайцы, маньчжуры, туркестанские народы и корейцы². Кто такие чужие народы, не очень понятно, и объяснения на этот счет в средневековых хрониках весьма своеобразны: это люди с глазом в груди, народ с песьей головой и т. п. (там же: 173). В монгольской лингвокультуре можно найти десятки наборов, включающих пять разных предметов или явлений,

¹ Бадарч Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2009. С. 6.

² Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т.: около 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

например: *таван саваагуй* ‘пять любопытных’ — набор из гигиенических предметов, в который входят зубочистка, щипчики для выдергивания волос, ухвертка, ногтечистка и расческа; *таван тариа* ‘пять видов зерна’ (рис, просо, ячмень, пшеница, соевые бобы); *таван тэрэг* ‘пять телег’ — название пяти звезд в созвездии Возничего; *таван амт* ‘пять вкусов’ — сладкий, кислый, горький, острый, соленый; *таван ашид* ‘пять вечных добродетелей’ — любовь или благорасположение, правота, умеренность, благоразумие и честность¹. Этот список можно долго продолжать. Как известно, тувинская культура в течение своей истории испытала немалое влияние монгольской культуры, что, наряду с влиянием буддизма, объясняет бытование в ней определенной символики, связанной с нумеративом *пять*.

В тувинской топонимике мы также видим число *беш*, которое может отражать точное количество географических объектов или передает символическое значение *несколько* или *много*. Например, местность *Беш-Даг* ‘Пять гор’ имеет именно пять гор (подобный топоним есть и в хакасском языке — *Пес таг*), *Беш-Кожагар* ‘Пять пиков’ — это горное образование с пятью острыми вершинами (Кара-оол, 2019: 695). В метафорическом значении число *беш* встречается в тувинском топониме *Беш-Кара-Дыт* ‘Пять черных лиственниц’. Так называются местность, урочище и стоянка в Эрзинском кожууне Тувы, поскольку там растут лиственницы. На Алтае есть гора и населенный пункт с подобным названием *Беш-Тыт* ‘Пять лиственниц’ (там же: 696). *Беш-Белдир* ‘Пять перекрестков’ — местность в Овюрском кожууне (там же: 698).

Нумератив беш в тувинском фольклоре

В произведениях тувинского фольклора и сказках число *беш* ‘пять’ встречается редко, однако также имеет определенную символику. В героическом эпосе число *пять* выступает как оптимальное количество сыновей в семье. Так, в сказании «Алдаай-Буучу» фигурируют пять братьев, сыновья Алдаай-Буучу (Гребнев, 1960: 19). В эпосе о Кангывай-Мергене он сам и его побратимы называются *эрес-эрлик беш эр* ‘пятеро храбрых героев’ (там же: 47).

Кроме того, число *беш* используется в эпосе для отражения количества географических объектов, выступая в значении *много*. Так, в сказании о Кангывай-Мергене это число демонстрирует богатство и могущество героя, владеющего пятью горами *танды*, поросшими тайгой: Артыштыг-Танды, Арзайты-Танды, Деспейти-Танды, Берт-Кара-Танды и Ыдык-Бора-Танды (там же: 103).

Чаще, чем число *пять*, в тувинском героическом эпосе встречаются производные от него — *пятьдесят*, *сто пятьдесят*, *триста пятьдесят*, *пятьсот пятьдесят* и др. Стоит отметить, что *пятьдесят* (древнетюркск. *elig*) во многих древних тюркских источниках обозначает отряд из пятидесяти воинов (Сравнительно-историческая грамматика ... , 2001: 573). В тувинском эпосе также описываются боевые дружины героев и их противников, в том числе состоящие из пятидесяти воинов. По-тувински число *пятьдесят* обозначается словом *бежен*. В сказании «Тана-Херель» в записи Л. В. Гребнева герой, отправленный Шан-ханом к Узун-Сарыг-хану, едет в сопровождении двух бегов, которые возглавляют дружины в пятьдесят и сорок воинов, а в сказании «Алдай-Буучу» Узун-Сарыг-хан дает своему зятю в путешествие сто пятьдесят «самых сильных людей», которые должны обслуживать его в пути (Гребнев, 1960: 118, 115).

Также число *беш* символизирует в тувинском эпосе очень большое количество, как правило, в сочетании с другими, сакральными, числами, такими как *тос* ‘девять’. Так, в сказании «Алдай-Буучу» описывается встреча героя с большим войском: *чаа деп чүве тос беш куржалган...* ‘война опоясала в девять на пять рядов...’, а в сказании «Мёге Шагаан-Тоолай» при описании нападения вражеского войска на аал используется та же числовая метафора ‘Война уже девять на пять раз опоясала’ (там же: 118), в которой *пять* умножается на магическое число *девять*, что символизирует очень крупное войско.

В тувинских народных сказках число *беш* связано с определенными отрезками времени. Так, в богатырской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» грозный Сарыг-хан говорит:

¹ Там же.

<p><i>Беш векте (үеде) дошкун сарыг ширээ дээш өлеңде Өледей ашак-биле сүржүп келген болгай мен.</i></p>	<p><i>Пять веков я гонялся за старым Өледеем-в-осоке из-за грозного желтого трона¹.</i></p>
--	--

Здесь число *беш* символизирует сказочно большой отрезок времени. Также нумератив *беш* метафорически используется для выражения примерного количества, причем иногда в сочетании с числительным *алды* ‘шесть’. Вокруг аала подданные хана собрались, плотно окружив его, *алды-беш куржалып чыглып-даа турза* ‘в шесть-пять рядов его опоясав’².

Иногда число *пять* используется для называния точного количества. Так, созвездие Давың-хаан в сказках представляется как божество, состоящее из пяти звезд: *Давың-хаан деп чүве болза, үстүү оранда беш сылдыс, эр кижиниң чүдээни-дир* ‘Тот, кого Давын-ханом зовут, — это же пятизвездие Верхнего мира, святыня мужчин’³.

В алтайской мифологии число *беш* ‘пять’ связано с количеством пальцев на руках и ногах. При этом *беш* символизирует полноту, подчеркивает необычность образов. Нечто в количестве пяти является атрибутом персонажей мифологии. Так, в алтайском шаманском тексте ведьма в аду изображается с пятью козами: *Кара төнөш белге јер. Ары јанында беш эчкилү эмеген* ‘Черный пень — место гадания, / Позади него старуха с пятью козами’ (Ойноткинова, 2021: 292). Алтайское божество подземного мира Пий-Маатыр, от которого зависело увеличение поголовья скота и удои, изображается с пятью локтями: *Таш пілектү Бий Маатыр! / Пеш пілектү Пий Маатыр* ‘С каменными локтевыми костями Бий Маатыр! / С пятью локтями Пий Маатыр!’ (там же: 292).

В алтайском сказании о сотворении земли Кудаи, создав первое дерево с девятью ветвями, запретил людям есть плоды с пяти его ветвей: *Күн чыгаткан јанында пеш пудак пар* ‘Со стороны восхода солнца пять ветвей есть’⁴. Кудаи говорит змею и собаке: *Күн чыгар јанында пеш пудактагы ашты јийин теген кижини јут!* ‘Человека, который захочет поесть плодов с пяти ветвей этого дерева со стороны восхода солнца, проглотите!’⁵. Вероятно, речь идет о некоем мировом перводереве, и нумератив *пеш* ‘пять’ также имеет свою символику, которую сейчас сложно разгадать.

В произведениях хакасского эпоса по частотности употребления на первом месте находится число *үс* ‘три’. За ним следуют *алты* ‘шесть’, *читі* ‘семь’, *тогыс* ‘девять’. Менее употребительны *ікі* ‘два’, *төрт* ‘четыре’ и *сигіс* ‘восемь’ (Субракова, 2005: 100). По свидетельству О. В. Субраковой, число *пис* ‘пять’ почти не встречается в хакасском эпосе (там же). При этом в хакасском фольклоре, как и в тувинском, встречается число *иліг* ‘пятьдесят’, кратное пяти, но часто в сочетании с более частотным числом *алтон* ‘шестьдесят’: *Алтон сермезі ариаа чайылиан, иліг сермезі иунін пасхан* ‘Шестьдесят косичек по спине рассыпались, пятьдесят косичек на плечи упали’ (Абумова, 2013: 6). Эти нумеративы традиционно используются в фольклорном описании большого множества косичек у хакасских красавиц.

Гораздо более частотным является употребление числа *пять* (монг. *таван*, бурятск. *табан*, калмыцк. *тавн*) и чисел, кратных пяти, в фольклоре монгольских народов. Так, в бурятском эпосе «Гэсэр» число *табан* символизирует большой промежуток времени. Жаркое сражение в эпосе продолжается пять суток: *Табан суудхэ дайлалсаба* ‘Пять суток сражались’⁶. Число *пять* не только символизирует долгий срок, но и временной предел, после которого следуют какие-либо действия: *Эсэгээз табан елдэ угээ болсони / Орхибо байналби* ‘Вот прошло уж пять лет, / А отца-то все нет’⁷. Пять лет — предел, после которого начинаются поиски. Ошор Богдо, жалуясь на то, что его отец постоянно пьян, говорит о нем:

¹ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма, 1994. С. 118, 120, 121.

² Там же. С. 122–123.

³ Там же. С. 200–201.

⁴ Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. С. 52–53.

⁵ Там же.

⁶ Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Часть 1. Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова ; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961. С. 77.

⁷ Там же. С. 135.

<p><i>Баабай манай гэнэлби Удөр-шье ногтуулдаа! Табан сүүдхэ болсоро Сэлмээл болоо-хадан Баабайдаа хүүрээ бихэн Хэлэлсэхэ байналби!</i></p>	<p><i>Отец мой и днем, и ночью пьян! Если через пять суток отрезвится, то с ним я мог бы поговорить!¹</i></p>
---	--

В эпосе «Гэсэр» неоднократно встречается формула-пожелание героев быть друзьями на долгие годы, выражаемая числами *десять* и *пять*:

<p><i>Арбан-ханай елдэ Анда-ханай болохолди, Табан сэгээн елдэл Танил-ханайн орохолди...</i></p>	<p><i>На десять лет андой мы будем, На пять полных лет знакомство будем иметь!²</i></p>
--	--

По-бурятски *анда* означает очень близкого друга, побратима. Это эпическое пожелание *Арбан елээ анда. Табан елээ танил* 'Лет на десять друзья. Лет на пять мы приятели с вами'³ сделалось бурятской пословицей, которая вошла в словарь бурятских пословиц в следующем написании: *Арбан елэй анда, табан елэй танил*⁴.

В калмыцком эпосе «Джангар» нумератив *тавн* 'пять' упоминается 91 раз⁵. Число *пять* в тексте символизирует понятие *много*: *Тавн бээрин ам эвдгсн* 'Разрушил (он) ворота пяти крепостей'⁶; счастливый народ страны Бумбы занимает огромное пространство в пять месяцев пути (*тавн сара hazрт*); золотой дворец Торлок украшен пятью башнями; необыкновенный Кроваво-Черный Штык имеет пять сажень в длину (*тавн алд ут*) (Пюрбеев, 2015: 59, 63, 67). Помимо этого, *тавн* используется без создания гипербола, называя точное количество: у искусного лучника Хабтын-Энге, который славится меткостью, имеется «пять белых оперенных стрел» (Бурькин, 2004: 111); чужеземный богатырь Нарин Улан требует у Джангара отдать пять его сокровищ: коня Аранзала Зэрдэ, ханшу Ага Шавдал, красавца Мингияна, коня богатыря Санала — Бурул Галзана и могучего Улан Хонгора (Пюрбеев, 2015: 99).

Упоминаются в калмыцком эпосе, образуя яркие гиперболы, и большие числа, кратные пяти. Так, например, конюший Балин-Улан-Арслап «через пятьдесят пять коней закинул аркан» (Бурькин, 2004: 113). Здесь число *пятьдесят пять* представляет собой как бы гиперболу в кубе: оно говорит и о необыкновенной длине аркана, недюжинной силе и мастерстве конюшего, а также о богатстве хозяина столь большого табуна (там же).

Нетрудно заметить, что число *пять* в фольклоре тюркских народов (в тувинском, алтайском и хакасском эпосе) по частотности употребления и силе символики значительно уступает числу *пять* монгольских народов, по выражению Н. Л. Жуковской культурным «пентадам монгольского мира» (Жуковская, 2002: 173). Тем не менее, оно играет определенную роль в тувинском фольклоре, характеризуя его персонажей, время и пространство.

¹ Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Часть 2. Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншуга Имегенова ; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1964. С. 72.

² Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Часть 1. Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншуга Имегенова ; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961. С. 116.

³ Там же. С. 112.

⁴ Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 30.

⁵ Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009. С. 242.

⁶ Там же.

Пять в тувинской фразеологии

В тувинской фразеологии число *беш* встречается нечасто и связано прежде всего с пятью пальцами человеческой руки. Фразеологическая единица (ФЕ) *Бодунуң беш салаазы дег билир* 'Знать как свои пять пальцев'¹, имеет значение 'очень хорошо, во всех подробностях знать'. В хакасском языке встречается аналогичная ФЕ: *Пис салаа чили нилерге* 'Знать, как свои пять пальцев'².

Полный аналог этой ФЕ существует в монгольском языке: *Таван хуруу шигээ мэдэх* 'Знать как свои пять пальцев'³. Интересно, что у монголов слово *тав(ан)* 'пять' восходит к той же основе, что и слово *тавхай* 'лапа' (Жуковская, 2002: 175). Аналогичная ФЕ имеется и в калмыцком языке: *Эврэннь хариннь тавн хурһн мет медх* 'Знать как свои пять пальцев'⁴.

Как уже отмечалось выше, в монгольских языках имеется большое количество устойчивых сочетаний, обозначающих множества, состоящие из пяти элементов. В монгольских ФЕ число *пять* «символизирует постоянство, неизменность, определенность, мощь...» (Тагарова, 2011: 114). В «Бурятско-русском фразеологическом словаре» выражение *табан хушуу мал* приводится как ФЕ: *табан хушуу мал* 'пять видов домашних животных' (букв. 'пять, рыло, скот')⁵.

В бурятской фразеологии есть определенное количество ФЕ, в которых числительное *пять* символизирует понятие *много* и часто сочетается со словом *олон* 'много': *олон таба юумэ* 'с пятого на десятое' (букв. 'много, пять, вещь'); *олон табые* 'всякая всячина' (букв. 'много, пять'); *олон табые тойруулха* 'ходить вокруг да около' (букв. 'много, пять, обходить'); *олон табые тоолохо* 'разглагольствовать' (букв. 'много, пять, считать'); *олон табые хэлэхэ* 'много говорить, разглагольствовать' (букв. 'много, пять, говорить')⁶. В калмыцком языке также присутствуют подобные по структуре ФЕ, например, *олн тавн үг келх* 'разглагольствовать, говорить излишне много'⁷ (букв. 'много, пять, слово, говорить').

У цэнгальских тувинцев зафиксирована поговорка *И пять пальцев все не равные*⁸. Эта тувинская поговорка аналогична по семантике и образности общетюркской поговорке *Beş parmak bir değil* (букв. 'Пять пальцев — не один'), смысл которой состоит в том, что все люди разные. В словаре общих поговорок тюркского мира О. Чобаноглу аналогичная турецкая поговорка приводится на 32 тюркских языках. В их числе алтайская и хакасская поговорки: алт. *Beş sabar, beş başka*; хакас. *Pis salaa daa aymah poladır*⁹. Все они отмечают, что пальцы разные и не равны друг другу. Пять пальцев одной руки символизируют человеческую общность, связанную кровными узами, семью, члены которой неодинаковы.

Эта поговорка о пяти пальцах выходит за рамки только тюркской общности, поскольку в монгольской лингвокультуре существует аналогичная поговорка: *Таван хуруу тэгшгүй* 'Пять пальцев — и все (неодинаковые) разные'¹⁰. Аналогична и калмыцкая поговорка: *харин тавн хурһн эдл болдг уга* 'И пять пальцев рук неодинаковы'¹¹. Бурятская поговорка также имеет сходную семантику: бурят. *Гарай табан*

¹ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 259.

² Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские поговорки, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 26.

³ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т.: около 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН; [Ё. Баярсайхан и др.]; под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

⁴ Калмыцко-русский словарь : 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 471.

⁵ Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992. С. 73.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Калмыцко-русский словарь : 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 395.

⁸ Пер. В. С. Салчака. См.: Подношение в серебряной чаше : сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука; НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 133.

⁹ Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AKM Yayınları, 2004. P. 141–142.

¹⁰ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т.: около 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН; [Ё. Баярсайхан и др.]; под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002 [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

¹¹ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 307.

хурган адли бэшэ, түрэл зон адли бэшэ 'Как пять пальцев руки различаются, так и выходцы из одной семьи не все одинаковы'¹. В пословице уточняется образ пяти пальцев, которые сравниваются не просто с людьми, а именно с родственниками (*түрэл зон*). Таким образом, можно говорить об этой пословице как общей для тюркско-монгольского мира. Образ пяти пальцев используется и в калмыцкой паремии о том, что нельзя получить все и сразу: *Тавн хурхан нег хамт / Амндан кеж багтах уга* 'Пять пальцев нельзя / Разом засунуть в рот'².

В тувинских пословицах число *беш* ассоциируется с понятием *много*: *Бег кижиниң сөзү беш, / Хаан кижиниң сөзү каш* 'У бега пять обещаний, / У хана и того больше'³ (букв. 'У бега слов пять, / У хана слов много'). Также нумератив *беш* 'пять' в сочетании с *алды* 'шесть' в пословице представляет собой гиперболу, символизирующую большое количество: *Алды аргалыг, / Беш мегелиг* 'У человека шесть мудростей, / Пять хитростей'⁴. Это говорится об очень хитром человеке. Буквально фразу можно перевести как 'обладающий шестью приемами, пятью обманами'. Т. е. в арсенале такого пройдохи много хитростей и обманов. Полный аналог этой тувинской пословицы в калмыцком языке напоминает о тюркско-монгольской языковой общности: *Зурхан арһ меддг, / Тавн мек меддг* 'Знающий шесть приемов, / Пять хитростей'⁵. Этой паремией калмыки характеризуют пройдоху и ловкача.

В хакасской пословице говорится о частой смене настроений маленького ребенка: *Лизик палазы нис хубулцаң* 'Грудной ребенок пять раз меняется'⁶. Число *пять* здесь указывает на частоту изменений.

В алтайском паремиологическом фонде существуют пословицы, в которых, подобно тувинской, в качестве образа выступает число *пять* в сочетании с другими близкими числами — *шесть* или *четыре*. Например: *Аргалу алты конор, / Мекелү беш конор* 'Богатый шесть [суток] проживет, / Хитрый пять [суток] проживет' (Ойноткинова, 2012: 116). Тут сравнивается богатство и хитрость. Они близки, как числа *пять* и *шесть*, но все же предпочтение отдается богатству: богатый проживет дольше, чем хитрый. Ведь *шесть* все-таки больше, чем *пять*.

Есть пример алтайской пословицы, где *пять* выступает в сравнении с числом *четыре*: *Төгүнле төрт тө конбос, / Мекеле беш те конбос* 'Ложью и четверо [суток] не прожить, / Хитростью и пятеро [суток] не прожить'⁷. Здесь число *беш* 'пять' выступает в значении мало, но при этом все же это больше, чем *төрт* (четыре).

В алтайском языке есть пословица, в которой число *пять* выступает символом «кулака» — небольшого, но сильного коллектива: *Беш карындаш бирлик болзо, / Бежен черүге јендиртпес* 'Если пятеро братьев едины будут — / То пятидесяти войскам не дадут себя победить'⁸. Здесь *пять* — *немного* и одновременно *много*. При определенных условиях это гипербола, ведь *пять* противопоставляется количеству, в десятки раз большему (*бежен* — 'пятьдесят').

В монгольских языках символика числа *пять* является более широкой, и частотность употребления в пословицах гораздо выше, чем в тувинском. С пятью пальцами рук связана семантика монгольских пословиц: *Арван хурууныхаа арыг барж, таван хурууныхаа тарыг барж* 'Стирать тыльную сторону десяти пальцев, стирать пухлость пяти пальцев', т. е. 'трудиться, не покладая рук', и *Арван хурууныхаа арыг барж, таван хурууныхаа тарыг барж амь зуух* 'Жить, стирая тыльную сторону десяти пальцев, жить, стирая пухлость пяти пальцев', т. е. 'жить своим трудом, зарабатывать на жизнь своим горбом' (Кульганек, 2017: 100). Здесь 'стирание пухлости пяти пальцев' символизирует тяжкий труд.

¹ Бальбурава Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 72.

² Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 395.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 91.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 443.

⁶ Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 23.

⁷ Алтайские пословицы и поговорки = Алтай кеп ле укаа сösтөр / сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010. С. 66, 67.

⁸ Там же.

Пять в монгольских пословицах символизирует большое количество: *Олны олон, таван цэн* 'Если людей больше, то цена в пять раз вырастает', а также большой временной отрезок: *Архи арван нас хулгайлна, тамхи таван нас хулгайлна* 'Водка крадет десять лет, табак — пять' (Кульганек, 2017: 128, 101). Числа *арван* 'десять' и *таван* 'пять' рифмуются и создают в паремиях аллитерацию. Ср. бурятск. *Архи арбан хүүр үлүү хэлүүлхэ, тамхин табан хүүр үлүү хэлүүлхэ* 'От вина десять слов лишних, от табака пять слов лишних' (Тагарова, 2011: 114). Этим пословицам аналогична по семантике и образности калмыцкая пословица, также с аллитерацией: *Эрк арвн нас хулхалдг / Тэмк тавн нас хулхалдг*. 'Водка крадет у человека десять лет, / А табак — пять лет'¹.

Интересна своей образностью монгольская пословица: *Тааж мэддэг таван хаан биш, тамшааж мэддэг тарган бух биш* 'Не пять ханов, которые все разгадывают, не жирный бык, который все пробует языком' (Кульганек, 2017: 144). Эквивалентом этой паремии в русском языке является: *Я не господь Бог — все знать!*

Приведенная нами в начале работы фраза из книги М. Б. Кенин-Лопсана о том, что тувинского мальчика надо учить пяти знаниям, находит отражение в калмыцкой иронической паремии о том, кто не любит учиться, а любит поесть: *Тавн ном гихлэ — гедс, / Тавгта махн гихлэ — үкс* 'Скажешь про пять учений (наук), он пятится назад, / Скажешь о полной чаше мяса, он тут как тут'². В монгольском языке также существует понятие *таван ном* 'пять книг (учений)', которым обозначается конфуцианское пятикнижие³.

Таким образом, в тувинской фразеологии число *беш*, не являясь сакральным, все же играет определенную культурную роль, символизируя большое количество или длительные временные отрезки. Это число связано с древним образом пяти пальцев. В родственных тувинскому хакасскому и алтайскому языках нумератив *пять* также играет скромную, но необходимую роль во фразеологическом фонде этих языков Саяно-Алтая. Приведенные примеры показывают влияние монгольской лингвокультуры на тувинскую фразеологию, что объясняется веками общей истории и тюрко-монгольской языковой общностью.

Заключение

Анализ собранного материала в данной работе показал, что число *пять* в тувинской, хакасской, алтайской, монгольской, бурятской и калмыцкой лингвокультурах имеет сходство в символике, хотя в тюркских языках *пять* не принадлежит к ряду сильных магических чисел, поэтому частотность употребления и сила символики тюркских языков значительно уступает символике числа *пять* в монгольских языках. Обнаруживается, что в героическом эпосе тюркских народов Саяно-Алтая число *пять* встречается чрезвычайно редко или почти не встречается, но при этом используются числа, кратные *пяти* (пятьдесят, сто, сто пятьдесят и пр.).

В тувинском фольклоре и фразеологии *беш* символизирует большое количество, богатство, определяет временные отрезки, выступая в качестве гиперболы. Иногда число *пять* не имеет метафорического значения и просто обозначает конкретное количество. Число *пять* используется в сопоставлении с числом *шесть*, а также с магическими числами *семь* и *девять*, еще более усиливая масштабы символики последних. Тем не менее, по нашему мнению, не следует приуменьшать роль числа *беш* в числовом коде тувинской лингвокультуры. Эта роль связана с древнейшими тюркскими образами пяти пальцев, со значительным влиянием монгольской лингвокультуры, которая довольно широко использует символику числа *пять*, а также с влиянием буддийской религии, называемой тувинцами *сарыг шажын* 'желтой верой', где число *пять* также распространено и имеет свою символику.

Сходство символики тувинского *беш* обнаруживается с лингвокультурами монгольских народов, о чем говорят примеры идентичных пословиц в тувинском и калмыцком языках. Это свидетельствует

¹ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 433.

² Там же. С. 463.

³ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т.: около 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН; [Е. Баярсайхан и др.]; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002 [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

о древности контактов тувинцев и калмыков, нашедших отражение в паремиях. Сходство с монгольской культурой объясняется длительным взаимодействием тувинцев, монголов и бурят на протяжении общей истории и, как следствие, взаимным лингвокультурным трансфером. Кроме того, свою роль играет и языковая общность тюркских и монгольских народов в рамках алтайской макросемьи языков.

Сходство некоторых аспектов символики числа *пять* в плане связи с анатомическим строением человеческих конечностей также можно объяснить общечеловеческим фактором, универсальностью использования соматизмов в разных языках.

Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологизмов и пословиц позволил выявить универсальные, общетюркские и этноспецифические стороны фрагмента числового кода, связанного с нумеративом *пять*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абумова, О. Д. (2013) Числовая символика в русском и хакасском языках // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (6). С. 3–6.

Бакаева, Э. П. (2009) Сакральные коды культуры калмыков. Элиста : ИКИАТ. 159 с.

Бочина, Т. Г. (2023) Пословица на века молвится : избранные труды по русской паремиологии. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 286 с.

Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11, № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022a) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2021) Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. № 2 (45). С. 202–212.

Бурыкин, А. А. (2004) Числа в поэтике «Джангара» // Монголоведение. Вып. 3. С. 103–119.

Гармаева, А. Э. (2008) Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 105–110.

Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М. : Изд-во восточной литературы. 148 с.

Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика : учеб. пос. М. : Восточная литература. 247 с.

Иванов, Е. Е. (2022a) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Кара-оол, Л. С. (2019) Числительные в топонимах Тувы // *Oriental Studies*. Т. 12, № 4. С. 691–706. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Каратаева, С. К. (2020) Символика чисел в тюркских и монгольских языках // *Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева*. № 2. С. 91–97.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 248 с.

Ковшова, М. Л. (2012) Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 456 с.

Кульганек, И. В. (2017) Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб. : Петербургское Востоковедение. 184 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск. 354 с.

Ойноктинова, Н. Р. (2021) Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 622 с.

Паремиология без границ (2020) : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и др. ; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) : Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / О. Б. Абакумова, А. С. Алешин, Т. Г. Бочина и др. ; под ред. О. В. Ломакиной. М. : URSS ; Ленанд. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // *Вестник угроведения*. Т. 12, № 3 (50). С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословицном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Пюрбеев, Г. Ц. (2015) Эпос «Джангар»: культура и язык (Этнолингвистические этюды). Элиста : КИГИ РАН. 300 с. (На русс. и калм. яз.)

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (2001) : лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 822 с.

Субракова, О. В. (2005) Сакральные числа хакасского эпоса // Чатхан: история и современность : мат. II Международного симпозиума по чатханной музыке и горловому пению / науч. ред. Л. В. Анжиганова. Абакан : Хакасское книжное изд-во. 112 с. С. 100–104.

Тагарова, Т. Б. (2011) К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. № 2 (37). С. 112–116.

Дата поступления: 11.06.2023 г.

Дата принятия: 01.09.2023 г.

REFERENCES

Abumova, O. D. (2013) Chislovaia simbolika v russkom i khakasskom iazykakh [Number symbolism in the Russian and Khakass languages]. *Sayan–Altai Scientific Review*, no. 2 (6), pp. 3–6. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2009) *Sakral'nye kody kul'tury kalmykov [Sacred codes of Kalmyk culture]*. Elista, Institute of Complex Research of Arid Areas. 159 p. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2023) *Poslovitsa na veka molvitsia: izbrannye trudy po russkoi paremiologii [The proverb is said for the ages: Selected works on Russian paremiology]*. Kazan, Kazan University Publishing House. 286 p. (In Russ.).

Bredis, M. A. (2023) Simbolika chisla deviat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoj lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremiology]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiiia kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinit) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (based on numerative units)]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. (2021) Chislvoi kod Rusenski lingvokul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numeric code of the Rusin linguaculture (based on figurative units)]. *Cognitive Studies of Language*, no. 2 (45), pp. 202–212. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2004) Chisla v poetike «Dzhangara» [Numbers in the poetics of “Dzhangar”]. *Mongolian Studies*, issue 3, pp. 103–119. (In Russ.).

Garmaeva, A. E. (2008) Chislovaia simbolika v mongol'skom iazyke: semantika i funktsii [The symbolism of numbers in the Mongolian language: Semantics and functions]. *Bulletin of Buryat State University*, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza)* [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]. Moscow, Vostochnaia literatura. 148 p. (In Russ.).

Zhukovskaya, N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika: [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15. no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaiia tipologiiia tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskom slo-vare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiiia (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatiiia i metodika vyiavleniia) [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Kara-ool, L. S. (2019) Chislitel'nye v toponimakh Tuvy [Numerals in toponyms of Tuva]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 4, pp. 691–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Karataeva, S. K. (2020) Simvolika chisel v tiurkskikh i mongol'skikh iazykakh [Symbolic chips in Turkic and Mongolian languages]. *Bulletin of Kyrgyz State University named after I. Arbaev*, no. 2, pp. 91–97. (In Kyrgyz).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev* [Traditional culture of the Tuvans]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 248 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2012) *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]. Moscow, LIBROKOM Book House. 456 p. (In Russ.).

Kulganek, I. V. (2017) *Mongol'skie poslovitsy i pogovorki. Issledovanie, perevod, kommentarii* [Mongolian proverbs and sayings. Research, translation, commentary]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 184 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1. pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Moskvitcheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore cultures in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: Poetics and pragmatics of genres]*. Novosibirsk. 354 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2021) *Mifologicheskaiia kartina mira altaitsev: kontsepty, motivy, siuzhety [Mythological worldview of the Altaians: Concepts, motives, plots]*. Novosibirsk, Publishing and Printing Center at Novosibirsk State University. 622 p. (In Russ.).

Paremiologiiia bez granits [Paremiology without borders] (2020) / E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova et al.; ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiiia v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) : General and applied issues of paremiology. The proverb in discourse and in text. The proverb and language picture of the world / O. B. Abakumova, A. S. Aleshin, T. G. Bochina et al.; ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS ; Lenand. 304 p. (In Russ.).

Paremiologiiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022a) Belorusskie paralleli vepsskikh poslovits: v poiskakh tipologicheskoi obshchego i etnospetsificheskogo [Belarusian parallels of vepsian proverbs: In search of typologically common and ethno-specific]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3 (50), pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, J. A. (2022b) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaiia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaya, J. A. (2023) Proverbial'nye universalii v tuvinskom poslovichnom fonde (na fone sovremennykh evropeiskikh iazykov) [Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Pyurbeev, G. Ts. (2015) *Epos "Dzhangar": kul'tura i iazyk (Etnolingvisticheskie etiudy) [The epic "Dzhangar": Culture and language (ethnolinguistic studies)]*. Elista, Kalmyk Institute for Humanities Research of the RAS. (In Russ. and Kalmyk). 300 p.

Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tyurkskikh iazykov [Comparative and historical grammar of Turkic languages] (2001) : Lexis. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 822 p. (In Russ.).

Subrakova, O. V. (2005) Sakral'nye chisla khakasskogo eposa [Sacred numbers of the Khakas epic]. In: *Chatkhan: istoriia i sovremennost' [Chatkhan: History and modernity]* : Proceedings of the 2nd International symposium on chatkhan music and throat singing. Ed. by L. V. Anzhiganova. Abakan, Khakas Book Publishing House. 112 p. Pp. 100–104. (In Russ.).

Tagarova, T. B. (2011) K lingvokul'turologicheskomu opisaniiu buriatskikh frazeologicheskikh edinit s chislitel'nymi [To language and culturological characteristics of Buryat phraseological units with numerals]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, no. 2 (37), pp. 112–116. (In Russ.).

Submission date: 11.06.2023.

Acceptance date: 01.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.3.4

Статья

Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц)

Елена К. Николаева, Елена И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,

Ольга В. Ломакина,

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

Важность природно-ландшафтных явлений в жизни человека отражается в языковых единицах, закрепляющих его представления об окружающем мире. В статье анализируются тувинские паремии, включающие компоненты гора и скала, полученные приемом сплошной выборки из лексикографических источников, на фоне алтайского и бурятского языков. Межязыковое сопоставительное исследование паремий в этнолингвокультурологическом аспекте проведено с использованием историко-этимологического, описательно-аналитического, лингвокультурологического методов. Как показывает проведенный анализ тувинских паремий в сопоставлении с единицами языков центральноазиатского региона, одной из наиболее частотных единиц, принадлежащих природному культурному коду, является в их составе компонент гора. Яркий образ горы лежит в основе тувинских паремий, чья семантика формируется через осознание и вербализацию различных признаков: прочности, незыблемости, крутизне и высоте горы — и связанных с ней представлений о недостижимой вершине, трудном для перехода перевале, стабильности и неизменности различных предметов. Отмечены говорящими и некоторые признаки скалы (прочность, твердость, отвесность), совпадающие с характеристиками горы. Реализуемые в пословицах с образом горы идеи служат для выражения представлений о человеке, его возможностях, чертах характера и эмоциях, его целеустремленности и прилагаемых усилиях.

Сопоставление тувинских паремий с единицами других языков, содержащих образ горы, показывает различия в количественных данных: тувинских и алтайских пословиц существенно больше, чем содержащих образ горы паремий других языков. Рассмотрение спектра признаков, актуализируемых в пословицах, показывает одинаковое отношение представителей разных культур в восприятии размера горы, что приводит к использованию ее образа как эталона большого количества и размера. Некоторые оказавшиеся значимыми для носителей одной или двух культур признаки горы и скалы оказываются неактуальными для мировидения других народов, в чем отражаются и реальные природные условия, и система аксиологически этномаркированных образов.

Ключевые слова: паремия; пословица; тувинский язык; алтайский язык; тувинский фольклор; алтайский фольклор; бурятский фольклор, хакасский фольклор; калмыцкий фольклор; природно-ландшафтный код

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Николаева Е. К., Селиверстова Е. И., Ломакина О. В., Сувандии Н. Д. Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 51-64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Николаева Елена Каировна — кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9–11. Тел.: +7 (812) 328-08-42. Эл. адреса: elena_kairovna@mail.ru; e.nikolaeva@spbu.ru

Селиверстова Елена Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9–11. Тел.: +7 (812) 328-08-42. Эл. адрес: e.seliverstova@spbu.ru

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (967) 118-71-45. Эл. адреса: [rusoturisto07@mail.ru](mailto:ruseturisto07@mail.ru); lomakina-ov@rudn.ru

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs)

Elena K. Nikolaeva, Elena I. Seliverstova

St. Petersburg State University, Russian Federation,

Olga V. Lomakina

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation,

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation

The significance of natural landscape phenomena in people's life is reflected in linguistic units that reinforce their notions about the world around them. The article analyzes Tuvan paroemias that include components "mountain" and "cliff / rock". They were selected from lexicographic sources by using the method of continuous sample and compared to examples in the Altai and Buryat languages. The interlanguage comparative study of paroemias in the ethnic and linguoculturological aspect was carried out using the historical and etymological, the descriptive and analytical as well as the linguoculturological methods. As the analysis of Tuvan paroemias in comparison with units of the languages of the Central Asian region has shown, one of the most frequent units belonging to the natural cultural code is the component "mountain". The vivid image of a mountain is the basis of Tuvan proverbs. Their semantics is formed through comprehension and verbalization of various features (solidity, steadfastness, steepness and height of a mountain) as well as of related ideas about an inaccessible peak, a pass that is difficult to cross, stability and immutability of various objects. The authors also highlight some features of a cliff / rock (strength, hardness, steepness) that coincide with the characteristics of a mountain. The ideas realized in proverbs with the image of a mountain serve to express beliefs about humans, their capabilities, character traits and emotions, their goal commitment and applied efforts.

The comparison of Tuvan paroemias with units of other languages containing the image of a mountain shows differences in quantitative data: there are significantly more Tuvan and Altaic proverbs with the image of a mountain than there are such paroemias in the other languages. The analysis of the spectrum of features actualized in proverbs demonstrates the same attitude in the perception of the size of a mountain among representatives of different cultures. This leads to the use of its image as a benchmark of a large number and size. Some features of mountains and cliffs / rocks that have turned out to be significant for people of one or two cultures appear to be irrelevant in worldviews of other peoples. Both the real natural conditions and the system of axiologically ethno-marked images are reflected in this fact.

Keywords: paroemia; proverb; Tuvan language; Altai language; Tuvan folklore; Altai folklore; Buryat folklore; Khakas folklore; Kalmyk folklore; natural landscape code

Financing

This publication was supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. D.2-F/S2022.

For citation:

Nikolaeva E. K., Seliverstova E. I., Lomakina O. V. and Suvandii N. D. *Obraz gory v tuvinskoj paremike kak proiavlenie etnomarkirovannoi mental'nosti (na fone altaiskikh, khakasskikh, buriatskikh i kalmytskikh poslovits)* [The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 51-64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

NIKOLAEVA, Elena Kairovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. Postal address: 7-9-11, Universitetskaya Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 328-08-42. E-mail addresses: elena_kairovna@mail.ru; e.nikolaeva@spbu.ru [ORCID ID: 0000-0002-2449-3490](https://orcid.org/0000-0002-2449-3490)

SELIVERSTOVA, Elena Ivanovna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Department of Russian for the Humanities and Sciences, St. Petersburg State University. Postal address: 7-9-11, Universitetskaya Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 328-08-42. E-mail: e.seliverstova@spbu.ru [ORCID ID: 0000-0003-2020-0061](https://orcid.org/0000-0003-2020-0061)

LOMAKINA, Olga Valentinovna, Doctor of Philology, Professor; Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (967) 118-71-45. E-mail addresses: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru [ORCID ID: 0000-0003-0298-5678](https://orcid.org/0000-0003-0298-5678)

ru

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B, Mongush Sat St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-3817-2436](https://orcid.org/0000-0002-3817-2436)

Введение

Ландшафтные особенности региона и образ жизни местных жителей не могут не вызывать отражения в той или иной мере их особенностей в образном восприятии окружающего мира. Рельеф Тувы составляют горные хребты и нагорья; наиболее высокими являются горные хребты, представляющие часть Танну-Олу и Западно-Саянского нагорья (Макунина, Мальцева, Паршутина, 2007: 62).

В книге «Традиционная культура тувинцев» М. Б. Кенин-Лопсан при объяснении сути обрядов на перевале указывает на значение гор для миропонимания тувинцев: «Тува — страна гор. Тувинцы поэтому поклонялись им, существовал обряд, называемый танды дагыыры — поклонение духам — хозяевам гор. Человек, очутившийся на перевале, обязательно делает обиходный церемониал. Если он пеший, то должен сесть, покурить трубку. Он озирает окрестности, любясь красотами родной земли, с наслаждением вдыхает чистый, богатый ароматами воздух. Пешеход, поднимаясь к перевалу, обычно собирает камни, которые кладет на священный алтарь — оваа. Помолится хунгээр — по ходу солнца и отправляется дальше. Всадник на перевале обязан слезть с коня, разбрызгать араку из фляжки, разбросать кусочки еды по ходу солнца, прося милости у хозяев гор. Если у него всего этого нет, он привязывает белые ленточки к жердям оваа, вместо них может быть использован волос от гривы коня. Покулив, отдохнув, всадник молится, потом только спускается с перевала» (Кенин-Лопсан, 2021: 189-190). На территории Бурятии мощные горные хребты занимают в четыре раза большую площадь, чем низменности. А алтайцы гордятся тем, что на их территории находится самая высокая гора Сибири — Белуха. Не случайно, как отмечает в своей монографии Н. Р. Ойноткинова, в паремиях алтайского народа образ горы (*туу*) встречается в 33 единицах, а гора (*кыр*) — 29 раз; эти компоненты стоят на 3-м и 4-м местах по употребительности в рельефно-ландшафтных наименованиях (Ойноткинова, 2012: 330), что свидетельствует об их важности в языковой картине мире алтайцев.

Собирание паремий, их упорядочение, а также последовательное комплексное описание паремиологических фондов народов, проживающих на территории России, служит сохранению исторической памяти в целом и формированию представлений об особенностях конкретной лингвокультуры в частности. Обращение к паремийным массивам нескольких языков перспективно не только в плане поиска проявлений этномаркированной ментальности. Во главу угла может быть поставлено выявление в паремиофонде общих с другими языками — интернациональных, универсальных — пословиц, на фоне которых более четко предстает объем и характер этнокультурной составляющей. Это может быть показано на материале родственных языков (Николаева, 2010, 2020), одного языка в сопоставлении с несколькими другими языками, некоей пары неродственных (или отдаленно родственных) языков «и даже одной пословицы данного языка в сравнении с её иноязычными аналогами» (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1000).

Особенно активно в последние годы изучается паремиологический массив тувинского языка (см.: Бредис, 2023; Зиновьева, Алёшин, 2022; Селиверстова, 2022; Сувандии, 2023; и др.). Так, Е. Е. Иванов отмечает важность изучения паремий и их категоризации с семантических позиций и описывает отдельные типы паремиологических единиц по критерию «отношение их содержания к внеязыковой действительности» в эмпирическом и аксиологическом аспектах; паремии способны выражать реально существующие в мире закономерности либо противоречить действительности, выделять малозначимые или же существенные признаки предметов и явлений (Иванов, 2022b: 317), а также противоречить действительности в логическом или онтологическом плане; паремии способны как преобразовывать реальность «вопреки здравому смыслу», так и порождать альтернативную реальность (Иванов, 2022a: 1376).

На материале данных практически всех существующих словарей тувинской паремии О. В. Ломакина характеризует лингвокультурологическое и лингвоаксиологическое содержание паремий, демонстрируя неотделимость их содержания, с одной стороны, от прототипов пословиц, номинирующих «элементы материальной и духовной культуры народа», присутствующие в этноязыковой картине мира, а с другой — от этнокультурного смысла, стоящего за лексическими компонентами паремии, выступающими в их составе в качестве «этнолингвомаркеров» (Ломакина, 2022: 10). Кроме того, исследования показывают важность учета взаимовлияния языков в условиях их непосредственного взаимодействия, трансферных явлений (см., в частности: Бредис и др., 2022) и для решения такой проблемы, как соотношение этнической и гражданской идентичности. По мнению Т. Г. Боргояковой и К. А. Покояковой, этот подход «требует компаративного анализа сопряженности предметных и ког-

нитивных интерпретаций в словарных статьях и ассоциативных полях носителей русского языка и государственных языков республик Южной Сибири» (Боргоякова, Покоякова, 2022: 55).

Центральноазиатский континуум России¹ образует пять языков: принадлежащие к алтайской языковой семье тувинский, хакасский и алтайский языки, являющиеся по происхождению тюркскими, а также родственные монгольские — бурятский и калмыцкий языки. Для языковедов важен не только факт принадлежности языков к одной языковой семье и группе — если речь идет о родственных тувинском, хакасском и алтайском или, с другой стороны, о бурятском и калмыцком, но и возможность взаимовлияния языков территориально соседствующих этносов — в частности, бурятского по отношению к тувинскому, а также высокая вероятность культурно-языкового трансфера, отражением которого может быть паремиологическая система рассматриваемых языков. Вместе с тем при межъязыковом сравнении пословичных фондов разных языков и их интерпретации следует учитывать проявления этнокультурной маркированности взгляда на мир носителей определенной культуры (Селиверстова, 2019: 281), поскольку категоризация окружающего мира в различных лингвокультурах, безусловно, отмечена своей спецификой (Голубева, 2009: 235).

Цель статьи — проанализировать паремии с компонентом *гора* и *скала* в тувинском языке на фоне тюркских (алтайского и хакасского) и монгольских (бурятского и калмыцкого) языков народов Российской Федерации. Выбор номинаций мотивирован малоизученностью обозначаемых компонентов паремий и необходимостью полного описания ландшафтного кода тувинской культуры. Описание данного кода, проявляющегося в пословичных единицах, на фоне аналогичных единиц тюркских (алтайского и хакасского) и монгольских (бурятского и калмыцкого) языков позволит выявить особенности вербализации констант культуры, свидетельствующие о специфическом — или же универсальном — восприятии мира.

Основной единицей, которой мы оперируем в данной работе, является образ, использованный в паремии — преимущественно с целью передачи переносного смысла. По словам В. А. Масловой, «глубины коллективной памяти, коллективно рождаемые архетипические (мифологические) образы постоянно пересекаются с индивидуальным опытом человека и корректируют его» — на этой почве на уровне бессознательного представляется архетип (Маслова, 2014: 80). С. Сендерович видит в архетипе устойчивый образ, имеющий распространение в культуре и «повсеместно возникающий в индивидуальных сознаниях» (Сендерович, 1994: 144). Образ в паремии — это то, что стоит между знаком (компонентом, называющим предмет окружающего мира) и реализуемым им в паремии смыслом, который может передаваться как эксплицитно, так и имплицитно.

Образные представления, вербализуемые компонентами пословиц, «являются одним из воплощений словесной образности, которая в лингвистике в своем самом широком понимании квалифицируется как семантическая двуплановость, когда представление об одном фрагменте действительности (предмете, явлении, событии, ситуации и т. д.) передается в речи через название иного фрагмента действительности (предмета, явления, события, ситуации и т. д.)» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 240).

Природно-ландшафтный код культуры отражает климатические особенности региона с учетом его географического расположения. Например, в тувинской лингвокультуре учитываются «природные образы, из которых чаще актуализируются *даг* — гора, *далай* — море, *хүн* — солнце, *час* — весна, *күс* — осень, *чай* — лето, *кыш* — зима, *арыг* — лес, *ыяш* — дерево, *сиген* — трава, *хат* — ветер, *суг* — река, вода, *от* — огонь, *чер* — земля, *хар* — снег» (там же: 242; курсив источника. — Авт.). В тувинском языке для обозначения номинаций горного ландшафта используется лексема *даг* 'гора'² и 'горный'³, *хая*, *чалым* 'скала'⁴, *даг быжы* 'вершина горы'⁵, *арт* 'перевал'⁶, что находит отражение в паремиологическом фонде тувинского языка.

¹ Здесь мы опираемся на понимание «ареала Центральной Азии», предложенное Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2018: 89).

² Русско-тувинский словарь : 32 000 слов / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунааи др. / под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «ИПП «Журналист»», 2015. С. 118.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 532.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Там же. С. 373.

Описанию роли номинаций, относящихся к природно-ландшафтному коду лингвокультуры, в рассматриваемых языках посвящена монография Е. А. Бардамовой (Бардамова, 2021), статья Н. Д. Сувандии (Сувандии, 2023) и др. Так, Н. Р. Ойноткинова указывает на связь явлений природы (натурфактов) с мифологической картиной мира алтайцев (Ойноткинова, 2021). Монография «Репрезентация пространственных представлений в бурятском языке» Е. А. Бардамовой посвящена способам и средствам отражения процессов категоризации пространства: автор на различном языковом материале представляет ключевые образы бурятской лингвокультуры (горы, землю, степь, дорогу) (Бардамова, 2021). Н. Д. Сувандии, обращаясь к паремиологическому корпусу тувинского языка, отмечает важность концепта *чер* 'земля' для тувинской культуры; эта лексема в тувинском фольклоре выступает как номинация одного из элементов окружающего людей пространства (Сувандии, 2023: 30). Специальное исследование, посвященное изучению образа горы в тувинской паремиологии на фоне языков центральноазиатского континуума, до сих пор не проводилось.

Материалы и методы

Методологическая база исследования опирается на понимание паремиологии как самостоятельного направления в лингвистике (Мокиенко, 2010; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Seliverstova, 2020).

Источниками материала послужили паремиографические сборники тувинского, алтайского, хакасского, калмыцкого и бурятского языков¹, а также двуязычные словари². Также привлекались материалы научных изданий (Ойноткинова, 2012). Иллюстративный материал (более 50 единиц) исследования взят из авторской картотеки, включающей тувинские, хакасские, алтайские, калмыцкие и бурятские паремии с компонентами-номинациями горного ландшафта.

При проведении данного исследования использовались историко-этимологический, описательно-аналитический, лингвокультурологический методы, метод структурно-семантического моделирования для объективного межъязыкового сопоставления паремиологических единиц с учетом новейших достижений сравнительно-сопоставительной лингвоаксиологии и этнолингвокультурологии (Ломкина, 2021; Бредис, Иванов, 2021, 2022; Иванов, 2023).

Трудности преодоления гор

В языковой картине мира тувинцев горы представляются одним из наиболее ярких, дорогих их сердцу явлений, о чем свидетельствуют, в частности, паремия *Эжишкилер найыралы эртинне дагны тургузар*³ 'Дружба друзей драгоценную гору строит (возводит)' (пер. наш. — Авт.), где **высота** горы выступает как мера высокой ценности дружбы, что подчеркивается и компонентом *эртине* 'драгоценный'.

Горы в сознании тувинцев, как и многих других народов (не только сибирских), прежде всего ассоциируются с **препятствиями, трудностями их преодоления**. Например, трехчастная тувинская паремия, в которой представлены в качестве компонентов названия разных по типу природных пространств, представляющих для человека значительные трудности при необходимости их пере-

¹ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Ойноткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010; Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020; Матпаадыр : сборник детского фольклора / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2021; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020; Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: АПП «Джангар», 2007 (На калм. и рус. яз.); Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966; Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакаское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021.

² Алтайско-русский словарь / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев, А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыдыкова, Е. В. Тюттешева. Горно-Алтайск, 2018; Русско-тувинский словарь: 32 000 слов / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунааи др. / под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «ИПП "Журналист"», 2015; Тувинско-русский словарь : около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 75.

сечения: *Арыг үзүктүг, арт ажыглыг, таңды кестиг*¹ 'Лес прерывается (дорогами), перевалы встречаются, высокие горы прорезаются (перемежаются) низинами' (пер. наш. — Авт.). В качестве «спасительных», т. е. облегчающих преодоление проблемных природных зон, выступают дорога через лес, перевал через хребет и низина после горного массива. Совершенно очевидно, что в переносном смысле эта пословица проецируется на трудную ситуацию, в которую попадает человек, и служит ему обнадеживающим советом проявить терпение — и выход обязательно найдется. И горы, и лес здесь символизируют трудности, которые встречаются на жизненном пути тувинца. Не случайно они используются в качестве пословичного бинома² и в пословице *Ажынгаиш, арыг кирбе, дарынгаиш, даг үнме* 'Сердясь, в лес не ходи; злясь, в гору не иди'³.

Представления о высоте и крутизне горы актуализируются и в следующих тувинских паремиях: *Далай дүвүнге хол четпес, танды бажынга аргамчы четпес* 'Рукой до дна моря не достать, арканом до горных вершин не докинуть'⁴ (вершину горы не заарканить); *Кылык бопту човадыр, даг автты човадыр*⁵ 'Крутая гора коня измучает, тяжелый (дурной) нрав человека изведет' (пер. наш. — Авт.). Не случайно тувинская пословица рекомендует не погонять в гору своего коня (так как это тяжелая работа, требующая напряжения сил), сравнивая его с добрым другом, которому не следует отказывать в помощи в трудной ситуации: *Эки авдыңны дагга кызава, эки эжиңни чокка кызава* 'Доброго коня в гору не погоняй; доброго друга отказом не огорчай'⁶. Буряты также отмечают трудность подъема в горы, измеряя ее степень усталости коня: *Уула мори зобоохо, уур бэе зобоохо* 'Горы коня изматывают, гнев человека истязает'⁷; *Уулын үндэр мориндо зоболон, уур сухал бэедэ зоболон* 'Высокая гора изматывает коня, гнев человека изматывает его самого'⁸. Ср. также: бурят. *Уулын үндэрье дабажа мэдэхэ, олоной хэлэгшье шүүжэ мэдэхэ* 'Высоту горы узнают, преодолев ее, а о молве судят, анализируя ее своим умом'⁹.

Мотив преодоления трудностей в целом типичен для пословиц, поскольку в жизни нередко приходится прибегать к рекомендации не терять силу духа, не сидеть сложа руки, а действовать, полагаться только на себя, на собственные усилия. Применительно к образу гор этот мотив конкретизируется — речь идет о подъеме в гору, достижении вершины горы, переходе через горы: *Мал дилээнде — бедик үнер, падарлаанда (падарчы ламалаанда) — өглер кезиир* 'В поисках скота в гору поднимаются, в поисках веры по юртам ходят'¹⁰. Эти паремии перекликаются с алтайскими: *Кыймыктаган кижы кыр ажар, // Отурган кижы отурып калар* 'Идущий человек гору перевалит, // Сидящий человек [так и] просидит'; *Кыймыктаган кижы кыр ажар* 'Идущий человек гору перевалит'; *Озологоны — от алар, // Кыймыктанганы — кыр ажар* 'Тот, кто опередит, огонь получит, // Тот, кто пошевелится, гору перевалит'¹¹.

¹ Там же. С. 86.

² Под пословичным биномом нами понимаются парные компоненты — материальные сгустки в составе паремиологических единиц (ПЕ), которые называют «предметы и явления окружающего мира, которые, будучи знакомыми и понятными говорящему, позволяют устанавливать связи и зависимости между ними, из которых в конечном итоге выводится смысл всего изречения. На них базируется концептуальное содержание пословицы. Повторяющиеся от ПЕ к ПЕ устойчивые комбинации элементов, связанные определенными семантическими отношениями <...> свидетельствуют об ассоциативном восприятии окружающего мира носителями языка» (Селиверстова, 2022: 117). Ср.: *река — море, река — гора, река — берег, река — рыба* и др. Бином *гора — конь*, например, присутствует в ПЕ всех трех рассматриваемых языков. В указанной работе Е. И. Селиверстовой на примере тувинской паремии приводится достаточно подробная типология биномов.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 83.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 206.

⁸ Там же. С. 207.

⁹ Там же. С. 206.

¹⁰ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 39.

¹¹ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Отйоткиной, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 211.

Покорение горы как цель

Семантика **достижения цели, предела** также выражается через образ достижения вершины горы: тув. *Даг бедик-даа болза, кырлыг, далай терең-даа болза, дүптүг* 'Гора хоть высока, но имеет пик (предел, конец), море, пусть и глубокое, имеет дно'¹.

Подъем в гору — это определенная работа, и опытные люди неплохо представляют себе, с какими трудностями сопрягается такой путь и как с ним справиться, поэтому в тувинской пословице *Даг көрбейн — эдээн азынма, суг көрбейн, идишң ужулба*² 'Не увидев горы — не откидывай подол (полы), не увидев воды — не снимай обувь' (пер. наш. — Авт.) гора также символизирует препятствие, которое следует правильно, не торопясь, оценить, прежде чем постараться преодолеть.

Встречающийся в тувинских пословицах бином *гора — море* заставляет признать, что его использование объясняется достаточно прочными ассоциативными связями двух самых значительных в картине мира тувинцев ландшафтных явлений: за горой закрепляется устойчивый признак высоты, а за морем — глубины: *Даг бедик-даа болза, бустур, далай терең-даа болза, соглур* 'Гора высока, да разрушается; море глубоко, да пересыхает'³. М. Т. Сатанар, сопоставляя тувинскую и якутскую эпические традиции, отмечает, что использование «кодовых конфигураций», в которых сочетаются единицы разных культурных кодов в виде «парных сочетаний», типичное для тувинского эпоса, есть проявление специфики мифологического мышления (Сатанар, 2022: 220). Ср.: бурят.: *Эсэгы гомдо-хооход — һумбэр ууоа хэмхэрхэх дико оходо — һүн далай шэргэх* 'Если обидеть отца — разрушится гора Сумбар; если мать обидеть — молочное море иссякнет'⁴; *Яһаар уула бодхоожо, шуһаар далай тогтообо* 'Из костей гору подняв, из крови море сотворил'⁵. В последней пословице образы *горы* и *моря* выражают семантику **большого количества** — речь идет о погибших на войне.

Гора выступает в пословицах тувинского, алтайского и бурятского народов в качестве меры **величины** — 'большой' и **количества** — 'много': тув. *Даш дег ак, довук дег караны базар* 'Правда с маленький белый камешек победит неправду с черную гору'⁶; *Даг дег караны довук дег ак базар* 'Правда с ноготок гору лжи победит'⁷; *Эжишкилер найыралы эртине дагны тургузар* 'Дружба людей гору сокровищ создаст'⁸; алт. *Туудый коозо болгончо, // Айакча аш болзын* 'Чем мякины с гору будет, // Лучше зерна с чашку будет' и *Туудый күл болгончо, // Айакча аш болзын* 'Чем золы с гору будет, // Лучше зерна с чашку будет'⁹.

В хакасской паремике знания сравниваются с высотой гор, при этом в пословице *море — горы* и *разум — знания* выступают в пословице в качестве бинома: *Сағыс Талайдаң даа чалбах, // Піліс тағдаң даа пөзік* 'Разум шире, чем морской простор, // Знания выше гор'¹⁰. Ср.: калм. *Медл далаһас гүн, // Эрдем уулас өндр* 'Знания глубже океана, // А образование — выше гор'¹¹.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 95.

² Там же. С. 26.

³ Пословица из картотеки Н. Д. Сувандии.

⁴ Бальбурова Б. Буряд арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 347.

⁵ Там же. С. 361.

⁶ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 96.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Матпаадыр : сборник детского фольклора. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2021. С. 139.

⁹ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Отиноткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 219.

¹⁰ Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 54.

¹¹ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: АПП «Джангар», 2007. (На калм. и рус. яз.) С. 238.

Внешние характеристики гор

Красота высоких гор воспевается в калмыцкой пословице *Өндр уул деер нархла, нүднэ сергмж, // Өвгн күүнлэ күүндхлэ, чеежин сергмж* 'Взойдешь на высокую гору — глазам простор открывается, // Поговоришь со старцем — душа наслаждается'¹; *Уул үзх нүдн уга, // Оошк даах шүдн уга* 'Нет глаз, чтобы разглядеть горы, // Нет зубов, чтобы разжевать легкие'².

Образ высокой горы в ряде паремий участвует в формировании представления о преодолении серьезных препятствий. Мотив подъема на гору и перевала через нее вербализуется в тувинской пословице *Ады арт ажа бээр, сураа суг кеже бээр* 'Слова о нем перевал перейдут, слух о нем реку переплывет'³. У алтайцев переход через горы становится **мерилом приложенных усилий, проявленного упорства**: *Кыс бала энезине болуш, // Уул бала адазына болуш* 'Дочь вырастишь — гору перевалишь, // Сына вырастишь — светло будешь жить' и *Кысту кижы кыр ажар* 'Человек, имеющий дочь, гору перевалит'⁴; *Арай барган абра туу үстинде болор* 'Тихо едущая телега на горе будет'⁵, т. е. достигнет желанного предела. Близкая семантика — 'только активное действие, требующее определенных усилий, приводит к достижению цели' — обнаруживается и в алтайской пословице *Чеченинле чет кеспезин, чегинле туу ашпазын* 'Своим остроумием молодую лиственницу не срубишь, своей добропорядочностью (честностью) гору не перевалишь'⁶. Ср. аналог в тувинской паремике — с использованием иных образов: *Дылың-биле дьт ужурба, аксың-биле аал көжүрбе* 'Языком дерева не срубишь, словами аал не перевезешь'⁷. В калмыцкой паремии проявляется семантика твердости намерений: *Уул өндр болв гиж хооран бичэ нар, // Көдлмиш ик болв гиж бичэ зов* 'Как ни высока гора, не отступай, // Как ни велика работа, не горюй'⁸.

Роль горы в представлении эмоционального фона человека

Высший накал эмоций — гнев — также характеризуется в алтайском языке использованием образа горы: происходит слияние эмоционально-чувственного и ландшафтного кодов. Горе и гнев могут быть такими безмерными, что способны охватить огромные пространства, распространяясь в разных направлениях: *Кородош кобы кечер, ачыныш арт ажар* 'Горе лог перейдет, гнев гору перевалит'⁹. Н. Р. Ойноткинова отмечает, что понятия, связанные с эмоциональными, физическими, социальными и некоторыми другими состояниями, «объективируются как субъекты, способные к движению» (Ойноткинова, 2012: 102). Эта паремия допускает и иное прочтение: сила гнева может восприниматься как стимулирующая, способная подвинуть человека на преодоление препятствия в виде горы. У хакасов гора выступает местом уединения, размышлений, где можно побороть собственные отрицательные эмоции: *Иринзең, ирге нар, // Тарынзан, таға нар* 'Если скучаешь, выходи замуж, // Если ты рассержен, отправляйся в горы'¹⁰.

Если для алтайцев и хакасов сильные чувства способствуют преодолению таких трудных препятствий, как горы, то в тувинской пословице, напротив, проявление сильных эмоций мешает справиться с трудностями: *Хорадааш хову кежер эвес, ажынгааш арт ажар эвес*¹¹ 'Вспыльчивый лог не

¹ Там же.

² Там же.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 13.

⁴ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Ойноткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 167.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Там же. С. 111.

⁷ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 27.

⁸ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: АПП «Джангар», 2007. (На калм. и рус. яз.). С. 277.

⁹ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Ойноткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 41.

¹⁰ Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 117.

¹¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 59.

перейдет, сердитый перевал не осилит' (пер. наш. — Авт.). Примечательно, что в качестве препятствия использован не образ горы, а перевал ('пониженный участок в гребне горного массива'), наиболее легкий и удобный для перехода из одной горной долины в другую. Кстати, это значение нашло отражение в тувинской паремии *Арыг үзүктүг, арт ажыглыг, таңды кестиг* 'Лес имеет проход, хребет имеет переход, гора имеет перевал'¹. Следует отметить, однако, что образ перевала в тувинской паремике выступает и в значении «трудное препятствие», поскольку его преодоление предполагает сначала подъем в гору: *Ажынгааш, арт ажар эвес* 'Одной злостью перевал не преодолешь'²; *Хорадааши, хову кежер эвес, ажынгааш, арт ажар эвес* 'Сердитого перевал успокоит, нетерпеливого степь остудит'³.

Символика неподвижности, постоянства

Горы выступают как символ **неподвижности, постоянства, незыблемости**: тув. *Ийи дагның бажы чоок-даа болза, дээшпес, ийи кижиниң аразы ырак-даа болза, көржүр* 'Близко стоят вершины двух гор, а не сойдутся; далеко живут два человека, но встретятся (свидятся)'⁴; *Дагның бажындан туман ыравас, даңгырактыгның чүрээнден ынак ыравас* 'С горной вершины не сходит туман, с верного сердца — клятва любви'⁵ (вариант: «в верном сердце не проходит любовь», т. е. гора сохраняет свой привычный облик). Ср.: бурят. *Бодолтой хүн боори урбуулха, хабатай хүн хада урбуулха* 'Умный перевернет подножие горы, сильный человек гору перевернет'⁶.

В мифологическом сознании тюркских народов Сибири гора представляется окаменевшим богатирем, местом хранения его души, поэтому в алтайских паремиях *гора* выступает эталоном **стойкости**, свойственной человеку: алт. *Коркынчак кижы койонго тўнгей, турумкай кижы тууга тўнгей* 'Трусливый человек, как заяц, стойкий человек, как гора'⁷.

Крепость горы позитивно оценивается в калмыцкой паремии *Түшвл — уул, // Түргвл — алтн* 'Если опираться, то на гору; // Если выбрасывать изо рта, то золото'⁸.

Образ вершины горы вовлекается в двухчастные построения, призванные подчеркнуть логичность происходящего, причинно-следственные связи. Вполне закономерно, что на вершине горы дует сильный ветер, и так же логично, что во время драки проливается кровь: тув. *Шогжаң (бедик тайга, бедик чер, бедик ыяш) бажы хаттыг, шош бажы ханныг* 'На вершине горы ветер дует, затеешь драку — кровь льется'⁹. С другой стороны, ветренность («ветер в голове») как признак несерьезного, неосновательного человека становится причиной неприятных последствий, осложнений — в таком случае вершина горы ассоциативно связана с головой человека как вместительницей ума и совести. Ср.: алт. *Айан тууда өлөн жок, как мандайда уят жок* 'На открытой вершине горы травы нет, на гладком (букв. сухом) лбу стыда нет'; *Салкындугу тууда кар жок, // Санаалу кижиде энчү жок* 'На горе, где ветер, снега нет, // Умному человеку покоя нет'¹⁰. В бурятской паремике также присутствует параллель «вершина горы — голова человека», проводимая по признаку пустоты, которая применительно к человеку становится оценочным признаком — высокомерие отличает не очень умного человека: *Үндэр хадын орой хооһон, өвдэргүү хүнэй толгой хооһон* 'Вершина высокой горы голая, а у спесивца голова пуста' и *Үндэр хадын оройдо модон үгы, үлэгэр бардамай тархинда эсэн үгы* 'На вершине высокой горы нет деревьев, в голове хвастуна нет ума'¹¹. Ср. аналогичное сопоставление пустой головы с высокой голой скалой: бур. *Орьёл үндэр уулада ута ногоон ургадаггүй, омог бардам сэдхэлдэ олон эрдэм тогтодоггүй* 'На высокой скале трава не растет,

¹ Там же. С. 86.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Бальбурова Б. Буряд арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 47.

⁷ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Отйоткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 47.

⁸ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / На калм. и рус. яз. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 199.

⁹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 71.

¹⁰ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Отйоткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 57.

¹¹ Бальбурова Б. Буряд арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 229.

у зазнавшегося — знания не задержатся¹; калм. *Өндр уулын ора хоосн, // Деегүр күмни толһа хоосн* 'У высокой горы вершина голая, // У высокомерного (заносчивого) человека голова пустая'².

Скала в большей степени представлена в тувинских паремиях, нежели в алтайских, хакасских и бурятских. Для носителей тувинского языка этот образ является символом **твердости, прочности**, в том числе — прочности взаимоотношений людей: *Алышкылар ынаа хая-даштан артык* 'Любовь братьев крепче скалы'³. В аналогичной алтайской паремии с крепостью крутой скалы сравнивается единство родных людей: *Карындаштардын бирлиги кайа таштан да бек* 'Единство братьев крепче даже крутой скалы'⁴. Иначе используется образ скалы для реализации идеи прочности, твердости в бурятских паремиях: *Дайнай харгыда хабсагай шулуун бутархай, халуун шуһан урданхай* 'На войне горные скалы крошатся, горячая кровь проливается'⁵; *Жалгые үтэгжүүлхэ, хабсагайгаар харгылха* 'Овраги превратить в луга, через скалы пробить дороги'⁶.

В представлениях тувинцев отразились и крутые, отвесные склоны скалы (*Кадыр дагдан калчаа далай кончуг* 'Разъяренное море страшнее крутой скалы'⁷), и ее **неподвижность, незыблемость**: *Хат улуг-даа болза, хаяны угбас; хаан бай-даа болза, эдинге пөкпес* 'Ветер хоть и сильный, скалу не поднимет; хан хоть богатый, золотом не пресытится'⁸; ср.: калм. *Ууж идхд — уурһын мөрн, // Ургшан ишкхд — урһа хад* 'На еду и питье как конь укрючный, // А двигаться вперед — как скала неподвижен'⁹. А в алтайской пословице образ скалы служит для представления эффективности коллективных усилий людей, способных совершить невозможное: *Албатынын күчиле кайа да кыймыктаар* 'Силой народа и скала будет сдвинута'¹⁰. Хакасские паремии отрицают прочность и незыблемость скалы перед человеком, готовым состязаться с природой: *Чалтанмаза, // Чалым хайа даа чарылчаң* 'Если не робеть, // То и скалу можно разрушить'¹¹.

В паремиях отразились и наблюдения, связанные с миром животных: скала — место обитания горных коз: тув. *Бажа бажазынга ынак, өшкү хаязынга ынак* 'Свояк любит свояка, козел любит скалу'¹². В пословице *Хаак баштаан тевени өшкү кайгаар, // Хая кырлаан өшкүнү теве кайгаар* 'Верблюд верхушки тальника объедает — коза удивляется; // Коза на скалу лезет — верблюд диву дается'¹³ противопоставляются образы двух животных, что позволяет реализовать идею о приверженности каждого своим привычкам и собственному вкусу.

Заключение

Как показал проведенный анализ тувинской паремии, одним из ярких образов и центральным объектом природно-ландшафтного кода тувинской лингвокультуры являются *даг* 'гора', а также сопредельные номинации: *хая* 'скала', *даг быжы* 'вершина горы', *арт* 'перевал'. Это яркие и разнообразно прочитываемые носителями тувинского языка и культуры образы.

¹ Там же. С. 164.

² Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: АПП «Джангар», 2007. (На калм. и рус. яз.). С. 474, 542.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 15.

⁴ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Отйоткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 181.

⁵ Бальбурова Б. Буряад арадай онһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 95.

⁶ Там же. С. 112.

⁷ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 103.

⁸ Там же. С. 57.

⁹ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: АПП «Джангар», 2007. (На калм. и рус. яз.) С. 511.

¹⁰ Алтайские пословицы и поговорки / пер. Н. Р. Отйоткиновой, С. П. Рожновой. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2010. С. 127.

¹¹ Хыйга сөс: сиспектер, сөспектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 61.

¹² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 89.

¹³ Там же. С. 56.

Согласно тувинским паремиям, гора является символом прочности, постоянства и вневременной неподвижности, высоты и крутизны, ассоциируемых с преодолением препятствий и значительных трудностей, а также невозможности свершения чего-либо. Достижение вершины горы символизирует предел, воспринимается как успех.

Отдельные векторы восприятия горы, отразившиеся в паремиях, перекликаются в нескольких из рассматриваемых языков: трудность подъема в горы отмечена и в бурятских пословицах, а переход через перевал у алтайцев символизирует усилия, сопоставимые с теми, что прилагают родители, растящие детей.

Борьба с трудностями, ассоциируемая с подъемом в горы, связывается говорящими с миром эмоций, но по-разному: алтайцы расценивают сильные эмоции как стимулирующий фактор при переходе через горы, хакасы — как успокаивающий, а в тувинских паремиях они воспринимаются как помеха в подобной серьезной ситуации.

В силу своей масштабности гора выступает как эталон большого размера и значительного количества — это представление совпадает у тувинцев, алтайцев и бурят, для которых горы являются близкой и важной реальностью.

Эстетическое восприятие гор отмечено лишь в калмыцких паремиях.

Основные признаки скалы, отражаемые в пословицах, это ее отвесные склоны, незыблемость и прочность, которые в тувинских и алтайских паремиях проецируются на область семейных отношений, а в бурятском языке мотив разрушения скал воспринимается как символ грандиозности происходящего.

Образы горы и скалы в целом предстают в паремиях в разных проекциях и преимущественно сквозь призму антропоцентричности: человек и его усилия, человек и его эмоции, его свершения, его характер и отношения с другими людьми и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бардамова, Е. А. (2021) Репрезентация пространственных представлений в бурятском языке. Изд. 2-е, испр. и доп. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та. 176 с. DOI: <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1610-9-2021-1-176>

Боргоякова, Т. Г., Покаякова, К. А. (2022) Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири // Новые исследования Тувы. № 4. С. 53–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11, № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Булгутова, И. В. (2020) Предисловие // Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ. 368 с. С. 3–6.

Голубева, Е. В. (2009) Базовый концепт «дом» в пословицах // Молодой ученый. № 12. С. 235–236.

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Иванов, Е. Е. (2022а) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 248 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Макунина, Н. И., Мальцева, Т. В., Паршутина, Л. П. (2007) Горная лесостепь Тувы // *Растительность России*. № 10. С. 61–88.

Маслова, В. А. (2014) Лингвокультурология как наука о наиболее культуроносных языковых сущностях // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. № 16. С. 78–90.

Мокиенко, В. М. (2010) Современная паремиология (лингвистические аспекты) // *Мир русского слова*. № 3. С. 6–20.

Николаева, Е. К. (2010) Polonica в русских пословицах // *Słowo. Tekst. Czas. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*. Szczecin ; Greifswald. S. 612–619.

Николаева, Е. К. (2020) К проблеме славянского языкового взаимодействия // *Obraz světa v jazyce a frazeologii II = World in pictures and in phraseology II* / ed. by L. Janovec. Praha : Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta. S. 319–326.

Ойроткина, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск : Институт филологии. 354 с.

Ойроткина, Н. Р. (2021) Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 622 с.

Сатанар, М. Т. (2022) Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 211–224. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

Селиверстова, Е. И. (2019) Свой глаз алмаз, а чужой — стекло: доверие и недоверие у русских и чехов (на примере паремии) // *Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М. : Гнозис. 856 с. С. 281–291.

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Сендерович, С. (1994) Ревизия юнговской теории архетипа // *Логос*. № 6. С. 144–163.

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // *European Journal of Science and Theology*. Vol. 17, no. 2. P. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of manifestation of typological similarity in proverbs of different languages // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. Vol. 11, no. 2. P. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 02.06.2023 г.

Дата принятия: 01.09.2023 г.

REFERENCES

- Bardamova, E. A. (2021) *Reprezentatsiia prostranstvennykh predstavlenii v buriatskom iazyke [Representation of spatial representations of space in the Buryat language]*. 2nd ed., revised and enlarged. Ulan-Ude, Buryat State University Publ. 176 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1610-9-2021-1-176>
- Borgoiakova, T. G. and Pokoiakova, K. A. (2022) Smyslovye zony vospriiatiia iazykov v kontekste natsional'no-russkogo bilingvizma Iuzhnoi Sibiri [Semantic zones of language perception in the context of national-Russian bilingualism in southern Siberia]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 53–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>
- Bredis, M. A. (2023) Simvolika chisla deviat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiiia poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funkcionirovanie [Proverb in modern linguistics: Definition, status, functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).
- Bulgutova, I. V. (2020) Predislovie [Foreword]. In: Balburova, B. *Buriaad aradaï on'hon uran yge = Poslovitsy i pogovorki buriat [Proverbs and sayings of the Buryats]*. Ulan-Ude. 368 p. Pp. 3–6. (In Russ. and Buryat).
- Golubeva, E. V. (2009) Bazovyi kontsept «dom» v poslovitsakh [The basic concept “house” in proverbs]. *Molodoi uchenyi*, no. 12, pp. 235–236. (In Russ.).
- Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) Sem'ia v komparativnykh paremiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremiology of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaia tipologiiia tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>
- Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskom slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>
- Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiia (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatiia i metodika vyiavleniia) [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure

for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 248 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [National character of Tuvans]*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiya: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Makunina, H. I., Maltseva, T. V. and Parshutina, L. P. (2007) Gornaia lesostep' Tuvy [The mountain forest-steppe of Tuva]. *Vegetation of Russia*, no. 10, pp. 61–88. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2014) Lingvokul'turologiya kak nauka o naibolee kul'turonosnykh iazykovykh sushchnostiakh [Cultural linguistics as a science about the most culture-bearing linguistic phenomena]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 16, pp. 78–90. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2010) Sovremennaiia paremiologiya (lingvisticheskie aspekty) [The modern paremyology (linguistic aspects)]. *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.).

Nikolaeva, E. K. (2010) Polonica v russkikh poslovitsakh [Polonica in Russian proverbs]. In: *Słowo. Tekst. Czas. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*. Szczecin; Greifswald. Pp. 612–619. (In Russ.).

Nikolaeva, E. K. (2020) K probleme slavianskogo iazykovogo vzaimodeistviia [The issue of Slavic language interaction]. *Obraz svēta v jazyce a frazeologii II = World in pictures and in phraseology II* / ed. by L. Janovec. Praha, Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta. Pp. 319–326. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: Poetics and pragmatics of genres]*. Novosibirsk. 354 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2021) *Mifologicheskaiia kartina mira altaitsev: kontsepty, motivy, siuzhety [Mythological worldview of the Altaians: Concepts, motives, plots]*. Novosibirsk, Publishing and Printing Center at Novosibirsk State University. 622 p. (In Russ.).

Satanar, M. T. (2022) Kody v miromodelirovanii tuvinskogo i iakutskogo epicheskikh skazanii [Codes in modeling the world of Tuvan and Yakut epic tales]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 211–224. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

Seliverstova, E. I. (2019) Svoi glaz almaz, a chuzhoi — steklo: doverie i nedoverie u russkikh i chekhov (na primere paremiki) [One's own eye is a diamond, and someone else's is a glass: Trust and distrust among the Russians and Czechs (the case of paroemias)]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Poniatie very v raznykh iazykakh i kul'turakh [Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures]* / ed. by N. D. Arutiunova and M. L. Kovshova. Moscow, Gnozis. 856 p. Pp. 281–291. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2022) Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Senderovich, S. (1994) Reviziia iungovoi teorii arkhetaipa [Revision of Jung's theory of the archetype]. *Logos*, no. 6, pp. 144–163. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2023) Cher 'zemlia' v paremiiakh tuvintsev [Cher 'earth' in Tuvan paroemias]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of manifestation of typological similarity in proverbs of different languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 02.06.2023.

Acceptance date: 01.09.2023.

Мир диких животных и их образов в тувинских загадках

Евгений Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Шенне В. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

Цель исследования — определить основные аспекты реализации и проблемы изучения системы номинаций животных (зоолексики) в загадках тувинского народа в лингвистическом и лингвокультурологическом планах. Фактическим материалом исследования послужили издания тувинских загадок, а также примеры загадок из сборников и исследований тувинского фольклора.

Совокупность лексических единиц в загадках — это специфическая в собственно лингвистическом и в лингвокультурном аспектах подсистема тувинского языка и фольклора. Фаунистическая лексика представляет собой одну из универсальных тематических групп в словарном составе языка, центральное место в которой занимают наименования животных. В этой связи наиболее актуальным (и наиболее трудным) является комплексное исследование системы названий объектов животного мира в загадках, репрезентирующей как универсальные свойства фаунистической лексики, так и своеобразие анималистической концептосферы в этноязыковой картине мира тувинцев.

В статье рассматриваются два основных аспекта реализации зоолексем — как компонентов лексической организации паремий и как элементов образно-семантического пространства тувинских загадок. Описываются номинации животных в собственно лингвистическом плане (место и объём зоокомпонентов в составе загадок, лексико-семантические связи и группы зоокомпонентов загадок, особенности отражения вариативности и синонимии зоокомпонентов в загадках) и в лингвокультурологическом плане (зоокомпоненты как репрезентанты образов животного мира, как маркеры традиционной культуры, как детерминанты народного мышления в тувинских загадках).

Ключевые слова: тувинский фольклор; тувинский язык; паремиология; загадка; образная семантика; фаунистическая лексика; зоолексема; зоокомпонент

Исследование выполнено благодаря Системе грантовой поддержки научных проектов РУДН, научный проект D.2-F/S2022 (Российская Федерация).

Публикация выполнена благодаря гранту Главы Республики Тыва для поддержки молодых ученых Республики Тыва в 2023 году, научный проект «Разработка базы данных охотничьей лексики тувинского языка и его диалектов» (Российская Федерация).

Для цитирования:

Иванов Е. Е., Монгуш Ш. В. Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +375 (29) 691-50-01. Эл. адрес: ivanov-rudn@mail.ru

Монгуш Шенне Вадимовна — старший преподаватель кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: shenne2242@mail.ru

The world of wild animals and their images in Tuvan riddles

Eugene Eu. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation,

Shenne V. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation

The objective of the research is to determine the main aspects of pursuance and issues of studying the animal naming system (animal lexis) in riddles of the Tuvan people in linguistic and linguoculturological terms. The factual basis of the study was editions of Tuvan riddles, as well as examples of riddles taken from collections and research works on Tuvan folklore.

The totality of lexical units in riddles is a subsystem of the Tuvan language and folklore that is specific in the linguistic and linguocultural aspects. Faunal lexical units comprise one of the universal thematic groups in the vocabulary of the language. Names of animals occupy a central position in it. In this regard, the most relevant (and the most difficult) is a comprehensive study of the system of names of objects of the animal world in riddles, which represents both the universal features of faunal vocabulary and the distinctness of the sphere of animalistic concepts in the ethno-linguistic worldview of the Tuvans.

The article deals with two main aspects of functioning of animal lexemes as components of lexical structure of paroemias as well as elements of the figurative and semantic space of Tuvan riddles. The authors describe the naming of animals in the linguistic aspect (place and volume of zoological components in the composition of riddles, lexical and semantic connections and groups of animal components of riddles, features of reflecting the variability and synonymy of such components in riddles) and in linguoculturological terms (zoo-components that represent images of the animal world, indicate traditional culture and determine the people's way of thinking in Tuvan riddles).

Keywords: *Tuvan folklore; Tuvan language; paremiology; riddle; figurative semantics; faunal lexis; zoo-lexeme; zoo-component*

Financing

The research was carried out with the support of the RUDN University Scientific Projects Grant System, project D.2-F/S2022 (Russian Federation).

The publication was prepared with support from the Head of the Republic of Tuva to promote young researchers of the Republic of Tuva in 2023, project "Development of a Database of Hunting Vocabulary of the Tuvan Language and Its Dialects" (Russian Federation).

For citation:

Ivanov Eu. Eu. and Mongush Sh. V. Mir dikikh zhivotnykh i ikh obrazov v tuvinskikh zagadkakh [The world of wild animals and their images in Tuvan riddles]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 65-83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

IVANOV, Eugene Eugenevich, Doctor of Philology, Professor, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +375 (29) 691-50-01. E-mail: ivanov-rudn@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-6451-8111](https://orcid.org/0000-0002-6451-8111)

MONGUSH, Shenne Vadimovna, Senior Lecturer, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 9B, Mongush Sat St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: shenne2242@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-0062-3331](https://orcid.org/0000-0003-0062-3331)

Введение

Тувинские загадки стали собираться начиная еще с конца XIX в., когда в 1889 г. Н. Ф. Катанов записал 133 загадки, которые впоследствии были частично (46 единиц) опубликованы с переводами на русский язык в его «Опыте исследования урянхайского языка...» в 1903 г. (Катанов, 1903), а в полном объеме в составе сборника «Наречия урянхайцев (сойотов)...» вошли в «Образцы народной литературы тюркских племен», изданные стараниями академика В. В. Радлова в 1907 г. Первое отдельное собрание тувинских загадок «Тывызыктар» (305 единиц, составители А. К. Калзан и Д. С. Куулар) было издано в 1958 г.¹, второе под названием «Тыва улустуң тывызыктары» (536 единиц, составитель О. К.-Ч. Дарыма) — в 1976 г.², третье, более полное, «Тыва тывызыктар» (1121 единиц, составитель Г. Н. Курбатский) с переводами на русский язык — в 2002 г.³ (переиздано в 2021 г.⁴), а последнее, научное издание загадок «Тыва улустуң тывызыктары» (составитель А. Т. Дугаржап) увидело свет в 2011 г.⁵

Системное изучение тувинских загадок как одного из малых жанров тувинского фольклора началось спустя почти столетие, только в последней четверти XX в. Первая общая характеристика загадок была дана С. М. Сат в статье «Тывызыктар» (Сат, 1976), а наиболее целостное представление о жанровых особенностях загадок тувинского народа изложено в монографии Г. Н. Курбатского «Тувинцы в своем фольклоре» (Курбатский, 2001: 334–442). В работах последнего времени получили освещение общие и специфические свойства жанра загадок в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии (Юша, 2021). Отдельные аспекты построения, образности и этнокультурного содержания загадок рассматривались на фоне иных малых жанров устно-поэтического творчества — пословиц, поговорок, примет, триад (Мижит, 2013; Соян, 2020; Монгуш, 2023). В новейших исследованиях тувинские загадки анализировались в плане сопоставления в них образов природы с русскими, татарскими и испанскими загадками (Чеснокова, Усманов, 2022а), а также пищевого кода культуры в сравнении с русскими загадками (Чеснокова, Усманов, 2022b). Вместе с тем мир животных и их образов до сих пор не был предметом специального исследования загадок тувинского народа.

Номинации животных и анималистические образы представляют собой универсальное свойство паремий и в своей совокупности репрезентируют систему представлений о фауне и об отношении человека к ней и отдельным ее особям в традиционной картине мира каждого народа. Так, чрезвычайно разнообразно представлена зоолексика в тувинских пословицах и поговорках, где «в качестве наиболее продуктивных способов создания анималистических образов выступают, во-первых, зооморфизм (наделение людей качествами животных), во-вторых, антропоморфизм (перенесение качеств человека на животных), в-третьих, уподобление условий жизни и качеств человека и животных» (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 58). В этом смысле актуальным является исследование зоономинаций и описаний животных не только в пословицах, но и в загадках, в которых окружающий мир отображается при помощи сложного взаимодействия образно-символических представлений и их ассоциативно-вербальных корреляций, восходящих к архетипическим стереотипам и древнейшим языковым метафорам.

Номинации животных в загадках используются в двух функциях: как денотаты загадок (ответ на загадку) и как компоненты загадок (элемент иносказательного сообщения о тех или иных свойствах, качествах, признаках того объекта, который зашифрован в загадке). В этом плане сам репертуар номинаций животных и их количественное и качественное соотношение в разных функциях в составе загадок не только указывает на характер и стилистические особенности употребления зоолексика в языке малых жанров фольклора, но и манифестирует место и роль представлений о тех или иных животных в этнической паремической картине мира.

Цель исследования — определить характер реализации номинаций животных дикой природы и особенности их образного описания в тувинских загадках (в лингвистическом и в лингвокультурологическом планах).

¹Тывызыктар [Загадки] / сост. А. К. Калзан, Д. С. Куулар. Кызыл, 1958. 60 с.

²Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. О. К.-Ч. Дарыма. Кызыл: Тываның ном ундурер чери, 1976. 144 с.

³Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2002. 253, [1] с.

⁴Тувинские загадки = Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. 158 с.

⁵Тыва улустуң тывызыктары [Тувинские народные загадки] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Аныяк, 2011. 255 с.

Фактическим материалом для исследования послужили 1121 загадка (в том числе 209 загадок о диких животных) из сборника Г. Н. Курбатского¹, в котором наиболее разнообразно представлены загадки тувинского народа. Для верификации структуры и языковых особенностей загадок (прежде всего в плане их вариативности) использовались материалы иных сборников загадок, а также примеры загадок из исследований тувинского фольклора.

Методологической базой исследования являются основные положения этнокультурологического направления в паремиологии как языковедческой дисциплины (Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрестках ... , 2021), теории и практики лингвокультурологического анализа паремий (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2022а; Петрушевская, 2022; Иванов, 2023), концепции лингвокогнитивного анализа тувинских паремий (Иванов, 2022ab), а также новейших методов их этнокультурного изучения (Бредис и др., 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Бредис, Иванов, 2022b; Ломакина, 2022; Петрушевская, 2023). Описание семантического и культурного пространства загадок базируется на новейших исследованиях загадки как фольклорного жанра (Ковшова, 2021; Мамедова, 2021; Орлова, 2022а; Чеснокова, Медведева, 2022), в том числе и в тувинском фольклоре (Юша, 2021; Чеснокова, Усманов, 2022ab), а также на изучении номинаций и образов животных в загадках различных народов мира (Ананьева, 2018; Дзюба, 2020; Файзуллина, Сюй 2022; Филиппова В., Филиппова С., 2022; Орлова, 2022b, 2023).

Номинации животных в тувинских загадках

В тувинских загадках номинации животных дикой природы наиболее полно и разнообразно представлены в качестве загадковых денотатов. Так, из 1121 загадки, проанализированных в исследовании, 209 (что составляет почти 19% от их общего количества, или каждая пятая загадка тувинского народа) посвящена миру животных (которые фигурируют в качестве отгадок по отдельности либо в различных комбинациях, а также в сочетании с иными объектами — номинациями условий обитания и добычи диких животных, названиями домашних животных, растений, частей тела человека и др.).

Всего в качестве денотатов тувинских загадок зафиксировано 85 видов животных, выраженных 89 зоолексемами (включая 3 гиперонима — *аң* ‘зверь’, *балык* ‘рыба’, *куш* ‘птица’, 4 стилистических синонима — *агыына* ‘белая куропатка’, *алды* ‘соболь’, *койгун* ‘заяц’, *үс* ‘рысь’, 1 наименование детеныша животного — *эзирик* ‘детеныш косули’, 2 эвфемизма — *кокай* ‘волк’, *хайыракан* ‘медведь’). При этом в загадках (как и вообще в тувинском языке) некоторые различные виды животных выражены одной зоолексемой (*ары* ‘пчела, оса’, *дүктүг-ары* ‘шмель, шершень’, *маас* ‘овод, слепень’, *чуңма* ‘козерог, горный дикий козел, тур’), а отдельные виды животных имеют два наименования по половому признаку (*буур* ‘лось-самец (сохатый)’, *элик* ‘косуля-самка’ и *хүлбүс* ‘косуля-самец’).

Ниже приводится список номинаций животных, которым посвящены тувинские загадки (с указанием количества употреблений — по убыванию): *балык* ‘рыба’ (25); *кодан*, *койгун* ‘заяц’ (17); *адыг*, *хайыракан* ‘медведь’ (9); *бөрү*, *кокай* ‘волк’ (9); *чылан* ‘змея’ (9); *диң* ‘белка’ (8); *ары* ‘пчела, оса’ (7); *сааскан* ‘сорока’ (7); *ховаган* ‘бабочка’ (7); *кымыскай* ‘муравей’ (6); *тарбаган* ‘сурок (тарбаган)’ (6); *шартылаа* ‘саранча’ (6); *алак-таагы* ‘тушканчик’ (5); *алды*, *киш* ‘соболь’ (5); *иттик* ‘удод’ (5); *кускун* ‘ворон’ (5); *өрге* ‘суслик’ (5); *хек* ‘кукушка’ (5); *аңгыр* ‘огарь’ (4); *дилги* ‘лиса’ (4); *дырбактыг*, *үс* ‘рысь’ (4); *куш* ‘птица’ (4); *морзук* ‘барсук’ (4); *сыын* ‘марал-самец’ (4); *торга* ‘дятел’ (4); *хөөрүк* ‘бурундук’ (4); *эзир* ‘орел’ (4); *часкы* ‘летучая мышь’ (4); *аганак*, *агыына* ‘белая куропатка’ (3); *аспан* ‘кобылка’ (3); *буур* ‘лось-самец (сохатый)’ (3); *дээлдиген* ‘коршун’ (3); *кызыл-думчук* ‘клушица’ (3); *улар* ‘улар (горная индейка)’ (3); *ус-куш[каш]* ‘ремез’ (3); *хаван* ‘дикий кабан’ (3); *чээрэн* ‘антилопа джейран’ (3); *шаашкак* ‘пестрый овод’ (3); *ак-саргы* ‘клещ’ (2); *ас* ‘горностай’ (2); *аң* ‘зверь’ (2); *дуруяа* ‘журавль’ (2); *дүктүг-ары* ‘шмель, шершень’ (2); *маас* ‘овод, слепень’ (2); *пага* ‘лягушка’ (2); *таан* ‘галка’ (2); *тооргу* ‘кабарга’ (2); *хүлбүс* ‘косуля-самец’ (2); *хүлчүк* ‘мошка’ (2); *чиргилчин* ‘крыса’ (2); *ымыраа* ‘комар’ (2); *элик* ‘косуля-самка’ (2); *бел* ‘таймень’ (1); *быт* ‘вошь’ (1); *дажырган* ‘таежная пищуха (грызун)’ (1); *дас* ‘гриф’ (1); *дедир-даван* ‘крот’ (1); *доос-кара* ‘жук’ (1); *иви* ‘олень’ (1); *кара кушкаш* ‘оляпка’ (1); *кара-дуруяа* ‘черный журавль’ (1); *кара-быт* ‘блоха’ (1); *кара-куш* ‘глухарь’ (1); *кара-торга* ‘желна (черный дятел)’ (1); *көгө-буга* ‘голубь’ (1); *курт-чажар* ‘вольфартова

¹ Тувинские загадки = Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. 158 с.

муха' (1); *күртү* 'тетерев' (1); *кырга* 'хорек' (1); *межерген* 'сова' (1); *мезил* 'налим' (1); *үгү* 'филин' (1); *чашкаадай* 'чибис' (1); *чуңма* 'козерог, горный дикий козел, тур' (1); *шагаан-теве* 'тарангул' (1); *шерги* 'кузнечик' (1); *шишжек* 'чиж' (1); *ыяш курту* 'короед' (1); *эзирик* 'детеныш косули' (1); *ээремчик* 'паук' (1).

Количественная представленность зоолексем и детерминируемый ею порядок наименований животных в корпусе загадковых денотатов являются уникальными (не могут повторяться в фольклоре разных народов), поэтому прямо и непосредственно репрезентируют организацию той фаунистической части этнической картины мира, которая отражена в загадках тувинского народа.

Номинации животных используются как компоненты тувинских загадок гораздо реже и менее разнообразно, чем в качестве отгадок. Так, из 1121 загадок, проанализированных в исследовании, в 90 (что составляет 8% от их общего количества, или в каждой двенадцатой загадке тувинского народа) функционируют компоненты-зоолексем, которые являются номинациями животных дикой природы.

Всего в качестве денотатов тувинских загадок зафиксировано 43 вида животных, выраженных 50 зоолексемами (включая 4 гиперонима — *адыр дуюглог* 'парнокопытный', *аң* 'зверь', *дуюглог* 'копытный', *куш* 'птица', 2 стилистических синонима — *койгун* 'заяц', *кокай* 'волк'). При этом, как и в случае с загадковыми денотатами, в составе компонентов-зоолексем загадок (как и в тувинском языке в целом) некоторые различные виды животных выражены одной зоолексемой (*курт* 'червяк, червь'), а отдельные виды животных имеют два наименования по половому признаку (*мыйгак* 'маралуха (марал-самка)' и *сыын* 'марал-самец').

Ниже приводится список номинаций животных, которые употребляются в тувинских загадках как компоненты-зоолексем (с указанием количества употреблений — по убыванию): *кускун* 'ворон' (6); *бөрү, кокай* 'волк' (5); *дилги* 'лиса' (5); *куш* 'птица' (5); *өдүрек* 'утка' (5); *чылан* 'змея' (5); *адыг* 'медведь' (4); *пар* 'тигр' (4); *сааскан* 'сорока' (4); *тарбаган* 'сурок (тарбаган)' (4); *дуюглог* 'копытный' (3); *мыйгак* 'маралуха (марал-самка)' (3); *чээрэн* 'антилопа джейран' (3); *элик* 'косуля-самка' (3); *арзылаң* 'лев' (2); *дээлдиген* 'коршун' (2); *кас* 'гусь' (2); *киш* 'соболь' (2); *кодан, койгун* 'заяц' (2); *күске* 'мышь' (2); *межерген* 'сова' (2); *морзук* 'барсук' (2); *сыын* 'марал' (2); *тоолай* 'заяц-русак' (2); *тооргу* 'кабарга' (2); *эзир* 'орел' (2); *ээремчик* 'паук' (2); *аганак* 'белая куропатка' (1); *адыр дуюглог* 'парнокопытный' (1); *аң* 'зверь' (1); *булан* 'лось' (1); *буур* 'лось-самец (сохатый)' (1); *даргый* 'даргый (один из видов уток)' (1); *дишң* 'белка' (1); *дуруяа* 'журавль' (1); *каарган* 'ворона' (1); *курт* 'червяк, червь' (1); *күжүген* 'таежная пищуха (грызун)' (1); *күртү* 'тетерев' (1); *кээрген* 'кедровка' (1); *маас* 'овод' (1); *мезил* 'налим' (1); *улар* 'улар (горная индейка)' (1); *ус-куш[каш]* 'ремез' (1); *хартыга* 'ястреб' (1); *хөкпеш* 'воробей' (1); *ховаган* 'бабочка' (1); *ымыраа* 'комар' (1).

Встречаемость и характер наименований животных в зоолексемах, используемых в качестве компонентов загадок, являются специфическими для фольклоров разных народов и поэтому могут служить для реконструкции фаунистической части этнической картины мира тувинцев, отображаемой в их загадках.

Номинации животных, которые используются в качестве компонентов текстов загадок, существенно отличаются от номинаций животных как загадковых денотатов своей образно-метафорической функцией, поэтому отражают не столько реалии животного мира и особенности его категоризации в языковом сознании тувинцев, сколько сложный комплекс ассоциаций и коннотаций в лексико-семантической подсистеме тувинского языка и ее этнокультурную специфику как основного средства вербализации языковой картины мира тувинского народа.

В этой связи весьма показательны различия как в составе, так и в количественном ранжировании номинаций животных как денотатов и компонентов загадок.

Так, только две трети компонентов-зоолексем встречается в качестве отгадок, при этом среди лексических компонентов загадок отсутствует такая наиболее продуктивная в качестве загадкового денотата зоолексема, как *балык* 'рыба' (встречается в 25 отгадках).

Нет в составе компонентов-зоолексем и номинаций таких животных, которым посвящено немало загадок, например, *ары* 'пчела, оса' (7 загадок), *кымысаяк* 'муравей' (6 загадок), *шартылаа* 'саранча' (6 загадок), *алак-таагы* 'тушканчик' (5 загадок), *итпик* 'удод' (5 загадок), *өрге* 'суслик' (5 загадок), *торга* 'дятел' (5 загадок), *хек* 'кукушка' (5 загадок), *аңгыр* 'огарь' (4 загадки), *дырбактыг*, *үс* 'рысь' (4 загадки), *хөөрүк* 'бурундук' (4 загадки), *часкы* 'летучая мышь' (4 загадки), *аспан* 'кобылка' (3 загадки), *кызыл-думчук* 'клушица' (3 загадки), *хаван* 'дикий кабан' (3 загадки), *шаашкак* 'пестрый овод' (3 загадки) и др.

В свою очередь, среди денотатов загадок не встречаются зоолексемы, которые выражают номинации таких значимых для традиционной тувинской охоты животных, как *өдүрек* ‘утка’ (объект охоты) и *хартыга* ‘сокол’ (помощник в охоте). Нет в составе загадковых денотатов и номинаций многих известных каждому тувинцу животных, названия которых используются в текстах загадок, например, *курт* ‘червяк, червь’, *күске* ‘мышь’, *тоолай* ‘заяц-русак’, *хөкпеш* ‘воробей’ и т. п. Не все из таких животных водятся в Туве, но их названия широко распространены в произведениях тувинского фольклора, например, *арзылаң* ‘лев’, *нар* ‘тигр’ и др. И что самое поразительное, ни одной загадки в тувинском фольклоре не посвящено такому роду животных, как *дуюглуг* ‘копытный’ и *адыр дуюглуг* ‘парнокопытный’, без которых весьма трудно представить себе не только повседневную жизнь кочевого народа, но и его выживание и благополучие (при этом номинации которых достаточно продуктивно используются в текстах тувинских загадок).

Выявленное непропорциональное соотношение номинаций животных в качестве отгадок и компонентов тувинских загадок отчасти объяснимо оппозицией лингвокультурологических факторов, которыми обусловлена тематика (предметная область) загадок как фольклорного жанра, и лингвокогнитивных факторов, детерминирующих план содержания и выбор вербальных средств его выражения в загадках (их логико-семантические и языковые особенности), однако требует отдельного исследования, а также верификации на широком материале загадок (как генетически и ареально близких, так и далеких лингвокультур).

Номинации животных в загадках используются, как уже говорилось выше, в специфических функциях, достаточно далеких от реальной речевой коммуникации, поэтому предметно-тематическая классификация зоолексемы в загадках не может в полной мере совпадать ни с научной таксономией живых существ, ни с аналогичным типом парадигматических отношений в лексико-семантической подсистеме тувинского языка, хотя и должна в известной степени с ними коррелировать.

В составе номинаций животных в тувинских загадках целесообразно выделить несколько предметных групп, исходя из их представленности как загадковых денотатов: насекомые, рыбы, птицы, парнокопытные, хищники, мелкие животные. Соответственно, загадки о животных дифференцируются по своей тематике аналогичным образом.

Наибольший интерес представляют загадки о птицах, парнокопытных, хищниках и некоторых мелких зверях в связи с тем, что многие из них были объектом охоты — основного традиционного вида промысла тувинского народа. Многие загадки о диких животных складывались охотниками, отражая определенный склад ума и характера человека, почитающего законы тайги, издревле устоявшиеся каноны и запреты охоты на зверя и птицу, хорошо знающего их повадки, тонко чувствующего и различающего мельчайшие детали их внешности, образа жизни и поведения в природе.

Загадки о птицах

Птицам посвящено 62 загадки (что составляет почти 6% от общего количество проанализированных единиц, или каждая восемнадцатая загадка), в которых номинации птиц представлены достаточно широко и разнообразно.

Исследование показало, что всего в денотатах загадок фигурирует 25 вида диких птиц, которым посвящено разное количество загадок (от одной до семи, при этом подавляющему большинству птиц — более одной загадки): *аганак*, *агыына* ‘белая куропатка’ (3); *аңгыр* ‘огарь’ (4); *дас* ‘гриф’ (1); *дуруя* ‘журавль’ (2); *дээлдиген* ‘коршун’ (3); *иттик* ‘удод’ (5); *кара кушкаш* ‘оляпка’ (1); *кара-дуруя* ‘черный журавль’ (1); *кара-куш* ‘глухарь’ (1); *көгө-буга* ‘голубь’ (1); *кускун* ‘ворон’ (5); *куш* ‘птица’ (4); *күртү* ‘тетерев’ (1); *кызыл-думчук* ‘клушица’ (3); *межерген* ‘сова’ (1); *сааскан* ‘сорока’ (7); *таан* ‘галка’ (2); *торга* ‘дятел’ (5); *улар* ‘улар; горная индейка’ (3); *ус-куш[каш]* ‘ремез’ (3); *үгү* ‘филин’ (1); *хек* ‘кукушка’ (5); *чашкаадай* ‘чибис’ (1); *шишжек* ‘чиж’ (1); *эзир* ‘орел’ (4).

Как известно, общая численность птиц, обитающих в Туве, составляет 330 видов, из которых 48 — очень редкие, а 34 — малоизученные (Кенин-Лопсан, 2021: 216). К таким редким и малоизученным птицам относится *кара-дуруя* ‘черный журавль’, первое гнездо которого было зафиксировано и описано только в 1974 г. (Пукинский, Ильинский, 1977: 6–7). Черному журавлю посвящена загадка *Буура ышкаш чоғдурлуг* ‘Как у верблюда, подгрудок’¹, в которой сравнивается внешний вид верблюда и

¹ Тувинские загадки = Тыва тывызыклар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. С. 24.

птицы (подгрудок — отвислая кожа под шеей у некоторых животных), что говорит не только о весьма тонкой наблюдательности, но и об отличном знании анатомии черного журавля, птицы осторожной, избегающей открытых пространств и гнездящейся в глухих заболоченных местах.

Предметную группу «Птицы», отраженную в загадковых денотатах, можно дифференцировать в плане характеристики птиц по отношению их к охотничьему промыслу. Первую подгруппу составляют виды, на которые не охотятся вообще либо охота на которых запрещена народными традициями, вторую подгруппу — виды, служащие объектом охоты, третью подгруппу — виды, сопровождающие процесс охоты.

Первая подгруппа наиболее многочисленна в тувинских загадках, что является наиболее яркой этнокультурной особенностью отражения мира птиц в этнокультурной картине мира тувинского народа, поскольку несмотря на обилие и разнообразие степной, боровой и водоплавающей птицы в Туве большую часть пернатых в старину убивать не разрешалось, «их почитали как священных» (Кенин-Лопсан, 2021: 216).

Такое отношение к птицам заложено в древних верованиях тувинцев, в традиционном представлении которых Вселенная состоит из трех миров: *Курбусту ораны* — ‘Небесный’, *Чер* — ‘Земной’ и *Эрлик ораны* — ‘Подземный’ (или *Устүү оран* — ‘Верхний’, *Ортаа оран* — ‘Средний’ и *Алдыы оран* — ‘Нижний’).

Элементы устройства Вселенной отражены и в тувинских загадках о птицах: *Тып-тып, // Тылаастай, // Дылдыгыр кара // Тылаастай, // Ону тыппаан үш диптиң // Өгбегер кара маадыры* ‘Ищи-ищи, // Тылаастай, // Крикливый черный // Тылаастай, // Его не нашел трех миров // Рыхлый черный богатырь’ (*дээлдиген* ‘коршун’)¹; *Алдыы черден (орандан) // Алдын баштыг кадын келди* ‘Из нижнего (подземного) мира // Золотоволосая ханша пришла’ (*аңгыр* ‘огарь’)².

Посредниками между Небесным и Земным мирами являются птицы. Именно поэтому птицы издревле считались духами-покровителями и помощниками шаманов, которые использовали перья различных птиц для украшения своей одежды. По перьям головного убора определяли степень величия каждого шамана или его намерения перед сеансом очередного камлания:

Мой головной убор с перьями черного орла,
 Мой головной убор с самнашами возвышается.
 Мой головной убор с перьями желтого филина,
 Мой головной убор с салбаком качается.
 Мой головной убор с перьями гордого сокола,
 На вид он страшен и грозен бывает.
 Мой головной убор с перьями коршуна,
 Он в воздухе как бы летает легче ветра.
 Мой головной убор с перьями сороки,
 Мой головной убор с рогами блестит.
 Мой головной убор волшебством славен,
 Потому что он с перьями ворона зоркого.

(Кенин-Лопсан, 1995: 147).

К священным птицам тувинцы традиционно относили таких, как *хек* — ‘кукушка’, *көге-буга* — ‘голубь’, *куу* — ‘лебедь’, *дуруяа* — ‘журавль’, *хараал* — ‘турпан’, *хамнаарак* — ‘жаворонок’, *сааскан* — ‘сорока’, *үгү* — ‘сова’, *эзир* — ‘орел’, *хартыга* — ‘сокол’, *дээлдиген* — ‘коршун’, *каарган* — ‘ворон’, *кээрген* — ‘кедровка’ и *торга* — ‘дятел’, которые все отражены в тувинских загадках.

Кроме этого, у тувинцев издавна существовал запрет на охоту на водоплавающих и перелетных птиц под влиянием ряда традиционных культов, один из которых был связан с обожествлением Воды и Солнца — сакральных символов многих тюркских народов (Даржа, 2009: 488). В тувинском языке можно встретить устойчивое выражение *чер-суг, ыдыктыг чер-суг* ‘земля-вода, священная земля-вода’, объясняющее отношение в том числе и тувинцев к тому, что способствовало, по их представлениям, возникновению жизни на земле. Так, Д. Б. Пюрвеев отмечает, что «в легендах племен Тюркского каганата (VII век) Вселенная возникает от соединения священного Голубого Неба (Көк Тенгри) с зем-

¹ Там же.

² Там же.

ной плотью, в образе богинь Жер-Су (Земля-Вода), обитавших на вершинах гор» (Пюрвеев, 2006: 20). Именно поэтому у воды запрещалось охотиться не только на птиц, но и на любых других животных.

Связь птиц и воды отражена в тувинских загадках о птицах: *Сүге дег боттуг, // Сүт далай ыыттыг* 'Сама, как топор, // Как молочное озеро, шумящая' (хек 'кукушка')¹; *Казыра дег боттуг, // Калчаа далай ыыттыг, // Сүге дег боттуг, // Сүрүүн далай ыыттыг, // Эрgek дег боттуг, // Эр коңга ыыттыг* 'Сам, как двухгодовалый бычок, // С голосом, как бушующее море, // Сам, как топор, // С голосом, как штормовое море, // Сам, как большой палец, // С голосом звонким, как колокольчик' (*хайыракан* 'медведь', хек 'кукушка', *ары* 'пчела, оса')².

Объектами традиционной охоты тувинцев являются несколько птиц: *торлаа* 'куропатка', *күшкүл* 'рябчик', *өдүрек* 'утка', *кара-куш* 'глухарь', *күртү* 'тетерев', *тогдук* 'дрофа', *улар* 'улар, горная индейка'. Номинации этих птиц фигурируют в тувинских загадках.

Так, внешний вид птиц *кара-куш* 'глухарь', *күртү* 'тетерев' и явление токования, связанное с их особенностями жизни, ложится в основу загадки *Кырда кызыл көстүктүг // Кыстар, оолдар ойнады* 'На хребте в красных очках // Девушки, парни играют' (*күртүлөр болгаиш кара-куштарның ойнаары* — токование тетеревов и глухарей)³, в которой токование птиц олицетворяется с заигрыванием парней и девушек, а из внешних особенностей обеих птиц метафорически отмечаются ярко-красные брови (в загадке «красные очки»).

Эта загадка примечательна тем, что в ней отражена этнокультурная специфика традиционного охотничьего промысла тувинцев, поскольку самым популярным объектом охоты на птиц в Туве является *күртү* 'тетерев'. При этом охота на тетерева происходила постоянно: летом охотились на току, зимой добывали из-под снега, где птица обычно прячется от ночного холода. В. К. Даржа так описывает процесс охоты на птицу: «Вылетевшие из-под снега тетерева ночью ничего не видят, потому тут же взлетают на стоящее рядом дерево и рассаживаются на нем. Охотник разжигал факел и, ослепив им сидящих на дереве птиц, сбивал палкой, либо стрелял в них из оружия» (Даржа, 2009: 489).

В то же время *кара-куш* 'глухарь' был объектом охоты достаточно редко, однако появление его в загадке вместе с тетеревом вовсе не случайно, поскольку глухарь у тувинцев считался «предвестником весны, его "песней" наслаждались как прелюдией наступления тепла», поэтому «охотились только на токующих самцов» (там же: 488), что и отражено в тексте загадки.

Особое значение в промысле охотники-тувинцы придавали птице *улар* 'улар (горная индейка)' — крупной птице с сероватыми перьями, с маленькой головой, короткой, толстой шеей, с сильными конечностями и коротким хвостом. Причиной популярности этой птицы среди охотников были мифы о целебной силе ее мяса, настолько сильной, что «человек, попробовавший его, сам становился носителем целебных свойств» (там же: 490). Значимость птицы в традиционной тувинской картине мира подчеркивает и упоминание о ней в камлании шамана: *Чаштан өскен Мөнгүн-Тайгам! // Чарашдаа сен, дошкун-даа сен. // Сарлык малдар, улар куштар // Сеңээ чассып чоруур болзун* 'Монгун-Тайга моя, где я вырос с детства, // Ты очень красива, и ты очень жестока. // Пусть и сарлыки, и птицы улары живут здесь, // Выражая благодарность тебе, моя вершина' (Кенин-Лопсан, 1995: 295). Повадки и образ жизни улара отражены в трех тувинских загадках.

Так, известно, что улар, будучи внимательной птицей, при приближении опасности начинает издавать громкие крики, похожие на ржание коня, на которые ориентируются не только его сородичи, но и другие обитатели гор. Именно поэтому улара тувинцы считают «одним из элементов "коллективной безопасности"», а для обозначения его крика используют выражение «*улар киштээр* 'улар кричит'» (Даржа, 2009: 489–490). На этой звукоподражательной особенности голоса птицы построена загадка *Даң бажында дай сарыым киштеди* 'На рассвете соловый мой конек проржал' (*улар* 'улар')⁴.

Особенности способов ночевки и передвижения улара нашли отражение в загадке *Уластайдан ушкан, // Узун дытка хонган. // Дамырактан тараан, // Даш бажы тепкен* 'Из Улясутая [город в Северной Монголии, где находилась ставка правителя Тувы] прилетевший, // На высокой лиственнице

¹ Там же.

² Там же. С. 25.

³ Там же.

⁴ Там же.

переночевал. // Из родника во все стороны камни пинал' (улар 'улар', хүн херели 'улар, солнечные лучи')¹. В природе улары «стараятся подниматься снизу вверх по склону горы, чтобы в случае опасности, прыгнув с камня, тут же быстро спланировать вниз или в сторону» (там же: 489), в это время от силы толчка могут начать сыпаться камни. Способ размещения на высоких деревьях подчеркивает такое свойственное улару качество, как осторожность.

Вторую подгруппу номинаций птиц в загадковых денотатах составляют птицы, которые издавна использовались тувинцами и в качестве помощников в охоте. Были специально обученные охотничьи птицы (бүргүт 'беркут', хартыга 'сокол'), а также вольные птицы, поведение которых подсказывало охотнику, где и какая добыча его ожидает (кускун 'ворон').

В проанализированном материале не обнаружено загадок, посвященных непосредственно беркуту. Однако несколько тувинских загадок посвящено птице эзир 'орел', а беркут является, как известно, самым крупным орлом в семействе ястребиных, поэтому косвенно присутствует и в загадках.

Так, в загадке *Дээр оглу тейинде демдектиг, кудай оглу кудуруунда демдектиг* 'У сына Неба на темени отметина, у сына Небесного божества на хвосте отметина' (эзир 'орел')² подчеркивается величие орла, именуемого «сыном Неба», имеющим особые знаки на темени и хвосте. «Эзир — орел, символ гордости древних охотников-тувинцев» (Кенин-Лопсан, 1995: 147). Орел — это и символ любого тувинского мужчины. Самым красивым моментом традиционных мужских состязаний хуреш является исполнение борцами-хурешистами, одетыми в содак-шуудак, танца орла «деви́г», поэтому тувинцы говорят, восхваляя силу и красоту мужчины: *Эзирден ээлгир, хартыгадан кашпагай* 'Танцует как орел, ловок как сокол'.

Еще одним, пожалуй, «главным "помощником" охотника был ворон кукун» (Даржа, 2009: 352), поведение которого, как считалось, предвещало удачу или неудачу на охоте и поэтому отражено в многочисленных приметах и поверьях. Так, С. С. Сурун-оол в своем романе «Тывалаар кукун» пишет: «*Ондар-оол кукуннарга чалбарыыр хөөннүг кижги. Аң кедеп чорда, кукун дескинип-дескинип, шала ырады ужа бергеш, бир-ле каът бажында азы кожагар кырынга баргаш, чаргырткайнып туруптар болза, эки хайнып кээр*»³ 'У Ондар-оола есть такое — молиться воронам. Во время охоты, когда ворон начинает летать над охотником, крадущимся за зверем, останавливается на вершине высокой горы и там начинает кричать, то это к лучшему' (пер. Ш. В. Монгуш). На существовании этой приметы указывает и В. К. Даржа: «...если охотник выследил зверя и в это время подлетал и усаживался ворон — это был "знак удачи"» (Даржа, 2009: 340).

Образ ворона отражен в многочисленных тувинских загадках, среди которых наиболее показательны основанные на внешних характеристиках птицы: *Сыг-сыг чоруктуг, // Сыгдыгыр карактыг* 'Со стремительной ездой, // С узкими глазами' (кускун 'ворон')⁴; *Сыг-сыг чоруктуг, // Сыгыр кара карактыг* 'Со стремительным передвижением, // С узкими черными глазами' (кускун 'ворон')⁵; *Хап-хап кылаштаар // Кара саар идиктиг, // Теп-теп кылаштаар // Теве саар (сарыг) идиктиг* 'Хоп-хоп шагающий // В черных юфтовых сапожках, // Топ-топ шагающий // В верблюжьих юфтовых сапожках' (кускун 'ворон')⁶.

Как видим, птицы в тувинских загадках тесно связаны с традиционным мировосприятием и охотничьи промыслом, образы птиц в загадках основаны прежде всего на иносказательной передаче их внешнего вида, повадок, условий обитания.

Загадки о парнокопытных

Парнокопытные отражены в 22 загадках (что составляет почти 2% от общего количество проанализированных единиц, или каждая пятидесятая загадка), в которых номинации парнокопытных представлены достаточно скромно.

¹ Там же.

² Там же.

³ Сурун-оол С. С. Тывалаар кукун [Ворон, говорящий по-тувински]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. С. 7.

⁴ Тувинские загадки = Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. С. 27.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же.

Как показало исследование, всего в денотатах загадок фигурирует 10 видов парнокопытных, которым посвящено различное количество загадок (от одной до четырех, причем подавляющему большинству отдельных видов — более одной загадки): *сыын* ‘марал-самец’ (4); *буур* ‘лось-самец (сохатый)’ (3); *хаван* ‘дикий кабан’ (3); *чээрэн* ‘антилопа джейран’ (3); *тооргу* ‘кабарга’ (2); *хүлбүс* ‘косуля-самец’ (2); *элик* ‘косуля-самка’ (2); *эзирик* ‘детеныш косули’ (1); *иви* ‘олень’ (1); *чуңма* ‘козерог, горный дикий козел, тур’ (1).

В загадках о парнокопытных отражены особенности каждого вида, а также мифопоэтические представления тувинцев, утилитарные потребности охотничьего промысла и связанные с ними приметы и поверья тувинского народа.

Так, в загадках отражена способность марала терять рога, а поскольку тувинцы знают, что панты марала остаются в той местности, где отвалились, охотники часто уходят за рогами в тайгу, чтобы обменять их на продукты или деньги: *Халыыр-оол халып чорааш, // Хайыраан кара эгээзин кагган* ‘Халыыр-оол, прыгая, // Свой дорогой черный напильник потерял’ (*сыын мыйызының дүжери* ‘падение рогов-пантов у марала’)¹; *Халыыр-оол халып чорааш, // Кадыг кара дүрбүүзүн каапкаш келген* ‘Халыыр-оол, прыгая, // Свой твердый чёрный рашпиль оставив, пришел’ (*аң мыйызының дүжери* ‘падение рогов-пантов у марала’)². Стоит отметить, что данный промысел и в настоящее время имеет весьма актуальное бытовое значение.

Воспроизводятся в загадках и особенности звуков, которые издают животные, и связанные с этим традиционные верования. Так, схожие звонкие голоса марала и кукушки легли в основу загадки об этих животных: *Казыра дег боттуг, // Каң далай ыттыг, // Сүге дег боттуг, // Сүт далай ыттыг* ‘Сам как двухгодовалый бычок, // Голос как у могучего моря. // Сама как топор, // С шумящим, как молочное озеро, голосом’ (*сыын* ‘марал-самец’, *хек* ‘кукушка’)³. Загадка легка, по ее содержанию нетрудно догадаться, что перифразы «бык с могучим голосом» — это марал, а «топор с шумящим голосом» — это кукушка. Обращение к реву марала и крику кукушки в загадке вовсе не случайно, поскольку древнее тувинское поверье гласит, что возможность первым услышать голос ревающего марала (как и кукование кукушки) сулит человеку счастье: «...кырган-авам хек үнү дыңнаар, сыын үнү дыңнаар деп чаңчылдыг улус. Оларны мурнап дыңнаан кижиги узун назылаар, аас-кежиктиг болур джигир» ‘... у бабушек была такая привычка, слушать пение кукушки и голос марала. Говорят, кто первым услышит их, у того будет долгая и счастливая жизнь’ (пер. К.-Э. К. Кудажы)⁴.

В основу загадок о косуле положены как внешний вид животного, так и его повадки. Так, внешние отличия самца и самки косули отражены в загадках: *Аргада ак хап чүктээн // Ашак кылаштап чор* ‘В тайге с белым мешком // На спине старик ходит’ (*элик* ‘косуля-самка’)⁵; *Коң-коң (ког-ког) ыттыг, // Коңдаалайында саадактыг* ‘С голосом кон-кон (ког-ког), // На крестце с сумкой’ (*элик* ‘косуля-самка’, *хүлбүс* ‘косуля-самец’)⁶. Привычку косули снимать кору с дерева отображает загадка *Чылдың-на шылбалаар, // Чаш шет шылбалаар, // Чаңгыс-даа чивес — // Чаңы ындыг кызаңай* ‘Каждый год снимать кору, // С молодого хвойного дерева снимать кору, // Ни разу не есть досыта — // Такая привычка у молниеносного’ (*хүлбүс* ‘косуля-самец’)⁷.

Образ лося в загадках строится на приеме сравнения с внешним видом и повадками других животных. Так, часто нрав этого животного сопоставляется с лошадьё, однако отмечается, что лось выше лошади, в загадке *Аътка дөмей чаңныг, // Аъттан бедик сынныг* ‘Нрав как у лошади, // Стан выше лошадиного’ (*буур* ‘лось-самец’)⁸. Отмечается схожесть лося с верблюдом (копыта, как у верблюда) и с лошадьё (нрав, как у лошади) в загадке *Тевезин мунган, // Деспизин дергилээн, // Аздын айыткан, // Алагазын азынган* ‘На своего верблюда сел, // Свое корытце приторочил, // Конем прикинул, // Свой молоток повесил’ (*буур* ‘лось-самец’)⁹, где своеобразной подсказкой является использование оборота

¹ Там же. С. 37.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Кудажы К.-Э. К. Танды кежи [Таежные дары] : рассказы. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1984. 217 с. С. 208.

⁵ Тувинские загадки = Тыва тывызыклар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. С. 36.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Там же.

молоток повесил, поскольку рога лося похожи на этот инструмент. В следующей загадке речь идет о том, что и лося, и марала отличает отсутствие хвоста и наличие красивых рогов, похожих на корень дерева: *Дадаазын дег кудуруун // Таңдызынга өргүпкен дег, // Тайга дег бажын // Дазыл алдынче сункан дег* 'Свой хвост, похожий на дадаазын, // Как будто тайге пожертвовал, // Свою голову, похожую на тайгу, // Как будто под корень сунул' (буур 'лось-самец', сыын 'марал-самец')¹.

Самым ценным у кабарги, по представлениям тувинцев, является *тооргу хини* 'кабарговая струя, мускус'², поэтому охота на кабаргу преследует прежде всего добычу ее мускуса. В далеком прошлом тувинцы кабарговую струю обменивали на товар. Эта традиция отражена во многих загадках тувинского народа о кабарге. Так, желчь животного сравнивается с серебром (*мөңгүн*) в следующих загадках: *Дагданаштың дагданажы // Даңза бажы мөңгүнүн алгаиш, // Даг ажыр халый берди* 'Гористый у гористого // С головки мундштука серебро взял, // Через гору перепрыгнул' (*эр тооргу* 'кабарга-самец')³; *Дыранмас оглум дырангаиш, // Даңза бажы дег мөңгүн алгаиш, // Тайгадыва халып үндү* 'Нерасчесывающийся мой сын расчесался, // Слово с головки мундштука серебро взял, // В тайгу побежал' (*тооргу* 'кабарга', *тооргу хини* 'кабарговая струя')⁴.

Таким образом, парнокопытные в загадках представлены четырьмя наиболее значимыми в охотничьем промысле видами (марал, косуля, лось, кабарга), а загадки с их номинациями в качестве денотатов построены на сравнении либо с другими животными, либо с металлическими предметами (что позволяет говорить о преимущественно промыслово-охотничьем влиянии на происхождение загадок такого рода).

Загадки о хищниках

Крупным и мелким хищникам посвящено 38 загадок (что составляет более 3% от общего количество проанализированных единиц, или каждая тридцатая загадка), в которых номинации хищников представлены достаточно исчерпывающе.

Исследование показало, что всего в денотатах загадок фигурирует восемь видов крупных и мелких хищников, которым посвящено сравнительно большое количество загадок (от одной до девяти, причем подавляющему большинству отдельных видов — более четырех загадок): *адыг*, *хайыракан* 'медведь' (9); *бөрү*, *кокай* 'волк' (9); *алды*, *киш* 'соболь' (5); *дилги* 'лиса' (4); *дырбактыг*, *үс* 'рысь' (4); *морзук* 'барсук' (4); *ас* 'горноста́й' (2); *кырза* 'хорек' (1).

Чаще всего в загадках встречается образ медведя, который описывается как огромное и невероятно могучее животное: *Арга бажы чыжыр-чыжыр, // Ашак мөге чиндиң-чиндиң, // Өзен бажы чыжыр-чыжыр, // Өшкү негей чиндиң-чиндиң* 'Вершины тайги гремят-гремят, // Старик-силач колышется-колышется, // Конец ложбины трещит-трещит, // Козий тулуп колышется-колышется' (*адыг биле чер хаваны* 'медведь и дикий кабан')⁵; *Черде Черзи-Мөге* 'На земле пахнувший землей силач' (*хайыракан* 'медведь')⁶.

Своеобразный портрет медведя представлен в загадке *Башкы буду майыжаңнаан, // Соңгу буду шою-жаңнаан, // Дүндерлиңнэн дүрзүнчүг, // Аңдарлыңнаан арынныг кулугур* 'Передняя нога косолапит, // Задняя нога заплетается, // С хмурым видом, // С переворачивающимся лицом плут' (*адыг* 'медведь')⁷.

О сложности побороть медведя говорится в загадке *Дай адым мунуп чадап, // Тал кымчым тудуп чадап* 'На своего коня-трехлетку сесть верхом не мог, // Свой тальниковый кнут удержать не мог' (*адыг*, *чылан* 'медведь, змея')⁸, т. е. медведя невозможно оседлать, а змею сделать кнутом.

Схожей по смыслу можно считать и загадку *Демир кымчым тудуп чададым, // Дээрэг адым мунуп чададым* 'Свой железный кнут поймать не смог, // На своего вертлявого коня сесть не смог' (*чылан*, *адыг* 'змея, медведь')⁹, где змея сопоставляется с железным кнутом, а медведь — с вертлявым конем.

¹ Там же.

² Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 416.

³ Тувинские загадки = Тыва тывызыктар / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2021. С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 24.

Медведь упоминается и в загадках о восьми диких животных, которые залегают в берлогу: *Черде сес ижээр* 'На земле восемь залегают в берлогу на земле'¹, *Сес амытан черге ижээр* 'Восемь живых существ залегают в берлогу на земле'², ответом на которые являются *адыг, морзук, чылан, хөөрүк, кымыскаяк (часкы), өрге, тарбаган, алак-таагы* 'медведь, барсук, змея, бурундук, муравей (летучая мышь), суслик, сурок-тарбаган, тушканчик'.

В загадках о лисе внимание сосредотачивается на красивой внешности животного и способах его передвижения. Так, весьма часто определяющим компонентом загадок становится хвост лисы: *Хоор аздым хомду кудуруктуг* 'У моего каурого коня хвост словно вытянутый ящик' (*дилги* 'лиса')³; *Хоор аскырым хомду сөөртүп чор* 'Каурый мой жеребец вытянутый ящик волочит' (*дилги, дилгиниң, кудуруу* 'лиса, лисий хвост')⁴. Особенности внешнего вида лисы подчеркиваются и в загадке *Орук баспас ойтан каас* 'Не ступающая по дороге чванливая красавица' (*дилги* 'лиса')⁵, где лиса описывается как красавица, которая не ходит по дорогам.

На способе передвижения лисы основывается метафорический смысл загадки *Кылаш билбес кыс-кыл чаваам, саяк билбес сарыг чаваам* 'Ходьбу не признающий рыжий мой стригунок, иноходь не признающий соловый мой стригунок' (*дилги, койгун* 'лиса, заяц')⁶, в которой лису и зайца объединяет быстрый проворный бег, однако отличает характерный окрас шерсти.

На специфическом окрасе шерсти животного построены и загадки о барсуке, который на голове имеет продольную белую полосу: *Аргада ак хап чүктээн ашак кылаштап чор* 'В лесу с белым узелком на спине старик ходит' (*ак таңныг аң* 'зверь с белой родинкой (барсук)')⁷.

Смыслоразличительными компонентами загадок о барсуке является и место его обитания (*үңгүр* 'нора') в соединении с внешним видом животного, похожего по народным представлениям на дубину (*докпак* 'дубина'): *Үңгүр иштинде үстүг докпак, // Чадыр иштинде чаглыг докпак* 'В норе — масляная дубина, // В чуме — сальная дубина' (*морзук, чер хаваны* 'барсук, дикий кабан')⁸. Упоминание в загадке адъектива *үстүг* 'масляный' скорее всего обусловлено полезностью жира барсука (поэтому сравнение с маслом, как чрезвычайно почитаемым молочным продуктом у тувинцев).

А вот соболь в тувинских загадках, несмотря на красоту своего меха, не рассматривается с эстетической точки зрения. Тувинские загадки строятся на знании места обитания соболя, который живет и в горной, и в равнинной местности, преимущественно строя норы в гнилых бревнах или на заваленных буреломом участках: *Кедээр черге ирик чудук уялыг, иштик черге хомду хааржак ижэнниг* 'В нагорной местности — в гнилом бревенчатом гнезде, в долине — в продолговатой берлоге-ящичке' (*алды (киш)* 'соболь')⁹; *Баг шагда барба, бошка сыртыктыг, эки шагда коңгул, доорбаш сыртыктыг* 'В плохие времена переметная сума — подушка, в хорошие времена дупло и бревно — подушка' (*киш* 'соболь')¹⁰; *Дириг чорааш, ирик чудук уялыг, өлүг чыткаш, алдын ижээн чыдынныг* 'Когда жив, гнездится в гнилом бревне, когда мертв, лежит в золотой берлоге' (*киш* 'соболь')¹¹; *Дириг чорааш, ирик чудук аразынга чыдар, өлүп калгаш, алдын хааржак иштинге чыдар* 'Когда живой, среди гнилых лесин лежит, когда умрет, в золотом ящичке лежит' (*киш* 'соболь')¹².

Кроме этого, в загадках подчеркиваются отличительные черты соболя, одно из которых — выносливость: *Көп сыннап келдим, хөртүк кырлап келдим, даспы сыннап келдим, даш кырлап келдим* 'Через множество горных хребтов пришел, по сугробам пришел, по мягким сланцам, хребтам пришел, по камням пришел' (*киш* — 'соболь')¹³.

¹ Там же. С. 38.

² Там же.

³ Там же. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Как видим, крупные и мелкие хищники описываются в тувинских загадках прежде всего на основании преимущественно наиболее характерных признаков своего внешнего вида и своих физических качеств, очевидных и весьма часто используемых в фольклоре разных народов, что не позволяет рассматривать загадки о хищниках как этнокультурно маркированные в фольклоре тувинского народа.

Загадки о мелких животных

Мелкие звери отражены в 53 загадках (что составляет почти 5% от общего количество проанализированных единиц, или примерно каждая двадцатая загадка), в которых номинации мелких животных представлены сравнительно разнообразно.

Как показало исследование, всего в денотатах загадок фигурирует 10 видов мелких зверей, которым посвящено различное количество загадок (от одной до семнадцати, причем подавляющему большинству отдельных видов — более четырех загадок): *кодан*, *койгун* 'заяц' (17); *дишң* 'белка' (8); *тарбаган* 'сурок (тарбаган)' (6); *алак-таагы* 'тушканчик' (5); *өрге* 'суслик' (5); *хөөрүк* 'бурундук' (4); *часкы* 'летучая мышь' (4); *чиргилчин* 'крыса' (2); *дажырган* 'таежная пищуха (грызун)' (1); *дедир-даван* крот (1).

Зайца, как одного из мелких зверей, в загадках в основном отгадывают по внешнему виду, обращая внимания на следующие внешние особенности:

— косолазие: *Доора майтак майыктыг, дозур далчыр карактыг* 'С косолапой стопой, с черными косыми глазами'¹;

— короткие передние лапы: *Кулугурнуң холу чолдак, кудургай куду маңы чок* 'У плута руки короткие, вниз по склону не бежит'²; *Холу чолдак эртип, кончуг дөшке хөлчөк маңнаар* 'Хотя руки короткие, по крутому подъему хорошо бежит'³;

— косолапость задних лап: *Майыы-майыы майышкак, башкы буду майышкак, солуу-солуу солушкак, соңгу буду солушкак (шоюшкак)* 'Стопы-стопы искривленные, передние лапки — криволапки, семенит-семенит семенящими, задние лапки косолапые' (*кодан*, *коданның холу*, *буду* 'заяц, передние и задние лапы зайца')⁴;

— окрас шерсти зайца и его вкусное мясо: *Хөвөң дег ак дүктүг, хой дег чаагай эттиг* 'Как вата, с белой шерсткой, как овца, с вкусным мясом' (*кодан* 'заяц')⁵.

Среди загадок о зайце зафиксированы и такие, в которых части его тела сравниваются с анатомическими особенностями других животных: *Ыдын мунган, хоюн (өшкүзүн) чүктээн, тевезин четкен, аъдын хойлаан* 'На своей собаке верхом едет, свою овцу (козу) на спине тащит, своего верблюда ведет, своего коня за пазуху кладет' (*кодан*: *дөрт даваны, кудуруу, иштики органы, эрни* 'заяц: четыре лапы, хвост, внутренние органы, губы')⁶. При буквальном прочтении этой загадки образ зайца приобретает весьма многоаспектный анималистический характер: у него пасть, как у собаки, шерсть, как у овцы, нос, как у верблюда, а внутренности, как у лошади.

В аналогичной загадке *Тевезин сүрген, ыдын мунган (баскан), аъдын хойлаан, өшкүзүн четкен* 'Своего верблюда гонит, на своей собаке сидит, своего коня за пазуху кладет, свою козу на поводу ведет' (*кодан*: *эрни, кодузу, даваны, кудуруу* 'заяц: губы, желудок, лапы, хвост')⁷ соотносятся части тела зайца и других животных: здесь *коданның холу, буду* 'лапы', как у собаки, вместо *аксы* 'пасти'; *кудуруу* 'хвост', как у овцы 'козы', вместо *хой дүгү* 'шерсти овцы'.

В тувинских загадках о зайце традиционно акцент делается на скорости передвижения животного и рационе его питания: *Даалык-даалык чоруктуг, талдар карты чемиштиг* 'Галопом-галопом бегающий, тальниковую кору поедающий'⁸; *Сап-сайтык, шаандан чүгүрүк, сып-сыйтык, сыындан чүгүрүк* 'Хап-хап, издавна быстроногий, хоп-хоп, быстрее марала' (*кодан* 'заяц')⁹.

¹ Там же. С. 36.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же.

Еще одним непререкаемым персонажем тувинского фольклора является белка, загадки о которой строятся на отличительных особенностях ее тела: *Өөлөт оглунуң өөз ак* — букв. ‘У сына олётов брюшко белое’ (*диш* ‘белка’)¹; *Өөлей оолдуң өөз ак, калга оолдуң караа ак* ‘У Олей-оола брюшко белое, у Калга-оола глаза белые’ (*диш биле балык* ‘белка и рыба’)²; *Өөлөттиң өөз ак, калганың караа ак* ‘У олётот брюшко белое, у калга глаза белые’ (*диш биле балык* ‘белка и рыба’)³. При этом литературное *өөк* ‘брюхо’ в текстах загадок употребляется в разговорной форме *өөз* ‘брюшко’.

В загадках про белку указываются и места ее обитания — деревья и его части (при этом белка часто сопоставляется с рыбой): *Узун дыт бажында коргуй бижээчи бижик бижип ор* ‘На вершине лиственницы бесстрашный писарь письмо пишет’ (*диш* ‘белка’)⁴; *Тывызыым дытта (дыт коогду), тоолум дошта (дош коогду)* ‘Загадка моя на лиственнице, сказка моя подо льдом’ (*диш биле балык* ‘белка и рыба’)⁵; *Тывызыым дыт бажынче үндү, тоолум дош алдынче кирди* ‘Загадка моя на вершину лиственницы поднялась, сказка моя под лед ушла’ (*диш биле балык* ‘белка и рыба’)⁶.

Достаточно часто встречается в устном народном творчестве тувинцев и образ сурка, в том числе и в загадках.

Так, особенность сурка и некоторых других животных залегать в зимнюю спячку отмечается в загадке *Сес амытан черге ижээр* ‘Восемь живых существ залегают в берлогу на земле’ (*адыг, морзук, чылан, хөөрүк, кымысаяк (часкы), өрге, тарбаган, алак-таагы* — ‘медведь, барсук, змея, бурундук, муравей (летучая мышь), суслик, сурок, тушканчик’)⁷.

Ассоциация с местом обитания сурка актуализируется в загадке *Чарыкта чаглык докпак* ‘В расщелине — сальная дубина’ (*тарбаган* ‘сурок’)⁸; *Эл алдында эът докпак, чер алдында черзи докпак* ‘Под обрывом — мясная дубинка, под землей — сгнившая дубинка’ (*тарбаган, адыг* ‘сурок, медведь’)⁹; *Үңгүрде үстүг докпак, чарыкта чаглык докпак* ‘В норе — масляная дубинка, под землей — сгнившая дубинка’ (ответ: *тарбаган, адыг* ‘сурок, медведь’)¹⁰.

Таким образом, в загадках о мелких животных подчеркиваются прежде всего особенности строения их тела и места их обитания.

Заключение

Совокупность номинаций животных в загадках представляет собой весьма специфическую в собственно лингвистическом и в лингвокультурном аспекте подсистему языка тувинского фольклора. Фаунистическая лексика достаточно неплохо изучена как одна из универсальных тематических групп в словарном составе тувинского языка, однако еще недостаточно описана в фольклорных текстах, прежде всего в малых жанрах (в том числе и в загадках).

Комплексное исследование системы названий объектов животного мира в загадках позволило выявить как универсальные свойства зоолексики, так и своеобразие анималистической концептосферы в паремической картине мира тувинского народа.

Установлено, что в загадках зоолексема реализуются в двух основных аспектах — как компоненты лексической организации загадковых текстов и как часть их образно-семантического пространства, будучи представленными в качестве их денотатов. Номинации животных функционируют в 299 загадках, т. е. почти в каждой четвертой тувинской загадке. В тувинских загадках представлены номинации 128 видов диких животных (насекомых, рыб, земноводных, пресмыкающихся, млекопитающих), которые выражены 139 зоолексемами.

¹ Там же. С. 31.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Номинаций животных в тувинских загадках дифференцируются, исходя из их представленности в загадочных денотатах, на шесть основных предметных групп: насекомые, рыбы, птицы, парнокопытные, хищники, мелкие животные. При этом наибольший в этнокультурном плане интерес представляют загадки о птицах, парнокопытных, хищниках и мелких зверях, которые являются либо охотничьим объектом, либо частью охоты — основного традиционного вида промысла тувинского народа. В загадках о диких животных репрезентированы мельчайшие детали их внешности, образа жизни, повадок и поведения в природе, а также отражено мировоззрение тувинцев, издавна почитающих законы тайги и свято чтящих мир живой природы.

Перспективным для дальнейших исследований номинаций животных в тувинских загадках видятся такие аспекты, как реализация зоолексем в качестве образных средств описания человека, его быта и хозяйства, его духовной культуры. Актуальным также является дальнейшее изучение зоолексем как образного средства описания других животных. Конечной перспективой исследования номинаций животных в загадках видится построение парадигматической модели их подсистемы как части лексико-семантического пространства языка тувинского фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева, К. А. (2018) Аналогии образов животных в английских, испанских и русских загадках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 2 (791). С. 22–30.

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022a) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 590 с.

Дзюба, Е. В. (2020) Когнитивные механизмы кодирования в русских загадках о животных // Когнитивные исследования языка. № 2 (41). С. 201–204.

Иванов, Е. Е. (2022a) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-литография Императорского Казанского ун-та. [2], XLII, 488, LX с. (Приложение к Ученым запискам Императорского Казанского университета; 1902).

Кенин-Лопсан, М. Б. (1995) Алгыши тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы. 528 с.

- Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 248 с.
- Ковшова, М. Л. (2021) Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропимический код культуры. М. : URSS. 395, [1] с.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 462, [2] с.
- Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>
- Мамедова, В. Н. (2021) К вопросу о лингвокогнитивной квалификации народных загадок (на материале русского и азербайджанского языков) // Филологические науки в МГИМО. Т. 7, № 1 (25). С. 140–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>
- Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Издательство СО РАН. 138 с.
- Монгуш, Ш. В. (2023) Роль паремий в репрезентации концепта *охота* в тувинской лингвокультуре // Когнитивные исследования языка. № 3–1 (54). С. 758–762.
- Орлова, О. С. (2022a) Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямого номинации. М. : Ленанд. 240 с.
- Орлова, О. С. (2022b) «Четыре четыреки, две растопырки...»: образ животных в русских народных загадках // Когнитивные исследования языка. № 4 (51). С. 762–767.
- Орлова, О. С. (2023) Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах) // Art Logos. № 1 (22). С. 90–96. DOI: https://doi.org/10.35231/25419803_2023_1_90
- Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.
- Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.
- Петрушевская, Ю. А. (2022) Белорусские параллели вепских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. Т. 12, № 3 (50). С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>
- Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>
- Пукинский, Ю. Б., Ильинский, И. В. (1977) К биологии и поведению черного журавля в период гнездования (Приморский край, бассейн реки Бикин) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии. Т. 82, вып. 1. С. 5–17.
- Пюрвеев, Д. Б. (2006) Архитектура мироздания. М. : Альтекс. 312 с.
- Сат, С. М. (1976) Тывызыктар [Загадки] // Тыва улустуң аас-чогаалы [Очерки тувинского фольклора]. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. Ар. 115–131.
- Соян, А. М. (2020) Символика числа *уш* — ‘три’ в фольклоре и литературе тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 4 (83). С. 371–372. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00795>
- Файзуллина, Н. И., Сюй, Ж. (2022) Антропоморфная метафора в русской народной загадке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 12/3. С. 191–194. DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.12-3.37>
- Филиппова, В. В., Филиппова, С. В. (2022) Зооморфный код в фольклорных текстах (на примере якутских загадок) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. № 4 (30). С. 131–143. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.75.15.011>
- Чеснокова, О. С., Медведева, Е. С. (2022) Лексико-семантические особенности мексиканских загадок о флоре // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 97–109.
- Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>
- Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Юша, Ж. М. (2021) Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (30). С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Дата поступления: 21.06.2023 г.

Дата принятия: 27.07.2023 г.

REFERENCES

Ananyeva, K. A. (2018) Analogii obrazov zhitovnykh v angliiskikh, ispanskikh i russkikh zagadkakh [Analogies in animal images in English, Spanish and Russian riddles]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 2 (791), pp. 22–30. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisaniye tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Darzha, V. K. (2009) *Traditsionnye muzhskie zaniatiia tuvintsev. T. 1: Khoziaistvo. Okhota. Rybalka* [Traditional male occupations of the Tuvans. Vol. 1: Household. Hunting. Fishing]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 590 p. (In Russ.).

Dziuba, E. V. (2020) Kognitivnye mekhanizmy kodirovaniia v russkikh zagadkakh o zhitovnykh [Cognitive mechanisms of coding in Russian riddles about animals]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (41), pp. 201–204. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaiia tipologiiia tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskome slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiiia (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatiiia i metodika vyivleniia) [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhitovnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Katanov, N. F. (1903) *Opyt issledovaniia uriankhaiskogo iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskogo kornia* [An essay on the Uryankhai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]. Kazan, Typo-lithography of the Imperial Kazan University. [2], xlii, 488, lx p. (Appendix to the Scientific Notes of the Imperial Kazan University; 1902).

Kenin-Lopsan, M. B. (1995) *Algyshi tuvinskikh shamanov [Algyshs of Tuvan shamans]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 528 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 248 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2021) *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: antroponimicheskii kod kul'tury [A linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: The anthroponymic code of culture]*. Moscow, URSS. 395, [1] p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 462, [2] p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Mamedova, V. N. (2021) K voprosu o lingvokognitivnoi kvalifikatsii narodnykh zagadok (na materiale russkogo i azerbaidzhanskogo iazykov) [To the question of linguocognitive qualification of folk riddles (on the material of Russian and Azerbaijan languages)]. *Linguistics & Polyglot Studies*, vol. 7, no. 1 (25), pp. 140–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-1-25-140-147>

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoii traditsionnoi kul'ture [Tuvan tercet: The triad in Tuvan traditional culture]*. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. 138 p. (In Russ.).

Mongush, Sh. V. (2023) Rol' paremii v reprezentatsii kontsepta «okhota» v tuvinskoii lingvokul'ture [The role of proverbs in the representation of the concept “hunting” in Tuvan linguoculture]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3–1 (54), pp. 758–762. (In Russ.).

Orlova, O. S. (2022a) *Evfemizmy i zagadki o rozhdenii i smerti v russkoi i angloiazychnoi kul'turakh: printsip nepriamoi nominatsii [Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures: The principle of indirect nomination]*. Moscow, Lenand. 240 p. (In Russ.).

Orlova, O. S. (2022b) «Chetyre chetyrki, dve rastopyrki...»: obraz zhyvotnykh v russkikh narodnykh zagadkakh [“Chetyre chetyrki, dve rastopyrki...”: The image of animals in Russian traditional riddles]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 4 (51), pp. 762–767. (In Russ.).

Orlova, O. S. (2023) Iazykovye i kul'turnye podskazki v zagadkakh (na materiale russkikh narodnykh zagadok o zhyvotnykh i ptitsakh) [Linguistic and cultural clues in riddles (based on Russian folk riddles about animals and birds)]. *Art Logos*, no. 1 (22), pp. 90–96. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.35231/25419803_2023_1_90

Paremiologiia bez granits [Paremiology without borders] (2020) : A monograph / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022) Belorusskie paralleli vepsskikh poslovits: v poiskakh tipologicheskii obshchego i etnospetsificheskogo [Belarusian parallels of Vepsian proverbs: In search of typologically common and ethno-specific]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3 (50), pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, Yu. A. (2023) Proverbial'nye universalii v tuvinskom poslovichnom fonde (na fone sovremennykh evropeiskikh iazykov) [Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Pukinski, Y. B. and Ilyinski, I. V. (1977) K biologii i povedeniiu chernogo zhuravlia v period gnezdovaniia (Primorskii krai, bassein reki Bikin) [On the biology and behaviour of *Grus Monachus Temm.* during the nesting period (Primorsky Krai, basin of the River Bikin)]. *Bulletin of Moscow Society of Naturalists. Biological series*, vol. 82, issue 1, pp. 5–17. (In Russ.).

Piurveev, D. B. (2006) *Arkhitektura mirozdaniia [Architecture of the universe]*. Moscow, Alteks. 312 p. (In Russ.).

Sat, S. M. (1976) Tyvyzyktar [Riddles]. In: *Tyva ulustuḡ aas-chogaaly [Essays on Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tyvanyḡ nom yndyrer cheri. Pp. 115–131. (In Tuvan).

Soyan, A. M. (2020) Simvolika chisla ush — ‘tri’ v fol'klоре i literature tuvintsev [Symbolism of the number three in Tuvan folklore and literature]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 4 (83), pp. 371–372. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00795>

Fayzullina, N. I. and Xu Rong. (2022) Antropomorfnaia metafora v russkoi narodnoi zagadke [Anthropomorphic metaphor in the Russian folk riddle]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 12/3, pp. 191–194. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.12-3.37>

Filippova, V. V. and Filippova, S. V. (2022) Zoomorfnyi kod v fol'klornykh tekstakh (na primere iakutskikh zagadok) [Animalistic code in folklore texts (on the example of the Yakut riddles)]. *Arctic XXI century. Humanities*, no. 4 (30), pp. 131–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.75.15.011>

Chesnokova, O. S. and Medvedeva, E. S. (2022) Leksiko-semanticheskie osobennosti meksikanskikh zagadok o flore [Lexical and semantic features of Mexican riddles about flora]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 97–109. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Obrazy prirody v tuvinskikh, tatarskikh, russkikh i ispanskikh zagadkakh [Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish riddles]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022b) Zagadki o pishche v tuvinskoi i russkoi lingvokul'turakh [Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Yusha, Zh. M. (2021) Zhanr zagadki v fol'klоре tuvintsev Rossii, Kitaia i Mongolii [The genre of riddle in folklore of the Tuvans of Russia, China, and Mongolia]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaiia*, no. 2 (30), pp. 28–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Submission date: 21.06.2023.

Acceptance date: 27.07.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.3.6

Статья

Образ коня в тувинских загадках

Айланмаа М. Соян

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

Статья посвящена анализу образа коня (аът) в тувинских загадках. Материалом исследования послужили 94 загадки, извлеченные приемом сплошной выборки из книги «Тувинские загадки» («Тыва тывызыктар», составитель Г. Н. Курбатский), которая вышла в 2018 г.

Показано, что в тувинских загадках полвозрастные названия лошадей (аскыр 'жеребец', аът 'конь, лошадь, мерин', богба 'стригунок', бе 'кобылица', кулун 'жеребенок', чаваа 'стригунок') и их мастей, видов аллюра служат для создания самобытных образов других животных, птиц, насекомых, явлений природы, стихий воды и огня, предметов быта, традиционного жилища кочевников (юрты), техники, средств передвижения.

Рассмотрена и взаимосвязь загадок и мифов, которая отражается в текстах тувинских загадок. Отмечены часто встречающиеся в тувинских загадках виды тропов: метафоры, метафорические эпитеты, синекдоха. Кроме традиционных загадок, у тувинцев имеются и другие, созданные в советское время, где самолет, велосипед, трактор, телега изображены с помощью образа коня, что корректно рассматривать как псевдопаремии.

Ключевые слова: фольклор; загадка; образ; конь; тувинцы; тувинский фольклор; тувинская культура

Для цитирования:

Соян А. М. Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 84-96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Соян Айланмаа Мылдыргыновна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667901, Россия, Республика Тыва, Кызылский район, пгт. Каа-Хем, ул. Интернациональная, д. 18. Тел.: +7 (929) 316-58-45. Эл. адрес: soyan-a@mail.ru

SOYAN, Aylanmaa Myldyrgynovna, Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 18, Internatsionalnaya St., 667901 Kaa-Khem, Kyzyl Rayon, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (929) 316-58-45. E-mail: soyan-a@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2749-0076

The image of the horse in Tuvan riddles

Ailanmaa M. Soyán

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents an analysis of the image of the horse in Tuvan riddles. The study material consists of 94 riddles selected using the continuous sampling method from the book entitled "Tuvan Riddles" ("Tyva Tyvyzyktar", compiled by Georgy N. Kurbatskii), which was published in 2018.

It is shown that in Tuvan riddles the age and gender terms that are used to name horses (askyr 'stallion', ayt 'steed, horse, gelding', bogba 'yearling', be 'mare', kulun 'foal', chavaa 'yearling'), their coat colors and types of gait serve to create original images of other animals, birds, insects, natural phenomena, elements of water and fire, household items, the traditional dwelling of nomads (yurts), technical devices, means of transportation.

The author also considers the interrelation between riddles and myths, which is reflected in the texts of Tuvan riddles. The types of tropes often found in Tuvan riddles are noted: metaphors, metaphorical epithets and synecdoche. In addition to traditional riddles, the Tuvans have other riddles that were created in Soviet times. They comprise an airplane, a bicycle, a tractor, a cart that are depicted using the image of a horse. These riddles should be correctly considered as pseudo-paroemias.

Keywords: folklore; riddle; image; horse; Tuvans; Tuvan folklore; Tuvan culture

For citation:

Soyan A. M. *Obraz konia v tuvinskikh zagadkakh* [The image of the horse in Tuvan riddles]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 84-96. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Введение

Загадка (тув. *тывызык*) относится к малому жанру фольклора, в котором вещи и явления воспроизводятся иносказательно через их сравнение с отдаленно сходными; обычно предлагается как вопрос для отгадывания¹.

Загадка является хорошим средством для развития мышления, кругозора, познания окружающего мира, «формой веселого досуга, испытания мудрости, тайной (условной, иносказательной) речи, связанной с магическими представлениями древности» (Курбатский, 2001: 334).

Собирание, издание, изучение тувинских загадок имеет свою историю. В 1889 г. Н. Ф. Катанов транскрибировал по системе академиков О. Н. Бётлингга и В. В. Радлова 133 загадки (Катанов, 1903: 91–96). Первый сборник тувинских загадок «Тывызыктыр»², составленный учеными А. К. Калзаном и Д. С. Кууларом, вышел в 1958 г. и включал 305 загадок. Вторая книга «Тывыңарам»³ (сост. О. К.-Ч. Дарыма) вышла в 1968 г. (160 загадок). Третий сборник «Тыва улустуң тывызыктыр»⁴ (сост. О. К.-Ч. Дарыма) был издан в 1976 г. и включал 524 загадки. В 2002 г. была опубликована книга «Тыва тывызык-

¹ Русова Н. Ю. Загадка [Электронный ресурс] // Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. URL <https://rus-literaturologiya.slovaronline.com/197-загадка> (дата обращения: 21.04.2023).

² Тывызыктыр [Загадки] / сост. А. К. Калзан, Д. С. Куулар. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1958. 58 с.

³ Тывыңарам [Разгадайте] / сост. О. К.-Ч. Дарыма. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1968. 35 с.

⁴ Тыва улустуң тывызыктыр [Загадки тувинцев] / сост. О. К.-Ч. Дарыма. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1976. 116 с.

тар» («Тувинские загадки»)¹ на двух языках — тувинском и русском (1121 загадка). Составитель данной работы — фольклорист, кандидат исторических наук Г. Н. Курбатский, редактор переводов — доктор филологических наук С. М. Орус-оол. Пятый по счету сборник тувинских загадок «Тыва улустуң тывызыктары»² вышел в 2011 г. (сост. А. Т. Дугаржап). А в 2018 г. вышло переиздание книги Г. Н. Курбатского «Тыва тывызыктар» («Тувинские загадки»)³.

Первым исследователем тувинских загадок стал А. С. Тогуй-оол. В 1950–1951 гг., будучи студентом Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А. А. Жданова, под руководством профессора В. М. Надеяева он написал курсовую работу на тему «Тыва улустуң тывызыктары» («Загадки тувинцев») (Кунгаа, 2001: 4). А. С. Тогуй-оола не стало в 1951 г., поэтому данная работа была опубликована лишь в 2001 г. в его книге «Шинчилелдер» («Исследования») под редакцией А. К. Делгер-оола (Тогуй-оол, 2001: 44–65). В ней представлены тематические группы тувинских загадок, их композиционные и языковые особенности, историко-этнографическое значение.

В 1976 г. вышла книга «Тыва улустуң аас чогаалы» («Очерки тувинского фольклора»), в составе которой была опубликована статья С. М. Сат «Тывызыктар», где были выделены следующие группы загадок: *метафоралыг тывызыктар* ‘метафорические загадки’, *триада тывызыктар* ‘загадки-триады’, *бодалга тывызыктар* ‘загадки-задачи’, *баштактаныг тывызыктар* ‘шуточные загадки’, *даалганың тывызыктары* ‘загадки-поручения»⁴.

Аналитическое описание тувинских загадок было проведено Г. Н. Курбатским в книге «Тувинцы в своем фольклоре» (Курбатский, 2001: 334–342). Ученый предложил принципы классификации материала. По идейно-тематическому принципу им были выявлены пять тематических групп загадок: о природе, человеке, быте, хозяйстве и собственно духовной культуре (там же: 342). Исследователь установил, что в соответствии со словесно-изобразительным принципом классификации подавляющее большинство тувинских загадок метафорические и аллегорические (там же: 339).

Тувинские загадки в сопоставительном аспекте были рассмотрены в статьях «Антитеза в тувинских и русских загадках (на материале устного народного творчества)» А. А. Балыва (Балыва, 2020), «Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии» Ж. М. Юша (Юша, 2021), «Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах» (Чеснокова, Усманов, 2022а) и «Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках» О. С. Чесноковой и Т. Ф. Усманова (Чеснокова, Усманов, 2022б).

Конь представляет собой центральный анималистический образ в тувинских паремиях и обладает в них ярко выраженной культуруноносной функцией. Как показывают новейшие исследования, именно *аът* ‘конь’ является наиболее частотной номинацией животных в тувинских пословицах (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022: 51), лексема *аът* ‘конь’ «используется в тувинском языке в этнокультурно маркированных вариантах интернациональных пословиц...» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 240). Репрезентация образа коня в тувинских паремиях существенно отличается от реализации аналогичного образа как в европейском паремиологическом пространстве (Бредис и др., 2021: 153–154), так и в рамках тюркско-монгольского паремиологического континуума (Иванов, 2023: 252–254).

Как отмечает Ж. М. Юша, «в текстах загадок часто проявляются признаки скотоводческого уклада народа. Так, о физиологических особенностях человека загадывают с помощью сравнения с домашними животными, среди которых активно используется образ коня. <...> Образ коня применяется и при загадывании охотничьих принадлежностей. Так, тувинцы Китая с помощью образа коня и звукоподражательных слов, имитирующих звук выстрела, загадывают об охотничьем ружье...» (Юша, 2021: 29).

В статье В. В. Филипповой «Образ коня в фольклоре и традиционной культуре якутов» подчеркивается, что «в народных загадках образ лошади олицетворяет космос и небесное пространство. Кроме

¹ Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2002. 253, [1] с.

² Тыва улустуң тывызыктары [Загадки тувинцев] / сост. А. Т. Дугаржап. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 2011. 255 с.

³ Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2018. 157 с.

⁴ Сат С. М. Тывызыктар [Загадки] // Тыва улустуң аас чогаалы. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1976. С. 115–131.

того, конь есть в загадках о смене времен года, ветре, мираже, таянии снега, ледоходе, реке» (Филиппова, 2012: 34).

Животные в фольклоре разных этносов играют важную роль, отображая культурное наследие, картину мира, быт народов.

Самым почитаемым, сакральным животным у тувинцев, как и у других кочевых народов, является конь. Ему посвящены легенды, народные песни, частушки. Как отмечает фольклорист С. М. Байсклан, «конь в тувинском эпосе — мудрый советчик героя, помогает ему в преодолении трудных препятствий на пути к невесте, в брачных состязаниях, оживляет умершего или будит усыпленного волшебницами богатыря, даже выполняет иногда вместо своего хозяина трудные поручения хана... В тувинских сказаниях, кроме одновременного рождения коня и богатыря, в сходном плане описываются даже седлание коня и облачение героя в богатырскую одежду, после чего оба враз становятся взрослыми. Наречение именем героя и коня происходит также одновременно» (Байсклан, 1987: 15–16).

Цель данной статьи — представить образ коня в тувинских загадках, описать его широкое применение в загадках о природе, быте и хозяйстве для создания других образов.

Задачи работы: отбор тувинских загадок, где употребляются лексема *аът* ‘конь, лошадь, мерин’ и половозрастные названия лошадей; раскрытие образов, созданных с помощью образа коня, и описание образа самого коня; выявление тропов, используемых в загадках о коне; отражение взаимосвязи загадок и мифов.

Материалом исследования послужили 94 загадки, которые содержат упоминания о коне и опубликованы в сборнике «Тыва тывызыктар» (2018)¹.

Характеристики самого коня

В тувинских загадках изображаются зоркие глаза, крепкие зубы, тело, выносливость коня. Например:

<p><i>Дуран дег карактыг, Туң дег ак диштиг.</i></p>	<p><i>Глазки, как бинокли, С белыми, как раковины, зубами².</i></p>
<p><i>Ыракты ырак дивес — Ылап чоруктуг, Берт черни берт-бежел дивес — Бедик мербегейлиг.</i></p>	<p><i>Даль за даль не считает, С верным путем, Труднопроходимое место непроходимым не считает, С высоким мякишем³.</i></p>

Необъезженный конь изображается с помощью образа другого животного — прыгающего, бегущего зайца:

<p><i>Кажан-халык Халыын тоолай. Кичем, тоглаа Кичей маадыр.</i></p>	<p><i>Бегающий, прыгающий Горячий заяц, Собравшийся с силами, в изношенной одежде Осторожный герой⁴.</i></p>
--	---

В загадке представлены не приученная к езде лошадь и всадник.

Сылдыс-шокар аът ‘звездно-пестрый конь’ описывается эпитетами *тергиин чараш* ‘очень красивый’, *кайгамчык чараш* ‘удивительно красивый’:

¹Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2018. 157 с.

²Там же. С. 74.

³Там же.

⁴Там же.

<p><i>Терек хөлегезинде турган ышкаш — Тергиин чараш, Хадың хөлегезинде турган ышкаш — Кайгамчык чараш.</i></p>	<p><i>Будто в тени тополя стоял — Очень красивый, Будто в тени березы стоял — Удивительно красивый¹.</i></p>
---	---

Конь в тувинских загадках изображается и через образ быстроногого начальника:

<p><i>Хапың ноян харап олур, Хепиң ноян хереп олур, Олурар ноян орталап чор, Оюштурар ораажып чор, Чүгүрүк дарга маңнады, Чүктешкизи шигжиреди.</i></p>	<p><i>Хапын-нойон смотрит сверху, Хепин-нойон растягивается, Сидящий нойон порядок наводит, Искривленный хлещет, Быстроногий начальник бежит, Груз поскрипывает².</i></p>
---	--

Отгадки на загадку выглядят следующим образом: всадник, лука седла, всадник, кнут, конь, его сбруя.

В представлении тувинцев конь отождествляется с богом, что подтверждается следующим примером:

<p><i>Эп ноян, тап ноян, чүгүрер бурган, шимчээр бурган.</i></p>	<p><i>Ладный нойон, удобный нойон, бегущий божок-бурган, движущийся божок-бурган³.</i></p>
--	---

Отгадка загадки своеобразна. Ладный нойон — это седло, удобный нойон — потник. При их изображении использован историзм *нойон*. А бегущий божок-бурган — это конь, движущийся божок-бурган — человек. В примере описаны характеристики загадываемых предметов, животного и человека.

В других загадках конь представлен антропоморфными образами через метафорические эпитеты *дошкун ноян* ‘свирепый нойон’⁴, *Бээжин кирген оглум* ‘в Пекин уехавший сын мой’⁵.

Упоминание про *Бээжин* имеется и в тувинской народной песне «Чиң сөөртүкчүлериниң ыры» («Песня караванщиков»), где поется о непростой судьбе караванщиков, которые добирались до Пекина на лошадях в течение 50–70 суток и привозили товар в Туву.

Таким образом, в тувинских загадках конь изображается выносливым животным с зоркими глазами, крепкими зубами; необъезженный конь уподобляется прыгающему зайцу, упоминается удивительно красивый конь звездно-пестрой масти. Конь сравнивается и с богом, быстроногим начальником, свирепым нойоном и сыном, уехавшим в Пекин.

Окружающий мир сквозь призму образа коня

В данном разделе рассматривается использование названий видов аллюра и мастей лошадей для создания самых разных образов в тувинских загадках.

Тувинцы с древних времен почитали дух огня, что отразилось и в загадках. Огонь — это символ тепла, света, уюта, благополучия человека. Обряд кормления духа огня существовал и до сих пор существует у тувинцев. «Во время обрядового действия от дагыыр огонь угощали молочными продуктами и давали жирные виды кушаний...» (Кенин-Лопсан, 2006: 93).

¹ Там же. С. 75.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 76.

Образ огня изображен в следующей загадке через образ жеребенка: *Куй иштинде кулун дешки-леп тур* ‘В пещере жеребенок скачет’¹.

Есть и другая отгадка этой же загадки, которая выглядит следующим образом: пещера — рот, жеребенок — язык.

Огонь упоминается и как *шилги аскыр* ‘красновато-рыжий жеребец’.

В следующей загадке половозрастные названия лошадей использованы для создания образов треножника в виде камней и котла:

<i>Аскыры аскак, Бези бертик, Чаваазы чандаш, Кулуну курук.</i>	<i>Жеребец хромой, Кобыла увечная, Стригунок кособокий, Жеребенок тучный².</i>
---	---

Аскыр ‘жеребец’, *бе* ‘кобыла’, *чаваа* ‘стригунок’ являются символами трех камней треножника. Если не будет хватать одного камня, треножник не устоит. Поэтому в загадке используются прилагательные *аскак* ‘хромой’, *бертик* ‘увечный’, *чандаш* ‘кособокий’. Под тучным жеребенком понимается котел для приготовления еды.

Данная загадка имеет глубокий философский смысл. Можно интерпретировать, что в ней изображен образ семьи как единое целое, где имеются отец, мать и дети (старший и младший).

В некоторых загадках прослеживается взаимосвязь жанров фольклора — загадки и мифа. Например:

<i>Аъдымның кижени Ында-мында чеди көктешкилиг.</i>	<i>Пути моего коня Там и тут имеют семь көктешки².</i>
---	---

Образ Чеди-Хаана — Большой Медведицы ассоциируется с *кижен* ‘треногой, имеющей семь нитей из тонкой полоски кожи’. В тувинском языке имеются названия двух видов пут: *дужамык* ‘конские пути’, которыми связывают передние ноги, и *кижен* ‘конские пути’, которыми фиксируют три ноги — две передние и одну заднюю (Даржа, 2003: 91).

В тексте загадки упоминается число *чеди* ‘семь’, которое считается сакральным у тувинцев и широко отражено в тувинских поговорках (Бредис и др., 2022: 280; Бредис, 2023: 230).

Встречается и другая загадка, где созвездие Большой Медведицы представлено синекдохой *чеди шилги* ‘семь красновато-рыжих’:

<i>Чеди шилги черин сактып, Дүктүг тайжы чуртун сактып.</i>	<i>Семь красновато-рыжих землю свою вспомнили, Волосатый тайжы родину свою вспомнил⁵.</i>
---	--

Паремии такого рода воспринимаются как абсурдные, «что делает невозможным объяснение их прямого содержания с точки зрения логического (рационального) осмысления окружающего мира без знания того ситуативного и / или вербального контекста, которым мотивирована пословицная семантика» (Иванов, 2022: 1376).

По нашему мнению, данная загадка основана на космогонической мифе о Чеди-Хаане. В нем говорится о том, что в давние времена на земле жили-были семь братьев-ханов, которые однажды поссорились из-за того, что каждый из них отказывался от повиновения другому. Они не смирились друг с другом и улетели на небо. Там они, превратившись в созвездие Большой Медведицы, находятся в неизменном отдалении друг от друга, поэтому в загадке упоминается, что семь коней вспоминают свою землю.

¹ Там же. С. 57.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 6. *Көктешки* — нитка.

⁴ Там же.

Лексема *чылгы* ‘табун’ используется в загадках при обозначении большого количества чего-либо:

<i>Түмен чылгым хоя берди, Дүндүгүр аскыр туруп калды.</i>	<i>Несметный табун мой шарахнулся, Хмурый жеребец [на месте] остался¹.</i>
--	---

Данная загадка имеет два варианта ответа. Во-первых, через метафоры в ней изображены многочисленные звезды, исчезающие с наступлением рассвета, и месяц, который назван жеребцом. Через образ табуна, обычно возглавляемым одним жеребцом, можно узнать культуру тувинцев, о том, что они занимались животноводством.

В другом варианте отгадки табун ассоциируется с осенними листьями, которые опадают, а жеребец — со стволом дерева.

Существуют и разные варианты вышеуказанной загадки, где используются словосочетания *хоор чылгы* ‘табун каурых лошадей’, *кодан чылгы* ‘табун лошадей’, *кодур аскыр* ‘паршивый жеребец’.

В другой загадке лексемы *аскыр* ‘жеребец’ и *чылгы* ‘табун’ использованы для изображения снегопада и земли, которая побелела:

<i>Маңган аскыр маңнап келди, Бараан чылгы түлей берди.</i>	<i>Белый-пребелый жеребец прискакал, Табун лошадей перелинял².</i>
---	---

Также в текстах загадок встречаются словосочетания *турар чылгым* ‘стоящий мой табун’, *турум чылгым* ‘остановившийся мой табун’, обозначающие рыб.

Часто одновременное использование в сложных словах наименований разных видов аллюра и мастей лошадей используются для создания образа течения реки, воды: *чыраа-кара* ‘черный иноходец’, *кара-сарыг* ‘темно-соловый’:

<i>Челер, маңнаар кара-сарыг, Чел-кудуруу чок кара-сарыг.</i>	<i>Рысистый, скачущий темно-соловый, Не имеющий гривы, хвоста темно-соловый³.</i>
---	--

С древних времен юрта является традиционным жилищем тувинцев. Одна из основных частей юрты — *багана* ‘жердь, поддерживающая верхний обруч юрты’. Даже в ней тувинцы видят ухо коня. Например: *Куйда кула аъттың кулаа көстүп тур* ‘В пещере ухо саврасого коня видно’⁴. Другой вариант этой же загадки выглядит следующим образом: *Кудукта кула бениң кулаа көстүп тур* ‘В колодце ухо саврасой кобылицы видно’⁵.

Данная загадка имеет и другую отгадку — *доскаарда бышкының ужу* ‘кончик мутовки’ — мешалки в бочке.

Символика цвета в устно-поэтическом творчестве у разных этносов выражается по-своему в зависимости от мировоззрения, разных факторов. Фольклорные произведения реализуют в себе код этнической культуры. Цветообозначения в загадках выполняют разные функции, участвуют в возникновении своеобразных символов. В статье Г. Н. Воронцовой и М. М. Гасанова «Этнолингво-маркёры в переводных текстах тувинских народных сказок: лингвокультурологический комментарий» отмечено, что при переводе на русский язык в текстах тувинских сказок «применяется... стратегия замены зоонимов-этнолингво-маркёров на переводные эпитеты... <...> *Алдын-Ала* означает буквально ‘пестро-золотой’, что трансформируется в нарицательное *пестрый* в тексте на русском языке. *Начин-Бора* значит ‘сильный серый’, отсюда эпитет *стремительный серый* (Воронцова, Гасанов, 2022: 108; курсив источника. — А. С.).

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Там же. С. 50, 64.

Образ рыжего жеребца (тув. *кыскыл аскыр*) в тувинских загадках используется при изображении молнии, а красновато-рыжего жеребца (тув. *шилги аскыр*) — пожара.

Как отмечает В. К. Даржа, «если жеребенок еще не кастрирован, его называют *аскыр*, а кастрированного — *аът*. Некастрированный жеребец любого возраста также называется *аскыр*. “Зрелым” конь называется по состоянию зубов, с момента, когда они полностью обмениваются на постоянные» (Даржа, 2003: 66; курсив источника. — А. С.).

Овечья шерсть, которая подлежит обработке, именуется как *кызыл-шокар аът* ‘красно-пестрая лошадь’, а шерстобитный прут как *кымчы* ‘кнут’.

Язык в представлении тувинцев — *хүрең аскыр* ‘бурый жеребец’, *куй иштинде кулунчак* ‘жеребенец в пещере’, *калчаа шилгим* ‘озорной красновато-рыжий мой’, *хан шилги аъдым* ‘кровоаво-красноватый мой конь’.

Процесс варки чая отражается в загадке *хүрең аскыр чырааларды* ‘бурый жеребец иноходит’.

При изображении украшений, разных вещей не обошлось и без образа коня. Например, серьга в ухе — это *хүрең чаваа* ‘бурый стригунок’, ламский колокольчик — *честем аъды* ‘конь моего зятя’¹.

Игла с ниткой изображается как *кыйбык кыскыл аът* ‘пего-рыжий конь’. Стрела — бурым конем (тув. *хүрең аът*). Угольное пламя предстает в образе красновато-рыжего жеребца (тув. *кызыл аскыр*). Молот (тув. *маска*) и самострел (тув. *ая*) ассоциируются с худым жеребцом (тув. *арган аскыр*).

Таким образом, через образ коня изображаются звезды, природные явления, времена года, стихия воды, огня, пожар, органы тела человека (рот, язык), части юрты, овечья шерсть, процесс варки чая, бог, предметы для охоты (стрела, самострел), предметы домашнего обихода (треножник, мутовка, игла с ниткой, молот).

Конь и другие животные, птицы, насекомые

Проанализируем загадки, в которых содержатся образы других животных — медведя, лисы, антилопы дзерена, суслика, птиц — горной индейки, орлиного птенца, птенца курицы, интерпретируемые при помощи образа коня.

<i>Хоор аъдым Хомду кудуруктуг.</i>	<i>У моего каурого коня Хвост, словно вытянутый ящик².</i>
---	---

В данной загадке изображена лиса. По мнению В. К. Даржа, название указанной масти, возможно, произошло от слова *хоор* — жечь, палить, калить. *Хоорар* — калить (зерно) в раскаленном котле, в результате получается зерно коричневатого-желтоватого цвета. Следовательно, масть *хоор* означает цвета каленого зерна (Даржа, 2003: 58).

Образ лисы в тувинских загадках изображается и через следующие метафорические эпитеты: *хоор аскыр* ‘каурый жеребец’, *кыскыл чаваа* ‘рыжий стригунок’.

При изображении образа медведя используются метафора с аллегорической семантикой *дай аът* ‘конь-трехлетка’ и метафорический эпитет *дээрэг аът* ‘вертлявый конь’. Продемонстрируем пример:

<i>Демир кымчым тудуп чададым, Дээрэг аъдым мунуп чададым.</i>	<i>Свой железный кнут поймать не смог, На своего вертлявого коня сесть не смог³.</i>
--	---

Виды ходьбы лошади и масти лошадей использованы во многих загадках для создания образов животных. Бег антилопы дзерена характеризуется видом аллюра — *челер* ‘рысь’:

¹ Там же. С. 67.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 24.

Челер-челер кызыл-ой, Чел, кудуруу чок кызыл-ой.	Рысит-рысит красный-буланый, Без гривы, без хвоста красный-буланый ¹ .
---	--

В другой загадке — *чиктиг челер чиңге-сарыг* ‘с удивительно мягкой рысью тонко-желтый’.

Лексемы *аскыр* ‘жеребец’ и *аът* ‘конь, лошадь’ использованы в загадках о животных, птицах: *сарыг аскыр* ‘желтый жеребец’ — суслик, *дай сарыг* ‘соловый конек’ — улар (горная индейка), *хува калчан аът* ‘соловый белолобый конь’ — птенец орла, *куу калчан аът* ‘серый белолобый конь’ — птенец.

В загадке о красном муравье содержится зооним, а именно кличка лошади *Хүрең-Ала*:

Дагга, дашка Тайбас Хүрең-Алам.	Ни в горах, ни на камнях Не поскользнется мой [конь] Хурен-Ала ² .
------------------------------------	--

При создании образа овода (тув. *маас*) встречается название масти лошади *доруг* ‘гнедой’.

Лексема *аскыр* ‘жеребец’ используется и при создании образов птиц:

Ойда — ой аскыр, Кырда — кыр аскыр.	В низине — буланый жеребец. На горном хребте — игрневый жеребец ³ .
--	---

Через метафорические эпитеты *ой аскыр* ‘буланый жеребец’, *кыр аскыр* ‘игрневый жеребец’ изображены *аганак* ‘белая куропатка’ и *улар* ‘горная индейка’.

В тувинских загадках лексемы *аът* ‘конь’, *аскыр* ‘жеребец’, *чылгы* ‘табун’, *богба* ‘стригунок’, *кулун* ‘жеребенок’, *чаваа* ‘стригунок’ часто используются с названиями мастей лошадей одновременно:

а) *сарыг аскыр* ‘желтый жеребец’, *хоор аскыр* ‘каурый жеребец’, *кызыл аскыр* ‘красно-рыжий жеребец’, *кодур аскыр* ‘паршивый жеребец’, *хүрең аскыр* ‘бурый жеребец’, *ой аскыр* ‘буланый жеребец’, *кыр аскыр* ‘игрневый жеребец’;

б) *кыйбык кыскыл аът* ‘пего-рыжий конь’, *хүрең аът* ‘бурый конь’, *хува калчан аът* ‘соловый белолобый конь’, *куу калчан аът* ‘серый белолобый конь’;

в) *хоор чылгы* ‘табун каурых лошадей’, *кодан чылгы* ‘табун лошадей’, *турар чылгым* ‘стоящий мой табун’, *турум чылгым* ‘остановившийся мой табун’.

В загадках используются и другие масти и виды аллюра лошадей: *дай сарыг* ‘соловый’, *шилги* ‘красновато-рыжий’, *кара-сарыг* ‘темно-соловый’, *кара* ‘черный’; *доруг* ‘гнедой’, *кыскыл* ‘рыжий’; *челер* ‘рысь’, *чыраа-кара* ‘черный иноходец’.

Как видно из примеров, в тувинских загадках образы животных, птиц, насекомых интерпретируются через образ коня. Из числа тропов часто употребляются метафоры, метафорические эпитеты.

Конь как мера длины и предметы домашнего обихода

Образ коня используется и в загадках о предметах домашнего обихода. Интересно, что *аът* ‘конь, лошадь, мерин’ служит и мерой длины в быту. Например, характер полета сороки выражен следующими словосочетанием и предложением: *аъттан чавыс* ‘ниже лошади’, *аът чедер бедиктен чавыс чоруур* ‘ниже поднимающегося коня идет’.

Образ *кара богба* ‘черного стригунка’ присутствует при описании ножа. *Богба* — это жеребец или кобылица в возрасте от одного до двух лет (т. е. по второму году) (Даржа, 2003: 66):

¹ Там же. С. 38.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 25.

<p><i>Кара богба</i> <i>Хайыр чылгап тур.</i></p>	<p><i>Черный стригунок,</i> <i>Солонец облизывая, бегаёт¹.</i></p>
---	---

В тексте изображается процесс заточки ножа на оселке (бруске, мягком точильном камне).

При изображении расчески и гребня употребляются следующие виды мастей и аллюра лошадей: *таалай доруг чыраалады* ‘небный гнедой бежит иноходью’², *таалай сарыг аъттанды* ‘небный соловый поскакал’³.

Кыскаш ‘щипцы – кочерга’ характеризуется как *ызырар кара аскыр* ‘кусающийся черный жеребец’:

<p><i>Кызыл-шилги чылгым</i> <i>Ызырар кара аскырлыг.</i></p>	<p><i>Красновато-рыжий табун мой</i> <i>С кусающимся черным жеребцом⁴.</i></p>
---	---

Таким образом, высота тела лошади в быту применяется и как мера длины. Процесс заточки ножа на оселке сравнивается с действием коня, который облизывает солонец и бежит. Действия, совершаемые при расчесывании волос расческой и гребнем, также сравниваются с видами аллюра лошадей. По своему назначению кочерга отождествляется с кусающимся черным жеребцом.

Конь и образы техники, средств передвижения

Кроме традиционных загадок кочевников, которые передавались из поколения в поколение, тувинцы создавали и новые загадки с учетом научно-технического прогресса и требований времени.

В данном разделе нами рассмотрены загадки, которые появились в советское время, в начале XX в. Тувинцы сочиняли новые загадки о технике, средствах передвижения, с которыми не были знакомы прежде.

С конем у тувинцев ассоциируется все, что движется, — велосипед, трактор, самолет, телега: *маңнаар аът* ‘бегущий конь’ — велосипед; *дуюу демир туруптар деп билбес аъдым* ‘с копытами железными устали не знающий конь мой’ — трактор, *андазыннар сөөртүр аъдым* ‘плуг тащит конь мой’ — трактор. Приведем примеры:

<p><i>Дуюу демир</i> <i>Тулган аъдым,</i> <i>Туруптар деп билбес аъдым.</i> <i>Аңгыс черге</i> <i>Амыр аъдым,</i> <i>Андазыннар сөөртүр аъдым.</i></p>	<p><i>С копытами железными</i> <i>Удалой мой конь,</i> <i>Устали не знающий конь мой.</i> <i>На залежном месте</i> <i>Легко моему коню,</i> <i>Плуг тащит конь мой⁵.</i></p>
--	---

В данном примере трактор уподобляется коню: с копытами (с колесами), используется для проведения сельскохозяйственных работ (тащит плуг).

Демир аът ‘железный конь’ упоминается и в предании об Амыр-Санаа. Говорят, он пообещал вернуться на свою Родину тогда, когда станут летать железные кони.

В следующей загадке действия коня сравниваются с передвижением самолета:

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 39.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Там же. С. 95.

<p><i>Дээринге чоруур аьдым, Дембилдейлеп ырлаар аьдым, Кудайынга чоруур аьдым, Кударады киштээр аьдым.</i></p>	<p>По небу ходит конь мой, Дембилдей поет конь мой. По небу ходит конь мой, Тоскливо ржет конь мой¹.</p>
---	---

Интересно, что в загадке упоминается и название мелодии «Дембилдей», сопровождающей горловое пение.

Для тувинцев *дага* ‘подкова’ — *тайбас аьдым* ‘не спотыкающийся конь мой’. Приведем пример:

<p><i>Тайга, дагга Тайбас аьдым. Далган бээрге, чивес аьдым.</i></p>	<p>В тайге, на горе Не спотыкающийся конь мой, Овес дашь — Не ест конь мой².</p>
--	---

Данная загадка имеет два варианта отгадки: *дага* ‘подкова’ и *терге* ‘телега’.

Таким образом, для тувинцев трактор, самолет, телега, велосипед, *дага* ‘подкова’ ассоциируются с конем.

Заключение

Конь для тувинца всегда был его хорошим другом, средством для передвижения, необходимым для повседневной жизни, что нашло отражение в фольклоре.

В процессе анализа фонда тувинских загадок с компонентом *аьт* установлено, что в них часто встречаются лексемы *аьт* ‘конь’, *аскыр* ‘жеребец’, *чылгы* ‘табун’, *богба* ‘стригунок’, *кулун* ‘жеребенок’, *чаваа* ‘стригунок’. Во многих случаях использование половозрастных названий коня, видов аллюра и мастей лошадей служит для создания образов звезд, природных явлений, времен года, стихий воды и огня, органов тела человека, предметов для охоты, предметов домашнего обихода.

Учитывая характер лошади, ее внешний вид, аллюр, масть, тувинцы передавали через эти характеристики и образы других животных, в том числе птиц.

Высота тела лошади является и мерой длины. Действия коня учитываются при создании загадок о предметах домашнего обихода и транспортных средствах.

Следует отметить, что в текстах загадок, упомянутых в данной статье, часто используются метафоры и метафорические эпитеты.

Анализ образа коня в тувинских загадках позволит провести и дальнейшие научные исследования в области паремиологии в сравнительно-сопоставительном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байсклан, С. М. (1987) Поэтика тувинского героического эпоса. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 72 с.
- Балыва, А. А. (2020) Антитеза в тувинских и русских загадках (на материале устного народного творчества) // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : материалы VI Международной науч.-практич. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (30 июня — 3 июля 2020 г.) / отв. ред. Е. Д. Монгуш. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 154 с. С. 13–14.
- Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

¹ Там же.

² Там же. С. 77.

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Воронцова, Г. Н., Гасанов, М. М. (2022) Этнолингвомаркёры в переводных текстах тувинских народных сказок: лингвокультурологический комментарий // Новые исследования Тувы. № 1. С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.7>

Даржа, В. К. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 154 с.

Иванов, Е. Е. (2022) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-литография Императорского Казанского ун-та. [2], XLII, 488, LX с. (Приложение к Ученым запискам Императорского Казанского университета; 1902).

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 232 с.

Кунгаа, М. Б. (2001) Баштайгыларның бирээзи [Один из первых] // Тоугуй-оол А. С. Шинчилелдер [Исследования]. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 96 с. С. 3–9. (На тув. яз.)

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 464 с.

Тоугуй-оол, А. С. (2001) Шинчилелдер [Исследования]. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 96 с.

Филиппова, В. В. (2012) Образ коня в фольклоре и традиционной культуре якутов // *Дискуссия*. № 2. С. 33–35.

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. Т. 13, № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Юша, Ж. М. (2021) Жанр загадки в фольклоре тувинцев России, Китая и Монголии // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. № 2 (30). С. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Дата поступления: 15.06.2023 г.

Дата принятия: 14.07.2023 г.

REFERENCES

Baiskhan, S. M. (1987) *Poetika tuvinskogo geroicheskogo eposa [Poetics of the Tuvan heroic epic]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 72 p. (In Russ.).

Balyva, A. A. (2020) Antiteza v tuvinskikh i russkikh zagadkakh (na materiale ustnogo narodnogo tvorchestva) [Antithesis in Tuvan and Russian riddles (based on oral folk art)]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altaiia [Current issues of research on ethno-ecological and ethno-cultural traditions of the peoples of the Sayano-Altai]* : Proceedings of the 6th International science-to-practice conference of young researchers, postgraduates and students (June 30 – July 3, 2020) / ed. by E. D. Mongush. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 154 p. Pp. 13–14. (In Russ.).

Bredis, M. A. (2023) Simvolika chisla deviat' v tuvinskoi lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskih posloviits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguocultural commentary as compared to European proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislvoi kod tuvinskoii lingvokul'tury v posloviitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Vorontsova, G. N. and Gasanov, M. M. (2022) Etnolingvomarkery v perevodnykh tekstakh tuvinskih narodnykh skazok: lingvokul'turologicheskii kommentarii [Ethnolinguistic markers in translated texts of Tuvan folk-tales: A linguocultural commentary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 104–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.7>

Darzhba, V. K. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov* [Horse in the traditional practice of Tuvan nomads]. Kyzyl, Tuviniian Institute for Exploration of Natural Resources of the SB of the RAS. 154 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022) Absurdnye i paradoksal'nye posloviitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15. no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskome slovare [Linguocultural commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskih posloviits: modeli, obrazy, poniatia (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskih posloviitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *The New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Katanov, N. F. (1903) *Opyt issledovaniia uriankhaiskogo iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskogo kornia* [An essay on the Uryankhai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]. Kazan, Typo-lithography of the Imperial Kazan University. [2], xlii, 488, lx p. (Appendix to the Scientific Notes of the Imperial Kazan University; 1902). (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev* [Traditional culture of the Tuvans]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kungaa, M. B. (2001) Bashtaigylarnuñ bireezi [One of the first]. In: Togui-ool, A. S. *Shinchilelder* [Studies]. Kyzyl, Tyvanuñ nom yñdyrer cheri. 96 p. Pp. 3–9. (In Tuv.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 462, [2] p. (In Russ.).

Togui-ool, A. S. (2001) *Shinchilelder* [Studies]. Kyzyl, Tyvanuñ nom yñdyrer cheri. 96 p. (In Russ.). (In Tuv.).

Filippova, V. V. (2012) Obraz konia v fol'klora i traditsionnoi kul'ture iakutov [A horse image in the Yakuts folklore and their traditional culture]. *Diskussiia*, no. 2, pp. 33–35. (In Russ.).

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022b) Obrazy prirody v tuvinskih, tatarskikh, russkikh i ispanskikh zagadkakh [Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian, and Spanish riddles]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Zagadki o pishche v tuvinskoii i russkoii lingvokul'turakh [Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Yusha, Zh. M. (2021) Zhanr zagadki v fol'klora tuvintsev Rossii, Kitaia i Mongolii [The genre of riddle in folklore of the Tuvans of Russia, China, and Mongolia]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaiia*, no. 2 (30), pp. 28–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.2.30.006>

Submission date: 15.06.2023.

Acceptance date: 14.07.2023.

Пространственная модель в героическом тувинском и древнеанглийском эпосе

Ольга И. Просяникова, Ксения В. Скорик, Александр Н. Гребнев

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Российская Федерация

В статье рассматриваются пространственные представления, которые, во-первых, являются базовыми в мыслительном сознании человека, во-вторых, формируют собственную для каждого этноса модель мира. Актуальность исследования определяется необходимостью этноидентификации культурно-исторических концептов в эпоху глобализации, в процессе которой происходит взаимопроникновение культур, порой стирающее этнокультурные черты и архетипичные признаки. Цель исследования — установить языковые средства актуализации пространственных отношений в тувинском и древнеанглийском эпосе.

Исследование производится путем анализа лексем, которые репрезентируют универсальную категорию пространства, важнейшие компоненты которой зародились в архаичной картине мира и запечатлены в эпосе. Такие характеристики пространства, как членение, бинарные оппозиции, параметры измерения, составляют культурный код и определяются факторами и условиями среды обитания, традициями и обычаями. Все это манифестируется в эпических произведениях тувинского и англосаксонского народов и позволяет сформировать архетипичную пространственную модель изучаемого этноса.

В результате исследования было установлено, что пространственные модели мира, отраженные в эпических произведениях тувинцев и англосаксов, принадлежащих различным национально-культурным автономиям, имеют общие черты в представлении мира как трихотомической модели, в ориентации по сторонам света и координатным осям, в бинарной оппозиции между «своим» и «чужим» пространствами. Наряду с этим в тувинском эпосе выделены отличительные признаки в отношении пространственных представлений относительно человеческого тела, размеров пути и величины пространства. Авторы отмечают свойственный тувинским сказаниям символизм цвета в описании сторон света и указание на сакральность локусов. Анализ языковых средств актуализации категории пространства свидетельствует о присутствии каждому этносу собственном восприятии пространства путем его освоения и отражения в мифопоэтической модели мира.

Лингвокультурологический подход к изучению эпических произведений различных по происхождению народов позволяет выявить представления этносов о мироустройстве и их мировоззренческих установках в архаический период развития, в течение которого сформировались основы этнической культуры и этнокультурного духа.

Ключевые слова: эпос; тувинский героический эпос; «Беовульф»; категория пространства; пространственная модель

Для цитирования:

Просяникова О. И., Скорик К. В., Гребнев А. Н. Пространственная модель в героическом тувинском и древнеанглийском эпосе // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 97-124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.7>

Просяникова Ольга Игоревна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Тел.: +7 (812) 451-94-12, +7 (905) 216-32-23. Эл. адрес: olgapros@mail.ru

Скорик Ксения Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Тел.: +7 (812) 451-94-12, +7 (981) 163-60-78. Эл. адрес: ksenyapro@mail.ru

Гребнев Александр Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Тел.: +7 (812) 451-94-12, +7 (921) 393-70-34. E-mail: alexweneberg@mail.ru

Spatial model in the Tuvan and Old English heroic epics

Olga I. Prosyannikova, Kseniya V. Skorik, Alexander N. Grebenev

Pushkin Leningrad State University, Russian Federation

The article deals with spatial representations which, firstly, are basic in the human thinking consciousness and, secondly, form each ethnic group's own model of the world. The relevance of the research is determined by the necessity of ethno-identification of cultural and historical concepts in the era of globalization. An interpenetration of cultures, which sometimes erases ethnocultural features and archetypical signs, is typical for this process. The aim of the study is to find out linguistic means of actualizing spatial relations in Tuvan and Old English epics.

The study is carried out through the analysis of lexemes which represent the universal category of space. Its most important components originated in the archaic worldview and are imprinted in the epics. Such characteristics of space as partition, binary oppositions and measurement parameters constitute the cultural code and are determined by factors and conditions of living environment, traditions and customs. All these are manifested in the epic works of Tuvan and Anglo-Saxon peoples and allow to form an archetypical spatial model of the studied ethnos.

As a result of the study it has been found out that the spatial models of the world, reflected in the epic works of the Tuvans and Anglo-Saxons that belong to different national and cultural autonomies, have common features in the representation of the world as a trichotomous model, in orientation to the cardinal directions and coordinate axes, in the binary opposition between "native" and "alien" spaces. At the same time, we can highlight some distinctive features of the Tuvan epos with regard to spatial representations in relation to the human body and parameters of the way and space. The authors note the symbolism of color in the description of the cardinal points of the world and the indication of the sacred places in Tuvan tales. The analysis of the linguistic means of actualizing the category of space shows that each ethnic group has its own perception of space through its assimilation and reflection in the mythopoetic model of the world.

The linguoculturological approach to the study of epics of peoples of different origins allows to reveal ethnoses' ideas about the world order and their world outlooks in the archaic period of development during which the foundations of ethnic culture and ethnocultural spirit were formed.

Keywords: epos; Tuvan heroic epics; "Beowulf"; category of space; spatial model

For citation:

Prosyannikova O. I., Skorik K. V. and Grebenev A. N. Prostranstvennaia model' v geroicheskom tuvinskom i drevneangliiskom epose [Spatial model in the Tuvan and Old English heroic epics]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 97-124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.7>

PROSYANNIKOVA, Olga Igorevna, Doctor of Philology, Associate Professor; Head, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe Shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 451-94-12, +7 (905) 216-32-23. E-mail: olgapros@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9080-3058

SKORIK, Kseniya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe Shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 451-94-12, +7 (981) 163-60-78. E-mail: ksenyapro@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3198-5765

GREBENEV, Alexander Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe Shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 451-94-12, +7 (921) 393-70-34. E-mail: alexweneberg@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3033-4728

Введение

Взаимопроникновение культур различных этносов, их взаимодействие в силу нарастающих процессов глобализации ставит вопрос о сохранении и фиксации традиционных культур, определении этноидентификаторов, в которых отражается мировоззрение и исторический опыт народа, его этнокультурный дух. Устное народное творчество, представленное эпическими поэмами и героическими сказаниями, содержит этнокультурные смыслы, заложенные в них его создателем — народом. Эти произведения позволяют увидеть архетипичные черты картины мира этноса, в частности, такого ее фрагмента, как пространство, которое сформировалось в результате геополитических и историко-этнографических процессов в определенных природно-географических условиях. Упомянутые факторы стали причинами существующих черт сходства и различий в пространственных представлениях различных этносов. В связи с этим целью статьи является выявление различий и сходств в объективации пространственных архетипов различных по своему происхождению и развитию тувинского и англосаксонского этносов на материале их героических поэм.

Эпические произведения тувинского народа неоднократно становились предметом исследований отечественных ученых Л. В. Гребнева (Гребнев, 1960), С. М. Орус-оол (Орус-оол, 2001), М. В. Ондар¹. Древнеанглийские поэмы «Беовульф», «Битва при Финнсбурге», «Исход» изучались с различных ракурсов как зарубежными, так и российскими исследователями (Elden, 2009; Nagler, 1980; Niles, 2016; Мелетинский, 1975, 1976; Мельникова, 1987; Смирницкая, 1982)². Вопросы организации и концептуализации пространства в картине мира различных этносов рассматривались в рамках изучения фольклорных жанров И. А. Невской (Невская, 2005), А. Н. Кононовым (Кононов, 1978), Э. Л. Львовой (Львова и др., 1988), В. С. Ондар (Ондар, 2016), Н. Я. Сагаан³, Л. Н. Семеновою (Семенова, 2006), Д. М. Токмашевым (Токмашев, 2012).

Сравнительные исследования эпосов проводились в рамках фольклористики С. Ю. Неклюдовым, И. В. Пуховым, И. В. Октябрьской (Неклюдов, 2019; Пухов, 2004; Октябрьская, 2012).

Освоение пространства, его организация и формы обусловлены во многом образом жизни народа. В нашем исследовании анализу подвергаются пространства, формирующие культуру разных в историческом и географическом плане народов, что, на наш взгляд, отражается в мировосприятии и формировании пространственной модели. Англосаксонские племена, обосновавшиеся на острове, географически связаны с морем и, соответственно, в их картине мира важное место занимают море и его освоение — вопросы, становившиеся предметом особого изучения (Кравченко, 2022; Гвоздецкая, 2010). Для народов Алтая, к которым относятся тувинцы, пространством бытия являются горно-степные земли, а кочевой образ жизни, связанный со скотоводством, предполагает активное передвижение по суше. В связи с этим пространственная модель мифологической картины мира каждого этноса, отражающая в языке взаимодействие человека с окружающим миром, формируется в соответствии с природными объектами и историческими условиями. Но, с одной стороны, на формирование пространственных отношений влияет среда, что непременно влечет к различиям в картине мира разных этносов, с другой стороны, познавательная деятельность людей является основой развития человечества, и в этой связи обнаруживаются схожие признаки в восприятии пространства у разных этносов.

Методология и материал исследования

Лингвокультурология способна внести свою лепту в исследование фольклорных произведений, созданных самим народом. Лингвокультурологический метод учитывает участие лексем в моделировании пространственных отношений. Контекстный анализ позволяет увидеть связь языковых единиц в отдельных фразовых единствах и в масштабах всего текста, а также способствует созданию целостной картины пространственных представлений этносов.

¹ Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2020. 302 с.

² См. также: Waller B. S. Metaphorical space and enclosure in old English poetry : A dissertation presented to the Department of English and the Graduate School of the University of Oregon in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. [Eugene, OR], 2013. ix, 277 p. URL: https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/bitstream/handle/1794/17893/Waller_oregon_0171A_10858.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

³ Сагаан Н. Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке : дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 140 с.

В качестве материала исследования англосаксонского эпоса были взяты «Беовульф», единственное целиком сохранившееся произведение англосаксонского героического эпоса, созданного в конце VII или в начале VIII в., и «Битва при Финнсбурге» (сохранившийся фрагмент из 48 строк), предположительно созданный в X–XI вв. По мнению О. А. Смирницкой, для поэзии англосаксов была характерна «универсализация эпической формы, т. е. распространение ее на малые жанры», которая «имела своим закономерным следствием эпизацию этих последних» (Смирницкая, 2008: 330). В качестве иллюстрируемого материала на древнеанглийском языке был взят текст «Беовульфа» по билингвальному изданию Х. Д. Чикеринга¹. Что касается перевода на русский язык, то существует единственный полный поэтический перевод В. Г. Тихомирова, опубликованный в 1975 г.²

Героический эпос тувинского народа представлен в исследовании сказаниями «Хунан-Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», признанными лучшими образцами устного эпического творчества и вошедшими в академическое издание «Памятники фольклора народов Сибири и дальнего Востока»³.

Пространственная модель мира в эпических произведениях

Многочисленные исследования пространственных отношений сформировали целостный взгляд на эту категорию и выделили черты, отражающие архаические представления, которые наблюдаются в эпических произведениях: организация пространства по вертикальной и горизонтальной оси, сакральный центр, концентрическое расположение отдельных миров (Топорова, 1994; Кравченко, 2004). Мифологическое пространство, сформированное на раннем этапе развития человеческого сознания, характеризуется, по мнению Т. В. Топоровой, такими чертами, как организованность и идентичность. Природа восприятия пространства такова, что в основе представлений о пространстве лежат признаки «далекий — близкий», «отделение — соединение», «покой — движение», «круг» и др. (Топорова, 1994: 136–138).

Героический мир мифов формировался в реальных условиях существования, и географические (ландшафтные) приметы эпического пространства являются отражением этих условий (Мельникова, 1987: 91). По этой причине мифологическое пространство любого этноса отражает реалии окружающего мира.

Герой эпоса как центральный персонаж находится в движении, он совершает подвиги, поступки, осваивая таким образом пространство, и ощущает себя в центре мира. Именно с его позиции чаще всего определяется пространство в виде концентрически расположенных зон (Неклюдов, 2000: 19). Для формирования целостного представления о мифологическом пространстве в тувинском и англосаксонском эпосах исследуемая категория рассматривается в соответствии с дифференциальными характеристиками этой структуры, к которым относятся горизонтальное / вертикальное пространство, представляющие координатные оси, трихотомическая модель, ориентация по частям света, бинарная оппозиция «свое — чужое» пространство, размеры пространства.

Пространство горизонтальное / вертикальное

Горизонтальное и вертикальное пространства являются базовыми понятиями и носят антропоморфный характер исключительно потому, что эти координатные оси обусловлены осознанием человеком своего бытия. Ось «верх — низ» сопряжена с каноническим положением человеческого тела относительно земли. Именно в этом положении осуществляется движение и возникают оси фронтальные и латеральные, которые играют значимую роль в когнитивной деятельности, поскольку по этим осям осуществляется визуальное восприятие (Кравченко, 2004: 36–37).

¹ Beowulf. A dual-language edition / transl. and with an introd. and comm. by H. D. Chickering, Jr. New York: Anchor Books, 2006. xiv, 464 p.

² Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / ред. С. Шлапоберская. М.: Изд-во Художественная литература, 1975. 752 с. Далее древнеанглийский текст «Беовульфа» и русский перевод цитируется с указанием строк по этим изданиям, напр.: (Beowulf: 1412–1417) и (Беовульф: 1412–1417).

³ Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997. Т. 12: Тувинские героические сказания = Тыва улустун маадырлыг тоолдары. Хунан-Кара, Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей / отв. ред. тома В. М. Гацак. 584 с. Далее цитируется в тексте с сокращением, напр.: (ТГС: 128–131).

Горизонтальная и вертикальная оси в тувинском эпосе представлены лексемами *мурнунда* ‘вперед’, *соонда* ‘позади’, *өрү-куду* ‘вверх и вниз’, ‘алды’ ‘нижний’, *үстүү* ‘верхний’, в древнеанглийском лексемами *beforan* ‘вперед’, *ofer*, *under* ‘над, под’.

(1)	Эр кижиг аян-чорук чораанда, Бир мурнундува көөр, Бир соондува көөр! ¹	Мужчина в дороге-пути То посмотрит вперед , То посмотрит назад! (ТГС: 128–131).
(2)	Мооруй кырлаң кырынга, Базып үне бергеш, Өрү-куду көргүлөп, Эзеп каап кылаштап турарга <...>.	На мооруи-хребет, Отправившись, поднялся. Вниз, вверх поглядывая, Ходит, позевывая (ТГС: 320–321).
(3)	He feara sum beforan gengde wisra monna wong sceawian oþþæt he færinga fyrngenbeamas ofer harne stan hleonian funde, wynleasne wudu. Wæter under stod dreorig ond gedrefed (Beowulf: 1412–1417).	<...> вождь — впереди, а старейшины ехали сзади, дабы не сбиться со следа, вдруг перед ними явились кручи, склоны, поросшие мрачным лесом, камни замшелые, а ниже — волны, кипящие кровью (Беовульф: 1412–1417).
(4)	Lastas wæron æfter waldswaþum wide gesyne, gang ofer grundas, gegnum for ofer myrcan mor... (Beowulf: 1402–1405).	Ног отпечатки, тропа тореная вела по равнине, путь указуя в лесную чащу, к сумрачным топям... (Беовульф: 1402–1405).

В тувинских героических сказаниях выявлена такая особенность, как большое число языковых фиксаций пространственных осей, непосредственно связанных с описанием человеческого тела:

(1)	<...> Алдан кижиг Карара каткылаан, Үстүү дигинде Үжен кижиг Карара каткылаан Маңнажып олуруп-турлар. Өктек кара чаваазындан Дүже халып турган иргин.	На их нижних зубах Высохли, почернев, Шестьдесят человек, На их верхних зубах Высохли, почернев, Тридцать человек (ТГС: 150–151).
(2)	Оң чартыкы эктинге хонуп, Кыңгыргайның ээзи кыс ала эзир ужуп келгеш, Солагай талакы эктинге хонуп, Эвирип-чавырып олуруп-турлар эвеспе.	На правое плечо ей опустился, Владыка Кыңгыргая — пегаая орлица прилетела, На левое плечо ей опустилась, Опустив, сложив [крылья], сели (ТГС: 328–329).

¹ Здесь и далее полужирный шрифт наш. — Авт.

Пространственные оси одинаково представлены в обоих эпосах, но в тувинских поэмах наблюдается фиксация относительно тела человека.

Трихотомическая модель пространства

Модель мирового дерева как центральной фигуры в космической модели с трихотомическим делением на небо, землю и подземный мир была предложена В. Н. Топоровым (Топоров, 2010ab). Концепция о трех мирах воплощена и в тувинском, и в англосаксонском эпосах, что свидетельствует о сходстве в представлениях о трехуровневом строении мира.

В картине мира тувинского этноса существуют взаимосвязанные между собой по вертикали Верхний, Средний и Нижний миры. В Среднем мире человек живет, после смерти опускается в Нижний мир, в котором происходит очищение и поднимается в Верхний мир. В англосаксонской модели также существуют три уровня — Небо (Рай), Земля и Ад. Связь миров отражается в мифопоэтической картине мира, представленной в эпосе.

В тувинских сказаниях Средний мир лежит в горизонтальной плоскости и имеет очень детальное описание ландшафта эпического мира, наполненного географическими / топонимическими реалиями — *даг* ‘гора’, *оран* ‘страна, земля’, *хову* ‘степь’, *оргулааш* ‘равнина’ (1–3), водными объектами — *хем* ‘река’, *хөл* ‘озеро’, *далай* ‘море’ (4–6), горными образованиями — *даг* ‘гора’, *хая* — ‘скала’, *чалым* ‘утес’, *туруг* ‘отвесная скала, утес’, *кырлаң* ‘небольшой горный хребет’, *тайга* ‘тайга, высокогорье’, *таңды* ‘высокая гора, высокогорная тайга’, *тей* ‘холм’ (7–14):

(1)	Шил-Даг, Шилен-Дагны чурттап турар Далай-Байбың хаан деп Хаан турган иргин ийин.	В краю, где [горы] Шил-Даг, Шилен-Даг , Жил хан по имени Далай-Байбын-Хан (ТГС: 54–55).
(2)	Ховунуң-на Ховузуңга чоруп олурарга...	Когда ехал По безлюдной степи... (ТГС: 120–121).
(3)	<...> Шөл бооп-даа, Оргу чаагай Оранга кээрге...	<...> А попадут В край равнинный привольный... (ТГС: 218–219).
(4)	Чеди хемни -даа кайын кежип, Чеди артты-даа кайын ажар.	Семь рек пересечь? Разве семь перевалов преодолеть? (ТГС: 188–189).
(5)	Бедик кара таңды кырынга үне хап кээрге, Ындында улуг ак <i>хөл</i> чыткан.	— На высокую черную гору прискакала, [видит:] Вдали большое светлое озеро (ТГС: 332–333).
(6)	Далай-таңды кежип, Таңды чемижи болган...	Моря-горы обошедший, [Почти] ставший пищей горы... (ТГС: 88–89).
(7)	Даң бажы шара-хере, Даш бажы кара-шокар хиреде...	Когда забрезжил рассвет И вершины гор темно-пестрыми стали... (ТГС: 76–77).
(8)	<...> Арга чартыының Ак хаязын , Мээс чартыының Кара хаязын...	<...> То вы белую скалу С лесистой стороны, Черную скалу С солнечной стороны <...> (ТГС: 68–69).
(9)	<...> Кызыл чалым баарының үдүн, Куюн бакылап дилеп чорааш, Ханы кара куюн тыпкаш...	<...> Перед красным утесом в углубленья-пещеры Заглядывая, искали... (ТГС: 316–317).
(10)	<...> Көрүп олурарга, Кызыл туруг ышкаш...	<...> С южной стороны ставки-дворца [С ограждением] наподобие красных утесов... (ТГС: 272–273).

(11)	<...> Мооруй кырлаң кырынга, Базып үне бергеш...	<...> На мооруи-хребет , Отправившись, поднялся (ТГС: 320–321).
(12)	<...> Тайга -таңды ышкаш...	<...> Ростом с высокою гору-тайгу ... (ТГС: 106–107).
(13)	<...> Далай-таңды кежип, Таңды чемижи болган...	<...> Моря-горы обошедший, [Почти] ставший пищей горы ... (ТГС: 88–89).
(14)	<...> Болчатылыг тей хирелиг кыннып кээрде...	<...> И сама она с холм Болчаты стала... (ТГС: 396–397).

Разнообразие лексических единиц, обозначающих горные образования, позволяет сделать вывод о значимости для тувинцев этого пространственного элемента. Кроме того подтверждается и сакральность этого локуса:

(1)	<...> Айның чаазында, хүннүң экизинде Ыдык бора тейниң кырынче Хап үне бергеш, дагылгазын дагып ...	<...> И в новолуние — лучший из дней — На священный серый холм Прискакал, совершил поклонение (ТГС: 472–473).
(2)	<...> Хопчу каразынга база өөренип, Таңды, тайга дагылгазын болгаш Адазының хамык чоруун ол кылып...	<...> Горам-тайгам поклонялся — Все, что и отец его, делал, оказывается... (ТГС: 500–501).

В англосаксонской модели мира Средний мир имеет лексическое выражение *middan-geard* < *midde* ‘земля, мир, вселенная’ + *geard* ‘двор, поселение’, здесь происходит слияние вертикальной и горизонтальной оси (Брунова, 2007: 35). Средний мир является миром людей, их землей, он находится между небом и землей и локализуется в поэме предложными сочетаниями *under wolcnum* ‘под небом’, *under swegles* ‘под небесами’, а по горизонтальной оси — *sæm tweonum* ‘от моря до моря’:

(1)	Swa ic Hringdena hund missera weold under wolcnum ond hig wigge beleac manigum mægþa geond þysne middangeard , æscum ond ecgum, þæt ic me ænigne under swegles begong gesacan ne tealde. Hwæt, me þæs on eþle edwenden cwom... (Beowulf: 1769–1774).	Пять десятков зим я под сводом небесным правил данами, утверждая оружием их могущество в этом мире между многих племен , и тогда возомнил, будто нет мне под небом недруга. Но пришла беда (в мой дом)! (Беовульф: 1769–1774).
(2)	<...> þone selestan bi sæm tweonum ... (Beowulf: 1956).	<...> так я слышал, — от моря до моря ... (Беовульф: 1956).

Кроме обобщенного пространства, обозначаемого лексемой *middan-geard* ‘срединный мир’, выделены лексемы *eorðe* ‘земля как место обитания людей’ (1), *land* ‘суша, страна’ (2), *eþel* ‘родная земля’ (3):

(1)	Nǣfre ic mǣran geseah earl ofer eorðan ... (Beowulf: 247–248).	И я ни в жизни не видел (на земле) витязя сильней и выше... (Беовульф: 247–248).
(2)	<...> þē on land Dena lāðra nǣnig mid scipherge sceðþan ne meahte (Beowulf: 242–243).	<...> но не упомяну, чтобы чужая дружина вышла на этот берег так, без опаски... (Беовульф: 242–243).
(3)	<...> ðonon hē gesōhte swǣsne ēþel , lēof his lēodum, lond Brondinga, freoðo-burh fægere... (Beowulf: 520–523).	<...> брошенный бурей к норвежскому берегу, он возвратился в свои владенья , в земли Бродингов, в дом наследный где правит поныне... (Беовульф: 520–523).

Представления о мире в целом и своего края в частности передаются в поэме строками, которые объясняют сотворение мира и упоминают его создателя:

<...> Ælmihtiga eorðan worhte, witebeorhtne wang swā wæter bebūgeð gesette sigehrēþig sunnan ond mōnan lēoman tō lēohte land-būendum ond gefrætwaðe foldan scēatas leomum ond lēafum lifēac gesceōþ cynna gehwylcum þāra ðe cwice hwyrfað (Beowulf: 92–98).	<...> пел он о том, как Создатель устроил сушу — равнину, омытую морем, о том, как Зиждитель упрочил солнце и месяц на небе, дабы светили всем земнородным, и как Он украсил зеленью земли, и как наделил Он жизнью тварей, что дышут и движутся (Беовульф: 92–98).
--	--

Если содержательная сторона описания пространства среднего мира в тувинском эпосе насыщена разнообразными объектами, то в «Беовульфе» такого разнообразия не наблюдается. Об окружающем пространстве суши можно судить по немногочисленным описаниям путешествий, в которых пространство наполняется скалами, деревьями, покрытыми лесом горами:

(1)	<...> oþþæt hē fǣringa fyrgeþ-bēamas ofer hārne stān hleonian funde, wyn-lēasne wudu ... (Beowulf: 1414–1416).	<...> вдруг перед ними явились кручи, склоны, поросшие мрачным лесом , камни замшелые... (Беовульф: 1414–1416).
-----	---	--

(2)	<p><...> no hie fæder cunnon, hwæþer him ænig wæs ær acenned dyrnra gasta. Hie dygel land warigeaþ, wulfhleoþu, windage næssas, frecne fengelad, ðær fyrgeþ-stream under næssa genipu niþer gewiteþ, flod under foldan (Beowulf: 1355–1361).</p>	<p><...> и кто был их предком из темных духов, и где их жилище — люди не знают; по волчьим скалам, по обветренным кручам, в тумане болотном их путь неведом, и там, где стремнина гремит в утесах, поток подземный... (Беовульф: 1355–1361).</p>
-----	---	---

В поэме прослеживается сильная связь с морем, которое для германских племен имело огромное значение. Они были морскими путешественниками и совершали военные походы по морю, что объясняет присутствие в тексте большого количества наименований водной стихии, которые составляют синонимическую систему: *mere* ‘море стоячее’ (1), *brim* ‘море, прибой, край моря’ (2), *flōd* ‘поток, река, море’ (3), *sæ* ‘море, озеро’ (4), *holm* ‘море’ (5), *sund* ‘море’ (6):

(1)	<p><...> þær git eagor-stream earmum þehton, mæton meres-træta, mundum brugdon, glidon ofer garsecg... (Beowulf: 513–515).</p>	<p><...> не мог отворотить вас от дикой затеи соперничать в океане. Пучин теченья сеча руками, взмахами меряя море-дорогу... (Беовульф: 513–515).</p>
(2)	<p>Hi hyne þa ætbæron to brimes faroþe, swæse gesiþas, swa he selfa bæd... (Beowulf: 28–29).</p>	<p>Тело снесли его слуги любимые на берег моря, как было завещано... (Беовульф: 28–29).</p>
(3)	<p>Flōd blōde wēol... (Beowulf: 1422).</p>	<p>Видели воины, как омут вспенивался горячей кровью... (Беовульф: 1422).</p>
(4)	<p>Ða wit ætsomme on sæ wæron... (Beowulf: 544).</p>	<p><...> вместе держались в опасных водах... (Беовульф: 544).</p>
(5)	<p><...> hæfde him on earme eorla þritigra hildegeatwa þa hē tō holme stāg (Beowulf: 2361–2362).</p>	<p><...> и тридцать тяжких вынес доспехов на берег моря... (Беовульф: 2361–2362).</p>
(6)	<p>Sona wæs on sunde se þe ær æt sæcce gebad wighryre wraðra, water up þurhdeaf... (Beowulf: 1618–1619).</p>	<p><...> и в путь обратный он, невредимый чудищеборец, пустился в пучинах... (Беовульф: 1618–1619).</p>

Такое многообразие лексем и композитов с компонентами *mere*, *brim*, *sæ*, *flōd*, описывающих водное пространство, водную стихию, объясняется местом обитания на острове и мореплаванием как важным занятием и видом передвижения. Лексемы имеют различные контекстуальные коннотации, приобретаемые в дополнение к их оригинальным значениям.

Поскольку место обитания этносов в полной мере отражается в описании эпического пространства, то определяется яркая картина географического пространства, открываются особенности в его восприятии, выявляется значимость объектов.

Верхний и нижний миры составляют мифическое пространство. В отличие от Среднего мира, в котором человек живет, эти миры ассоциируются с божественным, чудотворным и сверхъестественным началом. Восприятие вертикальности пространства глубоко символично для архаического сознания, поскольку в нем присутствует разделение на три уровня, и герой может проникать в эти слои в ходе сюжета.

Слово «верхний» указывает на его местонахождение наверху, в направлении к небу, выше облаков, во Вселенной. Лексические единицы, описывающие верхний мир в тувинских героических поэмах, имеют четкое обозначение и фиксируют уровень этого мира — *дээр* ‘небо, небесный’, *каптагай* ‘мир, вселенная’, *үстүү оран* ‘миф. верхний мир’:

(1)	<...> <i>Дээрниң</i> делгеми-биле, Дээлдигенның дезии-биле Алдырбайн туруп-тур. <i>Кажыктаптар дээрге</i> , Каптагайның делгеми-биле Хартыганың кашпагайы-биле Алдырбайн турган иргин ийин.	<...> В небесном просторе. Только собрался [как] бабку [-кость] швырнуть, [Тот] увернулся С проворством ястреба в просторе Вселенной (ТГС: 220–221).
(2)	Үстүү оранда Үжен үш дээрлерниң үстүнде Эр, кыс ийи Кара дастың Чүүн эккелгештин, Хырайлыкпас дээштиң, Үш аданың дужундан тура Үжүнүң үш согунун Үстүкү чүү деп кылдыртып туруп-тур.	Принесли перья Двух черных грифов — Самца и самки, [Летающих] в Верхнем мире Над тридцатью тремя небесами. Велел сделать из них верхнее оперение Трех стрел, Чтобы не выпадало оно... (ТГС: 108–109).

В англосаксонском эпосе верхний мир также ассоциируется с небом и обозначается в поэме несколькими лексемами: *heofon* ‘небо, небесный свод’, *swegl* ‘небеса, небо’, *rodor* ‘эфир, небеса’, *wolcen* ‘небо, облака’, *wuldor* ‘небеса’. Небо ассоциируется с всемогущим существом, который властвует над миром, является местом пребывания Бога, божества. Связь с этим миром незрима, но сильна. Скильд Скевинг получил власть от неба (1), его сын получил славу от небесного покровителя (2):

(1)	<...> he thaes frofre gebad, Woes under wolcnum , worth-myndum thah... (Beowulf: 7–8).	<...> в детстве, найденыш, ему воздалось: стал разрастаться властный под небом... (Беовульф: 7–8).
(2)	<...> him thaes Lif-frea, wuldres Wealdend , worold-are forgeaf... (Beowulf: 16–17).	<...> их гибель и скорби в век безначалия, — от Вседержителя вознаграждение, от Жизнеподателя благонаследие... (Беовульф: 16–17).

Тесная связь земли как среднего мира и неба как верхнего мира прослеживается в контексте относительно земли. Местонахождение локализуется через предложное сочетание *under roderum* ‘под небом’, *ofer landa* ‘над землей’ (1), *under heofenes* ‘под небесами’ (2), *under swegles* ‘под небосводом’ (3):

(1)	<p><...> þæt wæs foremaērost foldbūendum receda under roderum on þaēm se rīca bād līxte se lēoma ofer landa fela (Beowulf: 309–311).</p>	<p><...> в холмах воссияла златослепящая кровля чертога, жилища Хродгара: под небом не было знатней хоромины, чем та, озарявшая окрестные земли (Беовульф: 309–311).</p>
(2)	<p><...> reced selesta, rinca gehwylcum idel ond unnyt, siððan æfenleoht under heofenes hador beholen weorþeð (Beowulf: 412–414).</p>	<p><...> морские странники о том мне поведали, что дом дружинный, тобой построенный, чертог обширный пустеет вечером, чуть солнца на небе померкнет слава (Беовульф: 412–414).</p>
(3)	<p><...> maērðo maēned monig oft gecwæð þætte sūð nē norð be saēm twēonum ofer eormengrund oþer naēnig under swegles begong sēlra naēre rondhæbbendra, rīces wyrðra (Beowulf: 857–861).</p>	<p><...> они возглашали: да славится Беовульф под этим небом! — нет другого от моря до моря на юг и на север земли срединной, кто бы сравнился... (Беовульф: 857–861).</p>

В тувинском эпосе в верхнем мире (*үстүү оранда*) обитают духи и помощники, которые и духовно, и физически помогают обрести смысл жизни, преодолеть препятствия, совершить подвиг, принять решение:

(1)	<p><...> Үстүү оранда Арзылаң-Кара аъттыг Хунан-Кара мөге деп кижы-биле Адаан-мөөрей, Адыг-чарыш кылып, Дүжеп хондум, Коргуп тур мен...</p>	<p><...> С человеком по имени Хунан-Кара-моге, Имеющим коня Арзылан-Кара, [Из] Верхнего мира. Увидел я сон, Испугался! (ТГС: 282–283)</p>
(2)	<p>Сеңээ мен Үстүү орандыва Аът бапгыг Ачын бора хартыга бооп алгаштың, Бир ай хиреде кылыйтып Чеде бергештиң, Шулбу хааны-биле сен ийиже Дүш берип-ле турган болгай мен...</p>	<p>Это же я, Обратившись в серого сокола-ястреба С конской головой, В Верхнем мире С месяц летела, Прилетев, На хана-шулбу и на тебя Сон напустила... (ТГС: 294–295).</p>

В поэме «Беовульф» верхний мир — это место обитания Бога, который властвует и покровительствует:

(1)	<...> þone God sende folce tō frōfre fyrenðearfe ongeat... (Beowulf: 13–14).	<...> сын престола, наследник родился, посланный Богом людям на радость... (Беовульф: 13–14).
(2)	<...> swylc him God sealde, buton folcscare ond feorum gumena (Beowulf: 72–73).	<...> все, чем богат был по милости Божьей , — только земля неделима и войско едино (Беовульф: 72–73).
(3)	<...> Fæder alwalda mid årstafum ēowic gehealde sīða gesunde! (Beowulf: 316–318).	<...> Отец Вседержитель да будет с вами! Дай Бог вам силы в грядущих сражениях! (Беовульф: 316–318).
(4)	Hine halig God for arstafum us onsende, to Westdenum... (Beowulf: 381–383).	Бог Всеблагой направил к данам, послал, Милосердный, этого мужа... (Беовульф: 381–383).
(5)	<...> ond siþðan witig God on swa hwæþere hond, halig Dryhten , mærdō deme, swa him gemet þince (Beowulf: 685–687).	Над нами Божий , Господень свершится суд справедливый — да сбудется воля Владыки Судеб! (Беовульф: 685–687).

Нижний мир у обоих этносов представлен как пространство, связанное с отрицательным началом, царством мертвых, потусторонним миром. В мифологическом сознании он находится под землей, а его обитатели живут в пещерах и провалах.

В тувинских сказаниях нижний мир (*алды оран* ‘миф. подземный мир’) населяют страшные существа, угрожающие уничтожить героя:

<...> Аксын-сөзүн алып, Өлүрер-чидирер чүме-даа Чок болган туруп-тур эвеспе аан. Алды орандан, Чер аксындан Хола-хола хаайлыг, Хола-хола дыргактыг, Хола-хола Чыда-селемезин туткулаан, Куруяктары Кыңгырткайндыр төктүп үнгүлөп Келген туруп-тур. Арзылаң-Кара Дешкилевишаан баргаштың, Каң-болат буду-холу-биле Алды орандыва Өрттендир-хуюкталдыр Теп кирипкен туруп-тур эвеспе аан.	Дать бы [последнее] слово ему И убить, извести, Но оказалось: ничего от него не осталось. А из Нижнего мира, Из провала в земле С шумом-бряцанием Стали толпами выходить Старухи С медными-медными рылами, С медными-медными когтями, Медные-медные Копья, сабли держа. Арзылан-Кара на них Во всю свою прыть бросался, Булатно-стальными копытами, Спялая-сжигая, Давил их, оказывается, загонял В Нижний мир (ТТС: 232–233).
--	---

Нижний мир в «Беовульфе» маркируется лексемой *hel* ‘ад’:

(1)	Swā ðā driht-guman drēamum lifdon, ēadiglice, oððæt ān ongan fyrene fremman feond on helle (Beowulf: 99–101).	Счастливо жили дружинники в зале, пока на беду им туда не явилось ада исчадие <...> (Беовульф: 99–101).
(2)	<...> þæs þū in helle scealt werhðo drēogan... (Beowulf: 588–589).	<...> что ты убийца своих сородичей, братьев кровных — проклятье ада ... (Беовульф: 588–589).

Поскольку нижний мир в англо-саксонской поэме описывается как вместилище злых духов, монстров, чудовищ, то к лексемам, детерминирующим этот мир, можно отнести и такие, как *hrūse* и *grund* ‘земля’, встречающиеся в сочетаниях с предлогом *under* ‘под’, *on* ‘в’, *eorðsele* ‘подземелье’, *blaw* ‘могила’ (1). Место обитания потусторонних сил (*geosceaftgasta* ‘проклятый дух’) связано не только с подземным миром (2), но и подводным (*grundhyrde* ‘владычица бездны’, *meredēor* ‘морское чудовище’) (3, 4):

(1)	He ofer willan going to ðæs ðe he eorðsele anne wisse, hlaw under hrusan holmwylme neh... (Beowulf: 2409–2411).	<...> он вел дружину к тому подземелью, к холму, что высылся близко от бурных вод... (Беовульф: 2409–2411).
(2)	þanon woc fela geosceaftgasta ; wæs þæra Grendel sum... (Beowulf: 1265–1266).	<...> и там породил многих проклятых существ, подобных Гренделю-волку ... (Беовульф: 1265–1266).
(3)	Ic ða ðæs wælm es, þe is wide cuð, grimne gryreligne grundhyrde fond... (Beowulf: 2135–2136).	Там, на дне морском, отыскал я злоизвестную вод владычицу ... (Беовульф: 2135–2136).
(4)	<...> fornam mihtig meredēor þurh míne hand. Swa mec gelome lað-geteonan þreatedon þearle (Beowulf: 557–560).	<...> когда морежитель , стиснув когтистыми лапами тело, вдруг потащил меня в глубь океана ... (Беовульф: 557–560).

Представление пространства в виде трех миров имеется у обоих этносов, что наглядно отражено в поэмах. Тем не менее можно судить о том, что ландшафтные элементы среднего мира в значительной степени превалируют в тувинском эпосе. Они в полной мере демонстрируют специфику окружающего мира природы, значимость гор, рек, тайги для жизнедеятельности людей, освоение ими пространства и подчинение его своему жизненному укладу. В англосаксонском эпосе место обитания иллюстрируется скудно, в большей степени акцент делается на описание жилища. Верхний мир для обоих этносов соотносится с вышними силами, нижний — с царством мертвых и чудовищ. В силу географических особенностей обитания в «Беовульфе» нижний мир населяют морские монстры, в тувинском эпосе — подземные чудовища.

Ориентация по сторонам света

Наряду с пространством по координатным осям концептуальным является естественное для человека членение пространства на четыре части в соответствии со сторонами света. Такая ориентация

в пространстве имела как сакральное, так и практическое значение. Большую роль при этом играет менталитет и культура этноса. Места для поклонения, жертвоприношений, погребений и исполнения различного рода религиозных и культовых действий выбирались с учетом ориентационных принципов, жилища сооружались в зависимости от стороны света, ориентация по сторонам света использовалась на охоте, в походах и разного рода перемещениях по земле и воде. В заговорах и других жанрах фольклора мы наблюдаем ориентацию по сторонам света, которая учитывалась при отправлении ритуала, в обращении к сторонам света в заклинаниях. Система координат при таком членении основывалась на наблюдении за солнцем и его движением по небосклону. Солнце присутствует в семантике названий сторон света в различных языках (Подосинов, 1999: 26). Этимология терминов выявила значение англ. *east* — от индоевр. *ausos* ‘утренняя заря’, также существует предположение о происхождении англ. *south* ‘юг’ от герм. *sunnon* ‘солнце’.

Многочисленные источники, в том числе обряды и ритуалы, зафиксировали четырехчленное ориентирование у германского этноса, к которому принадлежат англосаксы, сохранившие связь с пракультурой¹.

А. В. Подосинов отмечает, что культура народов Южной Сибири — это результат сложного синтеза мира охотников и скотоводов, в связи с чем в развитии ориентационной традиции наблюдались изменения на определенных этапах (Подосинов, 1999: 416). В сказаниях встречаются многочисленные указания на различные стороны света, которые в большинстве случаев определяют местоположение объекта и указывают направление: *чиге соңгу чүк* ‘прямо на север’ (1), *чиге мурнуу чүк* ‘прямо на юг’ (2), *чиге барыын чүк* ‘прямо на запад’ (3), *чөөн чүк* ‘восточная сторона’ (4):

(1)	Чиге соңгу чүктен Чиге буруңгаар чоруп турар.	<...> Прямо с северной стороны Прямо в далекую сторону едут (ТГС: 94–95).
(2)	<...> Чиге мурнуу чүгүн шиглээш, Хап-ла каап-тыр.	<...> Направившись прямо в южную сторону , Поскакала (ТГС: 330–331).
(3)	<...> Чиге барыын чүкте Сарындай-Сарыг хаан деп кижиге-биле...	<...> С человеком по имени Сарындай-Сарыг-хан, Живущим прямо в западной стороне... (ТГС: 506–507).
(4)	<...> Брак эвес чөөн чүкте...	<...> Недалеко [отсюда] — в восточной стороне... (ТГС: 472–473).

Восточная и южная стороны в сознании тувинцев считались благоприятными. Вход в юрту, например, по обыкновению находился с востока. Об отношении тувинцев к северу как к стороне, несущей опасности и неприятности, пишет М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 1987: 27), Л. Д. Хертек (Хертек, 2018). Например, в тувинском героическом сказании «Хунан-Кара» одна из «смертных душ» антагониста главного героя — Кара-Когел-хана, дарующая бессмертие его земному телу, спрятана в темной пещере «черной, как ночь, горы» на северной стороне:

Силернин өлүр тыныңар, Сүү-сүнезиниңер, Сүлде-сагызыныңар Чүде болур чүмел? <...> Бир сүлде-сүнезиним — <...> Чиге соңгу чүкте...	Ваши смертные души, Заветные души, Хранители вашей жизненной силы В чем находятся? <...> Одна душа моей жизненной силы <...> Прямо на северной стороне... (ТГС: 284–287).
---	---

В работах А. Н. Кононова отмечается символика цвета в названиях сторон света: черный цвет соотносится с севером, красный — с югом, голубой — с востоком, белый — с западом (Кононов, 1978:

¹ Брунова Е. Г. Архаичные пространственные отношения в англосаксонской языковой модели мира : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 42 с. С. 26–27.

160). В текстах тувинского эпоса выделены следующие примеры с символикой цвета: черный цвет (*кара*) соотносится с севером (1, 2), красный (*кызыл*) с югом (3), желтый (*сарыг*) с востоком (4):

(1)	Чиге соңгу чүгүнде Караңгы-ла кара дүн дже берген.	Прямо в северной стороне Темная-черная ночь наступила... (ТГС: 84–85).
(2)	<...> Чиге соңгу чүктен Кара шиижек кушкаш ужуп...	[Тут] прямо с северной стороны Черная пташка-чиж прилетела... (ТГС: 90–91).
(3)	Өреге кырынга Ак ас бооп алгаштың, Көрүп олурарга, Кызыл турут ышкаш, Кода-хүрээзиниң мурнундан Чеди бөрүнү эдерткен, Ийи-үш карактыг Ай, хүн ышкаш Чырыткыланьп чоруп олурар, Шулбунуң кадыны Чоруп олуруп-тур эвеспе аан.	Сияющая, Словно солнце-луна, Ханша-шулбу С двумя-тремя глазами Идет, оказывается, С южной стороны ставки-дворца [С ограждением] наподобие красных утесов , Ведя за собой семь волков (ТГС: 272–273).
(4)	<...> Даң бажы шара-хере, Даш бажы сарыг-шокар чорда...	<...> Когда забрезжил рассвет, Вершины гор, посветлев, желтыми стали... (ТГС: 396–397).

В ходе анализа текста поэмы «Беовульф» были выявлены лишь единичные эпизоды, в которых встречаются названия всех сторон света. По этой причине напрашивается вывод о том, что в отличии от ритуальных текстов членение пространства в соответствии со сторонами света не имело существенного значения для развития сюжетных мотивов, чему находится подтверждение в поэмах «Беовульф» и «Битва при Финнсбурге».

В поэме все названия сторон света присутствуют в составе наименований данов — *West-Dene*, *Ēast-Dene*, *Norð-Dene*, *Sūð-Dene*. Как указатель стороны света «запад» не упоминается ни разу, *norð* ‘север’ употребляется в сочетании *norþanwind* ‘северный ветер’ (1) и в эпизоде битвы с Гренделем (2), *east* ‘восток’ встречается при описании состязания Беовульфа с Брекой (3):

(1)	<...> fif nihta fyrst oþ þæt unc flōd tōdráf wado weallende wedera cealdost, nīpende niht ond norþanwind ... (Beowulf: 545–547).	<...> вместе держались в опасных водах, рядом плыли пятеро суток, покуда буря и сумрак ночи, северный ветер ... (Беовульф: 545–547).
(2)	<...> maērðo maēned monig oft gecwæð þætte sūð nē norð (Beowulf: 857–858).	<...> нет другого от моря до моря на юг и на север ... (Беовульф: 857–858).
(3)	<...> Leoht eastan com, beorht beacen Godes ; brimu swaþredon, þæt ic sænæssas geseon mihte, windige weallas (Beowulf: 569–572).	Божий светоч взошел с востока , утихла буря , и я увидел источенный ветром скалистый берег ... (Беовульф: 569–572).

В тексте поэмы восток предстает в положительном контексте как свет с востока, откуда приходит избавление. Германская культура относится к восточноориентированной, что отражается в представлении востока благоприятной стороной света, с ней связан восход солнца как символа жизни, благодати, возрождения, энергии и добра.

Название *sīð* ‘юг’ встречается в тексте трижды, и контекст позволяет сделать вывод о положительном восприятии юга. Беовульф предвидит пир за победу над Гренделем, когда солнце засияет с юга (1); Беовульф возвращается после одержанной победы, освещаемый лучами солнца с юга (2):

(1)	<...> tō medo mōdig siþþan morgen-lēoht ofer ylða bearn ðþres dōgores sunne sweglwered sūþan scīneð! (Beowulf: 604–606).	Завтра поутру, когда над миром зажжется светоч, солнце на небе явится ясное (с юга. — <i>Авт.</i>)... (Беовульф: 604–606).
(2)	<...> woruld-candel scan sigel sūðan fus. Hi sið drugon... (Beowulf: 1965–1966).	<...> светоч небесный, солнце с полдня тропу озаряло (с юга. — <i>Авт.</i>) (Беовульф: 1965–1966).

Учитывая общее происхождение англосаксов и скандинавских этносов, можно обобщить их благоприятное отношение к югу, который ассоциировался у этих народов с теплом и светом, в связи с чем и дома в исландских поселениях имели вход с юга (Подосинов, 1999: 353).

В обоих эпосах присутствуют лексемы, обозначающие стороны света, однако в тувинских поэмах наблюдаются многочисленные свидетельства использования сторон света в описании местности, происходящих событий, местоположения жилья, героя и его передвижения, что говорит о большой роли сторон света в мировосприятии тувинцев, активно осваивавших пространство вокруг. Отсутствие такого количества примеров в англосаксонских поэмах дает основание для вывода о незначительной роли подобных указателей в картине мира, представленной в поэме.

Пространство «свое / чужое»

Помимо членения пространства в системе физических координат в картине мира каждого народа присутствует дихотомия «свой — чужой» как универсальная оппозиция, свойственная мифологическому мировосприятию. Мир делится на свое внутреннее безопасное пространство и внешнее, которое ассоциируется с чужим враждебным (Лотман, 1996: 175). Взаимодействие и взаимное существование этой оппозиции определяется А. К. Байбуриным как способ познания окружающего мира (Байбурин, 1990). Освоение пространства героями эпоса происходит при перемещении в том числе в чужой локус, который, как правило, характеризуется опасными встречами и неопределенностью, оно предстает непонятным и чужеродным.

В структуре оппозиции «свой — чужой» ядерным элементом является *дом* как смысловой центр. Именно в нем сосредоточен внутренний «свой», от которого начинается отсчет пространственной модели и противопоставление окружающему миру (Стойнова, 2014: 199). Если свое пространство мыслится в образах дома, родной стороны и освоенного ближайшего окружения, то образ «чужого» предстает как безграничный внешний мир, не имеющий четких характеристик, в котором происходит нарушение естественного порядка вещей (Балаяникова, 2017).

«Свое» пространство занимает важное место в тувинской культуре и представлено концептом *өг 'юрта'* (Тувинцы ... , 2022: 118–119). В тувинских поэмах и сказаниях ядерными единицами, отражающими понятие «свое» пространство, являются лексемы *өг 'юрта'* (1), *чурт* ‘земля, край’ (2), *аал-коданы* ‘стойбище’, *аал-оран* ‘родной дом’:

(1)	<p>Бо турган улуг тандының ындында Улуг хем бар-дыр. Ол хемниң белдиринде Бир бай аал бар-дыр. Бир чартыында Ак-Хемниң иштинде Бир бай аал тур. Улуг ак өгде Бора-Шээлей ында Үнүп, кирип тур — дээн.</p>	<p>Вот за этой большой горой Есть большая река. Где та река [с другой] сливается, Есть один богатый аал. По другую сторону, на [реке] Ак-Хем, Есть другой богатый аал. Там в большой белой юрте Бора-Шэлей — То заходит [в нее], то выходит оттуда, — сказал (ТГС: 462–463).</p>
(2)	<p><...> Амытан кылаштап чоруурга, Кода-хүрээниң мурнунда...</p>	<p>А в неоглядной Желтой степи С южной стороны ставки-дворца... (ТГС: 274–275).</p>
(3)	<p>Аал-орандан үнгенден бээр...</p>	<p>Выехав из родной земли... (ТГС: 120–121).</p>

В англосаксонском эпосе «свое» пространство маркируется лексемами *ham* ‘дом’, *self ham* ‘свой дом’ (1), *healle* ‘дом, жилище’, *burhloca* ‘крепость’ (2), *eardlufan* ‘родная земля’ (3):

(1)	<p>Swylce ferhðfrecan Fin eft begeat sweordbealo sliðen æt his selfes ham... (Beowulf: 1146–1147).</p>	<p><...> (ютам памятно это лезвие!), от которого Финн лютосердый принял смерть в бою во дворце своем... (Беовульф: 1146–1147).</p>
(2)	<p><...> Higelac Hreþling, þær æt ham wunað selfa mid gesiðum sæwealle neah. Bold wæs betlic, bregorof cyning, heah in healle, Hygd swiðe geong, wis, welþungen, þeah ðe wintra lyt under burhlocan gebiden hæbbe, Hæreþes dohtor... (Beowulf: 1923–1929).</p>	<p><...> к дому Хигелака, сына Хределя, — на приморском холме вождь с дружиной сидел в хоромах. Был дворец тот обширен, владыка могуч, а жена его, Хюгд, и юна, и разумна, и ласкова, хоть и мало зим провела она в этом доме, дочь Хереда... (Беовульф: 1923–1929).</p>
(3)	<p>Nænig heora þohte þæt he þanon scolde eft eardlufan æfre gesecean, folc oþðe freoburh, þær he afeded wæs... (Beowulf: 691–693).</p>	<p><...> из них ни единый не чаял вернуться под кров отеческий, к своим сородичам в земли дальние, их вскормившие... (Беовульф: 691–693).</p>

Локализация чужого мира не имеет четких координат и определяется довольно обобщенно как в тувинском (1), (2), так и в древнеанглийском эпосе (3), (4):

(1)	<...> Ырак оранда, Ус далайның...	<...> Возле моря Ус, В далекой земле... (ТГС: 96–97).
(2)	<...> Ырак эвес чөөн чүкте...	<...> Недалеко [отсюда] — в восточной стороне... (ТГС: 472–473).
(3)	<...> þætette sūð nē nord be saēm twēonum ofer eormengrund oþer naēnig under swegles begong sēlra naēre... (Beowulf: 858–860).	<...> под этим небом — нет другого от моря до моря на юг и на север земли срединной... (Беовульф: 858–860).
(4)	<...> freonda findan; feorcyþde beoð selran gesohte þæm þe him selfa deah (Beowulf: 1838–1839).	<...> к нам наведается, в земли гаутские, встретит он друзей, — страны дальние... (Беовульф: 1838–1839).

Граница перехода из «своего» пространства в «чужое» имеет большое значение в фольклоре и, по мнению Е. Г. Бруновой, обозначалась на ранних этапах развития мышления предметами природного ландшафта, затем специально предназначенными предметами и сооружениями (Брунова, 2007: 34). В анализируемых произведениях граница может обозначаться дверью или порогом дома, а может быть лишь условной пограничной линией и не иметь конкретного означивания. Семиотический статус двери, стены, порога однозначно указывает на пограничность «своего» пространства с потусторонним миром. Например, границей, разделяющей два пространства и определяющей пределы «своего» пространства, могут быть дверь, ворота (*халга*):

Хунан-Кара-даа Карак дырбаш дээриниң аразында Каптаазын алдын хаалганы...	<...> Как тут же Хунан-Кара Золоченые двери-врата Распахнул... (ТГС: 162–163).
--	--

В «Беовульфе» в «свое» пространство героя дома (*recede*) монстр проникает через дверь (*duru*):

Com þa to recede rinc sidian, dreamum bedæled. Duru sona onarn, fyrbendum fæst, syþðan he hire folmum æthran; onbræd þa bealohydig, ða he gebolgen wæs, recedes muþan (Beowulf: 720–724).	Шел ратобитец злосчастный (к смерти). Едва он коснулся рукой когтелопой затворов кованых — упали двери, ворвался пагубный в устье дома, на пестроцветный настил дворцовый ступил (Беовульф: 720–724).
--	--

Чужое пространство возникает по мере удаления от своего, и переход в него отражен зоной пограничья и границы, но фиксированная черта разделения двух сфер присутствует не всегда. Границей обобщенного «своего» пространства выступает в «Беовульфе» дорога китов, берег моря:

(1)	<...> oðþæt him æghwylc þara ymb-sittendra ofer hronrade hyran scolde gomban gyldan... (Beowulf: 9–11).	<...> силой принудил народы заморья дорогой китов дань доставить достойному власти... (Беовульф: 9–11).
(2)	<...> sundwudu söhte secg wísade lagucræftig mon landgemyrcu (Beowulf: 208–209).	<...> числом четырнадцать, и, сам пятнадцатый, опытный кормчий, повел их к морю, к пределам суши (Беовульф: 208–209).

Пространство пограничья может представлять более обширную зону, в нем герой перемещается и осуществляет переход из своего пространства в чужое или обратно. В тувинских сказаниях движение по этому пространству происходит среди гор или по степи (1), в «Беовульфе» — по морю (2):

(1)	Бир улуг таңдының кырынга Үне хап кээрге, Бир улуг сарыг хем , Карак четпес сарыг хову көстүп чыткан.	— Когда на одну высокую гору [Бора] прискакала, Большая желтая река И неоглядная желтая степь показались (ТГС: 352–353).
(2)	<...> nō þær wēgflotan wind ofer yðum síðes getwæfde sægenga fōr flēat fāmigheals forð ofer yðe bundenstefna ofer brim-strēamas þæt hie Gēata clifu ongitan meahon cūþe næssas ... (Beowulf: 1907–1912).	<...> древо моря скользнуло по волнам — и помчалось; ни разу над водами непопутного не было ветра плователем, и летел через хляби соленые прочной сбитый борт по равнине бурь; скалы гаутские показались вблизи, берег знаемый ... (Беовульф: 1907–1912).

Граница фиксирует освоенное свое пространство, в котором человек чувствует себя в безопасности. Переход через границу осознается как перемещение в чужое пространство, которое в свою очередь характеризуется как неизведанное и посему сопряжено с опасностями. В древнеанглийской поэме опасность прежде всего подстерегает в море в виде морских чудовищ:

Gesawon ða æfter wætere wyrmcynnes fela, sellice sædracan , sund cunnian, swylce on næshleodum nicras licgean, ða on undernmæl oft bewitigað sorhfulne sið on segrlade, wyrmas ond wildeor (Beowulf: 1425–1430).	<...> спешившись, конники тут же приметили червоподобных подводных чудищ , игравших в зыбях, лежавших на отмели, морских драконов из тех, что часто в час предрассветный парусу путь преграждают в море... (Беовульф: 1425–1430)
---	---

Восприятие пространства в оппозиции «свое», освоенное, знакомое, и «чужое», опасное, враждебное, свойственно и тувинцам, и англосаксам, что находит подтверждение в героических поэмах. В силу разного географического места обитания этносов представления о «чужом» пространстве различаются. У тувинцев «чужая» сторона объективируется в переходах через горы, реки, тайгу. Для англосаксов таким концептуальным пространством является земля за морем.

Величина пространства

Известно, что пространство неотделимо от категории времени и составляет пространственно-временной континуум (Неклюдов, 1972; Топоров, 1983). Что касается фольклорных жанров, то, по мнению В. Я. Проппа, «времени и пространства в фольклоре собственно нет», а «пространство познается в действии (передвижении), время — в абстракции...» (Пропп, 1998: 152).

По этой причине важным архетипом является путь, определяющий не только длительность происходящего действия, но и действительность пространства. Перемещение героев, с одной стороны, позволяет оценить масштабы пространства, с другой стороны, описание окружающего пространства дает представление об условно-исторических и природно-географических реалиях, характерных для этноса. Для кочевого народа, к коим относятся тувинцы, движение определяет образ жизни и является категориальным признаком. В эпической традиции тувинцев путь определяется как странствие героя, в ходе которого совершаются поступки и подвиги, происходит освоение не только физического пространства, но и социально-культурного. В тувинском эпосе путь, как правило, лежит через преграды в виде рек (*хем*), перевалов (*арт*), переправ (*кежиг*), символизирующих опасности. Количество преодоленных героем преград, которое, как правило, имеет сакральный смысл (Бредис, 2023), дает представление о масштабах пройденного пути и обширности окружающих просторов:

(1)	<...> Чеди хем кежир, Чеди артты ажыр ...	<...> Тот семь рек пересек , Семь перевалов перевалил ... (ТГС: 102–103).
(2)	<...> Тос хемни кежип , Тос артты ажып алгаш...	Девять рек пересек , Девять перевалов перевалил (ТГС: 204–205).

Для англосаксов как опытных мореплавателей часто путь — это путешествие по морю. Но в «Беовульфе» пространство, преодолеваемое героем по морю, не дает представления о его масштабах. Мы лишь наблюдаем перемещение из одного локуса в другой. Например, в путешествии Беовульфа к данам по морю фиксируются отплытие корабля, а затем его встреча в Хеороте у геатов:

<...> flota wæs on yðum, bat under beorge. Beornas gearwe on stefn stigon. <...> guman út scufon weras on wilsíð wudu bundenne. Gewát þá ofer waégholm winde gefýsed flota fámíheals fuge gelícost	<...> корабль в заливе вблизи утесов их ждал на отмели; они вступили на борт, воители <...> потом отчалил , и в путь желанный понес дружину морской дорогой конь пеногрудый с попутным ветром, скользя, как птица, по-над волнами, — лишь день и ночь драконоголовый летел по хлябям, когда наутро земля открылась — гористый берег,
---	---

<p>oð þæt ymb ántid óþres dógores wundenstefna gewaden hæfde þæt ða líðende land gesáwon, brimclifu blícan, beorgas stéape side saénæssas þá wæs sund liden éoletes æt ende (Beowulf: 210–224).</p>	<p>белые скалы, широкий мыс, озаренный солнцем, — они достигли границы моря (Беовульф: 210–224).</p>
--	---

По мнению Е. А. Мельниковой, промежуточное пространство в поэме не заполнено героическими действиями, поэтому оно сжимается и концентрируется в пределах королевского дворца (Мельникова, 1987: 89). Но стоит отметить измерение расстояния в милях (*milgearnas*), которое встречается в поэме при описании места обитания Гренделя:

<p><...> Nis þæt feor heonon milgearnas þæt se mere standeð; ofer þæm hongiað hrinde bearwas, wudu wirtum fæst wæter oferhelmað. þær mæg nihta gehwæm niðwundor seon, fyr on flode. No þæs frod leofað gumena bearna, þæt þone grund wite... (Beowulf: 1361–1366).</p>	<p><...> и там (недалеко на расстоянии нескольких миль. — <i>Авт.</i>), где стремнина гремит в утесах, поток подземный, и там, где, излившись, он топь образует на низких землях; сплетает корни заиндевевшая темная чаша над теми трясинами, где по ночам объявляется чудо — огни болотные; и даже мудрому тот путь заказан... (Беовульф: 1361–1366).</p>
---	---

Принципиальное значение для освоения пространства и взаимодействия с окружающим миром имеет движение, которое является компонентом пространственных отношений и выражается глаголами движения. В тувинском эпосе наблюдаются глаголы *базар* ‘шагать’, *халыыр* ‘прыгать’, *ужу-дар* ‘мчаться’, *чоруур* ‘ехать’:

<p>Арзылаң-Кара аъдын мунган Хунан-Кара мөге-даа База-ла ужудуп-халыдып чоруп-ла берип-тир эвеспе аан.</p>	<p>И Хунан-Кара-моге На коне Арзылан-Кара Тоже [в путь] отправился — Помчался-понесся, оказывается (ТГС: 128–129).</p>
---	---

В поэме «Беовульф» наряду с глаголами движения по суше — *gangan* ‘идти, ехать’ (1), *ge-wadan* ‘продвигаться’ (2), *tredan* ‘идти’, *ridan* ‘ехать верхом’ (3), *ge-sécan* ‘приходить, посещать’ (4), *gewitan* ‘уезжать, покидать’ (5), встречаются глаголы движения по морю — *rōwan* ‘грести, плыть по воде’, *flēotan* ‘плыть’, *ofer-swimman* ‘плыть’:

(1)	<...> gang ofer grundas, þær heo gegnum for ofer myrcan mor... (Beowulf: 1404–1405).	Ног отпечатки, тропа тореная вела по равнине, путь указуя в лесную чашу, к сумрачным топям... (Беовульф: 1404–1405).
(2)	Da him Hroþgar gewat mid his hæleþa gedryht, eodur Scyldinga, ut of healle... (Beowulf: 662–663).	Хродгар вышел , за ним дружина, опора Скильдингов, прочь из зала... (Беовульф: 662–663).
(3)	Him Beowulf þanan, guðrinc goldwłanc, græsmoldan træd since hremig; sægenga bad agendfreat, se þe on ancre rad (Beowulf: 1880–1883).	Вышел Беовульф из хором на луга, славным радуясь золотым дарам (а уж конь морской ждал хозяев, корабль на якорю) (Беовульф: 1880–1883).
(4)	<...> þanon he gesohte Sudðena folc ofer yða gewealc, Arscyldinga... (Beowulf: 463–464).	<...> бежал он от мести к нам, за море, под руку Скильдингов, в пределы датские... (Беовульф: 463–464).
(5)	<...> him on bearme læg madma mænigo, þa him mid scoldon on flodes æht feor gewitan ... (Beowulf: 40–42).	<...> всё — самоцветы, оружие, золото — вместе с властителем будет скитаться по воле течений (Беовульф: 40–42).
(6)	<...> þæt wit on gársecg út aldrum néðdon ond þæt geæfndon swá. Hæfdon swurd nacod þá wit on sund reón ... (Beowulf: 537–539).	<...> еще недоростками!), взапуски плавать в открытых водах (Беовульф: 537–539).
(7)	Nó hé wiht fram mé flóðþum feor fléotan meahthe hraþor on holme nó ic fram him wolde (Beowulf: 541–543).	Сил не достало ему тягаться со мной на быстринах , но я не покинул его... (Беовульф: 541–543)
(8)	Oferswam ða sioleða bigong sunu Ecgðeowes, earn anhaga, eft to leodum; þær him Hygd gebead hord ond rice... (Beowulf: 2367–2369).	С недоброй вестью он, одинокий, приплыл , сын Эггтеова, к земле отеческой, и Хюгд поклонилась ему дружиной, казной и престолом... (Беовульф: 2367–2369)

Определение величины пространства временем перемещения возможно лишь условно, долгой пути, который преодолевают герои. Измерение осуществляется обычными для эпоса единицами времени (1) и перечислением преодоленных мест по пути следования (2).

(1)	<...> Айлык-чылдыкка чоруп олуарга...	Проделав путь В месяц-год... (ТГС: 128–129).
(2)	Дүнде дүн-даа чок, Хүнде хүн-даа чок Ужудуп-халыдып чоруп орган иргин ийин.	День не день, Ночь не ночь — Мчался-скакал (ТГС: 236–237).
(3)	<...> Хунан-Кара-даа Дүнде дүн чок, Хүнде хүн чок, Ужудуп-ла орган иргин ийин. Айын айлады чоруп олуарга...	<...> Хунан-Кара Помчался — Ночь не ночь, День не день. Месяц ехал <...> (ТГС: 140–141).
(4)	Тос хемни кежип, Тос артты ажып алгаш.	Девять рек пересек, Девять перевалов перевалил (ТГС: 204–205).

В поэме «Беовульф» наблюдаются лишь незначительные пространственно-временные маркеры, несмотря на то, что герои преодолевают большие расстояния по морю, и предъявление времени такого путешествия давало бы представление о величине пространства. Путешествие воинов Хигелака через моря заняло лишь день (1), расстояние между двумя королевствами в соревновании Беовульфа и Бреки заняло пять ночей (2), сто лет (*hund missera*) Беовульф погружается в подводное логово (3):

(1)	Beornas gearwe on stefn stigon; streamas wundon, sund wiðsande; <...> Gewat þa ofer wægholm, winde gefysed, flota famiheals fugle gelicost, oðræt ymb antid oþres dogores wundenstefna gewaden hæfde þæt ða liðende land gesawon... (Beowulf: 211–221).	<...> и в путь желанный понес дружину морской дорогой конь пеногрудый с попутным ветром, скользя, как птица, по-над волнами, — лишь день и ночь драконоголовый летел по хлябям, когда наутро земля открылась... (Беовульф: 211–221).
(2)	Da wit ætsomne on sæ wæron fif nihta fyrst, oþræt unc flod todraf, wado weallende, wedera cealdost, nipende niht, ond norþanwind heaðogrim ondhwearf... (Beowulf: 544–548).	<...> вместе держались в опасных водах, рядомплыли пятеро суток... (Беовульф: 544–548).
(3)	Sona þæt onfunde se ðe floda begong heorogifre beheold hund missera... (Beowulf: 1497–1498).	Ко дну он канул (был переходу дневному равен путь через бездну, а там злобесная, вод владычица, бурь хозяйка встретила, лютая, героя... (Беовульф: 1497–1498).

Таким образом, размеры пространства, которое преодолевают герои эпоса, представлены в частности указанием времени, в течение которого герой находится в пути, и количества преград, встающих у него на пути. Однако необходимо отметить, что географические условия обитания этих народов дают нам возможность наблюдать, как по-разному отражается величина преодолеваемого пространства в поэмах. Такие наблюдения позволяют составить цельную пространственную модель каждого этноса, представленную в героических поэмах.

Заключение

Исследование пространственных представлений у народов с различной геополитической, культурной и религиозной историей позволило прийти к заключению о наличии как общих черт, так и особенностей в мировосприятии. Фольклорные произведения как памятники культурного наследия дают возможность установить этноидентифицирующие маркеры, в частности, характерные черты пространственных моделей.

Пространственная модель в горизонтальных и вертикальных осях присутствует в обоих эпосах, но в тувинском эпосе такая ориентация отмечена многочисленными примерами, что свидетельствует о большом значении таковой в картине мира тувинцев. Отмечены также свойственные тувинскому этносу обозначения координатных осей в соответствии с частями тела.

Трихотомическая модель мира свойственна традиционному мировоззрению и тувинцев, и англосаксонских племен. Установлено деление пространства на три уровня — небо, земля и подземелье, что соответствует в тувинском эпосе Верхнему, Среднему и Нижнему мирам, в англосаксонском представлении — небу, земле и аду. Пространство Среднего мира в обоих эпосах является условно-реальным, оно отражает географические реалии окружающего мира в соответствии с местом обитания народа. По этой причине прослеживается разница в описании ландшафтных объектов. В тувинских сказаниях на первый план выступают горы, степи, реки, равнины, обозначаемые многочисленными лексемами с коннотативными оттенками.

В древнеанглийской поэме можно выделить такие объекты, как море, берег, прибрежные скалы. Обилие наименований «моря» и «земли» говорит о важном значении этих пространственных объектов в модели мира англосаксов.

Мифические пространства Верхнего и Нижнего миров имеют расплывчатую организованность и слабо структурированы в силу своего происхождения. В изученных поэмах наблюдаются области совпадения в восприятии мифических пространств неба как места обитания всевышних сил и подземного мира как царства мертвых. Однако представления об обитателях подземного мира отличаются в силу географического местоположения. Отдельные черты Среднего мира присутствуют в обоих мифических пространствах, поскольку происходит наделение их теми чертами, которые в реальных условиях наблюдаются на территории проживания этноса.

Пространственная ориентация по сторонам света разнообразно представлена в тувинском эпосе в виде направлений движения, указания местоположения. Отличительной чертой является тот факт, что каждая сторона света в тувинских текстах символично связана с определенным цветом. Единичные примеры употребления наименований сторон света в «Беовульфе» свидетельствует о несущественной роли этого пространственного элемента в картине мира англосаксов.

Важная универсальная дихотомия «свое пространство — чужое пространство» имеет отражение в обоих эпосах и имеет одинаково структурированное выражение. Однако наблюдаются различия в отражении границы и зоны пограничья.

Примеры репрезентации пространства параметрами времени движения и глаголами движения показали, насколько разнообразно и искусно определяется мифологическое пространство в эпических произведениях. Образ пути является постоянным элементом сюжетной канвы поэм, и по этой причине его лексическое выражение позволяет определить ему важное место в структуре пространственной модели как отражателя масштабов пространства.

Данное исследование не является исчерпывающим, поскольку рамки статьи ограничивают анализ только некоторыми характеристиками пространственных отношений, что, в свою очередь, открывает горизонты дальнейших сравнительных исследований эпических произведений различных этносов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурун, А. К. (1990) Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: проблемы реконструкции фактов традиционной культуры : сб. науч. трудов / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л. : Наука. 231, [2] с. С. 3–17.
- Балясникова, О. В. (2017) «Свой — чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). М. : Канцлер. 202 с.
- Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>
- Брунова, Е. Г. (2007) Представления о своей земле в английском языке и культуре // Вестник Челябинского государственного университета. № 15. С. 33–42.
- Гвоздецкая, Н. Ю. (2010) Концепт «путь» в поэтическом творчестве англосаксов (VII–XI вв.) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2009 год: трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен : материалы и исследования / отв. ред. Т. Н. Джаксон. М. : Индрик. 496 с. С. 345–361.
- Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М. : Восточная литература. 145 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 162, [2] с.
- Кононов, А. Н. (1978) Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука ; ГРВЛ. 279 с. С. 159–179.
- Кравченко, А. В. (2004) Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е изд., испр. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та. 206 с.
- Кравченко, Е. В. (2022) Семантическое развитие слов в эпическом нарративе: на примере обозначений моря в «Беовульфе» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 4, ч. 2. С. 166–185. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-166-185>
- Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Львова, Э. Л., Октябрьская, И. В., Сагалаев, А. М., Усманова, М. С. (1988) Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 225 с.
- Мелетинский, Е. М. (1975) Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам, VII. Памяти Петра Григорьевича Богатырева / отв. ред. З. Минц. Тарту. 308 с. С. 38–51. (Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Вып. 365).
- Мелетинский, Е. М. (1976) Поэтика мифа. М. : Наука. 407 с.
- Мельникова, Е. А. (1987) Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М. : Мысль. 203, [2] с.
- Невская, И. А. (2005) Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск : Ника. 305 с.
- Неклюдов, С. Ю. (1972) Время и пространство в былинке // Славянский фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М. : Наука. 328 с. С. 18–45.
- Неклюдов, С. Ю. (2000) Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М. : АИРО-XX. 216 с. С. 17–38.
- Неклюдов, С. Ю. (2019) Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М. : Индрик. 592 с.
- Октябрьская, И. В. (2012) Путь через перевалы. Концепция пути в фольклорно-поэтической традиции Алтая // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (37). С. 325–334.
- Ондар, В. С. (2016) Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (56) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 129–134.
- Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М. : МАКС Пресс. 424 с.
- Подосинов, А. В. (1999) Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М. : Языки русской культуры. 720 с.
- Пропп, В. Я. (1998) Поэтика фольклора / сост., предисл. и комм. А. Н. Мартыновой. М. : Лабиринт. 352 с.
- Пухов, И. В. (2004) Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо / послесл. и коммент. В. М. Никифорова. Якутск : Изд-во СО РАН, Якут. филиал. 328 с.

Семенова, Л. Н. (2006) Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика. СПб. : Петербургское востоковедение. 232 с.

Смирницкая, О. А. (1982) Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М. : Наука. 320 с. С. 171–232.

Смирницкая, О. А. (2008) Два предания о первых поэтах: Кэдмон и Браги // Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М. : МАКС Пресс. 470, [1] с. С. 324–345.

Стоянова, Е. (2014) Языковая личность и восприятие мира в терминах дихотомии свой — чужой (на материале русской и болгарской фразеологии с компонентом 'дом / структурные элементы дома') // Verbum. Т. 5. С. 195–204. DOI: <http://doi.org/10.15388/Verb.2014.5.5008>

Токмашев, Д. М. (2012) Категория пространства в шорском героическом эпосе: лингвокультурологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 3 (19). С. 40–58.

Топоров, В. Н. (1983) Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука. 302 с. С. 227–285.

Топоров, В. Н. (2010а) Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. 1. 448 с.

Топоров, В. Н. (2010б) Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. 2. 496 с.

Топорова, Т. В. (1994) Семантическая структура древнегерманской модели мира. М. : Радикс. 190 с.

Тувинцы: родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Хертек, Л. Д. (2018) Концепт «пространство» в эпической картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–2 (84). С. 402–407. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Elden, S. (2009) Place symbolism and land politics in “Beowulf” // Cultural Geographies. Vol. 16, no. 4. P. 447–463.

Nagler, M. N. (1980) “Beowulf” in the context of myth // Old English literature in context: Ten essays / ed. by J. D. Niles. Cambridge : D. S. Brewer ; Totowa, NJ : Rowman & Littlefield. 184 p. P. 143–156.

Niles, J. D. (2016) Old English literature: A guide to criticism with selected readings. Chichester, West Sussex, Malden, MA : Wiley-Blackwell. xv, 336 p.

Дата поступления: 08.06.2023 г.

Дата принятия: 12.07.2023 г.

REFERENCES

Baiburin, A. K. (1990) Ritual: svoe i chuzhoe [Ritual: One's own and the different]. In: *Fol'klor i etnografiia: problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoi kul'tury [Folklore and ethnography: Issues of reconstruction of the facts of traditional culture]* : A collection of research articles / ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka. 231, [2] p. Pp. 3–17. (In Russ.).

Baliasnikova, O. V. (2017) «Svoi — chuzhoi»: psikholingvisticheskie aspekty issledovaniia (na materiale russkogo iazyka) [“One's own — the unfamiliar”: Psycholinguistic aspects of research (a case study of the Russian language)]. Moscow, Kantsl'er. 202 p. (In Russ.).

Bredis, M. A. (2023) Simvolika chisla deviat' v tuvinskoi lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Brunova, E. G. (2007) Predstavleniia o svoei zemle v angliiskom iazyke i kul'ture [Visions of their own land in the English language and culture]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 15, pp. 33–42. (In Russ.).

Gvozdetskaya, N. Yu. (2010) Kontsept «put'» v poeticheskom tvorchestve anglosaksov (VII–XI vv.) [The concept of “path” in the poetic works of the Anglo-Saxons (7–11th c.)]. In: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2009 god: transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyi fenomen : materialy i issledovaniia [The earliest states of Eastern Europe. 2009: Transcontinental and local ways as a socio-cultural phenomenon]* / ed. by T. N. Jackson. Moscow, Indrik. 496 p. Pp. 345–361. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza) [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]. Moscow, Vostochnaia literatura. 145 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism. Late 19th — early 20th century]*. Novosibirsk, Nauka. 162, [2] p. (In Russ.).

Kononov, A. N. (1978) Semantika tsvetooboznachenii v tiurkskikh iazykakh [Semantics of color designations in the Turkic languages]. In: *Tiurkologicheskii sbornik 1975 [Turkological collection, 1975]* / ed. by A. N. Kononov. Moscow, Nauka; Chief Editorial Board of Oriental Literature. 279 p. Pp. 159–179. (In Russ.).

Kravchenko, A. V. (2004) *Iazyk i vospriatie: kognitivnye aspekty iazykovoï kategorizatsii [Language and perception: Cognitive aspects of language categorization]*. 2nd ed., revised. Irkutsk, Irkutsk State University Publ. 206 p. (In Russ.).

Kravchenko, E. V. (2022) Semanticheskoe razvitie slov v epicheskom narrative: na primere oboznachenii moria v «Beovul'fe» [Semantic development of words in epic narration. The use of synonyms for sea in “Beowulf”]. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, no. 4, part 2, pp. 166–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-166-185>

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri mysl'nykh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Lvova, E. L., Oktyabrskaya, I. V., Sagalaev, A. M. and Usmanova, M. S. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. Material world]*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (1975) Skandinavskaa mifologiya kak sistema [Scandinavian mythology as a system]. In: *Trudy po znakovym sistemam, VII. Pamiati Petra Grigor'evicha Bogatyreva [Works on sign systems, VII. In memory of Pyotr Grigoryevich Bogatyrev]* / ed. by Z. Mints. Tartu. 308 p. Pp. 38–51. (Scholarly Notes of Tartu State University. Issue 365). (In Russ.).

Meletinsky, E. M. (1976) *Poetika mifa [The poetics of myth]*. Moscow, Nauka. 407 p. (In Russ.).

Melnikova, E. A. (1987) *Mech i lira: anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i epose [Sword and lyre: Anglo-Saxon society in history and epic]*. Moscow, Mysl'. 203, [2] p. (In Russ.).

Nevskaia, I. A. (2005) *Prostranstvennye otnosheniia v tiurkskikh iazykakh Iuzhnoi Sibiri (na materiale shorskogo iazyka) [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (a case study of the Shor language)]*. Novosibirsk, Nika. 305 p. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (1972) Vremia i prostranstvo v byline [Time and space in bylina]. In: *Slavianskii fol'klor [Slavic folklore]* / ed. by B. N. Putilov and V. K. Sokolova. Moscow, Nauka. 328 p. Pp. 18–45. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (2000) Struktura i funktsiia mifa [Structure and function of the myth]. In: *Mify i mifologiya v sovremennoi Rossii [Myths and mythology in contemporary Russia]* / ed. by K. Eimermacher, F. Bomsdorf and G. Bordiugov. Moscow, AIRO-XX. 216 p. Pp. 17–38. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (2019) *Fol'klornyĭ landshaft Mongolii. Epos knizhnyi i ustnyi [Folklore landscape of Mongolia. Literary and oral epic]*. Moscow, Indrik. 592 p. (In Russ.).

Oktyabrskaya, I. V. (2012) Put' cherez perevaly. Kontseptsiiia puti v fol'klorno-poeticheskoi traditsii Altaia [The way through the passes. The concept of the way in the folklore and poetic tradition of Altai]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 3 (37), pp. 325–334. (In Russ.).

Ondar, V. S. (2016) Otrazhenie kategorii prostranstva v tuvinskom iazyke (na materiale geroicheskogo eposa «Boktug-Kirish, Bora-Sheeleei») [Reflection of the category of space in the Tuvan language: The case of the “Boktu-Kirish, Bora-Sheeleei” heroic epic]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (56) : in 2 parts. Part 2, pp. 129–134. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia (tekstologiya, poetika, stil') [Tuvan heroic legends (textual criticism, poetics and style)]*. Moscow, MAKSS Press. 424 p. (In Russ.).

Podosinov, A. V. (1999) *Ex oriente lux! Orientatsiia po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii [Ex oriente lux! Orientation on cardinal directions in archaic cultures of Eurasia]*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 720 p. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1998) *Poetika fol'klora [The poetics of folklore]* / coll., foreword and comm. by A. N. Martynova. Moscow, Labirint. 352 p. (In Russ.).

Pukhov, I. V. (2004) *Geroicheskii epos altae-saianskikh narodov i iakutskie olonkho [Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho]* / afterword and comm by V. M. Nikiforov. Yakutsk, Siberian Branch of the RAS. 328 p. (In Russ.).

Semenova, L. N. (2006) *Epicheskii mir olonkho: prostranstvennaia organizatsiia i siuzhetika. [The epic world of Olonkho: Spatial organization and plot]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 232 p. (In Russ.).

Smirnitkaia, O. A. (1982) Poeticheskoe iskusstvo anglosaksov [The poetic art of the Anglo-Saxons]. In: *Drevneangliiskaia poeziia [Old English poetry]* / ed. by M. I. Steblin-Kamenskii. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 171–232. (In Russ.).

Smirnitskaia, O. A. (2008) Dva predaniia o pervykh poetakh: Kedmon i Bragi [Two legends about the first poets: Caedmon and Bragi]. In: Smirnitskaia, O. A. *Izbrannye stat'i po germanskoi filologii* [Selected articles on Germanic philology]. Moscow, MAKS Press. 470, [1] p. Pp. 324–345. (In Russ.).

Stojanova, E. (2014) Iazykovaia lichnost' i vospriatie mira v terminakh dikhotomii svoi — chuzhoi (na materiale russkoi i bolgarskoi frazeologii s komponentom 'dom / strukturnye elementy doma') [Linguistic personality and perception of the world in terms of the friend / foe dichotomy (a case study of Russian and Bulgarian phraseology with the component 'house / structural elements of the house')]. *Verbum*, vol. 5, pp. 195–204. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.15388/Verb.2014.5.5008>

Tokmashev, D. M. (2012) Kategoriia prostranstva v shorskom geroicheskom epose: lingvokul'turologicheskii aspekt [Category of space in shor heroic epos: Aspects of language and culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 3 (19), pp. 40–58. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and structure] / ed. by T. V. Tsivian. Moscow, Nauka. 302 p. Pp. 227–285. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010a) *Mirovoe derevo: universal'nye znakovye komplekсы* [The world tree: Universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. Vol. 1. 448 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010b) *Mirovoe derevo: universal'nye znakovye komplekсы* [The world tree: Universal sign complexes]. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. Vol. 2. 496 p. (In Russ.).

Toporova, T. V. (1994) *Semanticheskaia struktura drevnegermanskoi modeli mira* [Semantic structure of the ancient Germanic model of the world]. Moscow, Radiks. 190 p. (In Russ.).

Tuvintsy: rodnye liudi [Tuvans: Native people] (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy ; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Khertek, L. D. (2018) Kontsept «prostranstvo» v epicheskoi kartine mira [The concept “space” in the epic world view]. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–2 (84), pp. 402–407. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Elden, S. (2009) Place symbolism and land politics in “Beowulf”. *Cultural Geographies*, vol. 16, no. 4, pp. 447–463.

Nagler, M. N. (1980) “Beowulf” in the context of myth. In: *Old English literature in context: Ten essays* / ed. by J. D. Niles. Cambridge, D. S. Brewer; Totowa, NJ, Rowman & Littlefield. 184 p. Pp. 143–156.

Niles, J. D. (2016) *Old English literature: A guide to criticism with selected readings*. Chichester, West Sussex, Malden, MA, Wiley-Blackwell. xv, 336 p.

Submission date: 08.06.2023.

Acceptance date: 12.07.2023.

Башкирские наименования лиц в русских письменных источниках XVI–XVIII вв.**Фирдаус Г. Хисамитдинова**

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация,

Тимур Г. Мухтаров

ООО «Деловая династия», Российская Федерация

В настоящей статье рассматриваются башкирские наименования лиц, зафиксированные в русскоязычных источниках XVI–XVIII вв. Основными источниками для написания статьи послужили отдельные тома «Материалов по истории Башкирской АССР (Башкортостана)» и «Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798)».

В указанных источниках, в основном, представлены материалы по социально-экономической, социально-политической истории Башкирии и башкир XVI–XVIII вв. Эти сведения представляют собой ценные источники по истории башкирского языка; указанные документы содержат сведения как по апеллятивной, так и ономастической лексике того времени. Отдельные наименования лиц, нашедшие отражение в этих источниках, в настоящее время полностью вышли из употребления, некоторые перешли в разряд исторической пассивной лексики башкирского языка. Поэтому единственная возможность изучения такого рода лексики связана с исследованием памятников письменности.

Всего использовано более 200 документов. Из указанных письменных источников извлечено более 300 лексем. Из них около 100 наименований представляют собой башкирские наименования лиц, которых авторы распределяют по пяти группам. Среди них довольно большую группу составляют названия лиц, связанные с сословно-имущественной характеристикой человека. Из указанной группы в статье проанализирована часть тюрко-башкирских и заимствованных наименований. Авторами установлено, что большинство наименований в основном имеет общетюркское, несколько — общеалтайское происхождение. Заимствованные наименования в основном связаны с арабским и персидским языками. Зафиксированы заимствованные и из русского языка наименования.

Ключевые слова: башкирский язык; наименования лиц; письменные источники; документы; сословно-имущественные названия; общетюркский язык; заимствование; монгольские языки, апеллятивная лексика; ономастическая лексика

Для цитирования:Хисамитдинова Ф. Г., Мухтаров Т. Г. Башкирские наименования лиц в русских письменных источниках XVI–XVIII вв. // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 125–137. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.8>

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна — доктор филологических наук, научный руководитель Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 450054, Российская Федерация, г. Уфа, Проспект Октября, д. 71. Эл. адрес: hisamitdinova@list.ru

Мухтаров Тимур Гаязович — кандидат социологических наук, директор генеалогического агентства ООО «Деловая династия». Адрес: 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. 50 лет Октября, д. 11/2. Эл. адрес: ufa@9053585710.ru

KHISAMITDINOVA, Firdaus Gilmitdinovna, Doctor of Philology, Research Supervisor, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 71, Prospekt Oktyabrya, 450054 Ufa, Russian Federation. E-mail: hisamitdinova@list.ru

MUKHTAROV, Timur Gayazovich, Candidate of Sociology, Director, Genealogical Agency ООО "Delovaya Dynastiya". Postal address: 11/2, 50 Let Oktyabrya St., 450005 Ufa, Russian Federation. E-mail: ufa@9053585710.ru

ORCID ID: 0000-0001-5997-9928

ORCID ID: 0000-0002-5588-315X

ORIENTAL STUDIES

Article

**Bashkir names of persons in Russian written sources
of the 16th–18th centuries****Firdaus G. Khisamitdinova**

Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation,

Timur G. Mukhtarov

Genealogical Agency OOO “Delovaya Dynastiya”, Russian Federation

This article discusses Bashkir names of persons recorded in Russian-language sources of the 16th–18th centuries. The main sources for writing the article were separate volumes of “Materials on the History of the Bashkir ASSR (Bashkortostan)” and “Documents and Materials on the History of the Bashkir People (1574–1798)”.

These sources mainly contain materials on the socio-economic, socio-political history of Bashkiria and the Bashkirs of the 16th–18th centuries. This information is a valuable source on the history of the Bashkir language. These documents contain information on both the appellative and onomastic vocabulary of that time. Some names of persons reflected in these sources are now completely out of use, the others have passed into the category of historical and passive vocabulary of the Bashkir language. Therefore, the only way to study this kind of vocabulary is to research on written monuments.

In total, more than 200 documents were used. More than 300 lexemes have been extracted from these written sources. Of these, about 100 naming units are names of Bashkir persons, which the authors break up into five groups. Among them, a fairly large group consists of the names of people associated with the class and property characteristics of a person. The article analyzes a part of the Turkic-Bashkir and borrowed names from this group. The authors have found that most of the names are mainly of common Turkic origin and some are of common Altai origin. Borrowed names are mainly associated with Arabic and Persian. Names borrowed from the Russian language are also observed.

Keywords: Bashkir language; names of persons; written sources; documents; estate and property names; common Turkic language; borrowing; Mongolian languages; appellative vocabulary; onomastic vocabulary

For citation:

Khisamitdinova F. G. and Mukhtarov T. G. Bashkirskie naimenovaniia lits v russkikh pis'mennykh istochnikakh XVI–XVIII vv. [Bashkir names of persons in Russian written sources of the 16th–18th centuries]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 125–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.8>

Введение

В середине XVI в. башкиры вошли в состав Московского государства. С этого времени в архивах начинают собираться документы русской администрации по управлению Башкирским краем и башкирами. При вхождении башкиры получили от царского правительства жалованные грамоты, по которым они получили свои земли, которые когда-то были захвачены ногайскими и другими ханами. Также они получили право жить по своим обычаям и со своей религией. Эти обязательства русской администрацией сначала выполнялись. Однако с увеличением контингента военного населения русская администрация стала нарушать обязательства, что привело к столкновениям и восстаниям башкир в XVII–XVIII вв. Эти и другие события нашли отражение в русских документах. Кроме них в данных исторических источниках нашли отражение материалы по социально-экономической и социально-политической истории края XVI–XVIII вв. При подготовке коллективной монографии «История башкирского народа» в семи томах с восьмью книгами-приложениями часть документов была издана, т. е. историкам она в определенной степени известна. Однако указанные документы содержат ценный материал и по башкирской, шире тюркской лингвистике. В них представлены наименования лиц, термины родства, предметы обихода, пищи, термины поселений и жилищ, скотоводческая терминология и др. К сожалению, такого рода лексика русских письменных источников башкирскими

исследователями пока не описана и не проанализирована. Если учесть, что некоторые лексемы, нашедшие отражение в русских письменных источниках до сегодняшнего дня не дошли, то значение вышеуказанных письменных памятников в изучении исторической лексики башкирского и других тюркских языков возрастает в разы.

В апеллятивной лексике названия лиц — это довольно большой пласт номинации в структуре практически всех языков мира. Он во всех языках подвижен, объемен. Наименования лиц в любом языке содержат большой пласт традиционной, исторической лексики. В них находят отражение этапы исторического развития наследия любого языка. Не составляют исключения и наименования лиц в башкирском языке. К сожалению, указанный пласт лексики башкирского языка довольно слабо изучен, поэтому введение в научный оборот материалов русских письменных источников будет способствовать развитию исторической лексикологии не только башкирского, но и тюркских языков в целом.

Целью настоящей статьи является исследование такой группы апеллятивной лексики русских письменных источников, как наименования башкирского языка, нашедшие отражение в русских документах.

Использованными методами являются анализ и описание башкирских наименований лиц, нашедших отражение в русских письменных источниках XVI–XVIII вв. Под названием наименования лиц мы имеем в виду функционирующие в башкирском языке названия, термины, характеризующие человека по разным признакам его состояния, деятельности в указанный исторический период. В языковом плане они могут восходить к самым разным языкам. Основными источниками для данной статьи послужили документы, опубликованные в сборниках «Документы и материалы по истории башкирского народа» в восьми книгах (2012–2014) и «Материалы по истории Башкирской АССР (Башкортостана)» в шести томах¹. В связи с тем, что в указанные многотомные издания вошли документы не только XVI–XVIII вв., нами использованы только материалы I и VI томов издания «Материалы по истории Башкирской АССР (Башкортостана)» и первая книга «Документов и материалов по истории башкирского народа» (Документы и материалы ... , 2012). В указанных документах в основном представлены материалы по социально-экономической, социально-политической истории Башкирии и башкир XVI–XVIII вв. Все использованные документы оригинальны и написаны на русском языке того времени. Кроме этого, авторами использованы несколько переводных со старобашкирского на русский язык документов. В качестве примера можно назвать «Присягу башкира Уранской волости Осинской дороги Аптика Чаптарова при присвоении чина походного старшины» (от 19 февраля 1773 г.) (там же: 284–287). Всего использовано 263 документа.

Весь материал по названиям лиц, зафиксированный в русских письменных источниках, можно разделить на следующие группы:

- наименования лиц, связанных с сословно-имущественными характеристиками человека;
- наименования лиц, связанные с должностями и профессиями человека;
- наименования лиц, связанных с религиозно-конфессиональной принадлежностью человека;
- наименования лиц, связанных с родственной принадлежностью человека;
- другие наименования.

Следует отметить, что приведенная классификация условна, не всегда выдерживается при исследовании. Иногда одно и то же слово может попасть в несколько групп. Это связано с тем, что иногда должность и профессия, религиозная принадлежность и должность, сословная принадлежность и должность могут совпадать. Как отмечает Т. Г. Трофимович, такой «подход не противоречит теории ономазиологии и практике ономазиологических исследований: в составе тематической группы номинативная единица анализируется как бы в микросистеме»².

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1; Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1949. Т. 3; Материалы по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. 4, Ч. 1–2; Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. 5; Материалы по истории Башкортостана. Уфа, 2002. Т. 6; Материалы по истории Башкортостана. Уфа, 2019. Т. 2.

² Трофимович Т. Г. Словарь названий лиц в сборном уложении 1649 года. Минск: БГПУ, 1998. С. 6.

Результаты

Сословная структура тюрков и связанная с ней терминология в определенной степени изучена (Скворцов, 1975, 1976; Бартольд, 1993; История Тувы, 2001; Татаринцев, 2000, 2002; Рустемов, 2016; и др.¹). Следует отметить, что указанная проблематика в последние годы особенно активно разрабатывается тувинскими исследователями. В качестве примера можно привести работу С. С. Ховалыг, посвященную социальной организации традиционного тувинского общества середины XVIII — начала XX в. В данной работе нашли отражение такие титулы, как *кара-бай*, *амбын-нойон*, *дарга*, *камбы-лама* и др. (Ховалыг, 2017: 13–16). В 2020 г. увидела свет статья М. В. Ондар, посвященная устаревшей лексике тувинских героических сказаний. Наряду с другими тематическими группами лексики в работе можно найти наименования, связанные с сословной характеристикой человека. В частности, в указанном исследовании зафиксированы такие термины, как *авыгай* ‘господин, госпожа’, *каган* ‘верховный правитель’, *тас* ‘слуга, раб’, *тажы* ‘сын правителя’ и др. (Ондар, 2020: 106–109).

Все наименования лиц, нашедшие отражение в русскоязычных документах, условно можно разделить на две группы: 1) наименования, относящиеся к исконно тюркской группе лексики; 2) наименования, являющиеся заимствованиями из контактирующих языков.

К группе наименований, относящихся к исконно-тюркской основе, относятся лексемы *бай* (*бай*), *батыр* (*батыр*), *бий* (*бей*), *карт* (*карт*), *тархан* (*тархан*), *туснак* (*туснак*) и др. Подробно рассмотрим наиболее распространенные нижепредставленные названия.

Бай

В современном башкирском языке слово *бай* имеет значения ‘богатый, богач, хозяин, доля’ и др. В русских письменных источниках XVI–XVIII вв. наименование лица *бай* встречается довольно часто и употребляется в значениях ‘знатный, богатый представитель рода’. Судя по документам, отдельные бай были из народа и не принадлежали к родовой знати.

Ср.: «По-татарски 1150-го году, сиречь 737 году генваря 17 дня. Уфинского уезду, Ногайской дороги, Тамьянской волости от Сеит-бая, от Козяш-бая, Бурзенской волости от Рысая-бая, Кипчацкой волости // от Сеита, Тангаурской волости от Кусяп батыря, Катайской волости от Аккачкара-бая, Телевской волости от Еммет-Чеченя, Кубеляцкой волости от князь Карабая, Дуванской волости от Салтана, Калчирской волости от Килдыша-Чеченя, Телтимской волости от Бурангула, Юрматынской волости от Муртазы старика, да Сибирской дороги от Аккузи батыря, Алинской волости (Айлинской. — Ф. Х., Т. Г.) от Зиянгула, Куваканской волости от Беппенни муллы, Кудейской волости от Юнна тархана да от Елдаша муллы уфинскому судье Андрею Ивановичю ото всех мирских людей с мольбою челобитье...» (Материалы ..., 1936: 307).

В указанном тексте термин *бай* употребляется наряду с наименованиями других знатных лиц башкирских родов первой половины XVIII в. В другом документе слово *бай* в документах XVIII столетия встречается в качестве компонента сложного имени.

Ср.: «1737[-го] декабря 23 дня в Табынской Канторе Уфинского уезду, Нагайской дороги, деревни Тляшевой чувашенин Ураз-бай Актеев объявил: послан де он из Уфимской Правинциальной Канцелярии с указом к башкирским старшинам к Кусят (Кусяк. — Ф. Х., Т. Г.) батырю, к Сеит батырю с товарищи, и оные де старшины собрались и дали ему татарское письмо к ассесору Андрею Ивановичю Алфимову, и он де еще стал письма просить в Табынск к господину поручику Ивану Васильевичю Демидовых» (там же: 348).

С точки зрения происхождения наименование лица *бай* восходит к общетюркской лексеме *бай* ‘богатый, богач, богатство; знатный господин; хозяин; муж, супруг; доля, божество судьбы’. Указанная лексема зафиксирована практически во всех тюркских языках и их памятниках. Сравните: *ba:j* в туркменском, узбекском диалектном, уйгурском диалектном, якутском; *ba:j* в туркменском диалектном, турецком диалектном, азербайджанском диалектном, гагаузском, крымско-татарском, караимском, кумыкском, балкарском, карачаево-балкарском, татарском, татарском диалектном, лобнорском, алтайском диалектном, койбольском, карагасском; *бай* в алтайском, тувинском, тофаларском; *ba:j* в узбекском, татарском диалектном, алтайском диалектном, хакасском, сойатском; *pa:j* в чувашском; *pa:j* в сюгайском, лобнорском; *ba:j* в Древнетюркском словаре и других памятниках (Этимологический словарь ..., 1978: 27). Из указанных значений древнейшим является значение ‘богатый’. Кроме тюрк-

¹ См., например: Шериев А. Ж. Титулатура в языке киргизского эпоса «Манас»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. 19 с.

ских языков и их памятников, лексема *baj* (бай) в форме *bajo* ‘богатый, богач’, *baju, bajū* (в диалектах), *bajalig, bayan* в том же значении зафиксирован в монгольских языках (там же: 28–29).

В формах *баја* (*n*) или *baja* в значениях ‘богатый, богач’ встречается в тунгусо-маньчжурских языках (там же: 29). Изложенные факты свидетельствуют о том, что лексема *baj* и ее образования, видимо, восходят к алтайской и пратюркской эпохам. Следует отметить, что ряд лексем с основой *бай* (*baj*) зафиксирован в русском языке и его диалектах в значениях ‘богатый, знатный человек’. Ср.: *боярин, баяр, бай, байбак*. Лексема *бай* (*baj*) встречается в персидских словарях со значениями ‘богатый, богач’. Присутствие лексем с основой *baj* в значениях ‘богатый, богач’ в русском и персидском языках, по-видимому, связано с контактами указанных языков с тюркскими, так как все те значения, которые зафиксированы в них, отмечены и в контактирующих с ними тюркских языках. Изложенные факты свидетельствуют о том, что наименование лица *бай* в башкирском языке связано с древнейшими этапами развития башкирского и ряда других тюркских языков. Поэтому логично отметить, что данное название занимает солидное место в русских документах XVI–XVIII вв. В частности только в одном документе конца XVIII в. зафиксировано 12 наименований указанной лексемы (Материалы ..., 2002).

Батыр

В современном башкирском языке слово *батыр* употребляется в значениях ‘богатырь, храбрый, смелый’. В русских письменных источниках XVI–XVIII вв. наименование лица *батыр* фиксируется во многих документах, связанных с башкирами.

Ср.: «...Кузинские волости от Тюлкучуры *батыря*, Агдыгулова сына... Ижские волости от Чураша *батыря*, Килдашева сына... ис Тавлынские волости от Кусюка муллы, от Анзанова сына, из Куваканские волости от Акзы муллы, Камакаева сына...» (Материалы ..., 1936: 353; здесь и далее курсив наш. — Ф. Х., Т. Г.);

«...Кудейской волости Девлеталей-мулла, *Шиганай-батырь*... Каибкул-бай, Баринской волости Уразай, *Тавельтека-батырь*... Тюнейгаурской волости *Кусяп-батырь*... Тлявской волости *Ачка-батырь*, Кансувар, Кармыш-бай, *Земеть-батырь*, Юрматынской волости *Муртаза-батырь*... Дуванской волости *Солтан-батырь*... Минхярской волости *Тюркай* и *Беккул-батырь*, Чюринской волости *Салтан-Мурат-батырь*, Ченкинской волости *Утягул-бай*, *Осман-батырь*, Усярганской волости *Алкушай-батырь*, Бакайской волости *Худайгул-батырь*... Бишкульской волости *Елдаш-батырь*, Кси-Табинского роду *Ашир-батырь*...» (Материалы ..., 2002: 544).

Изложенные материалы свидетельствуют о том, что наименование лица *батыр* было в то время довольно распространенным названием в башкирском обществе. Например, судя по документу 1738 г., наименование *батыр* только в одном документе было отмечено 17 раз. Для сравнения термины *мулла* — 2, *абыз* — 1 раз (там же). Термин обозначал предводителя рода, предводителя войска, старшину из народа, ставшим им благодаря своим личным качествам: храбрости, силе, справедливости и др. В современном башкирском языке указанное значение утрачено, сохранились значения ‘храбрый, смелый, богатырь, боец, победитель’. В башкирском языке наименование лица *батыр* восходит к лексеме *батыр* в значениях ‘герой, отважный, храбрец, силач, сильный, видный, знатный, властный’. Лексема *батыр* в различных фонетических вариантах зафиксирована во многих тюркских языках. Сравните: *ba:tir* в туркменском, турецком диалектном, киргизском, алтайском диалектном, якутском; *ba:tir* в алтайском, *pattir* в алтайском диалектном, телеутском; *ma:tir* в алтайском диалектном; *madir* в тувинском; *batir* в крымско-татарском, караимском, кумыкском, карачаево-балкарском, казахском, ногайском, каракалпакском, татарском, узбекском диалектном, уйгурском, *patir* в сюгайском, *padar* в чувашском и памятниках *batur, Bahadur / bahadur, baatur, naғатыр / paғатыр* и др. (Этимологический словарь ..., 1978: 82).

Кроме тюркских языков, указанная лексема зафиксирована в монгольских языках в формах *ba:atur* и *baγatur* (там же: 83). Лексема *batir* в различных фонетических вариантах зафиксирована и в тунгусо-маньчжурских языках. Сравните: эвенкийский *багади* ‘богатырь’; 2) ‘сильный, большой’; *батур* 1) ‘горячий вспыльчивый’; 2) ‘свирепый (о животном)’; солонский *батар* ‘богатырь’, эвенкийский *баүтир* 1) ‘богатырь’; 2) ‘силач’; *батур* 1) ‘храбрец, смельчак, удалец, молодец’; 2) ‘храбрый, отважный, мужественный’; ороцкий *бату, батури* ‘богатырь’; маньчжурский *батору~ батуру* 1) ‘богатырь, герой’; 2) ‘храбрый’; и др. (там же: 84–85). Исходя из изложенного можно считать, что лексема *батыр* восходит к алтайской эпохе.

Интересно отметить, что форма *богатырь* зафиксирована в русском, ее фонетический вариант *богатыр* — в украинском, вариант *bohater / bohatur* — в польском языках. В форме *bator* лексема

функционирует в венгерском языке. Безусловно, в указанных языках лексема *batur* является тюркским заимствованием.

Опираясь на наличие некоторых фонетических вариантов лексемы *batur* в иранских языках, отдельные исследователи лексемы *batur*, *batir*, *bahadur* в свое время возводили к иранским языкам. Однако, как отмечается в Этимологическом словаре тюркских языков, иранские материалы зафиксированы в более поздних источниках и являются вторичными по отношению к тюркским языкам и, как справедливо подчеркивается авторами данного издания, являются заимствованиями в ряде иранских и славянских языков.

Карт

В современном башкирском языке слово *карт* функционирует в значениях 'старик, пожилой, опытный мужчина, старец, аксакал, муж' и др. В письменных источниках наименование лица *карт* встречается в значениях 'авторитетный пожилой представитель рода, аксакал, предводитель рода, получивший признание за ум, мудрость, справедливость'. Указанные значения в современном башкирском языке утрачены.

Ср.: 1. «...Урманкарту и всем той волости жителем... Китайской волости Урусумбетю, Губьянкарту, Черемшаку и тое волости всем жителем...» (Материалы ..., 2002: 409);

2. «...Юсуп-карт Батырев и прочие показывают, якоб кроющиеся в горах злодеи, откормя лошадей, намерены бежать в Киргиз-Кайсацкую орду» (Документы и материалы ..., 2012: 114).

Интересно отметить, что, кроме наименования *карт*, в аналогичных документах иногда представлен калькированный, переводной русский термин *старик*.

Ср.: «Тетлимской (Тальтимской. — Ф. Х., Т. Г.) волости старику Мурчаку... Тамьянской волости старику Семигу, Сабан-баю и тое волости Кузян-батырю, Иснаулу, всем жителем» (Материалы ..., 2002: 409).

Название *карт* 'старый, старик, пожилой; муж; бывалый, умный' восходит к лексеме *карт* (*qart*) в значениях 'засохший слой, корка на ране, струп, раны, опухоли'; 'твердый, жесткий, суровый'; 'кора кустарников, лыко, корка, скорлупа, лист'; 'старый, старик'. Лексема встречается в туркменском диалектном, азербайджанском, азербайджанском диалектном, турецком диалектном, турецком, гагаузском, караимском, кумыкском, киргизском, казахском, каракалпакском, ногайском, татарском, а также в памятниках (Этимологический словарь ..., 1978: 314–316). Происхождение лексемы *qart* связано с основой *qar* 'стареть'. В тюркских языках лексема *qar*, *qari* является общетюркской основой. Существует гипотеза и об имитативном происхождении основы *qart* (там же: 315–316). Термин *карт* в русских письменных источниках является менее распространенным. Нами они обнаружены в двух документах, которые даны в тексте.

Тархан

В современных словарях башкирского языка наименование *тархан* отмечается как историзм и обозначает представителя привелегированной верхушки, имеющей право наследования земельных угодий; звание. В русских письменных источниках с названием *тархан* зафиксирован следующий материал:

1. «...Е.и.в. всемилостивейшей нашей государыни, мы, всенижайшия раби Кара-Табынской волости старшина *тархан* Таймас Шаимов, с сотники, тремя человеки, просим милостивого указа, чтоб повелено было ведать нам волости нашей башкирцов только давяшевой породы. Для того что оные ныне живут и впредь служить будут под присмотром нашим в верности. А протчия бы волости другой породы мне и старшинам ведать не повелено было, потому что во оных за всеми башкирцы мне и сотником усмотреть невозможно» (Материалы ..., 2002: 336).

2. «// л. 22 // Лета 7108 года, се яз Кетек Кулчурин сын тарханский Кипчакской волости башкирец ясачной; что бил на меня челом великому государю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси казанской чувашенин деревни Кугурчин Уразгильдейко Кичеев сын о своей вотчине. А та у него вотчина по Ик реке верхняя межа Варитамак речка да малой Ик да речка словет Няк межа Калтамаш и от нижняя межа Мандакишениа да черной лес что словет большой Наказ около малые лески с полями...» (Документы и материалы ..., 2012: 17).

Наименование *тархан* является одним из самых распространенных в памятниках XVI–XVIII вв. Безусловно, это связано с тем, что тарханское, т. е. дворянское сословие у башкир было довольно активным и многочисленным. Так, В. В. Вельяминовым-Зерновым было отмечено следующее:

«...в 760-мъ на Ногайской (дороге. — Ф. Х., Т. Г.) 570, на Казанской 60, на Сибирской 24, и того 654; в 761-мъ на Казанской 60, на Сибирской 24, на Ногайской 562, и того 646; в 762-мъ на Казанской 52, на Сибирской 24, на Ногайской 560, и того 636; в 763-мъ на Казанской 52, на Сибирской 24, на Ногайской 562, и того 638; в 764-мъ на Казанской 59, на Сибирской 14, на Ногайской 572, и того 645; в 765-мъ на Казанской 59, на Сибирской 14, на Ногайской 580, и того 653; в 766-мъ на Казанской 65, на Ногайской 283, и того 348; в 767-мъ на Казанской 67, на Ногайской 269, и того 336, а от того 767 по ныне сколько у которого старшины в команде оныхъ тархановъ состоитъ... не показываютъ...»¹.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что у башкир было в среднем 600–700 тарханов, которые, по данным Вельяминова-Зернова, это звание получили от русских государей за большие заслуги перед Отечеством. В качестве примера можно привести сведения о получении тарханского звания, титула Алдаром Исекеевым.

Ср.: «...1734 году, декабря 24 Ногайской дороги. Бурзенской волости. 1. Тархану Алдарбаю Исекееву, детямъ его, племянникомъ, и внучетамъ, — за бытие имъ Алдаромъ в Крымскомъ и Азовскомъ походехъ, и за три полученные имъ раны, также и за убивство сразившагося с нимъ Черкашенина, за поимку языка Крымчанина, и объявление Его Величеству блаженныя и вечной славы достойныя памяти Государю Императору Петру Первому»².

В академическом и других словарях башкирского языка зафиксировано два значения лексемы *тархан*. Первое значение связано с наименованием лица, представителя башкирских дворян, титула представителя верхушки, правителя. Это значение совпадает, во-первых, с тем значением, которое нашло отражение в русскоязычных памятниках письменности XVI–XVIII вв. Во-вторых, нашедшееся в башкирских словарях значение совпадает со значением лексемы *tarhan / targan (тархан)*, зафиксированном в словаре М. Кашгари (Kâşgarlı, 2005: 435).

Второе значение лексемы *тархан* связано с наименованием родоплеменной группы *башкир-тархан, ғәйнә-тархан*, т. е. выступает как башкирский этноним. Указанный этноним, по мнению этнолога Р. Г. Кузеева, имеет болгарское происхождение и зарегистрирован у венгров в форме *tarjan*, чувашей — *тархан, турхан, торхан*. Он же указывает на наличие этнонима *тархан* у киргизов в форме *дархан*, у монголов и тувинцев как *дархаты*. Кроме этого, отмечены антропонимы с основой *тархан / дархан* у многих тюркских народов (Кузеев, 2010: 321–326).

С точки зрения происхождения оба наименования восходят к лексеме *тархан*, которая употребляется во многих тюркских, ряде монгольских и тунгусо-маньчжурских языках в значениях 'правитель, начальник, художник, офицер, кузнец, мастер, богатырь' и др. Лексема *тархан* зафиксирована в ряде индоевропейских языков. Существуют различные мнения о происхождении лексемы. Ряд исследователей происхождения лексемы *тархан* возводят к монгольскому, некоторые к китайскому, ряд — к индоевропейским языкам. По мнению М. Р. Федотова, лексема *тархан* является словом собственно тюркского происхождения и восходит к корням *тар + хан*. Первый элемент, по его мнению, является глаголом *ter* 'собирать, копить'. Поэтому перевод термина *тархан / тархан* как 'хан, занимающийся сбором, накоплением податей или войск', как пишет М. Р. Федотов, вполне соответствует значению древнетюркского *тархан* (Әхмәтъянов, 2015b: 219–220)³.

Туснак

В Советской исторической энциклопедии к слову *туснак* дано следующее значение: «...категория зависимого населения в ср.-век. Башкирии, по правовому положению приближающаяся к рабам»⁴. В русскоязычных памятниках XVI–XVIII вв. представлен довольно богатый материал по наименованию лица *туснак*.

Ср.: «И сверх розпрашивати башкирцов, которые башкирцы из росту деньги дают или у ково тусняки есть, и то розпрашивать имянно. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864. С. 8–9.

² Там же. С. 9.

³ См. также: Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. Т. 2. С. 239–240.

⁴ Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 14: Таанах-Фелео. Стб. 597.

кресному целованью ково имянем скажут и им тех людей за поруками посылати на Уфу, велети стати на Уфе на пятинном дворе перед пятинщиком перед Михайлом Семеновым с товарищи» (Документы и материалы ... , 2012: 32–33).

Или вот другой пример:

«Ехати им в Уфинской уезд в башкирские волости по Нагайской дороге для государева дела пятинных денег и выслати за поруками башкирцов. И сверх тово роспрашивати башкирцов, которые торгуют и промышляют промыслы и асламчечат или из росту хто деньги дает или у ково *туснаки* есть, и им то розпрашивати имянно по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси кресному целованью» (там же: 33).

Лексема *туснак*, кроме башкирского, зафиксирована в татарском в формах *туснак*, *тоснак*, *тюшняк* в значении 'домовой раб', в кумыкском — *туснақ* 'тюрьма, арестант'; караимском — *туснақ*, *туснах* — аманат, 'заложник, пленный; арест'. Слово было зафиксировано в словаре В. В. Радлова в формах *туснах* 'залог'; *тусак* 'заложник'. Им также отмечены формы *тусаклык* (осм.) 'плен'; *тускан* (кир.) 'родственник'; *тускау* / *тускау* 'караул, стража на дороге' (Радлов, 1905: 1492, 1501). Слово *туснак*, кроме тюркских языков, отмечается в диал. мар. — *тошнақ*, диал. удм. *туснок* в значении 'бродяга', рус. *туснак* 'заложник', авар. *туснак* 'пленный, задержанный' и др. (Әхмәтъянов, 2015b: 320). Безусловно, функционирование тюркского наименования *туснак* в нетюркских языках является контактным явлением. Так, например, лексема *туснок*, *туснак* в марийском и удмуртском языках появилась под влиянием урало-поволжских тюркских языков, т. е. чувашского, татарского и башкирского.

Заимствованные названия

Как уже говорилось выше, среди заимствованных названий, нашедших отражение в ранних русских письменных источниках, встречаются арабские, персидские, русские или вошедшие через русский язык названия. Изложенные факты позволяют нам заимствованные наименования разделить на три группы: арабские по происхождению названия; персидские по происхождению наименования; наименования, связанные с русским или вошедшими через русский язык лексемами.

1. Арабские заимствования.

В арабскую по происхождению группу из ранних русских письменных источников можно отнести наименования *аманат*, *аманатчики*. В башкирском языке лексема *аманат* функционирует в значениях 'то, что поручено хранить'; 'завещание предков'; 'заложник'. В русскоязычных документах наименование *аманат* зафиксировано в формах *аманаты*, *аманатчики* в значениях 'заложники, взятые русской администрацией как гарантия принятия башкирами подданства'.

Ср.: 1. «//л. 283// *Аманатов* отдать верность свою показавшим надобно, ради того, что не только, кроме убытка, надежды в них нет, и дающие также ни во что почитают, как ныне то было: *аманаты* их здесь были, а оставшия дома воровали (бунтовали. — Ф. Х., Т. Г.). Других же волостей, чтоб, на то смотря, лучше ревность свою к верности показали, можно и задержать на время, а между тем, когда достальныя покорятся, тогда и всех отпустить» (Материалы ... , 2002: 308);

2. «...7 числа, взяв *аманатов* прежним на перемену, пошли в поход — полковник Тевкалев вниз по Тече, а действительный статский советник Татисчев прежним путем к Счелкунской крепости. И на первом стану в 15 верстах приехали к присяге человек с 40, на другом пре реке Синаре человек с 20, и оные, присягав, возвратились, а многие провожали до границы и видели, что татара (башкиры. — Ф. Х., Т. Г.) в домех живут, строятся и сена косить стали» (Материалы ... , 2002: 266);

3. «...которые де *аманатчики* издревле были...» (Материалы ... , 1936: 117).

В «Академическом словаре башкирского языка» у лексемы *аманат* выделено три значения: 1) «То, что доверено хранить как святыню»; 2) «Завещание предков»; 3) «Залог, заложник» (Академический ... , 2011: 269–270).

Сама лексема *аманат*, кроме башкирского языка, зафиксирована в татарском, казахском, киргизском, крымско-татарском, алтайском, телеутском языках. Из памятников указанная лексема зафиксирована в словаре В. В. Радлова. В нем отмечено, что лексема *аманат* встречается в киргизском (казахском), крымско-татарском и шорском языках (Радлов, 1893: 644–645). Значения лексемы *аманат* в указанных языках практически совпадают, что свидетельствует о раннем характере арабского заимствования *аманат* в тюркских языках. Известный исследователь Р. Г. Ахметьянов лексему *аманат* связывает со словами *аман*, *аманлык*, *имен-аман* и др. в значениях 'целый, невредимый, живой здоровый' и возводит к арабскому языку (Әхмәтъянов, 2015a: 133).

В группу арабских заимствованных наименований лиц относится и название *ясырь*. В словарях башкирского языка наименование лица *ясырь* русских памятников представлено в форме *асир* в значениях 'пленный, пленник, невольник'. Кроме этого, в словарях отмечены и образования от указанной лексемы. Ср.: *асирлек* 'жизнь в плену, неволя'; *асирләү* 'взять в плен, пленить'; *асирә* 'пленница, невольница' и др. В русскоязычных памятниках XVI–XVIII вв. зафиксированы следующие примеры с наименованием *ясырь* и его образованиями: «...розбил по реке Мензеле Дюмееву деревню всю и многия пожитки и *ясыри* взяли...» (Материалы ... , 1936: 114). В отдельных документах этого времени были представлены формы *ясыренко* (от *ясырь*+*енок*), *ясырченок* (*ясырь*+*че*+*нок*), *ясыченок* (*ясырь*+*ченок*), с помощью которых в ранних русских документах были описаны захваченные в плен дети.

Ср.: 1. «Токмо в Табынской канторе господин капитан объявил вора башкирца да *ясыренка* башкирченка тое ж волости Нуруша Текеева да Муртазу Айманова...» (Материалы ... , 2002: 431);

2. «А оной *ясыченок* Муртаза Айманов бес пристрастия допросом показал: сего де июня 3 дня приезжали де под город Табынск... башкирцы для отгону табунов конских и рогатых...» (там же).

Приведённый материал свидетельствует о том, что наименование *ясырь* и его образования довольно активно употреблялись в русскоязычных документах. Как уже говорилось выше, наименование *асир* восходит к арабской лексеме *āsīr* 'пленный, пленник, невольник'. Указанная лексема арабского языка, по мнению Р. Г. Ахметьянова, сама является заимствованием из тюркских языков (Әхмәтъянов, 2015а: 139). Данный термин фиксируется в словарях башкирского языка в значениях 'пленный, очаровать, пленить' довольно активно.

2. Персидские заимствования.

Мурза. В словарях башкирского языка зафиксированы следующие формы указанной лексемы: 1) *мурза* — титул, знатный человек; 2) *мурза*, *муртый* — младший брат; 3) *Мурза* — личное имя; диал. *мурза* 'богатый, знатный человек'. В русских письменных источниках наименование *мурза* и его фонетические варианты встречаются довольно часто и употребляются в значениях 'знатный', 'уважаемый', 'богатый человек' и 'господин'.

Ср.: «От меня, Кильмяка-абыза... Нагайской дороги, Юрматинской волости брату Муртазе, брату Кулкану, брату Курмашу, Мавлюткулу, Кильдыгулу, Урманкарту и всем той волости жителем, да Тетлимской волости старику Мурчаку, Курагулу, Сюяргулу, Кункару и всем той волости жителем... Мурзаларской волости Казырбику, Кутюк-мурзе, Тохтар-мурзе, Аллакуваш-мурзе и тое волости всем жителем... <...> От меня, Кильмяка-абыза, Нагайской дороги, Юрматынской волости всем братьям много много кланяюсь: Муртазе, Мавлюткулу, Касаю, Кулкану, Истакбаю, Кусяпу; Талтимской волости Умерчаку, Аакаку, Суяргулу, Мухтуму, Мурзаларской волости Кутяку-мурзе, Токтару-мурзе; Макаарской волости Кутяку, Нагайское: Мишарской волости Иримбетю, Чюмакаю; Чеминской волости Салтан-батырь, Утягул-баю, Бурзянской волости Рысай-баю, Аиткулу, Мергему; Табынской волости Ангару, Салтану; Кипчатской волости Усайну, Кашку, Ирмяк-батырю; Тунгаурской волости Кусяп-батырю, Тамьянской волости Сеит-баю, Кусяк-батырю и всем родственникам и свойственником» (Материалы ... , 2002: 409, 419).

Если судить по документам, Кутяк-мурза, Аллакуваш-мурза и Токтар-мурза являлись уважаемыми людьми Мурзаларской волости башкир, к которым, наряду с другими знатными людьми, имевшими титул батыра, бая, абыза, карта и др., обращался один из руководителей восстания 1737 г. Кильмяк Нурушев.

В другом документе Мурзаларская волость упомянута в форме «Мурзенская» (от башкирского *мурза* / *мурза*). Ср.: «...Мурзынской (волости. — Ф. Х., Т. Г.) Качай-мурза Кулманов, той же (волости. — Ф. Х., Т. Г.) Кидырбак-мурза Кинзеев...» (там же: 338). В третьем документе наименованием *мурза* упоминается татарский мурза Тевкелев.

Ср.: «...слышал де он от башкирцов, которые кочуют у того места, где краска лежит, что статский советник Кирилов и мурза, а как зовут не знает, из города Уфы для закладу города выехали, а Нагайской де дороги татара (башкиры. — Ф. Х., Т. Г.), скопясь несколько тысяч человек и, напад на мурзу, побили российского войска человек с 700, и мурза де жив или нет, не знают, а российское войско из оных татар також побили не одну тысячу; и после того, скопясь, напали на него, советника Кирилова, токмо де он со всем войском загородился рогатками, и что зделалось — не знают» (там же: 42).

Лексема в формах *мурза*, *мурза* встречается в составе личных имен и фамилий башкир. В качестве примера можно привести перечень фамилий и имен из «Формулярного списка о службе чиновников Башкиро-мещерякского войска за 1836–1842 гг.». В указанном документе зафиксировано более

200 фамилий и личных имен с компонентом *мурза* (*мырза*, *мирза*). Среди них представлены такие антропонимы как Мурзин (от личного имени Мырза / Мирза / Мурза) (7), Мурзашев (от Мырзаш) (7), Мурзабаев (от Мырзабай) (29), Мурзагулов (от Мырзагол / Мурзагул) (38), Мурзакаев (от Мырзакай) (17) и др. (Документы и материалы ... , 2014). Следует отметить, что антропонимы, включающие элемент *мурза*, отмечены и в «Материалах по истории Башкирии (Башкортостана)». В частности, в материалах, изданных в 2002 г., зафиксированы следующие антропонимы: Абдулла Мурзалин (от мурза (мырза + афф. лин), — башкир Гайнинской волости; *Мурза Качкинов* — башкир Бурзянской волости; Акмурза Култенов — башкир Каршинской волости; Ахмир *Мурзаев* — приводной башкир; Ишкуат *Мурзаев* (от *мирза* / *мырза*) — башкир Кипчакской волости; *Каймурза* Балгазин — башкир Калнинской волости и др. (Материалы ... , 2002: 68, 205, 338, 474). Изложенные факты свидетельствуют о том, что наименование лица *мурза* / *мирза*, а также личные имена с элементом *мурза* / *мирза* / *мырза* восходят к лексеме *мирза* / *мырза*. Указанная лексема, кроме башкирского, представлена в татарском (*мырза*), киргизском (*мырза*), ногайском (*мырза*); чувашском (*мърса*) и др. Лексема зафиксирована и в словаре В. В. Радлова. Востоковед, во-первых, отмечает, что лексема употребляется в формах *мырза* в значениях 'щедрый' и 'дворянин' в татарском (казанский) и казахском (киргизский), а также в форме *мурза* в телеутском как название сановников калмыцких ханов. Во-вторых, В. В. Радлов в своем словаре указал на заимствованный характер указанной лексемы из персидского языка (Радлов, 1911: 2143, 2196). Следует отметить, что лексема *мырза* / *мурза* / *мирза* / *мырза* встречается не только в тюркских языках. Она зафиксирована в удмуртском, марийском в форме *мурза*, *мырза*, русском — *мурза* и др. (Әхмәтъянов, 2015b: 46)¹. В указанных языках лексема *мурза* считается заимствованием из тюркских языков.

3. Русские заимствования

Князь. В современных словарях дается в трех значениях: 1) глава феодально-монархического государства (княжества) или отдельного политического образования (удельный князь) в IX–XVIII вв. у славян и ряда других народов; представитель феодальной аристократии; высший дворянский титул. В русских письменных источниках XVI–XVIII вв. наименованием *князь* из башкирской элиты обозначены следующие *тарханы*; служилый башкир *Турмамат князь* Ялтыков, Кубеляцкой волости старшина *Карабай-князь* Тюрембетов, Кипчацкой волости *князь Юмагул Иркин*, *князь Девлеткул Бирюбаев*, *князь Сюяр да Муран Чурекеевы* Каратабынской волости башкирцы *князь Ишкильде*, Тоир, Абдрезак, Илембет, Темираксак Каскаевы и др. Всего в документах 1735 г., найденных В. В. Вельяминовым-Зерновым, тарханским ярлыком награждены 39 человек, названных в документах князьями². Изложенные факты свидетельствуют о том, что титулы *тархан* и *князь* для башкир в первой половине XVIII в. были равны по статусу. Башкиры использовали оба титула, что нашло отражение и в русских документах назывались. Но на титул *тархан* выдавались ярлыки.

Лексема *князь* широко распространена в славянских языках в значениях 'старейшина', 'дворянин', 'помещик', 'священник', 'господин'; 'жених' и др. По мнению М. Фасмера, праславянская праформа указанной лексемы восходит к прагерманскому *kuningaz* или готскому *kuning*, производного от *kuni* 'род'³. Что же касается башкирского языка, то этот титул является историзмом. Употребляется в работах исторического характера.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: русские документы XVI–XVIII вв. представляют собой ценные источники по истории башкирского народа и языка; указанные документы содержат сведения как по апеллятивной, так и ономастической лексике того времени; в русских письменных источниках данного периода хорошо представлены наименования лиц башкирского общества, не все из которых сохранились в современном башкирском языке. Особую ценность представляют наи-

¹ См. также: Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. Т. 1. С. 350; Аникин Н. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Новосибирск: Наука, 2000. С. 396.

² Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1864. С. 1–48.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 266.

менования лиц, связанные с сословно-имущественными характеристиками человека, так как данная группа названий практически не фиксируется в современных словарях башкирского языка. Зафиксированные в письменных источниках материалы по сословно-имущественной характеристике человека проливают свет не только на некоторые особенности исторической лексикологии, но и на структуру башкирского общества, особенности управления Башкирским краем в XVI–XVIII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Академический словарь башкирского языка = Башкорт теленең академик һүзлеге (2011) : в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа : Китап. Т. 1. 432 с.
- Бартольд, В. В. (1993) Тюрки: двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Алматы : Жалын. 192 с.
- Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798) (2012) / сост.: И. М. Гвоздиков (руководитель группы), Б. А. Азнабаев, И. И. Буляков, И. М. Васильев, Н. С. Корепанов, В. С. Тольц. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 548 с.
- Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842) (2014) : формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы : в 2 кн. / сост. А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. Кн. 2: 6-й, 7-й, 12-й башкирские кантоны. 1072 с.
- История Тувы (2001) : в 2 т. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.
- Кузеев, Р. Г. (2010) Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. 2-е изд., доп. Уфа : ДизайнПолиграф-Сервис. 560 с.
- Материалы по истории Башкирской АССР (1936) М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А. Чулошников. 631 с.
- Материалы по истории Башкортостана (2002) Уфа : Китап. Т. 6: Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. / авт.-сост. Н. Ф. Демидова. 766 с.
- Ондар, М. В. (2020) Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях // Новые исследования Тувы. № 1. С. 104–116. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.9>
- Радлов, В. В. (1893) Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова : в 4 т., 8 кн. СПб. : Тип. Имп. Академии наук. Т. 1, кн. 1. XVIII, 968 стб., 66 с.
- Радлов, В. В. (1905) Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова : в 4 т., 8 кн. СПб. : Тип. Имп. Академии наук. Т. 3, кн. 2. 1261–2204 стб., 98 с.
- Радлов, В. В. (1911) Опыт словаря тюркских наречий В. В. Радлова : в 4 т., 8 кн. СПб. : Тип. Имп. Академии наук. Т. 4, кн. 2. 1117–2230 стб., 107 с.
- Рустемов, О. Д. (2016) Лингвистическая составляющая в идентификации сословных титулов, званий, должностей населения Крымского ханства по материалам судебных реестров судов шариата XVII–XVIII вв. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. Т. 2 (68), № 4. С. 63–79.
- Скворцов, М. И. (1975) Древние титулы в чувашской ономастике // Диалекты и топонимия Поволжья. Вып. 3. Чебоксары : [б. и.]. 151 с. С. 70–76.
- Скворцов, М. И. (1976) Из истории древней чувашской социальной лексики (тәрән, турхан, куштан) // Вопросы чувашской фонетики и лексикологии : сб. ст. / ред. коллегия: В. И. Котлеев (отв. ред.) и др. Чебоксары : Чуваш. ун-т. 111 с. С. 73–99.
- Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка : в 4 т. / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука. Т. 1. 341 с.
- Татаринцев, Б. И. (2002) Этимологический словарь тувинского языка : в 4 т. / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука. Т. 2. 388 с.
- Ховалыг, С. С. (2017) Социальная организация традиционного тувинского общества середины XVIII — начала XX вв.: особенности формирования и трансформации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 10, № 1 (29). С. 10–20. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-10-20>
- Этимологический словарь тюркских языков (1978) : в 7 т. / под ред. Э. В. Севортяна. М. : Наука. Т. 2. 349 с.
- Әхмәтъянов, Р. Г. (2015a) Татар теленең этимологик сүзлеге : ике томда. Казан : Мәгариф-Вақыт. Т. 1. 539 с.
- Әхмәтъянов, Р. Г. (2015b) Татар теленең этимологик сүзлеге : ике томда. Казан : Мәгариф-Вақыт. Т. 2. 567 с.

Kâşgarlı, M. (2005) *Divânu Lügâti't-Türk*. İstanbul : Kabcacı Yayınevi. 725 s.

Дата поступления: 25.05.2023 г.

Дата принятия: 18.07.2023 г.

REFERENCES

Akademicheskii slovar' bashkirskogo iazyka = Bashkort teleneş akademik hışlege [Academic dictionary of the Bashkir language] (2011) : in 10 vols. / ed. by F. G. Khisamitdinova. Ufa, Kitap. Vol. 1. 432 p. (In Bashkir, Russ., Engl.).

Bartold, V. V. (1993) *Tiurki: dvenadtsat' leksii po istorii turetskikh narodov Srednei Azii [Turks: Twelve lectures on the history of the Turkish peoples of Central Asia]*. Almaty, Zhalyyn. 192 p. (In Russ.).

Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (1574–1798) [Documents and materials on the history of the Bashkir people (1574–1798)] (2012) / comp. by: I. M. Gvozdikova (team leader), B. A. Aznabaev, I. I. Buliakov, I. M. Vasiliev, N. S. Korepanov and V. S. Tol'ts. Ufa, Institute of History, Language and Literature at the URC of the RAS. 548 p. (In Russ.).

Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (1836–1842) [Documents and materials on the history of the Bashkir people (1836–1842)] (2014) : form lists about the service of officials of the Bashkir-Meshcheryak army for 1836–1842 : in 2 books / comp. by A. Ia. Iliasova and Z. G. Gatiatullin. Ufa, Institute of History, Language and Literature at the URC of the RAS. Book 2: 6-i, 7-i, 12-i bashkirskie kantony [The 6th, 7th, 12th Bashkir cantons]. 1072 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2001) : in 2 vols. / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. 2nd ed., revised and enlarged. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kuzeev, R. G. (2010) *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia [The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement]*. 2nd ed., enlarged. Ufa, DizainPoligraf-Servis. 560 p. (In Russ.).

Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR [Materials on the history of the Bashkir ASSR] (1936) Moscow ; Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Part 1: Bashkirskie vosstaniia v XVII i pervoi polovine XVIII vv. [Bashkir uprisings in the 17th and the first half of the 18th c.] / ed. by A. Chuloshnikov. 631 p. (In Russ.).

Materialy po istorii Bashkortostana [Materials on the history of Bashkortostan] (2002) Ufa, Kitap. Vol. 6: Orenburgskaia ekspeditsiia i bashkirskie vosstaniia 30-kh gg. XVIII v. [The Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 30s of the 18th c.] / comp. by N. F. Demidovova. 766 p. (In Russ.).

Ondar, M. V. (2020) Ustarevshaia leksika v tuvinskikh geroicheskikh skazaniakh [Archaic words in Tuvan heroic legends]. *The New Research of Tuva*, no. 1, pp. 104–116. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.9>

Radlov, V. V. (1893) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii V. V. Radlova [The experience of the dictionary of Turkic dialects by V. V. Radlov]* : in 4 vols., 8 books. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1, book 1. xviii, 968 columns, 66 p. (In Russ., Germ. and Turk.).

Radlov, V. V. (1905) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii V. V. Radlova [The experience of the dictionary of Turkic dialects by V. V. Radlov]* : in 4 vols., 8 books. St. Petersburg. Vol. 3, book 2. 1261–2204 columns, 98 p. (In Russ., Germ. and Turk.).

Radlov, V. V. (1911) *Opyt slovaria tiurkskikh narechii V. V. Radlova [The experience of the dictionary of Turkic dialects by V. V. Radlov]* : in 4 vols., 8 books. St. Petersburg. Vol. 4, book 2. 1117–2230 columns, 107 p. (In Russ., Germ. and Turk.).

Rustemov, O. D. (2016) Lingvisticheskaia sostavliaiushchaia v identifikatsii soslovnykh titulov, zvaniy, dolzhnostei naseleniia Krymskogo khanstva po materialam sudebnykh reestrov sudov shariata XVII–XVIII vv. [The linguistic component in the identification of class titles, ranks, positions of the Crimean Khanate's population based on Sharia court registries of XVII–XVIII centuries]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauka*, vol. 2 (68), no. 4, pp. 63–79. (In Russ.).

Skvortsov, M. I. (1975) Drevnie tituly v chuvashskoi onomastike [Ancient titles in Chuvash onomastics]. In: *Dialekty i toponimiia Povolzh'ia [Dialects and toponymy of the Volga region]*. Issue 3. Cheboksary, [s.n.]. 151 p. Pp. 70–76. (In Russ.).

Skvortsov, M. I. (1976) Iz istorii drevnei chuvashskoi sotsial'noi leksiki (tärän, turkhan, kushtan) [From the history of the Ancient Chuvash social vocabulary (tärän, turkhan, kushtan)]. In: *Voprosy chuvashskoi fonetiki i leksikologii [Issues of Chuvash phonetics and lexicology]* : A collection of articles / editorial aboard: V. I. Kotleev et al. Cheboksary, Chuvash University. 111 p. Pp. 73–99. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [Etymological dictionary of the Tuvan language]* : in 4 vols. / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 341 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2002) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka [Etymological dictionary of the Tuvan language]* : in 4 vols. / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 388 p. (In Russ.).

Khovalyg, S. S. (2017) Sotsial'naia organizatsiia traditsionnogo tuvinskogo obshchestva serediny XVIII — nachala XX vv.: osobennosti formirovaniia i transformatsii [Social organization of the traditional Tuvan community in the mid-18th — early 20th centuries: Peculiarities of formation and transformation]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*, vol. 10, no. 1 (29), pp. 10–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-29-1-10-20>

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov [Etymological dictionary of Turkic languages] (1978) : in 7 vols. / ed. by E. V. Sevortiana. Moscow, Nauka. Vol. 2. 349 p. (In Russ.).

Akhmetianov, R. G. (2015a) *Tatar teleñ etimologik syzlege [Etymological dictionary of the Tatar language] : in 2 vols. Kazan, Məgarif-Vakyt. Vol. 1. 539 p. (In Tatar).*

Akhmetianov, R. G. (2015b) *Tatar teleñ etimologik syzlege [Etymological dictionary of the Tatar language] : in 2 vols. Kazan, Məgarif-Vakyt. Vol. 2. 567 p. (In Tatar).*

Kâşgarlı, M. (2005) *Divânu Lüğâti't-Türk. İstanbul, Kabalcı Yayınevi. 725 p.*

Submission date: 25.05.2023.

Acceptance date: 18.07.2023.

Феномен социально вовлеченного буддизма в современном мире

Мерген С. Уланов, Валерий Н. Бадмаев

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

Статья посвящена феномену социально вовлеченного буддизма в современном мире. Данное движение нередко называют ангажированным или социально-ангажированным буддизмом. Социально вовлеченный буддизм сегодня сосредоточен на расширении возможностей буддизма в решении социальных проблем. Отчасти вовлеченный буддизм можно рассматривать как основной компонент растущего западного буддийского движения. В то же время социально вовлеченный буддизм сохраняет свою связь с традиционным буддизмом, который является его духовной основой и источником вдохновения.

Эта форма буддизма впервые появилась в Азии во второй половине XX в. как ответ на вызовы колониализма, модернизации и секуляризации. Одним из первых примеров социально вовлеченного буддизма можно считать движение Сарводая в Шри-Ланке. Оно возникло в 1970-е гг. и начало внедрять в практику буддийскую хозяйственную модель. Среди других организаций, представляющих социально вовлеченный буддизм, можно выделить Международную сеть вовлеченных буддистов, Буддийское братство мира, Сока Гаккай Интернэшнл и т. д. Ярким представителем социально вовлеченного буддизма был вьетнамский мастер Тхить Няп Хань, хорошо известный в современном мире. Близок по своим убеждениям к социально вовлеченному буддизму и Его Святейшество Далай-лама XIV.

В деятельности современных буддийских организаций России также можно обнаружить значительный элемент социально вовлеченного буддизма — стремление активно участвовать в решении социальных проблем и вызовов. Буддийская традиционная Сангха России (БТСР) по инициативе XXIV Пандито Хамбо-ламы Д. Аюшеева уже более 10 лет реализует проект «Социальная отара». В Калмыкии при поддержке главного храма республики «Золотая обитель Будды Шакьямуни» периодически проводятся благотворительные акции «Доброе сердце». Буддийское духовенство Тувы участвует в пропаганде здорового образа жизни, включающего в себя и культуру питания, и формирование нравственно здоровой личности.

В последние годы социально вовлеченный буддизм превратился в отдельную область академических исследований и распространился среди буддийских общин по всему миру. Круг вопросов, которыми занимаются социально ориентированные буддисты разных традиций данной религии, теперь включает: митотворчество, охрану окружающей среды, борьбу с расизмом и ксенофобией, работу с заключенными, хосписную помощь, борьбу с негативными последствиями глобализации, гендерные вопросы и т. д.

Ключевые слова: социально вовлеченный буддизм; глобализация; глобальные проблемы; Сарводая; Тхить Няп Хань; Сока Гаккай; Дайсаку Икеда; Далай-лама; буддизм России

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2023-121/2, «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Для цитирования:

Уланов М. С., Бадмаев В. Н. Феномен социально вовлеченного буддизма в современном мире // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 138-150. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.9>

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (961) 541-11-38. Эл. адрес: ulanov1974@mail.ru

Бадмаев Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Тел.: +7 (961) 844-37-73. Эл. адрес: badmav07@yandex.ru

The phenomenon of socially engaged Buddhism in the contemporary world

Mergen S. Ulanov, Valeriy N. Badmaev

B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

The article deals with the phenomenon of socially engaged Buddhism in the modern era. This movement is often called agenda-driven or socially committed Buddhism. Socially engaged Buddhism today is focused on empowering Buddhism to solve social problems. To a certain degree, engaged Buddhism can be considered as the main part of the growing Western Buddhist movement. At the same time, socially engaged Buddhism retains its ties with traditional Buddhism which is its spiritual foundation and source of inspiration.

This form of Buddhism first appeared in Asia in the second half of the 20th century as a response to the challenges of colonialism, modernization and secularization. The Sarvodaya movement in Sri Lanka can be considered as one of the first examples of socially involved Buddhism. It arose in the 1970s and started to integrate the Buddhist economic model into practice. Other organizations representing socially engaged Buddhism include the International Network of Engaged Buddhists, the Buddhist Peace Fellowship, the Soka Gakkai International, etc. A prominent representative of socially engaged Buddhism was the Vietnamese teacher Thích Nhất Hạnh, well known in the modern world. His Holiness the 14th Dalai Lama is also similar in his beliefs to socially engaged Buddhism.

In the activities of modern Buddhist organizations in Russia, there is also a significant element of socially engaged Buddhism – the commitment to actively participate in dealing with social problems and challenges. At the initiative of the 24th Pandito Khambo Lama Damba Ayusheev, the Buddhist Traditional Sangha of Russia (BTSR) has been implementing the Social Flock project for more than 10 years. In Kalmykia, charity events “Kind Heart” are periodically held with the support of the Golden Abode of the Buddha Sakyamuni (the Burkhan Bakshin Altan Sume), the main temple of the Republic. The Buddhist clergy of Tuva take part in the promotion of a healthy lifestyle which includes both a food culture and the development of a morally healthy person.

In recent years, socially engaged Buddhism has become a separate field of academic research and has spread among Buddhist communities all around the world. The range of issues socially oriented Buddhists of different traditions of this religion deal with now includes: peacemaking, environmental protection, combating racism and xenophobia, working with prisoners, hospice care, fighting against the negative effects of globalization, gender issues, etc.

Keywords: socially engaged Buddhism; globalization; global challenges; Sarvodaya; Thích Nhất Hạnh; Soka Gakkai; Daisaku Ikeda; Dalai Lama; Buddhism of Russia

Financing

The article was written within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. (№ 075-03-2023-121/2, “Buddhism and Global Challenges of the Modern World”).

For citation:

Ulanov M. S. and Badmaev V. N. Fenomen sotsial'no вовlechenogo buddizma v sovremennom mire [The phenomenon of socially engaged Buddhism in the contemporary world]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 138-150. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.9>

ULANOV, Mergen Sandzhievich, Doctor of Philosophy, Candidate of History, Head, Department of Philosophy and Cultural Studies, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 541-11-38. E-mail: ulanov1974@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6749-7424

BADMAEV, Valeriy Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University. Postal address: Office 111, 11 Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (961) 844-37-73. E-mail: badmav07@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1066-8314

Введение

Феномен социально вовлеченного или социально ориентированного буддизма (англ. *socially engaged Buddhism*) является важной частью современной буддийской культуры. Данное движение нередко называют социально ангажированным буддизмом. Однако из-за того, что в русском языке слово «ангажированный» имеет определенный негативный оттенок, на наш взгляд, будет правильным использовать относительно нейтральный термин «социально вовлеченный буддизм».

Новое буддийское движение впервые появилось в странах Востока во второй половине XX столетия как ответ на вызовы колониализма, модернизации и секуляризации. Термин же был впервые введен вьетнамским буддийским учителем и общественным деятелем Тхить Нят Ханем, который призывал буддийское сообщество к более активному участию в решении актуальных социальных проблем. Затем данный термин стал широко использоваться в публицистике и научной литературе. При этом сохраняются определенные разногласия относительно смысла данного термина и сферы его приложения.

В целом социально вовлеченный буддизм можно охарактеризовать как движение в современном буддизме, которое стремится использовать буддийские идеи для решения актуальных «проблем социальной, политической, экологической и экономической сфер жизни с целью способствовать уменьшению присутствующих в них страданий и несправедливости» (Нестеркин, 2017: 188).

В последние годы социально вовлеченный буддизм превратился в отдельную область буддологических исследований и распространился среди буддийских общин Востока и Запада. В сферу деятельности социально ориентированных буддистов входят вопросы экологии, миротворчества, здравоохранения, гендерного равенства, борьбы с негативными последствиями глобализации и мн. др.

Различные аспекты социально вовлеченного буддизма нашли отражение в работах К. С. Куина, Сон Тхэк Чо, К. Йонутите, С. Б. Кинг, Дж. Л. Мэйн, Р. Лай, Т. Ф. Ярналл, Май Чи Ву, Транг Тран (Queen, 2000, 2004, 2005; Cho Sung-taek, 2002; Йонутите, 2020; King, 2009; Main, Lai, 2013; Yarnall, 2003; Vu, Tran, 2021).

В России феномен социально вовлеченного буддизма попал в сферу интересов буддологов сравнительно недавно и пока не имеет значительной историографической традиции. Так, различные аспекты социально вовлеченного буддизма рассматриваются в работах А. С. Агаджаняна, Ж. А. Аяковой, С. П. Нестеркина, С. А. Нижникова и др. (Агаджанян, 2009; Аякова, 2014; Nesterkin, 2022; Нижников, Ле Тхи Туэт, 2022).

Вместе с тем данная проблематика, несомненно, важна и актуальна для России, в которой существуют такие традиционно буддийские регионы, как Бурятия, Калмыкия и Тува. Постепенно идет процесс распространения буддизма на Алтае, который начался еще в дореволюционный период. В последние десятилетия буддийские общины разных направлений и школ появились практически во всех крупных городах страны.

Целью настоящей статьи является рассмотрение феномена социально вовлеченного буддизма в современном мире. Исходя из данной цели, мы поставили следующие задачи:

- исследовать суть феномена социально вовлеченного буддизма, а также философский дискурс, связанный с ним;
- проанализировать деятельность крупнейших организаций и духовных лидеров, имеющих отношение к социально вовлеченному буддизму;
- рассмотреть проявление данного движения в традиционно буддийских регионах России.

Объектом данного исследования выступает феномен социально вовлеченного буддизма, предметом — философские аспекты его бытования в современном мире.

Говоря о теоретико-методологических аспектах нашей работы, необходимо указать, что в ее основу были положены комплексный, системный, междисциплинарный и сравнительный подходы. При комплексном подходе принимается во внимание многоаспектность, многогранность исследуемого феномена. При системном подходе любое явление исследуется как некая совокупность или комплекс взаимозависимых и взаимосвязанных элементов. Междисциплинарный подход предполагает использование методологического инструментария целого ряда научных дисциплин, таких как философии религии, социологии религии, культурологии, история и т. д. Сравнительный подход применяется при изучении реакции различных организаций сторонников социально вовлеченного буддизма на

глобальные проблемы, при анализе их социальных концепций и моделей поведения в современных условиях.

Важную группу источников настоящего исследования составляют труды таких известных представителей социально вовлеченного буддизма, как Тхить Нят Хань, Дайсаку Икеда, Его Святейшество Далай-лама XIV. Анализ их работ позволяет рассмотреть, каким образом традиционные буддийские идеи используются для решения глобальных вызовов современного мира. Кроме того, богатый материал о деятельности крупнейших организаций, представляющих социально вовлеченный буддизм, можно найти на официальных сайтах данных структур.

Суть социально вовлеченного буддизма

Одной из наиболее дискуссионных проблем, связанных с феноменом социально вовлеченного буддизма, является вопрос о времени его возникновения. Так, одни ученые считают социально ориентированный буддизм относительно новым явлением, возникшим в середине XX столетия. По мнению К. С. Куина, социально вовлеченный буддизм сформировался в Азии и на Западе в середине 1950-х гг. и был связан с идеями ненасилия и прогресса (Queen, 2004).

Схожего мнения придерживается и С. Кинг, которая называет социально вовлеченный буддизм современным феноменом, возникшим в связи с появлением новых социальных проблем и под влиянием западной общественно-политической мысли (King, 2009: 2). При этом она подчеркивает, что многие идеи буддийского активизма, возникшие за последнее столетие, достаточно прочно укоренились в религиозно-философских учениях традиционного буддизма. По мнению С. Кинг, появление социально вовлеченного буддизма не может быть связано с каким-либо отдельным буддийским деятелем или страной. Различные его формы стали появляться в целом ряде стран Азии в ответ на ужасающие вызовы, с которыми столкнулась буддийская цивилизация в XX в., такими как войны, оккупация, геноцид, атомная бомбардировка, диктатура, постколониальная деградация, экологические проблемы (King, 2022).

Ж. А. Аякова также связывает появление социально ориентированного буддизма «с общественным кризисом в период острых социально-политических проблем, таких как война, голод, нарушение прав и свобод человека, экологические катастрофы» (Аякова, 2014: 102). А. С. Агаджанян добавляет, что социальная деятельность не имела широкого распространения в традиционном буддизме, который также не проявлял особого интереса к гражданскому обществу: «XX в. стал поворотным в этом смысле, само понятие “engaged Buddhism” было выработано именно для того, чтобы подчеркнуть новизну явления» (Агаджанян, 2009: 238).

Другая точка зрения на феномен социально ориентированного буддизма состоит в том, что в буддизме всегда было движение, связанное с социальной активностью. Некоторые исследователи отмечают, что социальная вовлеченность изначально была присуща буддийской традиции, поэтому трактовать ее как современный феномен не совсем правильно (подр.: Yarnall, 2003).

Историки буддизма в Восточной Азии Дж. Мэйн и Р. Лай занимают двойственную позицию. С одной стороны, они соглашаются с тем, что социально вовлеченный буддизм — это современное явление, которое имеет сходство с теологией освобождения в католицизме и определяют его как один из видов современного буддизма, в котором буддийская сотериология тесно связана с социальной активностью, а работа на благо общества становится важной частью буддийской практики (Main, Lai, 2013: 5). С другой стороны, они выступили за право применения термина «социально вовлеченный буддизм» к восточноазиатским буддийским движениям, которые возникли еще до Второй мировой войны и носили религиозно-реформаторский характер.

Эта точка зрения имеет свои аргументы, поскольку буддизм никогда не был полностью отделен от общества. Как отмечает П. Д. Ленков, «социальное служение в смысле благотворительности и дел милосердия было и есть в буддизме» (Ленков, 2019: 136). Действительно, еще в древности царь Ашока, вдохновленный идеями Будды, провозгласил политику ненасилия, отказался от дальнейших завоеваний, занимался вопросами социального обеспечения, включая открытие лечебных учреждений для людей и животных, посадку деревьев, строительство колодцев, мест для отдыха и т. д.¹ В Тибете

¹ Надписи Ашоки. Колонный указ (№ 7) // История и культура Древней Индии: тексты. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 227–228.

и Монголии долгое время существовала теократическая форма правления, а буддизм, будучи государственной религией, активно влиял на все сферы общественной жизни. В Японии многие монастыри активно занимались политической и экономической деятельностью, оказав определенное влияние на развитие там капитализма (подр.: Уланов, Бадмаев, 2018). Буддийские монастыри в Бурятии, Туве и Калмыкии также являлись крупными хозяйственными центрами, вели торговлю, занимались ремеслами. А в независимой Туве отдельные представители буддийского духовенства первоначально даже «стали крупными чиновниками, которые оказывали влияние на тувинское правительство и его политику» (Товуу, 2019: 212).

Необходимо также отметить реформаторское движение в странах Азии, которое началось еще в XIX в., охватив страны Южной и Юго-Восточной Азии, а также Китай, Монголию и буддийские регионы России. Так, например, китайский монах Тайсюй (1890–1947) разработал учение, которое позже стали называть «гуманистическим буддизмом». Доктрина Тайсюя отличалась особым интересом к социальной проблематике. Важное место в гуманистическом буддизме заняла концепция «буддизм в человеческом обществе» («жэнь цзянь фоцзяо»), в которой акцентируется внимание на служении социуму. Здесь предлагается не ограничиваться лишь заботой о собственном спасении и улучшении кармы, а занять активную гражданскую позицию, служить людям. Предполагалось, что религия не должна находиться в стороне от общественных интересов, так как она сама представляет собой важную часть жизни общества (Янгутов, Чебунин, Хабдаева, 2020: 202). Идеи «гуманистического буддизма» Тайсюя оказали значительное влияние на мировоззрение упомянутого выше вьетнамского монаха Тхить Няч Ханя.

Итак, традиционный буддизм отнюдь не был индифферентен к социальным проблемам. В связи с этим возникает вопрос: если в буддизме всегда присутствовал элемент социального активизма, можно ли говорить о феномене социально вовлеченного буддизма как о продукте второй половины XX столетия?

Наиболее правильным ответом на данный вопрос видится предположение о том, что современный социально вовлеченный буддизм, несмотря на тесную связь с историческими формами социальной активности в буддизме, все же можно маркировать как особый феномен в буддизме, возникший как ответ на новые социальные вызовы. Так, С. П. Нестеркин справедливо отмечает, что «по мере того, как мир традиционного буддизма сталкивался с процессами глобализации, традиционные формы социальной деятельности Сангхи перестали отвечать на вызовы современности, которые привели к необходимости разработать новые формы» (Nesterkin, 2022: 25; здесь и далее пер. наш. — М. У., В. Б.).

Итак, понимая, что современный буддийский активизм имеет свои корни в традиционных формах буддизма, следует признать, что социально ориентированный буддизм, представленный в тех формах, которые мы наблюдаем сейчас, является продуктом второй половины XX в. и тесно связан с глобальными вызовами современности, а также с распространением буддизма на Западе.

Тхить Няч Хань и Буддийское братство мира

Ярким представителем социально вовлеченного буддизма был вьетнамский мастер Тхить Няч Хань, хорошо известный в западном мире. Именно он впервые начал говорить о данном феномене. Говоря о начале своей общественной деятельности в период войны во Вьетнаме, он отмечал: «Вместе с моими монашескими братьями и сестрами, я должен был решить, что делать. Должны ли мы продолжать нашу практику в монастыре, или мы должны оставить медитационные залы для того, чтобы помочь людям, которые пострадали от бомбежек? ...мы решили делать и то, и другое...» (Thích Nhất Hạnh, 1991: 91).

Тхить Няч Хань приехал в Соединенные Штаты Америки во время войны в своей стране, чтобы способствовать скорейшему установлению мира. Вместе с рядом единомышленников он сформулировал оригинальную интерпретацию социально вовлеченного буддизма, одним из аспектов которого был недвойственный подход к конфликтам. Несмотря на то, что в данном буддийском движении можно обнаружить следы антиамериканизма и антиколониального национализма, недвойственный подход занимал в нем центральное место. Сторонники Тхить Няч Ханя стремились преодолеть как коммунистический, так и антикоммунистический фанатизм и сохранять нейтралитет. Члены социально вовлеченного буддизма активно занимались социальной работой: восстанавливали дома

и школы, оказывали медицинскую помощь и открывали клиники, помогали беженцам и своими ненасильственными выступлениями стремились положить конец конфликту. «

Во время войны во Вьетнаме, — писал Тхить Нят Хань, — мы, молодые буддисты, помогали жертвам войны восстанавливать разрушенные бомбами деревни. Многие из нас умерли, выполняя такую работу, но не из-за бомб либо пуль, а потому, что люди считали, что мы помогаем вражеской стороне. Мы были в состоянии прочувствовать несчастья обеих сторон, как коммунистической, так и антикоммунистической»¹.

Свое учение Тхить Нят Хань изложил в четырнадцати заповедях социально вовлеченного буддизма, среди которых можно выделить заповеди «не привязываться к каким-либо учениям, теориям либо идеологиям», «стараться учиться на протяжении всей жизни и всегда выявлять все, что происходит как во внутреннем, так и в окружающем мире», «не принуждать других, включая детей, принимать ваши взгляды», «жить как можно проще и разделять собственное время, энергию и материальные ценности с теми, кто в них нуждается», «делать все возможное для разрешения и устранения всех, даже самых незначительных конфликтов», «иметь смелость говорить о случаях несправедливости, даже если это может повлиять на вашу безопасность», «стоять против притеснений и несправедливости», «бороться за изменение обстановки без участия в нелегальной борьбе», «не считать своим профессиональным призванием то, что причиняет вред природе и человечеству», «стараться найти возможные средства защиты жизни и предотвращения войны»². Особое внимание мыслитель уделял необходимости бороться за мир и разоружение. «В странах Запада огромные деньги вкладываются в оборону, — отмечал он. — Опыт показывает, что прекращение гонки вооружений позволит выделить достаточное количество денег на устранение бедности, голодания, безграмотности и многих других болезней нашего мира»³.

В 1978 г. было создано Буддийское братство мира, вдохновленное деятельностью Тхить Нята Ханя. Сегодня данная миротворческая организация представляет собой международное сетевое сообщество, направленное на решение проблем ненасилия, окружающей среды и социальной справедливости с точки зрения буддийской практики. В США Буддийское братство мира привлекло буддистов к кампаниям за ядерное разоружение, тюремную реформу и сохранение реликтовых лесов (Queen, 2000: 86–87).

Движение Сарводая

Одним из первых примеров социально вовлеченного буддизма можно считать движение Сарводая, возникшее в 70-е гг. XX столетия и относящееся к духовно вдохновленным сельским сообществам саморазвития в Шри-Ланке. Его представители внедряли в практику «буддийскую хозяйственную модель». Слово «Сарводая» переводится как «всеобщее благосостояние». Сарводая возникло в 1958 г., когда молодой учитель А. Т. Ариятатне, вдохновленный буддийскими идеями любви (*метта*) и сострадания (*каруна*), с учениками старших классов и несколькими коллегами организовал двухнедельный «рабочий лагерь» в бедной деревне. Студенты и учителя работали в тесном контакте с сельскими жителями над поднятием уровня жизни. Вскоре этому примеру последовали и другие школы и колледжи. Так возникло деревенское движение самопомощи (подр.: Jones, 1989). В 1970-е гг. с помощью зарубежных волонтерских организаций были созданы учебные центры для координаторов и специалистов сообщества. Новые схемы включали программу систематического обучения жителей деревень и привлечение к движению буддийских монахов, которые традиционно имеют большое влияние в сельской жизни. В настоящее время в Сарводая вовлечено около 2000 сельских общин, которым помогают около 2000 монахов. Деревенские советы Сарводая получают значительную поддержку от региональных центров движения, которая подкрепляется обширными программами обучения. Проекты Сарводая включают строительство дорог и ирригационных сооружений, открытие сельских банков, школ и дошкольных учреждений, деятельность общественных столовых, развитие деревенских ремесел⁴.

¹Тхить Нят Хань. Обретение мира. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 45.

²Там же. С. 55–61.

³Там же. С. 61.

⁴Ariyaratne A. T. Sarvodaya project plans [Электронный ресурс] // Sarvodaya. 2005. February 17. URL: <https://sarvodaya.org/2005/02/17/look-into-time-dr-ari> (дата обращения: 14.07.2023).

Международная сеть вовлеченных буддистов

Еще одной организацией, представляющей социально вовлеченный буддизм, является Международная сеть вовлеченных буддистов (*International Network of Engaged Buddhists* — INEB), которая возникла в Таиланде в 1989 г. Она была создана группой буддийских мыслителей и общественных деятелей. INEB действует как автономная организация при базирующемся в Бангкоке благотворительном фонде Сатиракосеса-Нагапрадипы. За прошедшие годы сеть расширилась и теперь включает в себя представителей (как отдельных лиц, так и организации) из более чем 25 стран Азии, Европы, Северной Америки и Австралии. Организация ставит перед собой следующие задачи: способствовать взаимопониманию, сотрудничеству и налаживанию связей между буддийскими и межрелигиозными группами социальной направленности; выступать в качестве информационного ресурса, связанного с областями, представляющими общественную пользу; организовывать конференции, образовательные курсы и тренинги, основанные на буддийских ценностях и направленные на поддержку социальных активистов и групп и т. д.¹

В центре внимания работы INEB находится не распространение или пропаганда буддизма, а преодоление страданий посредством духовной практики и социальной работы. Философия и практика организации основаны на идеях сострадания, социальной справедливости, ненасилия и мирного сосуществования, которые, как утверждают ее члены, были сформулированы самим Буддой. Основная миссия состоит в том, чтобы устранять страдания в обществе, руководствуясь при этом буддийскими истинами и ценностями. Деятельность INEB включает в себя следующие направления: социальная справедливость и права человека, образование, борьба за гендерное равенство, продвижение принципов буддийской экономики, защита окружающей среды и борьба с изменением климата, обновление и возрождение буддийских институтов, поддержка молодежи, развитие буддийского искусства, межрелигиозный диалог и сотрудничество².

В Японии одной из наиболее влиятельных религиозных организаций, занимающихся социальными проблемами, является Сока Гаккай, которую можно отнести к необуддийским движениям. Сегодня существует также международная сетевая организация Сока Гаккай Интернэшнл буддистов-мирян, которая имеет свои филиалы во многих странах мира и насчитывает по разным оценкам от 4 до 18 млн членов. Деятельность японской Сока Гаккай и Сока Гаккай Интернэшнл тесно связана между собой. Сока Гаккай, основанная еще в 1930 г., была связана с буддийской школой Нитирэн, известной своей ориентацией на мирян. Однако в 1990-е гг. между ними произошел раскол, в результате которого представители руководства Сока Гаккай были исключены из Нитирэн. Раскол имел двойное последствие для Сока Гаккай. С одной стороны, организация получила большую свободу действий, избавившись от жесткой опеки со стороны ортодоксального и консервативного духовенства, с другой, лишилась религиозной легитимности, которую давала связь с традиционной авторитетной школой японского буддизма. Однако победа осталась за Сока Гаккай, которой удалось перетянуть на свою сторону большую часть последователей традиции Нитирэн (подр.: McLaughlin, 2012).

Согласно официальным документам организации, члены Сока Гаккай стремятся изменить общество к лучшему, применяя свои религиозные убеждения в повседневной жизни. Сегодня Сока Гаккай пытается принимать активное участие в решении глобальных вызовов в следующих сферах: борьба за мир и разоружение; образование в интересах устойчивого развития; борьба с изменением климата; образование в области прав человека; гуманитарная помощь и снижение риска бедствий; гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин. Спектр мероприятий в этой области включает различные выставки, симпозиумы, межконфессиональный диалог, культурные мероприятия и поддержку инициатив ООН³.

Значительную роль в популярности Сока Гаккай сыграл лидер данной организации Дайсаку Икеда, который ежегодно выступает с различными предложениями к международному сообществу. Они

¹ About INEB [Электронный ресурс] // INEBNETWORK.ORG — International Network of Engaged Buddhists. URL: <https://inebnetwork.org/about-ineb/> (дата обращения: 14.07.2023).

² Ibid.

³ Социально ориентированная буддийская община Сока Гаккай объявила новый устав [Электронный ресурс] // Dialogi.Online. 2021. 29 ноября. URL: <https://dialogi.online/socialno-orientirovannaya-buddijskaya-obshhina-sokagakaj-obyavila-novyj-ustav/> (дата обращения: 14.07.2023).

направлены на решение стоящих перед человечеством проблем и основаны на буддийской философии. Популярность Д. Икэде принесли многочисленные философские труды, а также диалоги с известными учеными и политиками, в частности с А. Дж. Тойнби (Тойнби, Икеда, 1998). Отдельно стоит отметить книги-диалоги с известными российскими деятелями: экс-президентом СССР М. С. Горбачевым (Горбачев, Икеда, 2011), космонавтом А. А. Серебровым (Серебров, Икеда, 2011), ректором МГУ В. А. Садовничим (Садовничий, Икеда, 2013) и др.

Его Святейшество Далай-лама XIV

К видным представителям социально вовлеченного буддизма можно отнести и Его Святейшество Далай-ламу XIV. Как отметила Ч. К. Ламажаа, «его проповеди ненасилия, идеи зоны мира во всем мире, политика Срединного пути, с которыми он выступал во многих странах, сделали его чрезвычайно популярным, уважаемым религиозным деятелем современности, принеся ему Нобелевскую премию мира 1989 г. и ряд других государственных наград самых разных стран, включая США» (Ламажаа, 2019: 35). Общественная деятельность Далай-ламы XIV способствовала тому, что в современной буддийской мысли и дискурсе важное место заняли вопросы привлечения духовного, философско-этического потенциала буддизма для решения глобальных проблем современного мира.

В своей Нобелевской лекции «Политика доброты» Далай-лама отмечает, что раньше «в Тибете мы уделяли мало внимания техническому и экономическому развитию, и сегодня мы понимаем, что это было ошибкой. В то же время материальный прогресс без нравственного совершенствования может породить серьезные проблемы. <...> Я полагаю, что важны и внутренний и внешний аспекты и следует развивать их одновременно, чтобы достичь должного равновесия между ними»¹. Таким образом, он предлагает придерживаться политике Срединного пути в вопросе социального активизма.

Далай-лама отмечает, что ограничение лишь собственным духовно-нравственным развитием и абстрагирование от проблем общества ошибочно. Он указывает на важность занятия человеком ответственной гражданской позиции, на необходимость участия в решении глобальных проблем. Духовный лидер буддистов полагает, что безучастность фактически «является разновидностью эгоизма»². В своих трудах он постоянно акцентирует внимание на важности всеобщей ответственности и заботы обо всем человечестве, поскольку это напрямую вытекает из буддийской идеи взаимозависимости всего сущего. Именно идеи сострадания и всеобщей ответственности лежат в основе учения Далай-ламы о светской этике. Кроме того, он предлагает положить в основу новой мировой этики такие принципы, как ненасилие, толерантность, веротерпимость, экологичность и т. д.³

Социально вовлеченный буддизм в России

В России организаций социально вовлеченного буддизма пока нет. Однако элемент этого движения можно обнаружить в деятельности традиционных буддийских структур. Так, например, Буддийская традиционная Сангха России (БТСР) по инициативе Хамбо-ламы Д. Аюшеева уже более 10 лет реализует проект «Социальная отара». Суть проекта — уменьшить отток молодежи из села и поддержать традиционное бурятское животноводство. По условиям проекта фермер из числа прихожан монастырей Буддийской традиционной Сангхи России получает от нее отару, в которой может быть несколько сотен овец. После двух лет часть овец из приплода фермер передает другим сельчанам. Политика проекта, провозглашенная БТСР, выражается в словах — «стань богатым и самодостаточным сам, а после помощи другим стать богаче и жить в достатке». Таким образом, стать фермером-овцеводом можно и без всякого первоначального капитала и заемных средств. Прежде всего здесь важны ответственность человека за сохранность отары и приплод, духовная ответственность за будущее благо, которое он должен принести другой семье. Для этого нужно бесплатно получить отару, усердно и старательно ухаживать за скотом и, получив приплод, поделиться им с другими сельчанами⁴. Уникаль-

¹ Далай-лама. Политика доброты : сборник. М.: ТОО «Путь к себе», 1996. С. 12.

² Далай-лама XIV. Больше, чем религия. Этика для всего мира. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016. С. 106.

³ Подр.: Тензин Гьяцо. Далай-лама XIV. Сострадание и всеобщая ответственность. М.: Центр тибетской культуры и информации, 1999.

⁴ Дабаин Б. В Бурятии набирает обороты благотворительный проект «Социальная отара» [Электронный ресурс] // Буряад Үнэн. 2022. 22 октября. URL: <https://burunen.ru/news/economy/94080-v-buryatii-nabiraet-oboroty-blagotvoritelnyy-proekt-sotsialnaya-otara/> (дата обращения: 14.07.2023).

ный опыт проекта «Социальная отара», инициированный буддийским духовенством, стратегически важен для преимущественно аграрной республики.

К. Йонутите отмечает, что проект «Социальная отара» «можно рассматривать как проект социально вовлеченного буддизма, поскольку он представляет собой попытку переосмыслить границы и формы религиозного участия в обществе» (Йонутите, 2020: 112). В то же время она замечает, что не совсем ясно, повлияли ли на него современные формы социально вовлеченного буддизма, поскольку Хамбо-лама Аюшеев нигде не говорит об этом. К. Йонутите обращает внимание на то, что в истории монгольского буддизма существовала практика *джинсы*, когда буддийские монастыри передавали часть овец мирянам, которые в свою очередь возвращали монахам часть молочных продуктов, шерсти и ягнят (там же: 111–112).

Говоря о социальной вовлеченности буддийского духовенства Бурятии, Хамбо-лама Аюшеев отмечает: «Сегодня я работаю и министром образования, и министром сельского хозяйства, и министром спорта» (цит. по: Дагбаев, 2017: 199). Основанием для подобного рода смелых заявлений духовного лидера Бурятии являются социально ориентированные программы Буддийской традиционной Сангхи России, направленные на сохранение и поддержку традиционной хозяйственной культуры, бурятского языка, этнических видов спорта и т. д. (Бадмацыренов, Родионов, 2020: 73).

В Калмыкии при поддержке главного храма Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни» периодически проводятся благотворительные акции «Доброе сердце». Данный социальный проект имеет целью помочь наиболее нуждающимся людям — инвалидам, детям-сиротам, одиноким пенсионерам, пациентам онкологического, противотуберкулезного и наркологического диспансеров¹. При центральном хуруле Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни» также существует благотворительный фонд «Буйн-Добродетель», созданный для поддержки детей из малообеспеченных семей. Он также помогает социальным учреждениям Калмыкии, организывает благотворительные мероприятия и акции (Тугаринова, 2022: 311).

В Туве централизованное управление Камбы-ламы республики также уделяет значительное внимание социальным проектам и активно сотрудничает с общественными организациями, а также с Правительством республики. Буддийское духовенство Тувы участвует в пропаганде здорового образа жизни, включающего в себя и культуру питания и формирование нравственно здоровой личности. Буддийский центр мирян «Манчжуши» занимается просветительской и благотворительной деятельностью, а также и другими формами социальной активности (Агаджанян, 2009: 240). Буддисты Тувы активно сотрудничают с Культурным фондом им. Кужугета Шойгу, основной задачей которого является содействие возрождению и сохранению тувинского культурного наследия. Результаты социологического опроса, проведенного в 2019 г., «показывают, что верующая часть населения Тувы признает важную роль религиозных институтов в социально-экономической и внутривластной жизни региона» (Дашковский и др., 2021: 31). Так, в частности, «среди религиозных направлений, наиболее активно ведущих социальную работу, по мнению населения, респонденты назвали буддизм (41%), православие (30%) и протестантизм (12%)» (там же).

В целом в деятельности современных буддийских организаций России можно обнаружить значительный элемент социально вовлеченного буддизма, стремление активно участвовать в решении социальных проблем и вызовов, что позволяет говорить о постепенном стирании границ между традиционными и новыми формами буддизма.

Заключение

Вопреки распространенному мнению о буддизме как о религии, которая индифферентна к социальной проблематике, можно отметить, что интерес к социальным вопросам всегда присутствовал в истории данной религиозной традиции. Однако буддизм, как и другие мировые религии, в значительной степени оказался неподготовленным к глобальным вызовам современного общества и безудержному технологическому прогрессу, положившему начало социально-экономической, политической и культурной глобализации. В традиционных буддийских текстах сложно найти цитаты,

¹ В Калмыкии подвели итоги акции «Доброе сердце» [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет! 2008, 20 июля. URL: http://savetibet.ru/2008/07/20/kind_heart.html (дата обращения: 14.07.2023).

связанные с проблемами охраны окружающей среды, демографии, глобальной экономики, прав человека и т. д. Для подобных терминов просто не существует точных буддийских эквивалентов. Традиционное буддийское учение почти не затрагивает напрямую те глобальные проблемы и вызовы, которые обсуждаются в современном дискурсе и могут нести угрозу современному обществу.

В силу этого современным буддийским лидерам и мыслителям приходится переосмысливать многие буддийские идеи и концепции с целью применения их к новым социальным реалиям и глобальным вызовам. Важной частью современной буддийской культуры является феномен социально вовлеченного или социально ориентированного буддизма. Социально вовлеченный буддизм можно рассматривать как феномен, возникший в силу вовлечения традиционного буддизма в процессы глобализации и его распространения в странах Запада.

Социально вовлеченный буддизм сегодня сосредоточен на расширении возможностей буддизма в решение социальных проблем. Важным аспектом данного движения является стремление к интеграции традиционного и современного глобального буддизма, духовной практики и социального активизма, светского и религиозного, мирян и духовенства и т. д. В то же время социально вовлеченные буддисты сохраняют тесную связь с традиционным буддизмом, который продолжает оставаться для них духовной основой и источником вдохновения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агаджанян, А. С. (2009) Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Московский центр Карнеги. 341 с. С. 222–255.

Аякова, Ж. А. (2014) Социально ангажированный буддизм в США // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. № 3 (36). С. 102–106.

Бадмацыренов, Т., Родионов, В. (2020) Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 38, № 1. С. 62–85. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85>

Горбачев, М. С., Икеда, Д. (2011) Моральные уроки XX века: диалоги. 2-е изд. М. : Изд-во Московского ун-та. 233, [3] с.

Дагбаев, Э. Д. (2017) Буддизм и политическая ситуация в регионе // Общество, буддизм и социально-политические процессы в России и Монголии : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. Л. Абаева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та. 278 с. С. 197–203.

Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2021) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Йонутите, К. (2020) «Без овечьей отары достойной жизни не будет»: установление границы религии в контексте социально вовлеченного буддизма в Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 38, № 1. С. 106–122. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-106-122>

Ламажаа, Ч. К. (2019) Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3>

Ленков, П. Д. (2019) Социальное служение в буддизме: анализ релевантных концептов // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. № 8. С. 136–159. DOI: <https://doi.org/10.24411/2308-0698-2019-00008>

Нестеркин, С. П. (2017) «Социально вовлеченный буддизм» на Западе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Т. 6, № 4А. С. 187–193.

Нижников, С. А., Ле Тхи Туэт. (2022) «Социально вовлеченный буддизм» Тхить Нят Ханя в диалоге культур // Вестник Калмыцкого университета. № 4 (56). С. 166–174. DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-56-4-166-174>

Садовничий, В. А., Икеда, Д. (2013) На рубеже веков: разговор о главном. М. : Изд-во Московского ун-та. 420 с.

Серебров, А. А., Икеда, Д. (2011) Космос. Земля. Человек: диалоги. 2-е изд. М. : Изд-во Московского ун-та. 276, [1] с.

Товуу, С. С. (2019) Исследования буддизма в Туве // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 3 (35). С. 210–216. DOI: <http://doi.org/10.31554/2222-9175-2019-35-210-216>

Тойнби, А. Дж., Икеда, Д. (1998) Диалог Тойнби—Икеда: человек должен выбрать сам. М. : ЛЕАН. 445 с.

Тугаринова, С. А. (2022) Социальная деятельность буддийских организаций // Международный форум молодых исследователей : сб. стат. II Межд. науч.-практ. конф. (28 марта 2022 г.) / под общ. ред. И. И. Ивановской. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая наука». 346 с. С. 307–312.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н. (2018) Буддийская этика и «дух капитализма» (о роли буддизма в социально-экономическом развитии и модернизации Японии) // Диалог со временем. Вып. 62. С. 210–221.

Янгутов, Л. Е., Чебунин, А. В., Хабдаева, А. К. (2020) Модернизация конфуцианства, буддизма и даосизма в Китае (XX–XXI вв.) // Вопросы философии. № 4. С. 197–207. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-197-207>

Cho, Sung-taek. (2002) Buddhism and society: On Buddhist engagement with society // Korea Journal. Vol. 42. No. 4. P. 119–136.

Jones, K. (1989) The social face of Buddhism: An approach to political and social activism. London ; Boston, MA : Wisdom Publications. 415 p.

King, S. B. (2009) Socially engaged Buddhism. Honolulu : University of Hawai'i Press. xiii, 192 p.

King, S. B. (2022) Mindfulness, compassion and skillful means in engaged Buddhism // Mindfulness. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12671-022-01847-1>

Main, J. L., Lai, R. (2013) Introduction: Reformulating “socially engaged Buddhism” as an analytical category // The Eastern Buddhist. Vol. 44. No. 2. P. 1–34.

McLaughlin, L. (2012) Sōka Gakkai in Japan // Handbook of contemporary Japanese religions. Leiden ; Boston : Brill. xxii, 652 p. P. 269–307.

Nesterkin, S. P. (2022) The main principles and directions of the activity of socially engaged Buddhism // Philosophical Thought. No. 12. P. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.12.39181>

Queen, C. S. (2000) Engaged Buddhism in the West. Boston, MA : Wisdom Publications. xi, 544 p.

Queen, C. S. (2004) Engaged Buddhism // Encyclopedia of Buddhism : in 2 vols. / ed. by R. E. Buswell, Jr. et al. New York : Macmillan Reference. Vol. 1: A–L. P. 248–249.

Queen, C. S. (2005) Engaged Buddhism // Encyclopedia of religion : in 15 vols. / ed. by L. Jones. 2nd ed. Detroit, MI : Macmillan Reference. Vol. 4. P. 2785–2791.

Thích Nhất Hạnh. (1991) Peace in every step: The path of mindfulness in everyday life. New York : Bantam Books. xv, 134 p.

Vu, M. Ch., Tran, T. (2021) Trust issues and engaged Buddhism: The triggers for skillful managerial approaches // Journal of Business Ethics. Vol. 169. No. 1. P. 77–102. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04273-x>

Yarnall, T. F. (2003) Engaged Buddhism: New and improved? Made in the USA of Asian materials // Action dharma: New studies in engaged Buddhism / ed. by C. Queen, C. S. Prebish, D. Keown. London ; New York : RoutledgeCurzon. xix, 365 p. P. 286–344.

Дата поступления: 06.06.2023 г.

Дата принятия: 14.07.2023 г.

REFERENCES

Agadzhanian, A. S. (2009) Buddizm v sovremennom mire: miagkaia al'ternativa globalizmu [Buddhism in the modern world: A soft alternative to globalism]. In: *Religiia i globalizatsiia na prostorakh Evrazii [Religion and globalization across Eurasia]* / ed. by A. Malashenko and S. Filatov. 2nd ed. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) ; Carnegie Moscow Centre. 341 p. Pp. 222–255. (In Russ.).

Aiakova, Zh. A. (2014) Sotsial'no angazhirovannyi buddizm v SShA [Socially engaged Buddhism in the USA]. *Vestnik Buriatskoi gosudarstvennoi sel'skokhoziaistvennoi akademii im. V. R. Filippova*, no. 3 (36), pp. 102–106. (In Russ.).

Badmatsyrenov, T. and Rodionov, V. (2020) Buddiiskoe vozrozhdenie i konstruirovaniie buddiiskogo soobshchestva v sovremennoi Buriatii [Buddhist revival and Buddhist community construction in contemporary Buryatia]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no. 1, pp. 62–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85>

Gorbachev, M. S. and Ikeda, D. (2011) *Moral'nye uroki XX veka: dialogi [Moral lessons of the 20th century: Dialogues]*. 2nd ed. Moscow, Moscow State University Press. 233, [3] p. (In Russ.).

Dagbaev, E. D. (2017) Buddizm i politicheskaiia situatsiia v regione [Buddhism and political situation in the region]. In: *Obshchestvo, buddizm i sotsial'no-politicheskie protsessy v Rossii i Mongolii [Society, Buddhism and the social and political processes in Russia and Mongolia]* : A collection of research articles / ed. by L. L. Abaeva. Ulan-Ude : Buryat State University Publ. 278 p. Pp. 197–203. (In Russ.).

Dashkovskiy, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldey, U. P. and Mongush, A. V. (2021) Religioznaia situatsiia v Respublike Tyva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Religious situation in the Republic of Tuva (based on the results of a sociological study)]. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2, pp. 18–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Jonutyte, K. (2020) «Bez ovech'ei otary dostoinoi zhizni ne budet»: ustanovlenie granitsy religii v kontekste sotsial'no вовлеченного buddizma v Buriatii [“There will not be a dignified life without a flock of sheep”: Negotiating religion in the context of socially engaged Buddhism in Buryatia]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no. 1, pp. 106–122. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-106-122>

Lamazhaa, Ch. K. (2019) Geokul'turnye obrazy buddiiskogo mira tuvintsev: istoricheskii kontekst i sovremennost' [Geocultural images of the Tuvan Buddhist world: Historical context and modernity]. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3, pp. 27–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.3>

Lenkov, P. D. (2019) Sotsial'noe sluzhenie v buddizme: analiz relevantnykh kontseptov [Social ministry in Buddhism: Analysis of relevant concepts]. *Religiia. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniia i publikatsii po teologii i religii*, no. 8, pp. 136–159. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2308-0698-2019-00008>

Nesterkin, S. P. (2017) «Sotsial'no вовлеченный buddizm» na Zapade [Socially engaged Buddhism in the West]. *Kontekst i refleksiia: filosofii o mire i cheloveka*, vol. 6, no. 4A, pp. 187–193. (In Russ.).

Nizhnikov, S. A., Le Thi Tuyet. (2022) «Sotsial'no вовлеченный buddizm» Tkhit' Niat Khania v dialoge kul'tur [“Socially engaged Buddhism” of Thích Nhất Hạnh in the dialog of cultures]. In: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 4 (56), pp. 166–174. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2022-56-4-166-174>

Sadovnichiy, V. A. and Ikeda, D. (2013) *Na rubezhe vekov: razgovor o glavnom [At the turn of the century: A conversation about the main]*. Moscow, Moscow State University Press. 420 p. (In Russ.).

Serebrov, A. A. and Ikeda, D. (2011) *Kosmos. Zemlia. Chelovek: dialogi [Space. Earth. Human being: Dialogues]*. 2nd ed. Moscow, Moscow State University Press. 276, [1] p. (In Russ.).

Tovuu, S. S. (2019) Issledovaniia buddizma v Tuve [Research of Buddhism in Tuva]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 3 (35), pp. 210–216. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.31554/2222-9175-2019-35-210-216>

Toynbee, A. J. and Ikeda, D. (1998) *Dialog Toinbi—Ikeda: chelovek dolzhen vybrat' sam [A dialogue between Toynbee and Ikeda: A person must choose for themselves]*. Moscow, LEAN. 445 p. (In Russ.).

Tugarinova, S. A. (2022) Sotsial'naia deiatel'nost' buddiiskikh organizatsii [Social activities of Buddhist organizations]. In: *Mezhdunarodnyi forum molodykh issledovatelei [International forum of young researchers]* : Proceedings of the 2nd International science-to-practice conference (March 28, 2022) / ed. by I. I. Ivanovskaia. Petrozavodsk : International Center for Research Cooperation “Novaia nauka”. 346 p. Pp. 307–312. (In Russ.).

Ulanov, M. S. and Badmaev, V. N. (2018) Buddiiskaia etika i «dukh kapitalizma» (o roli buddizma v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii i modernizatsii Iaponii) [Buddhist ethics and the “spirit of capitalism” (on the role of Buddhism in the socio-economic development and the modernization of Japan)]. *Dialog so vremenem*, issue 62, pp. 210–221. (In Russ.).

Yangutov, L. E., Chebunin, A. V. and Khabdaeva, A. K. (2020) Modernizatsiia konfutsianstva, buddizma i daosizma v Kitae (XX–XXI vv.) [Modernization of Confucianism, Buddhism and Taoism in China (20th–21st centuries)]. *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 197–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-197-207>

Cho, Sung-taek. (2002) Buddhism and society: On Buddhist engagement with society. *Korea Journal*, vol. 42, no. 4, pp. 119–136.

Jones, K. (1989) *The social face of Buddhism: An approach to political and social activism*. London ; Boston, MA, Wisdom Publications. 415 p.

King, S. B. (2009) *Socially engaged Buddhism*. Honolulu, University of Hawai'i Press. xiii, 192 p.

King, S. B. (2022) Mindfulness, compassion and skillful means in engaged Buddhism. *Mindfulness*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12671-022-01847-1>

Main, J. L. and Lai, R. (2013) Introduction: Reformulating “socially engaged Buddhism” as an analytical category. *The Eastern Buddhist*, vol. 44, no. 2, pp. 1–34.

McLaughlin, L. (2012) Sōka Gakkai in Japan. In: *Handbook of contemporary Japanese religions*. Leiden; Boston, Brill. xxii, 652 p. Pp. 269–307.

Nesterkin, S. P. (2022) The main principles and directions of the activity of socially engaged Buddhism. *Philosophical Thought*, no. 12, pp. 23–32. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.12.39181>

Queen, C. S. (2000) *Engaged Buddhism in the West*. Boston, MA, Wisdom Publications. xi, 544 p.

Queen, C. S. (2004) Engaged Buddhism. In: *Encyclopedia of Buddhism* : in 2 vols. / ed. by R. E. Buswell, Jr. et al. New York, Macmillan Reference. Vol. 1: A–L. Pp. 248–249.

Queen, C. S. (2005) Engaged Buddhism. In: *Encyclopedia of religion* : in 15 vols. / ed. by L. Jones. 2nd ed. Detroit, MI, Macmillan Reference. Vol. 4. Pp. 2785–2791.

Thích Nhất Hạnh. (1991) *Peace in every step: The path of mindfulness in everyday life*. New York, Bantam Books. xv, 134 p.

Vu, M. Ch. and Tran, T. (2021) Trust issues and engaged Buddhism: The triggers for skillful managerial approaches. *Journal of Business Ethics*, vol. 169, no. 1, pp. 77–102. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04273-x>

Yarnall, T. F. (2003) Engaged Buddhism: New and improved? Made in the USA of Asian materials. In: *Action dharma: New studies in engaged Buddhism* / ed. by C. Queen, C. S. Prebish and D. Keown. London ; New York, RoutledgeCurzon. xix, 365 p. Pp. 286–344.

Submission date: 06.06.2023.

Acceptance date: 14.07.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.3.10

Статья

Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования

Айса Н. Биткеева*Институт языкознания РАН; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Российская Федерация,***Ирена С. Хохолова***Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; Институт языкознания РАН,
Российская Федерация,***Виктория В. Филиппова***Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Российская Федерация*

Статья представляет анализ методологии и методики изучения социокультурных и языковых процессов в современном городе в контексте урбанизационных процессов.

Авторами предлагается методика комплексного междисциплинарного исследования, основанная на подходах социолингвистики — построение модели языковой комфортности городской коммуникации, которая обусловлена вариативностью городского населения по социальным, профессиональным, возрастным и этническим признакам, степени урбанизированности, а также разнообразием основных параметров языковой коммуникации города, ее уровней и типов, с многоаспектностью коммуникативных целей и стратегий, обеспечивающих комфортное общение во всех сферах городской жизни (профессиональной, образовательной, повседневной и т. д.). Данная модель позволит осуществлять прогнозирование развития языковой ситуации в условиях города в синхронной и диахронной перспективах с использованием методов языковой биографии, измерения конфликтного потенциала, социального картографирования, ГИС-технологий, ассоциативного эксперимента, методики незаконченных предложений.

В качестве экспериментальной площадки исследования избран город Республики Саха (Якутия) — Якутск. Величина, плотность населения и гетерогенность связей между его жителями определяют качественные черты городской культуры как образа жизни.

Ключевые слова: языковое пространство города; модель языковой комфортности; Якутск; якутский язык

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01318
<https://rscf.ru/project/23-28-01318/>

Для цитирования:

Биткеева А. Н., Хохолова И. С., Филиппова В. В. Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 151-170. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10>

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, пер. Большой Кисловский, д. 1/1. Эл. адрес: an.bitkeeva@iling-ran.ru

Хохолова Ирена Семеновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», доцент Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова; научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 141. Эл. адрес: iskhokholova@mail.ru

Филиппова Виктория Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. руководителя Центра арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1, каб. 402. Эл. адрес: Filippovav@mail.ru

Article

Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods

Aisa N. Bitkeeva

*Institute of Linguistics of the RAS; Gorky Institute of World Literature of the RAS,
Russian Federation,*

Irena S. Khokholova

*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University; Institute of Linguistics of the RAS,
Russian Federation,*

Viktoriya V. Filippova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB of the RAS, Russian Federation

The article presents an analysis of the methodology and methods of studying sociocultural and linguistic processes in a modern city in the context of urbanization processes.

The authors propose a method of complex interdisciplinary research based on sociolinguistic approaches — constructing a model of linguistic comfort of urban communication, which is conditional upon the variability of the urban population by social, professional, age and ethnic characteristics, upon the degree of urbanization, as well as upon the diversity of the main parameters of the language communication in a city, its levels and types, with the multidimensionality of communicative goals and strategies that ensure comfortable communication in all areas of urban life (professional, educational, mundane, etc.). This model will allow to make a prognosis of the development of the language situation in a city in synchronous and diachronic perspectives using methods of the language biography, measuring conflict potential, social mapping, GIS technologies, associative experiment, methods of unfinished sentences.

The city of Yakutsk in the Republic of Sakha (Yakutia) was chosen as an experimental research site. The size and density of the population and heterogeneity of connections between its inhabitants determine the qualitative features of urban culture as a mode of life.

Keywords: city linguistic space; model of linguistic comfort; Yakutsk; Yakut language

Financing

The study was supported by grant No. 23-28-01318 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/en/project/23-28-01318/>

For citation:

Bitkeeva A. N., Khokholova I. S. and Filippova V. V. Model' iazykovoi komfortnosti v gorodskom prostranstve: novye aspekty i metody issledovaniia [Model of language comfort in urban space: New aspects and research methods]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 151-170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.10>

BITKEEVA, Aisa Nikolaevna, Doctor of Philology, Head, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 1/1, Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

ORCID ID: 0000-0003-3765-2144

KHOKHOLOVA, Irena Semenovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, International Research Laboratory "Linguistic Ecology of the Arctic", Associate Professor, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University; Researcher, Research Center for National-Linguistic Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Office 141, 42, Kulakovskiy St., 677000 Yakutsk, Russian Federation. E-mail: iskhokholova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8547-6750

FILIPPOVA, Viktoriya Viktorovna, Candidate of History, Senior Researcher, Center of the Arctic Researches, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 1, Petrovskogo St., 677027 Yakutsk, Russian Federation. E-mail: Filippovav@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3900-918X

Введение

В статье делается попытка разработать модель языковой комфортности в городском пространстве, выявить факторы, определяющие качественный уровень языковой жизни в городе, обусловленной вариативностью городского населения по социальным, профессиональным, возрастным и этническим признакам.

Первая теоретическая часть статьи представляет концептуальное и методологическое обоснование модели языковой комфортности городского пространства, анализ и разработку новых методов исследования языкового пространства современного города. Вторая часть статьи предлагает практический анализ объективных факторов функционирования языков в городе в условиях активной урбанизации, языковой конкуренции или языковой монополии, наличия языкового конфликтного потенциала в полиэтничном городском пространстве, анализ языковых идеологий современного города, а также перспектив развития языков в городском пространстве.

Апробация данной методики проведена на примере анализа городского пространства города Якутска Республики Саха (Якутия). Данный субъект входит в состав Арктической зоны Российской Федерации. Город Якутск характеризуется как северный арктический город. Надо отметить, что в Арктической зоне России живет приблизительно 2,5 млн человек (1,7% всего населения России). Из них коренных малочисленных народов — примерно 7%. Плотность населения очень низкая, подавляющее большинство населения Севера — это не коренное население.

Выбор данного города обусловлен также тем, что в Якутске присутствует гетерогенность связей между его жителями, имеется градообразующая отрасль и определенный уровень занятости населения. Как раз эти параметры, как правило, определяют качественные черты городской культуры как образа жизни.

Якутск является территорией миграционного потока, где проживает большая доля прибывших на территорию России из стран ближнего зарубежья (Винокурова, Томаска, 2021: 180). У прибывших для работы по найму мигрантов не происходит интеграция с местным сообществом, за исключением семейных мигрантов, у которых дети обучаются в местных школах и в университете.

Практический анализ исследования основан на материалах полевого исследования, проведенного в г. Якутске в 2022–2023 гг. А. Н. Биткеевой, И. С. Хохоловой, Р. А. Даниловой и И. А. Даниловым. В нем приняли участие 220 информантов, жителей г. Якутска в возрасте от 18 до 25 лет, из них саха — 80% (из них билингвы, владеющие якутским и русским языками — 95,31%, монолингвы, владеющие только русским, — 4,69%), русские — 6,25%, буряты — 1,25%, эвены — 1,25%, эвенки — 1,25%, не указали (по паспорту, по языку, происхождением родителей) — 10%. Испытуемыми являлись молодые люди, так как именно они будут составлять активное ядро общества в ближайшие 30 лет.

Изучению языковой жизни современного города в условиях урбанизации посвящено немало исследований, аспекты которых разнообразны. Существуют довольно подробные обзоры исследований языка города, в частности, в российском научном дискурсе. В отечественной науке этой проблематикой начали заниматься уже в 1920-х гг. Лингвистическому изучению города посвящены работы Н. М. Каринского, А. А. Шахматова, Р. О. Шор, Б. А. Ларина, А. М. Селищева, В. М. Жирмунского и др. (Каринский, 1909; Шахматов, 1916; Шор, 1926; Ларин, 1928; Селищев, 1928; Жирмунский, 1936; и др.). Развитие темы исследования языка города в России начинается с социальной диалектологии в 1920-х гг., изучения устной разговорной речи как разновидности языка города, современного городского просторечия, городского жаргона в 1950–1960-х гг. и продолжилось анализом общих закономерностей функционирования языков города в последние десятилетия. В 2000-х гг. формируются направления урбанистики, появляются новые аспекты исследования языкового городского пространства как в интролингвистическом, так и в экстралингвистическом аспектах — языковой ландшафт, речевые практики горожан и т. д. (Юнаковская, 2011; Исмагилова, Майорова, 2019; и др.).

Данное исследование затрагивает социолингвистический аспект изучения языка города — анализ языковой ситуации в городском пространстве, проблем языковой конкуренции / языковой монополии, социальной дифференциации языка города, городского моноязычия и многоязычия, анализ моделей конфликтного поведения в городской среде, языковой портрет горожанина. Еще одной важной задачей исследования является разработка новых методов, эффективных в исследовании языка / языков в городском пространстве.

Существует ряд методов, нацеленных на изучение языковых практик, языковых идеологий современного города, языкового ландшафта и т. д. Однако ввиду динамичности развития городского пространства, а также бурно развивающихся технологий, позволяющих усовершенствовать исследовательский процесс, актуальной является разработка новых методов исследования языковой комфортности в пространстве города.

Методика комплексного оценивания языковой комфортности городской среды включает создание модели языковой комфортности городского пространства. За основу берется многофакторная модель прогнозирования языкового развития А. Н. Биткеевой (см. подробнее: Биткеева, 2022). Однако относительно описания городского пространства для исследования приоритетными являются факторы, которые определяют качественный уровень языковой жизни в городе, обусловленной разнобразием языковой коммуникации города, многоаспектностью коммуникативных целей и стратегий, обеспечивающих комфортное общение во всех сферах городской жизни.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что оценивание языковой комфортности / некомфортности городской среды обуславливается многофакторной матрицей, включающей *внешние факторы* — географический (природно-климатический), исторический (историческая память), политический, идеологический, социально-экономический, пространственные параметры (показатели качества жизни, миграции, местоположение природных и социально значимых объектов) и *внутренние факторы* — демографический, функциональный коммуникативный, конфессиональный, этнокультурный, символический (идентичность), поведенческие компоненты, языковой ландшафт, речевые практики, языковые идеологии. Корреляции между указанными факторами определяют уровень языковой комфортности в городском пространстве, выражающейся в наличии или возможности языковой конкуренции / языковой монополии, языкового конфликтогенного потенциала и т. д.

Методы исследования

Как уже говорилось, одной из задач статьи является концептуальное и методологическое обоснование модели языковой комфортности городского пространства, разработка и апробация новых методов исследования языков города, в данном случае северного арктического города. Это основополагающая часть исследования, предпринятого в рамках проекта РФ «Урбанизация, языковое многообразие и/или языковая конкуренция в Арктической и Субарктической зоне РФ: новые вызовы и перспективы развития» (рук. А. Н. Биткеева). В рамках проекта вырабатывается универсальная модель языковой комфортности городского пространства, приложимая к любому городскому анклав, предполагающая исследование городской коммуникации (языков города). Данная модель позволяет осуществлять моделирование и прогнозирование развития языковой ситуации в условиях города в синхронной и диахронной перспективах. В качестве экспериментальных площадок исследования избраны большие и малые города Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа: Якутск, Мирный, Анадырь, Билибино. Выбор данных городов обусловлен тем, что они представляют собой разные не только по величине, плотности населения и гетерогенности связей между его жителями, но и различаются по характеру градообразующей отрасли и уровню занятости населения. Необходимо отметить, что величина, плотность населения и гетерогенность связей между его жителями определяют качественные черты городской культуры как образа жизни. Сегодня миграция широко распространена в России в силу различных факторов социально-экономического, гуманитарного, политического и климатического характера. Это влечет за собой серьезные изменения в образе жизни, вносит этносоциальное напряжение. Урбанизация же способствует переходу к городской культуре, ассимиляции с языком большинства и, соответственно, приводит к появлению множества социальных проблем для народов. Эти радикальные изменения в окружающем социокультурном контексте влияют не только на языки и культуры, но также на благополучие отдельного индивида и этнической группы, что и актуализирует исследование языковой комфортности в городе.

Предлагаемая многофакторная матрица оценивания языковой комфортности / некомфортности городской среды определяется в результате применения комплекса методов. Нами были отобраны и апробированы в ходе полевого исследования наиболее результативные в этом отношении методы, в их числе рассматриваемые далее методы языковой биографии и социального картографирования, методы ментальных карт и ассоциативного эксперимента, метод оценки конфликтогенного потенциала, ГИС-технологии.

Метод языковой биографии города. Анализ в рамках метода языковой биографии социальных групп горожан, которая включает универсальные параметры: исторический контекст (история и условия формирования городского сообщества, этнических групп, составляющих это сообщество, история сложения территории, на которой проживает группа; демографическая мощь этнических групп, составляющих общность горожан, демографическая мощь их языка / языков, распространение языка, тип расселения этнических групп в городе; миграционный аспект, стратегии урбанизации; коммуникативная мощь языка / языков (языковая компетенция носителей языка, сферы функционирования, степень стандартизации языка); символическая мощь языка (отношение к языку носителей, самоидентификация носителей), взаимоотношения большинства к меньшинству (внутригрупповые параметры идентичности и внешние параметры); политический блок (права и признание прав носителями языка, уровень и степень официального признания языка, идеологический контекст / условия, специальный статус территории / автономизация); география (географическая информация о распространении языка, территориальные особенности проживания групп, составляющих городское сообщество); религия (тип и сила связи между религией и языком, важность религии на данной территории); экономический фактор (экономическое состояние группы носителей языка, связь между языком и экономической мобильностью группы, экономическое состояние региона); технологический фактор (представленность группы и языка в СМИ, информированность широкой общественности о данной группе и др.).

Указанные факторы не в одинаковой степени оказывают влияние на развитие языковой ситуации, в одном случае основной причиной сдвига является экономический фактор, в другом — демографическая мощь и т. д. Определение специфики зависимостей в языковой биографии города — основная исследовательская задача.

Основным методом получения знаний о языковой биографии являются нарративные интервью, развернутые автобиографические повествования, центральной темой которых являются язык / языки, овладение ими и их использование, дополненное результатами наблюдений за речевым поведением индивидуума. Метод дает возможность из первых уст фиксировать изменения в языковом дискурсе, например, в отношении родного языка и т. д.

Метод лингвистического и социального картографирования. Благодаря общему интересу к возможностям географического проецирования данных ряда гуманитарных наук и поиску сопоставлений между различными явлениями методы картографирования стали находить применение в междисциплинарных исследованиях. По мнению исследователей, можно выделить два типа карт, связанных с языковыми представлениями: языковые и лингвистические (Коряков, 2020). Лингвистические карты (*linguistic maps*) показывают распространение языковых явлений с помощью точек, изоглосс или ареалов (как, например, в «Atlas Linguarum Fennicarum» или «Диалектологическом атласе карельского языка») (Зайцева, 2010). Географически они могут покрывать:

- один язык (скажем, на диалектологических картах);
- группу языков;
- целый регион¹;
- весь мир.

Собственно языковые карты (*language maps*) показывают распространение самих языков, их диалектов или языковую ситуацию.

Однако данные карты являются аналитическими, отображающими одно языковое явление или какую-либо его характеристику (одно свойство). Наше же исследование нацелено на моделирование и прогнозирование развития языковой ситуации в условиях города в синхронной перспективе, что требует составление комплексных (совмещенное изображение нескольких элементов), синтетических (целостное изображение объекта или явления в единых интегральных показателях) карт, а также карт взаимосвязей (передают степень и характер пространственных связей двух или нескольких явлений). Междисциплинарностью обладают социальные карты, выступающие надежным инструментом, с помощью которого можно вести исследования жизни современного общества, а интеграция многих

¹ См. напр.: Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исслед., 1997–2000 : сб. науч. тр. / отв. ред.: В. В. Иванов. М., 2003. 365 с.; Atlas linguarum Europae (ALE) : Commentaires. Vol. I: Neuvième fascicule / ed. by N. Saramandu et al. Bucureşti : Editura Universităţii din Bucureşti, 2015. 1xxxvi, 273 p.

показателей диктует необходимость широкого применения методов математико-картографического моделирования, формирования баз данных и использования элементов экспертных систем¹. Выбор способа социального картографирования также обусловлен тем, что в данном исследовании использованы результаты анкетирования и показатели критериев комфортности / некомфортности в городской среде. Так, социальные карты помогают осуществить социальное оценивание, относительное ранжирование отдельных элементов структуры поселения (в нашем случае, по выявлению зон коммуникаций на разных языках, по социально-экономическим условиям жизни и т. п.) для определения степени языковой комфортности в городе.

При создании социальных карт выделяются три направления (подхода): социально-статистическое; социально-антропологические или ментальные карты; социально-сетевые. В своем исследовании мы применяем два первых направления (подхода). Социально-статистическое направление используется для анализа количественных данных на основании официальной статистики и результатов проведенных нами социологических исследований, для дифференциации пространственных и социальных границ городской среды, оценки и ранжирования элементов структуры городского поселения респондентами (в нашем случае — благополучные и неблагополучные районы города; район, где имеется пространственная диспропорция населения; центры города, по мнению респондентов: культурный, образовательный, исторический, промышленный, спальный и т. п.). Среди зарубежных работ по социальному картографированию с применением социально-статистического подхода следует упомянуть работы по оцениванию доходов горожан Ч. Бута «Жизнь и труд в Лондоне» (1897–1903 гг.) (Booth, 1897, 1903), по распределению иммигрантов и выявлению доходов семей на территории близ Халл-Хауса в Чикаго Дж. Адамса и ее соратников (1895)², по зонированию Чикаго Э. Берджесса (Burgess, 1925; см. также: Трубина, 2008: 241). В российской науке известна методика картографирования территории, предложенная Н. Б. Барбаш и Ю. А. Крючковым, по степени освоенности (количество и замкнутость зафиксированных маршрутов); конфигурации (траектория передвижений); центрированности (циклы передвижений); полезности (смысл, цель передвижений); экономичности (концентрация передвижений по отношению к территориальной единице); динамизму (виды передвижений); степени «социализации» (популярность тех или иных маршрутов) (Барбаш, Крючков, 1994).

Метод ментальных карт. Социально-антропологические или ментальные карты основаны на социально-антропологическом подходе, в отличие от социально-статистического здесь применяются методы этнографии, визуальной антропологии, урбанистики по изучению и отображению образа, в нашем случае города, его культурного пространства. Ментальное (мысленное) картографирование отличается от когнитивных карт (Sanders, Porter, 1974), хотя обе методики восходят к общему научному источнику (Tolman, 1948). Ментальные карты в бихевиористском аспекте на примере больших городов впервые упоминаются в работе американского исследователя К. Линча «Образ города» в 60-х гг. XX в. (Lynch, 1960). Перевод его монографии на русском языке появился в 1982 г. (Линч, 1982). Ментальная карта была применена исследователем для изучения ориентации человека в городских и разных культурных ландшафтах. Работа ученого представлена в комплексе психологических, социально-психологических и социальных проблем урбанистики. Впрочем, у Линча мы находим также образ города в метафорическом контексте. Он поднимает вопрос человеческого восприятия окружающей среды. Согласно Якобсону, ментальные карты являются инструментом изучения восприятия человеком окружающей среды и его поведения (Jacobson, 2006; Митин, 2017).

Первым из европейских исследователей, применивших метод ментальных карт в бихевиористском аспекте, был С. Милграм (Milgram, 1977), изучавший не географическую реальность, а ее отражение в умах горожан (Милграм, 2000): «Исследовательская традиция, восходящая к “Образу города” (1960 г.) К. Линча, пересекается с направлением социального картографирования, и все это происходит

¹ Прикладное картографирование: социально-экономические карты [Электронный ресурс]: уч. пос. / Т. В. Субботина, А. А. Лядова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Электронные данные. Пермь, 2021. 228 с.

² Hull-House maps and papers, a presentation of nationalities and wages in a congested district of Chicago, together with comments and essays on problems growing out of the social conditions / by residents of Hull-House, a social settlement at 335 South Halsted Street, Chicago, IL ; New York : T. Y. Crowell, 1895. viii, 230 p. См. также: Hull-House Maps and Papers [Электронный ресурс] // Hull-House Maps and Papers: Sociology in the Settlement. URL: http://teachspace.org/personal/research/addams/maps_and_papers.html (дата обращения: 20.05.2023).

на фоне растущей популярности разнообразных практик визуализации. В результате разноплановые методические решения подводятся под общее название «ментальные карты» (Веселкова, 2010: 6). Согласно Н. В. Веселковой, «ментальные карты — это исследовательский метод и одновременно продукт применения этого метода. Получаемые в итоге карты суть спровоцированные, или целевые (выполненные для целей проводимого исследования) документы. Как правило, их сопровождают интервью, групповое обсуждение, иногда задание по изображению местности включается в вопросник» (там же: 7). Основными критериями метода ментальных карт являются представления о местности; участником выступает информант. Веселкова отмечает, что «ментальные карты связаны с представлениями, но не являются их полным отпечатком», «говорят на языке города о жизненных ценностях, приоритетах, привычках своих создателей» (там же: 22), поскольку информантам предлагается чертить карты по памяти, на основе личного опыта. Таким образом, с помощью ментальных карт мы можем выявить восприятие индивидом города, его личностный опыт и поведение внутри общества.

Метод оценки языкового конфликтного потенциала. Городское пространство — социокультурное, конфессиональное и языковое пересечение, всегда есть возможность конфликтного потенциала, что также важно учитывать в целях обеспечения гармоничного межнационального фона, безопасности и т. д. В данном контексте может быть продуктивно применение методики измерения конфликтного потенциала в условиях города (см. подробнее: Биткеева, Кириленко, 2023). Данная методика строится на основе оценивания существующих рисков и степени уязвимости языкового сообщества, предполагает анализ предпосылок и причин возникновения языковых конфликтов в сообществах, а также стимулов и триггеров, провоцирующих их возникновение.

В методике исследуется взаимосвязь существующего недовольства среди членов языкового сообщества и вероятности появления конфликтных ситуаций. Форма методики измерения конфликтного потенциала может применяться для исследований возможности возникновения языкового конфликта среди говорящих любых языковых общностей посредством проведения анкетных опросов и экспертных интервью с дальнейшим анализом полученных параметров по разработанному алгоритму.

Метод ГИС-технологий. Системой, позволяющей соединять, анализировать и визуализировать результаты, полученные различными отраслями науки и производства, являются геоинформационные системы. ГИС — это программное обеспечение для сбора, обработки, анализа, представления и хранения пространственных данных, которое обеспечивает возможность работать с картой и данными, связанными с конкретными местами на ней. Данная система также помогает понять закономерности, взаимосвязи и географический контекст. Выбор данного метода позволяет сопоставить различные сферы жизнедеятельности этносов и функционирования языков в городах. ГИС-технологии дают возможность моделировать и прогнозировать различные явления, а также среди преимуществ данного метода можно указать улучшение взаимодействия и эффективности, а также повышение качества управления и принятия решений. Основной результативностью ГИС-технологий является визуализация полученных данных в виде картографических изображений, сочетающих различные тематические слои.

Преимущества использования ГИС-технологий в лингвистических исследованиях позволили выделить раздел лингвистики — лингвистическую географию, известную также как геолингвистика или лингвогеография. Суть его состоит в том, что все аспекты языков и языковых явлений рассматриваются в пространственном контексте с целью выявления взаимоотношений языка и геокультурной среды. Это обусловлено тем, что географические факторы исключительно важны для объяснения многих языковых явлений, генетических связей между языками и / или диалектами, выявления характера и скорости языковых изменений. Геолингвистика является междисциплинарной областью, инструментарий которой включает в себя составление языковых карт и атласов, фиксирующих пространственные закономерности локализации определенного языка, а также выявление хода и результата процессов, которые приводят к изменению языка. Соответственно, ГИС-технологии представляют собой один из самых эффективных инструментов геолингвистических исследований.

В основе *методики незаконченных предложений* лежит положение о том, что, отвечая на исходный неоднозначный и неопределенный стимул, испытуемый дает информацию, касающуюся его собственной личности, т. е. он проецирует свои особенности на свои ответы. В ходе работы по методике незаконченных предложений респондент может дать один или несколько ответов, т. е. дается сво-

Рис. 1. Модель языковой комфортности в городском пространстве

Fig. 1. Model of language comfort in urban space

бодный выбор ответов, не ограничивающий испытуемого, где нет оценивания правильного и неправильного ответа. Данная методика «представляет собой развитие теста словесных ассоциаций» (Кузькова, 2021: 130), предложенного впервые Ф. Гальтоном и развитого впоследствии К. Юнгом, А. Р. Лурия и др.

Впервые для изучения личности методика незаконченных предложений была применена А. Тендлером (Tendler, 1930). Как отмечает А. П. Пахомов, «разработанная А. Тендлером методика заканчивания предложений Tandler Sentence Completion Test основана на психодинамической теории личности, и, следовательно, основной ее направленностью стало более глубокое и подробное изучение эмоционального компонента личности пациента» (Пахомов, 2012: 102). Наиболее известны методики завершения предложений для психологических исследований, разработанные Дж. Роттером (Rotter, 1951) как скрининговый метод для выявления проблем адаптации у студентов колледжей и вузов, Дж. Саксом и С. Леви (Sacks, Levy, 1950) для изучения специфических кластеров аттитюдов человека или областей его жизни (страх, чувства вины и т. д.), А. Р. Роде (Rohde, 1957) для получения информации о глубинных неосознаваемых слоях потребностной сферы человека, Б. Р. Форером (Forer, 1960) для исследования аттитюдов и систем ценностей в широком диапазоне (желаний, межличностных отношений, эмоций). Также известно использование метода незаконченных предложений в социологических исследованиях (Block, 1973; Suzman, 1973; Ноэль, 1993; Климова, 1995; Ольшанский, 1997). А. В. Бурлов выявляет языковую структуру логики анализа данных, полученных с помощью метода незаконченных предложений, выявляет ключевые понятия для анализа данных: пирамиду обобщений, смысловое основание, многоэтапное кодирование, ядро и периферию образа, структурные показатели¹. В целом, сфера использования методики незаконченных предложений обширная. Ее применяют для выявления «проецирования» индивидом своих внутренних личностных особенностей вовне под воздействием этих стимулов (Пахомов, 2012), а также своего личностного опыта.

Методика комплексного оценивания языковой комфортности городской среды на примере Якутска

На основе применения вышерассмотренных методов нами предлагается методика комплексного оценивания языковой комфортности городской среды, модель которой представлена на рис. 1. Существуют отдельные исследования языковой ситуации в городской среде (см.: Várnai, Szeverényi,

¹ Бурлов А. В. Метод неоконченных предложений в социологии (стратегии использования и логика анализа данных) : дисс. ... к. соц. н. : 22.00.01. М., 2001. 179 с.

2022; и др.¹), в частности, проводились исследования городов Республики Саха Якутия, в том числе Якутска (см.: Былахырова, Собакина, 2022; Иванова, 2018), но исследования проблем языковой конкуренции / языковой монополии, городского моноязычия и многоязычия, анализ моделей конфликтного поведения в городской среде в рамках модели языковой комфортности не проводились.

На первом этапе исследования проводится сбор материалов по внешним факторам городской среды.

Якутск — многонациональный город, в котором по данным последней переписи 2020 г. проживают 194 национальности, из которых самыми многочисленными являлись: якуты (саха) — 59,2% и русские — 26,4%. На долю других национальностей приходилось: киргизы — 3,4%, эвенки — 1,9%, таджики — 1,7%, китайцы — 1,4%, армяне — 1,1 %, буряты и эвены — по 0,6%, украинцы — 0,5%, татары — 0,4%, юкагиры — 0,1%. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) на 1 января 2023 г. численность населения городского округа «город Якутск» составила 378 549 чел., из них 95,4% проживают в самом Якутске, а 4,6% в сельских поселениях. Что касается относительных показателей жителей Якутска в общей численности населения Якутии, то здесь сосредоточено 38,0% всех якутян. А если смотреть долю Якутска в общей численности городского населения Республики Саха (Якутия), то она составляет 54,3%. Соответственно, г. Якутск представляет собой важный населенный пункт не только по функциональному значению, но и по концентрации большей части населения региона в нем².

Существование трех основных языковых групп (славянской, тюркской и тунгусо-манчжурской) предопределяет функционирование двух государственных (русский и якутский) и пяти официальных (эвенкий, эвенкийский, долганский, юкагирский, чукотский) языков³. В Республике Саха (Якутия) и ее столице г. Якутск характерно двуязычие с двумя сосуществующими государственными языками. Конституция Республики Саха (Якутия) гарантирует неограниченное развитие якутского и русского языков в статусе государственных и языков коренных малочисленных народов Крайнего Севера в статусе официальных⁴. Русский язык выполняет интеграционную функцию как государственный язык и как средство межэтнического общения в сфере государственного управления, социальной, экономической и культурной сферах. Это фактор гражданской консолидации и государственный символ, это средство общения не только между русскими и нерусскими, но и между представителями разных этнических групп. Выше названные официальные языки используются в школьном обучении, радиовещании, издании книг и СМИ. Среди более десяти других языков, имеющих более ограниченные социальные и коммуникативные функции, — татарский, башкирский, киргизский, украинский, тувинский, бурятский, азербайджанский, армянский и китайский.

Активная урбанизация арктических городов — это явление XX–XXI вв. Городское пространство северного города имеет свою специфику. При описании языковой биографии северного города значимы в первую очередь такие параметры, приоритетность которых определяется природно-климатическими условиями, историей, этнокультурным контекстом населения, экономическими и промышленными факторами, социальной инфраструктурой, государственной федеральной и региональной политикой (наличие концепций развития городов, паспорта и стратегии социально-экономического развития, инвестиционные планы и т. п.). Изучение данных показателей позволяет выявить внешние факторы по отношению к языку.

Географические (природно-климатические) и исторические условия играют один из определяющих факторов в формировании портрета жителей северного арктического города. Суровый арктический климат создает проблемы для развития городов региона, для которых характерно накопление человеческого капитала, социальная сплоченность, определенный уровень и качество жизни в суровых условиях арктической природной среды (см., например: Винокурова, 2017). Известно мнение —

¹ См. также: Исмагилова Н. В. Язык города Уфы: функционирование различных языковых подсистем и билингвизма: дисс. ... канд. филол. н. Уфа, 2007.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476> (дата обращения: 20.05.2023).

³ Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 г. № 1170-ХП «О языках в Республике Саха (Якутия)» (с изменениями на 28 апреля 2022 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911252> (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ Там же.

«Арктический народ несет печать зимы». Интегральная идентичность, характерная для городской идентичности в целом, в отношении арктических городов проявляется как понятие «северность». Северность — это универсализация, стирание границ, например, этнических или социальных. Здесь возникает понятие «северянин», собирательный образ жителя Севера (см.: Российская Арктика ... , 2016; Головнев, 2022; и др.).

Кроме того, как отмечают североведы, границы сообщества коренных жителей северного арктического города подвижны, поскольку приезжие более раннего времени постепенно становятся постоянным населением¹. В этом смысле определить точно статус городских жителей северного арктического города сложно, скорее всего он интерпретируется в рамках триады «коренное население — приезжие — местные». И в данном контексте исторический фактор играл и играет определяющую роль. В истории России на разных этапах развития страны государством были предприняты такие масштабные программы освоения северных арктических территорий, Сибири как БАМ, Севморпуть и др. В современных условиях оживленные миграционные потоки на этих территориях объясняются активной рабочей миграцией внутри страны, поскольку на арктической территории более высокие «северные» зарплаты (см.: Бадмаева, Натсак, 2021; и др.). В эти исторические периоды происходила рокировка населения северных арктических городов, именно по этой причине процесс превращения в этих городах приезжих в местных, а в прошлом и превращения приезжих в коренных происходит постоянно.

Социально-экономические, политические, пространственные компоненты

Языковое пространство арктического города напрямую зависит от традиционной северной экономики в арктических районах, которая имеет две стороны: с одной — активное промышленное освоение арктических регионов, с другой — сосуществование самобытного традиционного образа жизни северного аборигенного населения, которые вынуждены делать выбор между сохранением своей культуры, традиционной формы хозяйствования либо жизнедеятельностью в общероссийском формате. Наше исследование показало, что среди последних тенденций в городском пространстве — увеличение численности коренного населения региона в городах за счет внутрирегиональной миграции, хотя и с разной степенью интенсивности.

Активная промышленная миграция в Арктике приводит к серьезным изменениям в образе жизни населения, зачастую становится причиной этносоциального напряжения. Как показало наше исследование, имеет место процесс внутренней колонизации — заполнение социально важных позиций приезжим населением. Представители коренного населения, как правило, не занимают высокие позиции по причине недостаточного уровня образования, отсутствия стремления к развитию в социальном плане и т. д. Кроме того, в региональных дискуссиях все чаще возникает тема социальной ответственности. Здесь встает вопрос корпоративной языковой политики и в целом правового регулирования данной проблемы. Протестные акции аборигенов говорят о существующих противоречиях между традиционным и промышленным природопользованием. Аборигенные организации коренных малочисленных народов Севера требуют обеспечения права на предварительное, осознанное и добровольное согласие на осуществление промышленной деятельности в районах традиционного проживания и получение компенсации за нанесенный ущерб.

Очевидно, что урбанизация способствует переходу к городской культуре, ассимиляции с языком большинства и, соответственно, приводит к появлению множества социальных проблем для коренных народов. Эти радикальные изменения в окружающем социокультурном контексте влияют также на благополучие отдельного индивида и этнической группы.

Как отмечают исследователи, общины коренных народов имеют значительное присутствие в арктическом регионе и могут влиять на развитие расположенных там городов (Российская Арктика ... , 2016). Интеграция этих сообществ в экономическую, социальную и культурную структуру города может привести к более инклюзивному и устойчивому развитию. Как правило, в городе эти этнические группы проживают компактно, что способствует некоторой культурной автономии и позволяет им сохранять

¹ Вахтин Н. Б. Север, Арктика и Сибирь — что это такое и кто там живет? Расшифровка эпизода [Электронный ресурс] // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/1828> (дата обращения: 20.05.2023).

характерные для них элементы быта и культуры. Однако имеет место территориальная специфика, связанная с социально-экономическими условиями жизни. Так, в городе Анадырь Чукотского автономного округа в ходе полевых работ 2023 г. была выявлена проблема обеспечения жильем, поскольку новые дома не строятся по причине сложного характера проведения строительных работ в условиях вечной мерзлоты, а главное — труднодоступности региона и вытекающей проблематичности доставки строительных и других материалов. Соответственно, представители одной этнической группы расселяются дисперсно.

Распределение жителей Якутска по этническому признаку ранее зависело от расположения градообразующих предприятий. Районы аэропорта, речного порта, рабочего городка, ГРЭС и т. п. характеризовались преобладанием русских, что было обусловлено миграцией квалифицированных кадров из-за пределов республики для кадрового обеспечения данных предприятий. Район Сайсар, а в настоящее время микрорайоны Сатал и Тускул в большей части населяют коренные народы — выходцы с улусов (районов), которые проживают в деревянных домах. Это один из способов адаптации к городской среде — когда живешь в привычном жилье, но в пределах города.

Государственная федеральная политика, инициативы правительства играют решающую роль в развитии арктических городов. Например, государственная поддержка Северного морского пути привела к развитию инфраструктуры и повышению экономической активности в арктических городах¹.

Второй этап исследования комплексного оценивания языковой комфортности / дискомфорта городской среды направлен на выявление локальных внутренних параметров и внутригородской языковой дифференциации. Данный этап включает проведение анкетирования и обработку, анализ и синтез полученных данных. На этом этапе рассматриваются внутренние факторы — языковые, коммуникативные, поведенческие компоненты. Эту информацию можно получить посредством анкетирования и составления ментальных карт, ассоциативный эксперимент и сбор статистических данных.

Исходя из цели и гипотезы исследования нами разработана комплексная методика, включающая:

1) Социальное картографирование с применением:

а) ментальной карты, содержащей задание нарисовать схему-карту, место в городе, где респондент себя чувствует комфортно и некомфортно в плане коммуникации;

б) фотографии карты города и задания указать на карте города:

— густонаселенный район и район, где имеется пространственная диспропорция;

— район или районы социальной напряженности; зоны, где коммуникация ведется на русском языке, на родном языке, на различных языках, в том числе на миноритарных.

С помощью таких социальных карт могут быть визуализированы и графически отображены социолингвистические и эмоционально-поведенческие реальности, социально-коммуникативный пространственный (символический) опыт, социальные взаимоотношения, авто- и гетеростереотипы испытуемых-индивидов в условиях городской среды, а тем самым уровни языковой комфортности / дискомфорта городской среды. Анализ ментальных карт, работ с фотографиями, рисунками городской карты, представленных испытуемыми, позволяют изучить особенности их восприятия и освоения жизненного городского пространства, а их интеграция с ГИС позволяют виртуальное «прочтение» языковой комфортности / дискомфорта городской среды.

2) Опросник, включающий ряд вопросов по 2а. методу направленного ассоциативного эксперимента и по 2б. методу незаконченных предложений, направленный на внутреннее «прочтение» комфортности / дискомфорта в городской среде, т. е. какие факторы или критерии влияют на ту или иную совокупность условий, состояния:

а) по методу направленного ассоциативного эксперимента нами были разработаны серии направляющих вопросов: «Каким словом можно описать образ Арктики? «Каким словом можно описать образ России?», «Каким словом можно описать образ Якутии?» или «Назовите символы России», «Назовите символы Якутска». Мы можем отметить, что направленный ассоциативный эксперимент

¹ Правительство расширило план развития Северного морского пути [Электронный ресурс] // Правительство России. 2023. 2 мая. URL: <http://government.ru/docs/48389/> (дата обращения: 20.05.2023).

может выйти за рамки предоставления одного или сочетания слова-стимула испытуемому и включить полноценный уточняющий направленный вопрос для выявления ассоциативных связей исследуемого объекта с содержаниями сознания индивида (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т. п.). Например, «Какие районы города вы можете выделить:

- как культурный центр;
- как социально-стабильный район;
- как центр рынка труда;

— как узел межэтнического общения?»; и т. д. Подобные уточняющие, направленные вопросы могут аккумулировать некоторую сумму накопленных знаний о связях между предметами и явлениями, которые закреплены личностным опытом испытуемого и «овнешняются» в языке.

б) по методу незаконченных предложений испытуемым предлагалось закончить предложения; например, «Север — это...», «Арктика — это...», «Урбанизация — это...», «Городской житель — это...» и др., направленные на выявление идентичности северного города.

Задание по методике незаконченных предложений «Мне комфортно, в городе, где...» / «Мне некомфортно, в городе, где...» предполагает выявление определенной классификации критериев оценивания комфортности / некомфортности в городской среде. Задание по методике незаконченных предложений («Мне комфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет? / Мне не комфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет?») направлено на данном этапе исследования на выявление вероятных конфликтногенных зон в условиях полиязычной межкультурной коммуникации, а также позволит раскрыть их внутреннее содержание, какими факторами могут быть вызваны конфликтногенные зоны. Полученные ответы испытуемых по двум данным заданиям сгенерированы по принципу методики семантического гештальта (Караулов, 2000).

Третий этап исследования включает отображение результатов исследования первого и второго этапа работ с применением ГИС-технологий. Данный этап начинается с ввода статистических данных (социально-экономических, демографических, сведений переписей населения об этническом составе и языковой ситуации и т. п.) и количественных результатов социологического опроса; растровых изображений (ментальных карт) в атрибутивные сведения ГИС. Далее проводится систематизация внесенных данных на показатели внешних и внутренних факторов. Для выявления комфортности / некомфортности показатели внешних и внутренних факторов были разделены на положительные и отрицательные. Комфортность и некомфортность среды проживания проводится на основе интегральной оценки показателей внешних и внутренних факторов.

На основе анализа обширных данных, введенных в базу данных ГИС, осуществляется визуализация результатов исследования, нацеленная на выявление языковой комфортности и некомфортности городской среды по наложению тематических слоев, отображающих комфортность среды проживания по социально-экономическим показателям, и зон коммуникаций на языках.

Предложенная методика комплексной оценки языковой комфортности городской среды с использованием ГИС-технологий включает представление данных о городах-объектах исследования на основе одного цифрового решения и базы данных, обеспечивающих сопряженный анализ социально-экономических показателей, пространственной информации и опросных данных в целях территориального управления и планирования.

Результаты исследования и их визуальное отображение

Комплексная оценка языковой комфортности / некомфортности городской среды основана на лингвистическом, географическом и геоинформационном анализе собранного материала и позволяет выделить зоны языковой комфортности / некомфортности в городах, в нашем случае в Якутске.

На рис. 2 и 3 представлены результаты анализа и визуализации комплексной оценки показателей внешних и внутренних факторов, проведенного социологического опроса и ментальных карт, составленных респондентами. На основе комплексной оценки выявлены комфортные / некомфортные зоны внутри г. Якутска. Карты отображают зоны коммуникаций на языках (родном, русском и иных) и их сочетание с внешними и внутренними (суб)факторами.

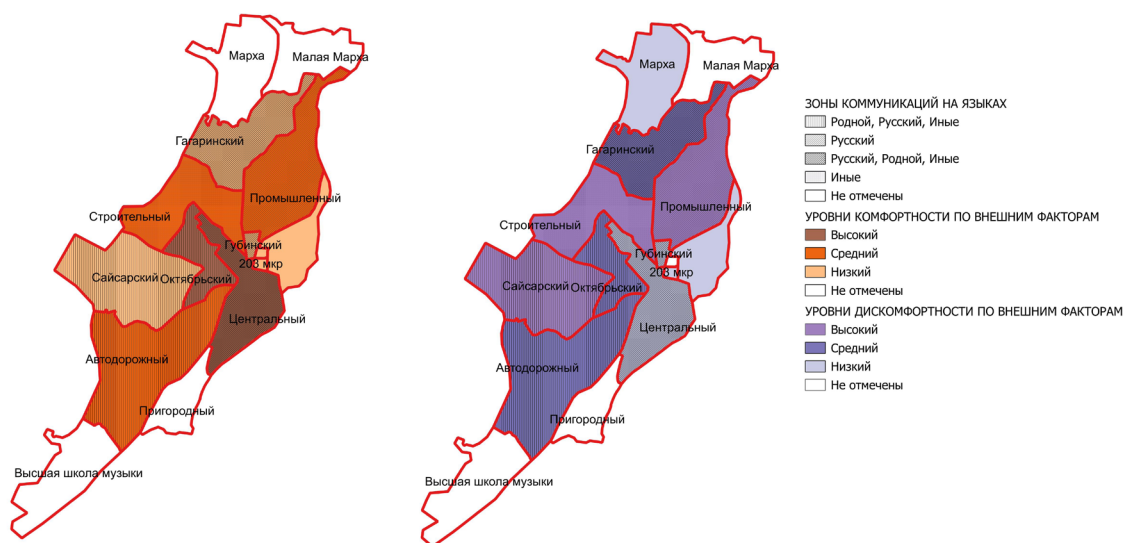

Рис. 2 Зоны языковой комфортности для населения г. Якутска согласно внешним факторам, 2023 г.
 Fig. 2 Zones of language comfort for the population of Yakutsk according to external factors, 2023

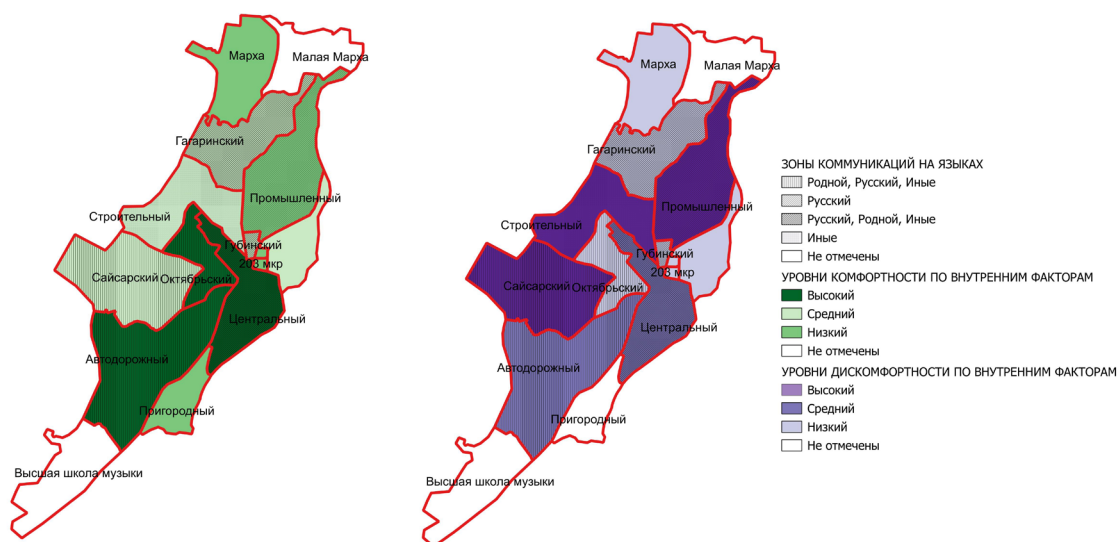

Рис. 3. Зоны комфортности для населения г. Якутска согласно внутренним факторам, 2023 г.
 Fig. 3. Comfort zones for the population of Yakutsk according to internal factors, 2023

В целом, большинство испытуемых выбирают комфортными зонами в Якутске:

- а) центральные районы города, центральный округ, проспект Ленина;
- б) зону студенческого городка, район студенческого городка, т. е. Октябрьский округ, пересечение улиц Каландаришвили и Ойунского, района Залог с озером Талое;
- в) Губинский округ с набережной зоной — новые жилые микрорайоны 202–203;
- г) район, где проживает сам испытуемый (дома).

Некомфортными испытуемые указывают:

- а) периферийные районы — Сайсарский, Строительный, Гагаринский округа (аэропорт), Марха, окраина города, пригород;
- б) зоны рынков — Строительный, ул. Жорницкого, Столичный;
- в) промышленные районы — ГРЭС, Авиалиния, ДСК.

Выделение комфортных зон, вероятно, на первый взгляд вызвано стереотипными представлениями о том, что центр или «юг» — это «хорошо», а периферия или «север» — это «плохо», но внутреннее «прочтение» с дополнительным опросником по методу незаконченных предложений среди испытуемых показывает, что на коммуникативную среду влияет окружение и в целом обстановка социально-экономического благополучия. Например, Центральный округ испытуемыми выделен как культурный, исторический, социально-стабильный район, и как центр торговли и рынка труда, где коммуникация реализуется на различных языках, преимущественно на русском и в том числе на родном (якутском) языках. Октябрьский округ и студенческий городок, СВФУ (Северо-Восточный федеральный университет), Точка кипения, кампус СВФУ, учебные корпуса университета — КФЕН (корпус факультета естественных наук), ГУК (главный учебный корпус), УЛК (учебно-лабораторный корпус), относящиеся к Октябрьскому округу, а также район IT-парка обозначены испытуемыми как образовательный центр и узел межэтнического общения, где коммуникация реализуется на родном и различных языках, в том числе на миноритарных языках (рис. 1). В выделенных испытуемыми некомфортных зонах, отмеченных как районы социальной напряженности, в качестве неблагополучных районов с высоким уровнем преступности выделяют Сайсарский и 17-й квартал, как промышленный и неблагополучный район — Строительный и Гагаринский округа, с районом Столичного рынка, отмеченного как район мигрантов, где коммуникация ведется на русском, родном (якутском) и миноритарных языках.

Следовательно, комфортность коммуникации среди студенческой молодежи в возрасте 18–25 лет зависит не от того, на каком языке говорит окружение, а от социально-экономического благополучия района города в целом. Такая тенденция у молодежи может быть вызвана уровнем урбанизации, что напрямую связано с социально-экономическим развитием города или ролью городского образа жизни и культурной глобализацией, где формируется культурное многообразие и возможно развитие гибридных форм культур или унификации локальных сообществ. Такие выводы подтверждаются результатами нашего комплексного исследования, в ходе которого испытуемым были предложены задания завершить предложения «Мне комфортно, в городе, где...»/«Мне некомфортно, в городе, где...». Комфортность и некомфортность в городе у испытуемых определяются следующими критериями:

1) «Инфраструктура» (36,25%) — выделяются зоны удобства для жизни (25%), некомфортность определена отсутствием удобств (11,25%);

2) «Плотность населения» (31,25%) — испытуемым комфортно там, где низкая плотность населения (15%), что определяет спокойствие, отсутствие шума, и некомфортно, где высокая плотность населения (23,5%);

3) «Безопасность» (28,75%) — испытуемым комфортно в городе, где безопасно (11,25%) и некомфортно, где небезопасно (17,5%);

4) «Экосистема» (22,5%) — испытуемым комфортно (12,5%) там, где чисто, зелено, чистый воздух и др., (10 %) некомфортно, где грязно, пыльно, нет озеленения и др.;

5) «Определенное пространство в городе» (16,44%) — испытуемым комфортно (8,75%) в «центре города» и некомфортно (11,25%), где «неблагополучный район», «есть неразвитые районы, типа трущоб», «неизвестные районы города», «17 квартал, Автодорожный округ», «район автовокзала», «в окраинах»;

6) «Этносы, языки» (10%) — испытуемым (5%) комфортно, где моноэтническое окружение, испытуемым (5%) некомфортно, где «много иностранцев», «не говорят на моем родном языке», «одна культура»;

7) «Культура и адекватность поведения» (8,75%) — испытуемым (2,5%) комфортно, где «живут студенты в городе», некомфортно (6,25%), где «есть неадекватные люди», «есть некультурные люди», «опасные люди ходят по улицам»;

8) «Дом» (6,25%) — для испытуемых комфортно «дома» (3,75%), «где-нибудь на природе или дома», «есть родные» и для 2,5% испытуемых некомфортно, где «я» и «нет родных»;

9) «Другое» (2,5%) — следующие реакции: «который изолирован от остального мира» и «комфортно» в некомфортности в городской среде.

В целом, на предложение закончить фразу «Мне комфортно в городе, где...» мы получили ответы от 87,5% испытуемых и отказы от 12,5%. В предложении «Мне некомфортно в городе, где...» получили чуть меньше ответов (82,5%) и чуть больше отказов (17,5%).

По результатам ответов на следующее задание по методике незаконченных предложений «Мне комфортно / не комфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет?», мы получили, во-первых, от половины испытуемых (53,75%) отрицание того, что присутствие другого этноса не влияет на комфортность / некомфортность, во-вторых, 22,5% испытуемых отмечают, что дискомфорт может быть вызван «непониманием» других этносов ввиду незнания языка, культуры, различий в менталитетах, и в-третьих, 16,5% испытуемые испытывают комфорт среди «своих» в межэтническом общении между русскими и коренными народами Севера внутри региона — добрососедство, взаимопонимание языка и культуры, обучение и др. Испытуемым (10%) некомфортно с «чужими», как видно из ответов об отношении к приезжим, мигрантам, ввиду другой религии, экономических соображений и позиции безопасности по отношению мужчин мигрантов к женщинам локальных этнических сообществ. При этом, на вопрос «Мне комфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет?» получены отказы у 41,25% испытуемых, на вопрос «Мне некомфортно находиться с представителями других этносов, как _____ Что на это влияет?» отказались ответить 37,5% испытуемых.

Существующие и / или потенциальные конфликтогенные зоны у испытуемых по отношению к мигрантам, приезжим из ближнего зарубежья связаны, прежде всего, с незнанием языка, культуры и менталитета, что вызывает непонимание, недоверие и страх. Непонимание других народов (славянских, китайцев, арабов, британцев, американцев, афганцев, иранцев, египтян, цыган) может быть из-за различий в менталитетах, в образе жизни, истории, незнания иностранного языка, непонимания речи. В целом это вызвано дифференциацией в языке и культуре (религии), географическими, религиозными, политическими факторами, возможно, дискретным характером саха.

Заключение

Рассмотренная методика анализа языкового пространства города универсальна и в целом преимущественно предложенной методики заключаются в визуализации социолингвистической ситуации городской среды и совокупности коллективных представлений об образе пространства, местности (района). С помощью данной методики мы можем оценить и прогнозировать социолингвистическую ситуацию в динамике как промежуточное исследование и далее следовать стратегически, работать в фокус-группах для выявления роли глокальной культуры в процессах сохранения или утраты идентичности в условиях урбанизации и шире глобализации, а также по определенным направлениям, например, изучение межэтнических контактов с помощью проведения глубинных интервью.

В условиях города наблюдается языковая монополия в пользу доминирующего языка. Это не способствует сохранности традиционной культуры. Вполне понятно, что для городского пространства характерен языковой сдвиг. Одним из влияющих на него факторов являются миграции и урбанизация. В российских арктических промышленных городах один победитель — русский язык. Тем не менее предварительные наблюдения показывают, что современное городское сообщество сохраняет определенную гомогенность и внутренние связи, дающие возможность сохранности и передачи определенных внутрисемейных и общинных традиций.

Перспективно провести подобное исследование на материале города Кызыла (Республика Тыва), поскольку среди российских городов гомогенность этнокультурной традиции особенно характерна для Кызыла и в целом для Тувы. Однако при кажущейся пока благополучности тувинского языка и высоком уровне языковой компетенции на родном языке отмечается начальная стадия языкового сдвига у тувинцев, особенно среди городского населения. Как показало наше исследование тувинцев Кызыла в 2021 г., очевиден сдвиг в языковой лояльности, выраженной изменениями языкового поведения и увеличением доли тувинцев, не владеющих свободно родным языком, при сохранении «правильных» языковых убеждений по отношению к родному языку (см.: Биткеева, Цыбенова, 2022). Кроме того, работы с применением новых методов исследования города — социального картографирования городского пространства, ГИС-технологий высветили бы новые аспекты исследования городского пространства Кызыла и разнообразили бы научный арсенал тувинистов.

В современных кризисных условиях усиливающееся неравенство в сфере экономики, доступа к социальным ресурсам городов провоцируют конкурентный режим взаимодействия проживающих в них этнических групп. В этой связи актуальной научной проблемой становится моделирование языковых процессов и прогнозирование их развития. Междисциплинарные исследования в русле

урбанистики позволяют не только осмыслить и адекватно описать многие этносоциальные процессы и явления, но и изучить специфику разнообразной гетерогенной среды в городах РФ.

Предложенная модель языковой комфортности в городском пространстве является эмпирически обусловленной и универсальной моделью, выработанной на основе комплексной оценки внешних и внутренних факторов, и может быть применена при разноуровневых исследованиях: при исследовании одного города (как в данной статье), так и сопоставительных исследованиях нескольких городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Барбаш, Н. Б., Крючков, Ю. А. (1994) Социальное картографирование как способ пространственной организации данных о социально-территориальной дифференциации состава и качества жизни населения // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы / отв. ред. Т. М. Дридзе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука. 304 с. С. 115–129.

Биткеева, А. Н. (2022) Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы, № 4. С. 38–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Биткеева, А. Н., Кириленко, С. В. (2023) Методы измерения языкового конфликтного потенциала // Вестник Волгоградского государственного университета. № 4. (В печати).

Биткеева, А. Н., Цыбенкова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Былахырова, Л. В., Собакина, И. В. (2022) Взаимовлияния якутского и русского языков на территории города Вилюйска Республики Саха (Якутия) // Алтаистика. № 2 (5). С. 37–48.

Веселкова, Н. В. (2010) Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология 4М). № 31. С. 5–29.

Виноградова, О. Е. (2013) Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 161. С. 66–73.

Винокурова, Д. М., Томаска, А. Г. (2021) Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи // Власть и управление на Востоке России. № 1 (94). С. 177–187. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187>

Винокурова, У. А. (2017) Якутские ценности в начале XXI века // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–99. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.5>

Головнев, А. В. (2022) Северность России. СПб. : МАЭ РАН. 450 с.

Жирмунский, В. М. (1936) Национальный язык и социальные диалекты. Л. : Гослитиздат. 297, [2] с.

Зайцева, Н. Г. (2010) Прибалтийско-финские языки в зеркале лингвистической географии // Труды Карельского научного центра РАН. № 4. С. 34–47.

Иванова, Н. И. (2018) Языковые установки саха в сфере образования в контексте современных экстралингвистических реалий (по материалам опросов в г. Якутске) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 153–167. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.13>

Исмагилова, Н. В., Майорова, О. А. (2019) Язык города как социолингвистическая проблема: перспективы изучения // Вестник Башкирского университета. Т. 24, № 4. С. 900–909. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2019.4.23>

Караулов, Ю. Н. (2000) Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 191–206.

Каринский, Н. М. (1909) Язык Пскова и его области в XV веке. СПб. : Тип. М. А. Александрова. VIII, 207, [2] с.

Климова, С. Г. (1995) Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: методология, методы, математические модели (Социология 4М). № 5–6. С. 49–64.

Коряков, Ю. Б. (2020) Картографирование уральских языков // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 16. № 3. С. 169–183. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716308>

Куськова, Д. В. (2021) Качественные методы в психолого-педагогических исследованиях [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. № 16 (43). С. 128–131. URL: <https://apni.ru/article/2254-kachestvennie-metodi-v-psikhologo-pedagogich> (дата обращения: 20.05.2023).

Ларин, Б. А. (1928) О лингвистическом изучении города // Русская речь : сб. ст. / под ред. Л. В. Щербы. Вып. 3. Л. : Academia. С. 61–74.

Линч, К. (1982) Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева ; сост. А. В. Иконников ; под ред. А. В. Иконникова. М. : Стройиздат. 328 с.

Милграм, С. (2000) Эксперимент в социальной психологии / пер. с англ. Н. Ю. Вахтиной и др. СПб. : Питер. 336 с.

Митин, И. И. (2017) Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. Т. 2. № 3 (8). С. 64–79.

Ноэль, Э. (1993) Массовые опросы: введение в методiku демоскопии / пер. с нем. ; общ. ред., вступ. и заключ. ст. Н. С. Мансурова. 2-е изд. М. : АВА-ЭСТРА. 274 с.

Ольшанский, В. Б. (1997) Становление метода неоконченных предложений в Советском Союзе 70-х гг. // Социология: методология, методы, математические модели (Социология: 4М). № 9. С. 82–97.

Пахомов, А. П. (2012) Методика «Незаконченные предложения» Сакса-Леви как учебное пособие // Экспериментальная психология. Т. 5, № 4. С. 99–116.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2007) Когнитивная лингвистика. М. : АСТ ; Восток — Запад. 314, [6] с.

Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение (2016) / под. ред. В. А. Тишкова. М. ; СПб. : Нестор-История. 272 с.

Селищев, А. М. (1928) Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). Изд. 2-е. М. : Работник просвещения. 248 с.

Трубина, Е. Г. (2008) Урбанистическая теория : учеб. пособ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 323, [1] с.

Шахматов, А. А. (1916) Введение в курс истории русского языка. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг. : Изд. Студенческого издательского комитета при историко-филологическом факультете Петроградского университета. [2], 146, II, [1] с.

Шор, Р. О. (1926) Язык и общество. 2-е изд. М. : Работник просвещения. 152 с.

Юнаковская, А. А. (2011) «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Омского университета. № 3 (61). С. 193–197.

Block, J. H. (1973) Conceptions of sex role: Some cross-cultural and longitudinal perspectives // American Psychologist. Vol. 28. No. 6. P. 512–526. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0035094>

Booth, Ch. (1897) Life and labour of the people in London. London : Macmillan & Co., Ltd ; New York : The Macmillan Co. Vol. 9. viii, 455 p.

Booth, Ch. (1903) Life and labour of the people in London. London : Macmillan & Co., Ltd ; New York : The Macmillan Co. Vol. 17 (final). xv, 451 p.

Burgess, E. W. (1925) The growth of the city: An introduction to a research project // The city / ed. by R. E. Park, E. W. Burgess, R. D. McKenzie. Chicago, IL : University of Chicago Press. x, 239 p. P. 47–62.

Forer, B. R. (1960) Word association and sentence completion methods // Projective techniques with children / ed. by A. I. Rabin, M. R. Haworth. N. Y. ; London : Grune & Stratton. xiii, 392 p. P. 210–224.

Jacobson, D. (2006) Mental maps // Encyclopedia of Human Geography / ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA ; London ; New Delhi : SAGE Publications. xxviii, 616 p. Pp. 299–301.

Lynch, K. (1960) The image of the city. Cambridge, MA ; London : The Technology Press ; Harvard University Press. vii, 194 p.

Milgram, S. (1977) The individual in a social world: Essays and experiments. Reading, MA : Addison-Wesley Publishing Company. x, 373 p.

Rohde, A. R. (1957) The sentence completion method: Its diagnostic and clinical application to mental disorders. N. Y. : Roland Press. xii, 301 p.

Rotter, J. B. (1951) Word association and sentence completion methods // An introduction to projective techniques & other devices for understanding the dynamics of human behavior / ed. by H. H. Anderson, G. L. Anderson. N. Y. : Prentice-Hall, Inc. xxiv, 720 p. P. 279–311.

Sacks, J. M., Levy, S. (1950) The sentence completion test // *Projective psychology: Clinical approaches to the total personality* / ed. by L. E. Abt, L. Bellak. N. Y. : Alfred A. Knopf, Inc. 485 p. P. 357–402.

Sanders, R. A., Porter, P. W. (1974) Shape in revealed mental maps // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 64. No. 2. P. 258–267.

Suzman, R. M. (1973) Psychological modernity // *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 14. Issue 3–4. P. 273–287. DOI: <https://doi.org/10.1177/002071527301400307>

Tendler, A. D. (1930) A preliminary report on a test for emotional insight // *Journal of Applied Psychology*. Vol. 14. No. 2. P. 122–136. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0076066>

Tolman, E. C. (1948) Cognitive maps in rats and men // *The Psychological Review*. Vol. 55. No. 4. P. 189–208. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0061626>

Várnai, Z., Szeverényi, S. (2022) Identity and language in an Arctic city: The case of the indigenous peoples in Dudinka // *Ежегодник финно-угорских исследований*. Т. 16, № 4. С. 701–720. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-701-720>

Дата поступления: 25.05.2023 г.

Дата принятия: 30.06.2023 г.

REFERENCES

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaiia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Barbash, N. B. and Kriuchkov, Yu. A. (1994) Sotsial'noe kartografirovaniie kak sposob prostranstvennoi organizatsii dannyykh o sotsial'no-territorial'noi differentsiatsii sostava i kachestva zhizni naseleniia [Social cartography as a mode of spatial arrangement of data on socially-territorial differentiation of the structure and the quality of life of population]. In: *Prognoznoe sotsial'noe proektirovaniie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy [Forecasting social projection: Theoretical and methodological problems]* / ed. by T. M. Dridze. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, Nauka. 304 p. Pp. 115–129. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. (2022) Model' sotsiolingvistikheskogo prognozirovaniia i aktual'nye tendentsii iazykovoi politiki v regionakh Rossii [Model of sociolinguistic forecasting and the current trends of language policy in the regions of Russia]. *The New Research of Tuva*, no. 4, pp. 38–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.3>

Bitkeeva, A. N. and Kirilenko, S. V. (2023) Metody izmereniia iazykovogo konfliktogennogo potentsiala [Methods for estimating the language conflict potential]. *Vestnik Volgogradskogo gosuniversiteta*, no. 4. (Forthcoming). (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Khronika iazykovogo sdviga v tuvinskom iazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Bylakhayrova, L. V. and Sobakina, I. V. (2022) Vzaimovliyaniia iakutskogo i russkogo iazykov na territorii goroda Viliuiska Respubliki Sakha (Iakutiia) [Mutual influences of the Yakut and Russian languages on the territory of the city of Vilyuysk of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Altaistika*, no. 2 (5), pp. 37–48. (In Russ.).

Veselkova, N. V. (2010) Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktika ispol'zovaniia [Mental maps of the city: Issues of methodology and practice of using]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*, no. 31, pp. 5–29. (In Russ.).

Vinogradova, O. E. (2013) Napravlennyi assotsiativnyi eksperiment v opisani semantiki slova [Directed associative experiment for describing word semantics]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 161, pp. 66–73. (In Russ.).

Vinokurova, D. M. and Tomaska, A. G. (2021) Vnutrenniaia i vneshniaia migratsiia v Respublike Sakha (Iakutiia): otnoshenie studencheskoi molodezhi [Internal and external migration in the Republic of Sakha (Yakutia): The attitude of student youth]. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (94), pp. 177–187. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187>

Vinokurova, U. A. (2017) Iakutskie tsennosti v nachale XXI veka [Yakut values at the beginning of the 21st century]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.5>

Golovnev, A. V. (2022) *Severnost' Rossii [Northness of Russia]*. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 450 p. (In Russ.).

Zhirmunsky, V. M. (1936) *Natsional'nyi iazyk i sotsial'nye dialekty* [National language and social dialects]. Leningrad, Goslitizdat. 297, [2] p. (In Russ.).

Zaitseva, N. G. (2010) Pribaltiisko-finskie iazyki v zerkale lingvisticheskoi geografii [Balto-Fennic languages as mirrored by linguistic geography]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4, pp. 34–47. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2018) Iazykovye ustanovki sakha v sfere obrazovaniia v kontekste sovremennykh ekstralingvisticheskikh realii (po materialam oprosov v g. Iakutske) [Lingual disposition of Sakha in education in context of modern extralinguistic realities (based on polls in Yakutsk)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 153–167. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.13>

Ismagilova, N. V. and Mayorova, O. A. (2019) Iazyk goroda kak sotsiolingvisticheskaiia problema: perspektivy izucheniia [City language as a sociolinguistic problem: Study prospects]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 24, no. 4, pp. 900–909. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2019.4.23>

Karaulov, Yu. N. (2000) Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti [Indicators of national mentality in the associative-verbal network]. In: *Iazykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and the image of the world] : A collection of articles / ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, Institute of Linguistics of the RAS. Pp. 191–206. (In Russ.).

Karinskii, N. M. (1909) *Iazyk Pskova i ego oblasti v XV veke* [The language of Pskov and its region in the 15th century]. St. Petersburg : Printing House of M. A. Aleksandrov. viii, 207, [2] p. (In Russ.).

Klimova, S. G. (1995) Opyt ispol'zovaniia metodiki neokonchennykh predlozhenii v sotsiologicheskoi issledovanii [An experience of using the technique of unfinished sentences in a sociological study]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models (Sociology: 4M)*, no. 5–6, pp. 49–64. (In Russ.).

Koryakov, Yu. B. (2020) Kartografirovaniie ural'skikh iazykov [Mapping of Uralic languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. vol. 16, no. 3, pp. 169–183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573716308>

Kuskova, D. V. (2021) *Kachestvennye metody v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniiax* [Qualitative methods in psychological and pedagogical research]. *Aktual'nye issledovaniia*, no. 16 (43), pp. 128–131. [online] Available at: <https://apni.ru/article/2254-kachestvennye-metodi-v-psikhologo-pedagogich> (accessed 20.05.2023).

Larin, B. A. (1928) O lingvisticheskom izuchenii goroda [On the linguistic study of the city]. In: *Russkaia rech'* [Russian speech] : A collection of articles / ed. by L. V. Shcherba. Issue 3. Leningrad, Academia. Pp. 61–74. (In Russ.).

Lynch, K. (1982) *Obraz goroda* [The image of the city] / transl. from English by V. L. Glazychev ; comp. and ed. by A. V. Ikonnikov. Moscow, Stroizdat. 328 p. (In Russ.).

Milgram, S. (2000) *Eksperiment v sotsial'noi psikhologii* [The individual in a social world] / transl. from English by N. Yu. Vakhtina et al. St. Petersburg, Piter. 336 p. (In Russ.).

Mitin, I. I. (2017) Mental'nye karty goroda: istoriia poniatii i raznoobrazie podkhodov [Urban mental maps: History of the term and the diversity of approaches]. *Urban Studies and Practices*, vol. 2, no. 3 (8), pp. 64–79. (In Russ.).

Noelle, E. (1993) *Massovye oprosy: vvedenie v metodiku demoskopii* [Umfragen in der Massengesellschaft: Einführung in Die Methoden der Demoskopie] / transl. from German ; ed., opening and closing chapters by S. N. Masurov. Moscow, AVA-ESTRA. 274 p. (In Russ.).

Olshansky, V. B. (1997) Stanovlenie metoda neokonchennykh predlozhenii v Sovetskom Soiuzе 70-kh gg. [The development of the method of unfinished sentences in the Soviet Union in the 70s]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models (Sociology: 4M)*, no. 9, pp. 82–97. (In Russ.).

Pakhomov, A. P. (2012) Metodika «Nezakonchennye predlozhenii» Sacks-Levy kak uchebnoe posobie [The sentence completion test (Sacks & Levy) as a training manual]. *Experimental Psychology*, vol. 5, no. 4, pp. 99–116. (In Russ.).

Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2007) *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST; Vostok — Zapad. 314, [6] p. (In Russ.).

Rossiiskaia Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie [Russian Arctic: Indigenous peoples and industrial development] (2016) / ed. by V. A. Tishkov. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 272 p. (In Russ.).

Selishchev, A. M. (1928) *Iazyk revoliutsionnoi epokhi: iz nabliudenii nad russkim iazykom poslednikh let (1917–1926)* [The language of the revolutionary epoch: From observations on the Russian language of recent years (1917–1926)]. 2nd edn. Moscow, Rabotnik prosveshcheniia. 248 p. (In Russ.).

Trubina, E. G. (2008) *Urbanisticheskaiia teoriia* [Urban theory] : A study guide. Ekaterinburg, Ural State University Publ. 323, [1] p. (In Russ.).

Shakhmatov, A. A. (1916) *Vvedenie v kurs istorii russkogo iazyka [Introduction to the course of the history of the Russian language]*. Part 1: Istoricheskii protsess obrazovaniia russkikh plemen i narechii [The historical process of formation of Russian tribes and dialects]. Petrograd, Publication of the Student Publishing Committee at the Faculty of History and Philology of Petrograd University. [2], 146, II, [1] p. (In Russ.).

Shor, R. O. (1926) *Iazyk i obshchestvo [Language and society]*. 2nd ed. Moscow, Rabotnik prosveshcheniia. 152 p. (In Russ.).

Yunakovskaya, A. A. (2011) «Iazyk goroda» kak lingvisticheskaia problema [“City language” as linguistic problem]. *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 3 (61), pp. 193–197. (In Russ.).

Block, J. H. (1973) Conceptions of sex role: Some cross-cultural and longitudinal perspectives. *American Psychologist*, vol. 28, no. 6, pp. 512–526. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0035094>

Booth, Ch. (1897) *Life and labour of the people in London*. London, Macmillan & Co., Ltd; New York, The Macmillan Co. Vol. 9. viii, 455 p.

Booth, Ch. (1903) *Life and labour of the people in London*. London : Macmillan & Co., Ltd; New York, The Macmillan Co. Vol. 17 (final). xv, 451 p.

Burgess, E. W. (1925) The growth of the city: An introduction to a research project. In: *The city* / ed. by R. E. Park, E. W. Burgess and R. D. McKenzie. Chicago, IL, University of Chicago Press. x, 239 p. Pp. 47–62.

Forer, B. R. (1960) Word association and sentence completion methods. In: *Projective techniques with children* / ed. by A. I. Rabin and M. R. Haworth. New York; London, Grune & Stratton. xiii, 392 p. Pp. 210–224.

Jacobson, D. (2006) Mental maps. In: *Encyclopedia of human geography* / ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA; London; New Delhi, SAGE Publications. xxviii, 616 p. Pp. 299–301.

Lynch, K. (1960) *The image of the city*. Cambridge, MA ; London, The Technology Press ; Harvard University Press. vii, 194 p.

Milgram, S. (1977) *The individual in a social world: Essays and experiments*. Reading, MA, Addison-Wesley Publishing Company. x, 373 p.

Rohde, A. R. (1957) *The sentence completion method: Its diagnostic and clinical application to mental disorders*. New York, Roland Press. xii, 301 p.

Rotter, J. B. (1951) Word association and sentence completion methods. In: *An introduction to projective techniques & other devices for understanding the dynamics of human behavior* / ed. by H. H. Anderson and G. L. Anderson. New York, Prentice-Hall, Inc. xxiv, 720 p. Pp. 279–311.

Sacks, J. M. and Levy, S. (1950) The sentence completion test. In: *Projective psychology: Clinical approaches to the total personality* / ed. by L. E. Abt and L. Bellak. New York : Alfred A. Knopf, Inc. 485 p. Pp. 357–402.

Sanders, R. A. and Porter, P. W. (1974) Shape in revealed mental maps. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 64, no. 2, pp. 258–267.

Suzman, R. M. (1973) Psychological modernity. *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 14, issue 3–4, pp. 273–287. DOI: <https://doi.org/10.1177/002071527301400307>

Tendler, A. D. (1930) A preliminary report on a test for emotional insight. *Journal of Applied Psychology*, vol. 14, no. 2, pp. 122–136. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0076066>

Tolman, E. C. (1948) Cognitive maps in rats and men. *The Psychological Review*, vol. 55, no. 4, pp. 189–208. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0061626>

Várnai, Z., Szeverényi, S. (2022) Identity and language in an Arctic city: The case of the indigenous peoples in Dudinka. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 701–720. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-701-720>

Submission date: 25.05.2023.

Acceptance date: 30.06.2023.

Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений

Любовь Б. Четырова, Наталия М. Сергеева

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Российская Федерация

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о визуальной репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений. Методологическую основу исследования составляет деколонизальная теория, применяются также методы визуального анализа. Предполагается, что по форме и содержанию визуальные репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев содержат в себе скрытые и явные знаки, указывающие на специфику их взаимоотношений с русской властью. Источниковую базу исследования составляют визуальные документы имперского периода, хранящиеся в Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике, Национальном архиве Республики Тыва и в частной коллекции С. Ю. Степанова (г. Астрахань, Россия).

Рассматривается история репрезентации инородцев в Российской империи, как на Всероссийской этнографической выставке 1867 года осуществлялась визуализация подданных многонародной империи. Исследуется, когда впервые произошла подобная визуализация — а именно благодаря знаменитому Ледяному дому. С использованием исторического материала, посвященного калмыцкому хану Дондуку-Омбо, обосновано, что Ледяной дом был не просто свадьбой двух царских шутов, а проектом, благодаря которому была проведена такая репрезентация, в которой инородцам определялось их место в колониальной иерархии.

Анализируются фотографии, на которых присутствуют маркеры, фиксирующие место ойрат-калмыков во взаимоотношениях с властью с учетом описанного исторического контекста. Анализ визуальных документов, репрезентирующих ойрат-калмыков, обнаруживает стратегию символического подчинения, применяемую имперской властью, и тактики символического сопротивления и непокорности со стороны ойрат-калмыков. Имперская репрезентация ойрат-калмыков во многом представлена их изображениями на открытках, которые выглядят театрализованно, подчеркивают инаковость калмыков, делают их объектом рассматривания и сравнения с большинством (русскими), знаки которого в виде предметов быта почти во всех случаях также присутствуют в композиции.

Рассматриваются визуальные репрезентации тувинцев в период их вхождения под протекторат России. Эти репрезентации выглядят как фоторепортажи с места события, сделанные в натуральных условиях жизни, без применения ретуши и композиционного обозначения превосходящего или, наоборот, подчиненного положения данного народа. Здесь как форма, так и содержание репрезентаций указывают на исключительные, по сравнению с подчеркнута объективированными ойрат-калмыками, взаимоотношения русских с тувинскими кочевниками. Представители властной элиты Тувы изображаются как действительно независимые, самостоятельные, связанные с имперскими властями отношениями партнерства. Так тувинский визуальный кейс не только иллюстрирует специфику реальной истории интеграции тувинцев с русскими, но и на контрасте подсвечивает политику «инаковости» в отношении калмыцких кочевников.

Ключевые слова: визуальные образы; модернизм; фотография; почтовые открытки; ойрат-калмыки; тувинцы; Ледяной дом; Дондук-Омбо; Артемий Петрович Волинский; империя; власть

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>.

Для цитирования:

Четырова Л. Б., Сергеева Н. М. Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 171-192. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.11>

Четырова Любовь Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-54. Эл. адрес: chetyrova@gmail.com

Сергеева Наталия Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-88. Эл. адрес: bo-na-mi@yandex.ru

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

**Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans
in the context of power relations****Lyubov B. Chetyrova, Nataliya M. Sergeeva**

Samara University, Russian Federation

The article examines the issue of visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of power relations. The methodological basis of the study is the decolonial theory; the authors also use visual analysis methods. It is assumed that in their form and content, visual representations of the Oirat-Kalmyks and Tuvans contain hidden and explicit signs indicating the specific character of their relations with the Russian authorities.

The source base of the research comprises visual documents of the imperial period stored in the Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve, the National Archives of the Republic of Tuva and in the private collection of S. Yu. Stepanov (Astrakhan, Russia).

The first section of the article presents a study of the history of the representation of foreigners in the Russian Empire; it is considered how the visualization of subjects of the multi-ethnic empire was carried out at the All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867. The authors conduct a research on when such a visualization first occurred – namely, thanks to the famous Ice House. By using historical materials dedicated to the Kalmyk Khan Donduk-Ombo, it is proved that the Ice House was not just a wedding of two court jesters, but a project ensuring that such a representation was carried out. In such a way, they determined places of outlanders in the colonial hierarchy.

The second section gives an analysis of photographs containing markers that fix the place of the Oirat-Kalmyks in their relations with the authorities, taking into account the described historical context. The analysis of visual documents representing the Oirat-Kalmyks reveals the strategy of symbolic submission used by the imperial power and the tactics of symbolic resistance and disobedience on the part of the Oirat-Kalmyks. The imperial representation of the Oirat-Kalmyks is largely provided by their images on postcards, which look theatrical, emphasize the otherness of the Kalmyks, make them an object of consideration and comparison with the majority (the Russians) whose tokens in the form of household items are also present in the composition in almost all cases.

The third section considers the visual representations of the Tuvans during their entry into the protectorate of Russia. These representations look like photographic reports from the scene of an event that were made in natural living conditions, without the use of retouching and compositional designation of the superior or, on the contrary, subordinate position of this people. Here both the form and content of representations indicate exceptional, in comparison with the emphatically objectified Oirat-Kalmyks, relationship between the Russians and Tuvan nomads. Representatives of the ruling elite of Tuva are portrayed as truly independent, self-determined, connected with the imperial authorities as partners. Thus, the Tuvan visual case not only illustrates the specific features of the real history of integration between the Tuvans and the Russians, but also highlights the policy of “otherness” in relation to Kalmyk nomads by contrast.

Keywords: visual images; modernity; photography; postcards; Oirat-Kalmyks; Tuvans; Ice House; Donduk-Ombo; Artemy Petrovich Volynsky; empire; power

Financing

The research was supported with a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-01767, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01767/>.

For citation:

Chetyrova L. B. and Sergeeva N. M. Vizual'naiia reprezentatsiia oirat-kalmykov i tuvintsev v kontekste vlastnykh otnoshenii [Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of power relations]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 171-192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.11>

CHETYROVA, Lyubov Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-54. E-mail: chetyrova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5064-8735

SERGEEVA, Nataliya Mikhailovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Sociological and Marketing Research Methodology, Samara University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-88. E-mail: bo-na-mi@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3569-5397

Введение

Данная статья является продолжением наших предыдущих публикаций (Четырова, Сергеева, 2022; Сергеева, Четырова, 2022) и посвящена репрезентации инородцев в имперском дискурсе, в том числе рассмотрению визуальных образов ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений. По визуальной репрезентации указанных народов можно судить о том, как строились отношения русской власти с ними, как властные отношения влияли на форматирование их облика. Как способы визуальной репрезентации, так и сами визуальные образы ойрат-калмыков и тувинцев во многом предопределяются длительностью пребывания в российской империи, как это было в случае с ойрат-калмыками, или экспансии Российской империи, как произошло в случае с тувинцами. Как и в предыдущих статьях, в своем анализе мы опираемся на деколониальную теорию (Quijano, 2007; Tlostanova, Mignolo, 2012; Mignolo, Walsh, 2018), а также применяем методы визуального анализа.

С точки зрения деколониальной теории, избранной нами в качестве методологической основы, колониальность и модернность выступают как две опоры европейской цивилизации (Mignolo, Walsh, 2018). Поскольку колониальность неразрывно связана с империей, то отношения колонизируемых и колонизаторов должны быть рассмотрены в контексте взаимосвязи всех трех феноменов — колониальности, модерности и империи. При сравнении имперского опыта ойрат-калмыков и предков современных тувинцев следует учитывать, что если долгосрочные отношения ойрат-калмыков с русской властью начали складываться еще в доимперский период российской истории, то подобные отношения тувинцев с русской властью стали формироваться достаточно поздно, в начале XX в., когда Российская империя уже сложилась. В период становления империи российские власти использовали военные ресурсы ойрат-калмыков для борьбы с другими кочевниками и для охраны своих юго-восточных и южных границ, взамен позволяя ойрат-калмыкам иметь относительно автономную государственность (Четырова, 2016; Khodarkovsky, 1992). Вовлекшись в имперскую игру, проводимую российскими властями, ойрат-калмыки попались в сети колониальности и потерпели неудачу в своем первоначальном замысле восстановления государственности монголов на прежних вассальных территориях. У предков современных тувинцев все обстояло иначе: не имея собственной государственности, они входили в состав Цинской империи, и начали вовлекаться в российские процессы лишь со второй половины XIX века.

В этом контексте мы поднимем вопрос о визуальной репрезентации властных отношений рассматриваемых народов.

Таким образом, цель настоящей статьи — описать явные и установить латентные знаки подчиненности ойрат-калмыков и тувинцев в контексте властных отношений, основываясь на их фотографических и иных визуальных репрезентациях в имперский период, принимая во внимание разницу в этнополитической истории двух народов.

Источниковую базу составляют фотографии (и фотооткрытки), сделанные в имперский период, имеющие открытый публичный характер и изображающие ойрат-калмыков и тувинцев в ситуации демонстрации индивидуального или соотносительного социального статуса с русскими, условно воспринимаемыми в данном случае в качестве властной элиты.

Репрезентация инородцев в российской империи в XVIII–XIX вв.

Россия, сложившись как полиэтничная империя, столкнулась с вопросом идентичности своих подданных уже в XVIII в., а в XIX столетии произошла тематизация этого вопроса в дискурсе общеимперской гражданской идентичности. Впервые данный вопрос был артикулирован графом С. С. Уваровым (1786–1855), который и предложил его решение, суть которого выражалась в знаменитой триаде «православие — самодержавие — народность». По мнению историков, существуют две версии трактовки этой триады (Зорин, 1997: 86–87). Согласно первой трактовке, самодержавие понималось как политический институт, не имевший сакральной окраски. Уваров интерпретировал его не в терминах божественного откровения, а как условие гармонизации отношений в государстве (Вортман, 1999: 235). Вторая трактовка триады появилась в годы правления Александра II, когда в имперском дискурсе возникли тенденции русификации и одновременно этнизации концепта народности, понимаемой как нация. Переинтерпретация триады произошла в дискурсе панславизма, усилившегося в духовном пространстве России после поражения в Крымской войне, а также в дискурсе

формирования единства полиэтнической империи (Зорин, 1997: 86–87). Наглядным примером этого может послужить ход подготовки и проведения Всероссийской этнографической выставки 1867 г. Выставка стала важным опытом визуальной репрезентации этнического многообразия Российской империи. Изначально она мыслилась как мероприятие, цель которого — показ разнообразия этнических типов в России. Однако захваченные идеями панславизма ее организаторы включили в состав выставки те славянские народы, которые не входили в состав Российской империи, расширяя тем самым ее задачи.

Тем не менее важнейшая задача выставки заключалась в том, чтобы с помощью экспонатов выставки визуализировать подданных многонародной империи. Всего экспонировалось более 3000 предметов: 295 фигур-манекенов в этнических костюмах, предметы быта, музыкальные инструменты, модели построек и орудий труда, а также около 1500 фотографий. «Были придуманы, — как пишет К. Ю. Соловьева, — сцены, демонстрировавшие наиболее яркие стороны их повседневной жизни (занятия, жилище, ремесла) или события: ярмарка, свадебный обряд, ритуальная практика и т. д.» (Соловьева, 2022: 8). Выставка, визуализируя подданных империи, тем самым демонстрировала их гражданство, позволяла представить его «не как абстрактную юридическую категорию, а как нечто конкретно-ощутимое» (Савицкий, 2020: Электр. ресурс).

Понимая важность визуализации этнических групп, организаторы выставки со всей серьезностью занялись в подготовительный период созданием инструкций для художников и фотографов. Инструкция для художников предписывала создание экспозиции, состоящей из демонстрирующих «частные племена» фигур-манекенов, которые должны были представить три фигуры — мужчина, женщина (девица) и ребенок. Подробно описывается, из чего должны быть сделаны головы фигур-манекенов, глаза, как они должны быть драпированы и какое выражение лица следует им придать¹. Как для художников, так и для фотографов это была первая инструкция, формирующая рамку, в которой следует рассматривать объект фотографирования. Фотографам было предложено предоставить по 50 поясных портретов того или иного племени, выполненных в анфас и профиль. При выборе лиц для фотографирования им следовало руководствоваться принципом типичности, под которым понималась частота лиц с определенными чертами в данной местности. Рекомендовано было фотографировать лиц крестьянского, купеческого сословия и сельского духовенства². В случае с инородцами фотографировали и местную знать.

На выставке были представлены экспонаты, относящиеся к астраханским калмыкам. Астрахань, будучи полиэтническим имперским городом, активно готовилась к участию во Всероссийской этнографической выставке в Москве. С. И. Нагайкина, анализируя деятельность астраханских фотографов, приводит цитату из газеты «Астраханский справочный листок» (10 февраля 1867 г.): «Наша губерния по своему разнохарактерному народонаселению больше других должна принять участие в выставке, которая особенно в России должна иметь важное значение, так как характеризует наше Отечество» (цит. по: Нагайкина, 2011: 14). Главный попечитель калмыцкого народа³ К. И. Костенков собрал коллекцию калмыцкой национальной одежды, а фотограф С. М. Вишневецкий подготовил «Фотографический альбом видов и типов Астраханской губернии», изданный в Астрахани в 1866 г. в преддверии выставки. Всего на выставке было представлено восемь фотографий калмыков.

Собрание типажей являлось своего рода инвентаризацией Российской империей подвластных ей народов. То, о чем пишет С. М. Горшенина, описывая историю фотофиксации Туркестана и его народа, применимо и к калмыкам: «Выгоды использования фотографии в колониальной ситуации также были признаны очевидными, в частности, благодаря международным выставкам... <...> В этом плане им была прекрасно понята роль фотографии в качестве идеального медиума, способствующего коллекционированию, классификации и контролированию фактов, полезных для колониальной администрации» (Горшенина, 2021: 52–53).

¹ Согласно инструкции, «желательно правдивое, соответствующее действительным условиям характера племени выражение, в котором художник не украшал бы естественные черты данного лица и не уклонялся бы от типичности» (Этнографическая выставка ..., 1878: 4).

² См.: Там же. С. 5.

³ Глава администрации, руководившей калмыками Астраханской губернии и Кавказкой области. Должность была учреждена в 1835 г. согласно Положению об управлении калмыцким народом.

Если взглянуть ретроспективно, то первый известный в истории русской живописи портрет женщины, а точнее девочки, неславянской внешности — это «Портрет калмычки Аннушки» крепостного художника Ивана Аргунова (рис. 1). При этом оба — и живописец, и его очаровательная модель — имели низкий социальный статус, являясь крепостными графов Шереметевых.

Рис. 1. Портрет калмычки Аннушки. И. П. Аргунов. 1767 г. Государственный музей-заповедник «Кусково».
Fig. 1. Portrait of the Kalmyk girl Annushka by I. P. Argunov, 1767. The State Museum-Reserve "Kuskovo".

Для царского двора, а затем и для русской знати того времени, распространенной была практика обзаведения экзотичными «дикарями» как своими, так и доставленными извне. Можно привести ставшие уже хрестоматийными примерами случаи арапа Петра Великого или Евдокии Бужениновой — любимой шутихи Анны Иоанновны. «Приручение» маленьких «дикарей» осуществлялось их переодеванием в «цивилизованную» одежду, обучением грамоте, обращением в христианство. Ту же Аннушку с портрета 1767 г. хозяева любили как родную дочь, а впоследствии выдали замуж за дворянина Фатьянова. Или, к примеру, художник Федор Калмык, которого ребенком яицкие казаки захватили в плен при набеге на стан калмыков, бежавших из России в Джунгарию в 1771 г. Мальчик был затем подарен императрице Екатерине II, которая, в свою очередь, подарила его принцессе Амалии Гессен-Дармштадской¹.

¹ Появившаяся еще со времен крестовых походов традиция иметь при европейских дворах арапов, перенесенная в российскую культуру во времена царя-реформатора Петра Первого, видоизменилась за счет привлечения «своих» людей нестандартной неевропейской внешности, в частности калмыков. Одним из таковых и стал Федор Калмык, судьбу которого описал со слов лиц, знакомых лично с художником, П. П. Свиньин в статье «Русский калмык, Баденский придворный живописец» (Отечественные записки. 1823. Ч. XVI. № 42. С. 165–168). В романе немецкой писательницы П. Реатеги есть его изображение на картине

Буженинова вошла в историю благодаря проекту Ледяного дома¹, в котором была выдана замуж императрицей Анной Иоанновной за шута — провинившегося, но не лишённого титула князя Голицына².

Потешная свадьба шутов в Ледяном доме была, как пишет Е. А. Погосян, продолжением начатых ещё Петром Первым маскарадов «этнографической» тематики (Погосян, 2001: 84). По сути данное мероприятие стало первой визуальной репрезентацией народов, обитавших в Российской империи. Подробное описание «курьезной» свадьбы, состоявшейся 6 февраля 1740 г., дал С. Н. Шубинский, основываясь на разных источниках (Шубинский, 1908: 187–190). Более ценно, однако, свидетельство очевидца этой потешной свадьбы в Ледяном доме — К. Г. Манштейна³, который формулирует цель этого действия — «показать сколько различных народов обитают въ ея (императрицы Анны Иоанновны. — Л. Ч., Н. С.) обширных владениях...» (Манштейн, 1875: 184). При том, что в XVIII столетии количество инородцев было не таким большим. По словам И. Ф. Гакмана, «всѣ многочисленныя племена, разсѣянныя по всему лицу обширныя Россіи не составляютъ однакожъ вообще десятой части количества, въ сравненіи природныхъ Россіанъ, одинъ языкъ славянороссійскій употребляющихъ» (Гакман, 1787: 188).

Для этого «императрица прѣдписала всѣмъ губернаторамъ выслать въ Петербургъ по нѣскольку инородцевъ обоого пола» (Манштейн, 1875: 184). Всего набралось более 300 гостей — «инородцев обоого пола»⁴. В свадебном поезде «новобрачные сидѣли въ большой клѣткѣ, прикрѣпленной къ спинѣ слона; гости парами ѣхали въ саняхъ, въ которыя были запряжены разныя животныя: олени, собаки, волы, козлы, свиньи и т. д.» (там же: 185).

«Наследная принцесса Амалия и ее паж Федор», написанной художником И. В. Хаувиллером (1774–1775 гг.). Мальчик-калмык одет в европейскую одежду, особую экзотичность его облику придает «китайская» причёска — обритая голова с косичкой на затылке. См.: Reategui P. Hofmaler: Das gestohlene Leben des Feodor Ivannoff genannt Kalmück. Bad Saulgau : Triglyph Verlag, 2017. 400 s. URL: <http://triglyph.de/buecher/hofmaler-das-gestohlene-leben-des-feodor-ivannoff/> (дата обращения: 10.03.2023).

¹ По словам директора МАЭ РАН (Кунсткамера) А. В. Головнева, концепция Ледяного дома была разработана в Академии наук, которая располагала к тому времени солидным этнографическим материалом (пленарный доклад на XV конгрессе антропологов и этнологов России, 26 июня 2023, г. Санкт-Петербург, аудиозапись). Например, благодаря академику Г. Ф. Миллеру, который провел в Сибири 10 лет (1733–1743 гг.), были собраны уникальные этнографические описания коренных жителей Сибири, проиллюстрированные художниками академического отряда Великой Северной экспедиции (зарисовки физических типов коренных жителей Сибири, их жилищ, одежды, быта, предметов культа) (см.: Элерт, 2007: 10).

Поскольку репрезентация народов была концептуально оформлена, то правомерно обозначить «курьезную свадьбу» как проект, точнее первый проект репрезентации народов империи.

² Несмотря на маскарадность, с правовой точки зрения свадьба была настоящей. После смерти Анны Иоанновна ее наследница Анна Леопольдовна ликвидировала институт придворных шутов, и князь М. А. Голицын уехал в свое родовое имение вместе с супругой Евдокией Ивановной (Шубинский, 1908: 190–191). Прожила она здесь всего два года, успев тем не менее родить двух сыновей. См.: Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : [в 4-х ч.]. СПб. : Тип. К. Вингебера, 1854. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/rossijskaja-rodoslovnaja-kniga/42> (дата обращения: 10.03.2023).

³ К. Г. фон Манштейн — прусский военный, состоявший на русской службе с 1736 по 1744 г. Его мемуары считаются важными источником по русской истории 1740-х гг.

⁴ Было бы неверно считать, что для реализации проекта набралось 150 представителей народов России. В учебнике историка и географа И. Ф. Гакмана «Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся по Высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второй», в главе III «О обитателях государства» (Гакман, 1767: 131–189) приводятся 53 народа, не считая иностранных переселенцев, вроде грузин или персов. Причем наиболее полная и подробная информация приводится по сибирским и дальневосточным народам. Например, характеристика алеутов дается на шести страницах, в то время как описание мордвы, чувашей и черемисов в совокупности составляет одну страницу. Видимо, этнографические сведения, собранные во время Великой Северной экспедиции академиком Миллером, и через тридцать лет составляли основу этнографии и географии.

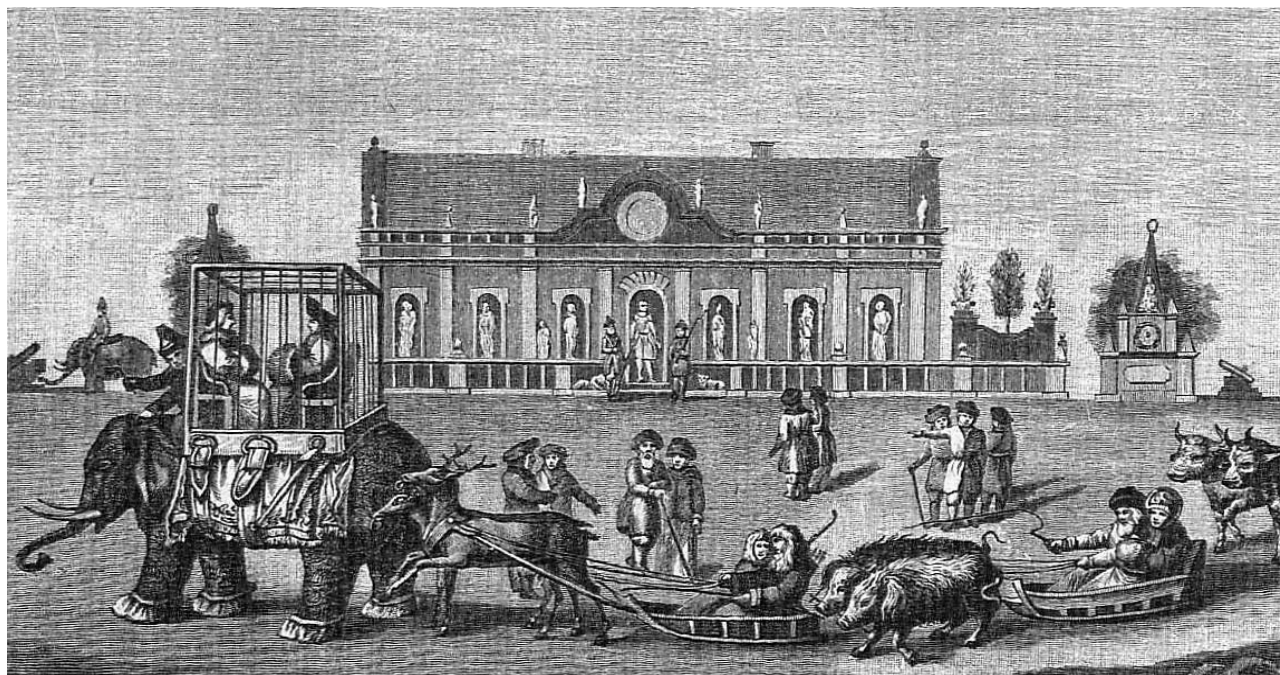

Рис. 2. Ледяной дом и шутовская свадьба в нем в царствование Анны Иоанновны. Гравюра XVIII в. (Шубинский, 1908: 173).
 Fig. 2. The Ice House and the jesters' wedding in it during the reign of Anna Ioannovna. Engraving of the 18th century (Shubinsky, 1908: 173).

В связи с этим возникает вопрос: почему репрезентация народов империи приобрела здесь такую не просто маскарадную, но уничижительную форму? Что подтверждает выбор в качестве ездовых животных козлов и свиней, которые ни в одной из представленных культур не использовались в таком качестве. К тому же в русском языке лексически свинья имеет больше негативных коннотаций, чем положительных¹, из-за чего негативные коннотации приобретает то, кто составляет пару с ней — ездок.

Надо заметить, что Шубинский в своей книге, написанной в начале XX в., когда уже состоялась вполне уважаемая Этнографическая выставка 1867 г., не пишет о желании императрицы показать сколько народов подвластны ей. «По именному Высочайшему повелѣнію, — пишет он, — къ «курьезной» свадьбѣ Голицына съ Бужениновой были доставлены въ Петербургъ изъ разныхъ концовъ Россіи по два человѣка обоего пола всѣхъ племень и народовъ, подвластныхъ русской государынѣ» (Шубинский, 1908: 189). Акцент Шубинским был сделан на самой курьезной свадьбе, куда следовало пригласить «курьезных» гостей, а иных быть на такой свадьбе не могло. Поскольку свадьба курьезная, то и гости были «курьезными». Историк Шубинский уже не говорит о репрезентации многонародности империи применительно к событию в Ледяном доме, в отличие от очевидца Манштейна.

Е. А. Погосян вслед за Шубинским пишет, что данное мероприятие не было демонстрацией многонародности империи. Обратив внимание на то, что молодых называли «ханский сын» и «ханка», исследовательница интерпретирует этот факт в перспективе победы над Портой и ее передним краем в борьбе с Россией — Крымским ханом (Погосян, 2001: 90–92). Она полагает, что помещение «ханского сына» и «ханки» в клетку символизирует переворачивание ситуации. Если раньше крымчаки продавали русских в рабство, то теперь они сами сидят в клетке. «Курьезная» свадьба должна была продемонстрировать унижение поверженного хана.

Возникает вопрос: была ли в этом необходимость? Ведь побеждена была Блистательная Порта, а значит унижать следовало турецкого султана, а не его вассала — крымского хана.

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к тем персонам, которые занимались реализацией желания императрицы устроить свадьбу двух шутов. Идею построить дом из льда на Неве

¹ Сравнение данного зоонима в русском и вьетнамском языках показало, что в обоих языках негативные культурные коннотации преобладают (Ням Тхи Ван Ань, 2018).

и обвенчать в нем молодых «курьезным образом» подал камергер А. Д. Татищев (1697–1760), а ее реализацией занялась «маскарадная комиссия», возглавляемая кабинет-министром А. П. Волынским (1689–1740) (Шубинский, 1908: 187).

Проект Ледяного дома интересен не столько фактом свадьбы шутов, сколько той символической стратегией, которую применила «маскарадная комиссия», возглавляемая Волынским, при репрезентации разноликих и разноязыких подданных Ее Величества. На наш взгляд, здесь имел место иной, более тонкий, ход, цель которого — унижить тогдашнего правителя Калмыцкого ханства Дондука-Омбо (?–1741). Будучи астраханским губернатором в период с 1719 по 1725 г., Волынский был хорошо знаком с ним и имел с ним свои личные счеты. На время его управления пали начало и разгар калмыцкой междоусобицы, начавшейся после смерти Аюки-хана в 1724 г. Назначенный правительством в качестве наместника Церен-Дондук (сын Аюки-хана) не имел авторитета у калмыков, что стало причиной многолетней распри. Главным противником нового правителя калмыков стал его племянник Дондук-Омбо¹, доставивший Волынскому много хлопот². Волынский описывает события калмыцкой распри в письме от 31 августа 1725 г. к цесаревне Елизавете следующим образом: «...также они (Дондук-Омбо и его сторонники. — Л. Ч., Н. С.) хотели брата своего родного, который в прошлом году крестился, Петр Тайшин, убить до смерти, отчего он от них ушел ко мне, и что я его назад им не отдал, — за то меня самого хотели поймать и, взяв меня с собою, бежать к Кубани со всеми улусами, и что там меня держать у себя скованова» (Волынский, 1865: 326–327). Понятно, что такие намерения Дондука-Омбо вызывали опасения и неприязнь губернатора³.

В конечном итоге Дондук-Омбо в 1731 г. уводит большую часть калмыцких улусов на Кубань, под протекторат крымского хана. Все это время русские власти пытались образумить и вернуть его с улусами в пределы России. К началу очередной русско-турецкой войны (1735–1739 гг.) Дондук-Омбо становится значительной политической фигурой во внешней политике как русских, так и турок с крымскими татарами. Крымский хан наделил Дондука-Омбо титулом «турецкий сераскер-султан, правитель над кубанским и калмыцким народом главный» (Цюрюмов, 2007: 224). В свою очередь русское правительство летом 1734 г. приняло принципиальное решение — добиться согласия мятежного владельца через пожалование ему титула хана⁴. Ему была послана грамота на ханское достоинство. В тексте грамоты недвусмысленно формулируется требование взамен титула хана участие в войне с крымским ханом. Здесь говорится о том, что «знатная персона» Ф. Соймонов должен вручить Дондуку-Омбо грамоту и «знаки Ханства»: знамя, саблю, шубу и шапку. Далее формулируется цель, которую поставило правительство: «...Соймонов именем и по указу Нашему будет тебе объявлять и говорить о походе в Крым...» (цит. по: Тепкеев, 2019: 631). По сути здесь выражены результаты торга между Дондуком-Омбо и русским правительством: участие в турецком походе взамен титула хана.

Дондук-Омбо принял грамоту, стал наместником и выступил в поход против своих недавних союзников. Его громадное по тем временам 20-тысячное войско весьма успешно действовало в русско-турецкой кампании (1735–1739 гг.). Очевидец и участник этой кампании К. Г. Манштейн, подробно описывая экспедиции знаменитого, как он его называет, Дондука-Омбо, приводит следующие цифры полученной в результате успешной операции добычи: «...до 20-ти т. лошадей, сверх рогатого скота и

¹ В народной памяти калмыков Дондук-Омбо остался как весьма авторитетный правитель, в ряду таких ханов как Аюка и Дондук-Даши. Но в отличие от них в калмыцких преданиях его образ представляет собой жестокосердного хана и человека (Бакаева, 2021: 414–415).

² Историк А. Г. Митиров на основании архивных документов и дневника губернатора Волынского отмечает, что его политика в отношении калмыков была совершенно беспомощной, основана на неверных представлениях о калмыках, к которым он относился с высокомерием и пренебрежением. В том, что смута разгорелась, в немалой степени был повинен сам губернатор (Митиров, 1998: 130–144).

³ Случаев, чтобы подобным образом калмыки поступали с русскими вельможами такого ранга, не было. Опасения Волынского, вероятно, вызваны тем, что внук Аюки-хана Нитар-Доржи побил русского переводчика Бакунина, грозясь убить и его, и губернатора Волынского. Зазвав Бакунина к себе он «бил его палками, метался на него с кинжалом и, выведя его из кибитки, хотел его из ружья застрелить... проговаривая, что то ж сделает он и с губернатором Волынским...» (Бакунин, 1995: 52–53).

⁴ Однако ханский статус, обретенный благодаря грамоте императрицы, был полулегитимным с точки зрения калмыцкой политической традиции. Необходим был ханский ярлык от Далай-ламы, поэтому после церемонии вручения грамоты новый калмыцкий хан срочно занялся организацией миссии в Лхасу (Тепкеев, 2019: 627).

овець» (Манштейн, 1875: 105), более 10 тысяч пленных. По словам самого Дондука-Омбо, «давно онъ не одерживалъ такой полной побѣды» (там же).

Выполняя приказы фельдмаршала Миниха, Дондук-Омбо тем не менее позволил себе свою собственную «странную», как ее охарактеризовал Манштейн, экспедицию. Так, после успешного захвата русской армией города Карасубазара в Крыму калмыки исчезли на два дня, вызвав тем глубокую озабоченность фельдмаршала и других военачальников. Появились они с тысячей пленных, в числе которых были мурзы — татарская элита (там же: 127). Такое своеволие, естественно, не понравилось ни военачальникам, ни правительству.

Дондук-Омбо проявлял свой строптивый нрав и ранее, на этапе «прощения» его ухода на Кубань. После долгих переговоров с ним ему была послана в 1733 г. грамота императрицы, в которой она прощала его измену и склоняла к добровольному возвращению. Обязательным условием прощения было требование принять грамоту не «горделивым образом», а встав со своего места (Бакунин, 1995: 102). Строптивый гордый князь и будущий хан Дондук-Омбо, ссылаясь на калмыцкие политические традиции, отказался снимать шапку и принять грамоту стоя (там же: 102–103). *Вопрос о шапке* решался с марта 1733 г. по ноябрь 1735 г. — два с половиной года. В конце концов власть уступила, поручив предводителю донских казаков Ефремову завершить это тонкое дело. По приезду в улусы к Дондуку-Омбо он был к нему допущен и «подал грамоту», которую тот «принял сидя и в шапке» (там же: 126).

Существование относительно автономного Калмыцкого ханства в составе Российской империи, естественно, раздражало императрицу, а вызывающее поведение правителя калмыков еще более¹. С одной стороны, хан Дондук-Омбо и подвластные ему калмыки были награждены и обласканы за их победоносное участие в войне с турками, с другой стороны, символически следовало определить то место, которое они должны занять в колониальной иерархии власти. На наш взгляд, именно этим объясняется выбор калмычки в качестве невесты и шутовская репрезентация ее и опального князя Голицына в качестве *ханки и хана*.

Следовательно, проект Ледяного дома действительно был репрезентацией и визуализацией этнического разнообразия империи, но вместе с тем визуально через шутовскую свадьбу он репрезентировал установление иерархии имперских властных отношений, где калмыкам отводилась подчиненная роль. Привлечение исторического материала, касающегося хана Дондука-Омбо, подтверждает это.

Визуальные репрезентации властных отношений у ойрат-калмыков

В описанной нами перспективе символического определения места калмыков в иерархии имперских властных отношений рассмотрим фотографии калмыков XIX в. Обратимся к фотографии знатной калмычки (*фото 1*) из альбома Вишневого, подготовленного к выставке. Рассмотрение в контексте властных отношений данной открытки-портрета позволяет выявить знаки власти и подчинения прежде всего через расположение тела и позирование относительно членов in- и out-группы: других — ойрат-калмыков и русских.

Речь идет о портрете знатной калмычки — вдовы князя² Церен-Норбо Тюменя, младшего из 4-х братьев Тюменей, владельцев Хошеутовского улуса. Двое из них были участниками Отечественной войны 1812 года и заграничных походов российской армии. По фотографии, а именно по «личному

¹ Важная особенность Калмыцкого ханства состояла в том, что легитимация его правителей и, соответственно, самого ханства, осуществлялась не только русскими властями, но и главой теократического государства Тибет, находившегося в тысячах километров от Волги. Первый калмыцкий хан Аюка получил свой титул в 1690 г. от Пятого Далай-ламы в царствование царей Петра и Иоанна (Митиров, 1998: 101–102).

² К привилегированному сословию в калмыцком обществе относились представители *белой кости* — нойоны. В качестве аналога данного термина в литературе рассматриваемого периода использовался термин *князь*. Например, в своем методическом пособии Гакман пишет о социальной структуре калмыков следующее: «У нихъ три чиностоянїя. I°. *Дворянство* или какъ они называютъ *бѣлыя кости*, и подъ симъ разумѣють Князей» (Гакман, 1787: 166; курсив источника. — Л. Ч., Н. С.). Князьями также называли тех владельцев (нойонов), которые перешли в православие. Например, внук Аюки-хана Баксадай-Доржи после крещения стал князем Петром Тайшиным, а его жена — княгиней Тайшиной, жена и дети Дондука-Омбо после крещения стали князьями Дондуковыми. В некоторых случаях князьями называли особо отличившихся в служении государству нойонов, к числу которых относились нойоны Тюмени — Тундутовы.

Фото 1. Портрет знатной калмычки. 1860-е гг. С. М. Вишнеvский. Из коллекции С. Ю. Степанова.
Photo 1. Portrait of a noble Kalmyk woman. The 1860s. S. M. Vishnevsky. From the collection of S. Yu. Stepanov.

переднему плану», видно, что женщина занимает высокий социальный статус. Княгиня Эльзен-Цок спокойно и уверенно сидит в кресле с изящной резной спинкой, облокотившись на столик, сделанный в подобном креслу стиле. С одной стороны, данная поза является естественной необходимостью статичного позирования во время долгой выдержки фотокамеры, но, с другой стороны, она удачно вписывает женщину в окружающее пространство и придает дополнительную статусность. Данная поза сидя, облокотившись на специально подготовленный в ателье реквизит, является каноничной для портретирования в данную эпоху, ее часто можно встретить на других фотографиях важных господ, преимущественно европейцев.

«Личный передний план» женщины представлен национальным костюмом с многочисленными символическими деталями: это платье — *берзе* с длинными рукавами, роскошные калмыцкие пуговицы из серебра, украшенные драгоценными камнями, пояс с украшениями на концах, надетый сверху богато расшитый жилет — *цегдег*. У дамы кольца на пальцах, серьги, амулеты на шее. На голове праздничный вариант женского головного убора — искусно расшитый и украшенный бахромой *халмг* с бархатными чехлами-накосниками — *шиврлгами*. Судя по всему, это явно коммерческое фото¹, предназначенное для продажи не только в России, но и на Западе людям, интересующимся азиатской экзотикой.

Тем не менее на фото явно виден эффект (феномен) скрытых отношений власти. Несмотря на то, что внешние атрибуты — одежда, украшения и прочее — подчеркивают высокий статус княгини, назвать ее позу уверенной сложно. Нет интеракции со зрителем: при прямой посадке головы глаза опущены, взгляд направлен вниз. На лице выражение скорее подчиненно-спокойное. Знатная калмычка на момент фотографирования возглавляла Хошеутовский улус по причине смерти супруга и отсутствия других взрослых мужчин-родственников. Ее правая рука покорно лежит на колене, а левая имеет опору, что соответствует канону создания подобных парадных портретов. В парадных портретах знати почти всегда рука что-то удерживает, часто символы власти. Здесь же калмыцкая княгиня как бы «приглашена» продемонстрировать знатную инаковость.

На примере Аннушки с портрета 1767 г. (*рис. 1*) хорошо видна этапность отношений к этнической инаковости, от попыток нивелировать ее до, напротив, максимально подчеркнуть и даже преувеличить. Несмотря на то, что художник не стал (а мог бы) нарочито менять (европеизировать) черты лица девочки и даже постарался передать смуглый цвет ее кожи, платье и прическа Аннушки типично европейские. Напротив, портрет княгини Эльзен-Цок (*фото 1*) до мельчайших деталей, за исключением канонической позы позирования статусных господ, подчеркивает этническую идентичность. С одной стороны (более оптимистичной), можно предположить, что именно статус позволяет женщине на уровне визуальной самопрезентации не подстраиваться под порядки властной элиты империи. С другой стороны (более реалистичной), годы создания данного портрета — это время активного увлечения антропометрическими, социальными, классовыми и другими подобными фотографическими атласами с «типажами». Согласно инструкции для фотографов, С. М. Вишневецкий рассматривал знатную калмычку как типаж, поэтому визуальная выразительность ее статуса поощрялась именно для наглядности типажа. Изображение типажей представляло интерес как для коллекционеров и просто любознательных иностранцев (напомним, что портрет калмычки выполнен также как открытка), так и для научно-исследовательских целей.

На следующем фото (*фото 2*) мы видим позирование большого количества мужчин, занятых распитием чая, на фоне *гер* — калмыцкого жилища. Калмыки издревле славятся своей чайной культурой, которая как воспета поэтами, так и достаточно хорошо изучена исследователями (Шараева, Айыжы, 2019). Однако чаепитие — это далеко не только гастрономическая практика или способ лечения, но и сложный социокультурный обряд, имеющий ряд символических предписаний и сакральных значений, которыми обладают, казалось бы, простые действия, от приготовления напитка до его подношения гостю. Например, отдельные этапы калмыцкого чаепития связаны с тем, чтобы «угостить» покровителей и божеств.

Если обратиться к анализу фотографии калмыков за чаем, то видно, что в композиции отсутствует динамика (нет диагоналей), горизонтальный угол — лобовой (зритель приглашен на чаепитие), вертикальный угол также отсутствует (фотограф приседал, чем уравнивал позиции своих моделей и зрителя).

¹ О коммерческой фотографии см. работу Е. Б. Толмачевой (Толмачева, 2007).

Фото 2. Астрахань. Калмыки за чаем. И. М. Бочкарев. Конец XIX — начало XX в.
(фонд ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», кп 40247/138 ф 18883).

Photo 2. Astrakhan. Kalmyks at tea. I. M. Bochkarev. The end of the 19th — the early 20th c.
(the fonds of the Astrakhan Museum-Reserve, кр 40247/138 f 18883).

На снимке нет очевидного взаимодействия с внешней властью, но латентно оно прочитывается в этом сочленении подчинения в «личном переднем плане» мужчин (одежде, позах, работе на камеру) и приверженности исконным традициям и обрядовым предписаниям калмыков. Данное противоречие французский социальный философ и культуролог Мишель де Серто обозначает как символическое противоборство, в котором есть «стратегии» доминирования, навязывания ценностей и предписания определенных форм поведения властной элитой и «тактики» символического сопротивления, скрытого неподчинения осознающей свое угнетение слабой стороны (своего рода «анти-поведение») (Серто, 2013).

На фото можно выделить два сегмента — «заставка», фон (задний план) и людей. Фоновое пространство снимка при движении взгляда сверху вниз заполняют небо, легкие облака, небольшая линия горизонта между кибитками — намек на бескрайность, а стационарное строение и большая кибитка — доминирующие по размеру компоненты. Фото явно постановочное и выглядит как многослойная декорация, заставка к спектаклю: «Так живут калмыки». Об этом говорят наличие нескольких планов, ярусное построение, по композиции — выделение группы мужчин с пиалами, группы стоящих калмыков, разновозрастной состав участников, обилие деталей символического характера. Очевидно, фотограф готовил их к съемке, «выстраивал», «рассаживал», так как никто друг друга не закрывает. Те, кто сидят с пиалами, позируют так, словно вот-вот готовы отхлебнуть напиток.

Фото репрезентирует явно стереотипное представление фотографа, который по понятным причинам в данной ситуации управляет расположением калмыков, их позами и жестами. Содержательный центральный фрагмент фотографии — чаепитие группы людей, расположенных в форме полукруга, продуман и сконструирован. Мужчины демонстрируют готовность к чаепитию, держа пиалы как буфторский реквизит. Сидят мужчины уже не на *ширдыке* (коврик из войлока) на земле, а на низких

Фото 3. Астрахань. Калмыки подают прошение. Конец XIX — начало XX вв. Издание Л. Шарбер.

Автор неизвестен (фонд ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», кп 40251/11 ф 19255).

Photo 3. Astrakhan. Kalmyks are handing in a petition. The late 19th — the early 20 c. Published by L. Sharber.

The author is unknown (the fonds of the Astrakhan Museum-Reserve, кп 40251/11 f 19255).

скамейках и табуретах, подобрав под себя ноги. За ними стоят трое мужчин, у двоих на груди висит буддийский оберег — бу, который обычно носят под рубашкой. Фотографу для аутентичности образа необходимо было продемонстрировать элемент буддийской культуры. Все эти знаки «обузданного» калмыка тем ярче выглядят в контексте чаепития, проводимого в традициях.

Геометрическим центром фотографии является большой котел с чаем и сидящий на коленях мальчик с половником, разливающий чай. У калмыков принято, чтобы чай подносил самый младший среди собравшихся. Этот фрагмент, собственно, центральный посыл зрителю — инкорпорирование традиции в новые условия: послушная фигура мальчика и струя чая, единственная, естественная, не поддающаяся властному вмешательству. Вместе с тем, поданный из детских рук чай символизирует неиссякаемость традиции, важной для сохранения этноса.

Чем дальше от этого центра условной власти фотографа-«режиссера», тем больше допустимы естественные телесные проявления (позы) и тактики символического сопротивления. Стоящие и сидящие справа у камышитовой стены кибитки мужчины выступают скорее в роли статистов. Они разные по возрасту и по одежде, в которой наблюдается смешение традиционных калмыцких элементов — калмыцкие шапки, косоворотки, короткие жилетки, картузы. В отличие от держащих пиалы мужчин они не одеты в традиционный мужской *бюшмюд*. Позы, положение корпусов тела, головы у них более свободные, чем у сидящих мужчин. Реакция на происходящее стоящих мужчин не регламентирована — они сами выбирают невербальное поведение в ходе съемки. У этой группы наблюдается разнообразный спектр проявленных эмоций — от настороженно-недоверчивого, скептического выражения до открытой, радостной улыбки парня взирающего на усилия фотографа по созданию «сценки».

Если говорить метафорически, то мы видим калмыков и их *кров* (камышитовую кибитку и одноэтажное глинобитное строение) и *пищу* (чай), вписанными в контекст аккультурации — и кров, и прием пищи, и сами тела и телесность калмыков трансформированы под давлением иной культуры и цивилизации.

Данное *фото 3*, оформленное в виде открытки, является наиболее выразительным в контексте взаимоотношений с властью в рассматриваемой серии снимков. Иконическое сообщение здесь (Барт, 1989) — мужчины-калмыки разного возраста, часть из которых склонила головы перед невидимым для нас агентом власти по ту сторону объектива. Одеты в калмыцкую национальную одежду — мужчины слева в добротные зимние *девл*, молодой мужчина справа — в *бюшмюд*, подпоясанный серебряным наборным ремнем. В самом центре находится мужчина с бумагой в протянутых руках. Все до единого с непокрытой головой, шапки держат в руках, что является символом подчинения¹. Языковое сообщение в виде подписи сверху закрепляет иконическое: «Астрахань. Калмыки подают прошение».

Горизонтальный угол композиции — фронтальный, лобовой, взгляд мужчин исподлобья, что создает впечатление, будто просящие надвигаются на зрителя и вот-вот выйдут за поверхность фотокарточки. Тут фотограф удачно поработал с каноническим выражением прошения. Не исключено, что снимок был «поставлен», условно говоря, смонтирован на этапе производства для решения поставленной задачи репрезентации подчиненного образа ойрат-калмыков. Тот факт, что перед нами не просто фотография, а открытка, более того, рассчитанная на экспорт, судя по двуязычной подписи, только усиливает образ подчинения и объективации.

Однако со знаками проявления подчинения здесь не все просто. В названии открытки фигурирует слово *прошение*, которое с 80-х гг. XVIII в. вытесняет термин *челобитная*, имевшее значение искового заявления (Русанова, 2016: 714). Здесь на фото калмыки подают прошение, которое могло быть как неискowym, так и искowym, требующим судебного решения. Тем не менее, судя по их телесному поведению, они здесь скорее *испрашивают, настаивают, предъявляют*. Об этой особенности поведения калмыков писал в свое время чиновник Н. А. Нефедьев: «Калмыкъ слѣпо покоренъ волѣ вышшихъ; но покоренъ безъ униженія. Если онъ просить о чемъ нибудь, то говорить просто, не зная поклоновъ и не измѣняя ни вида, ни голоса, такъ, что просьба его бываетъ болѣе похожа на требованіе» (Нефедьев, 1834: 174). Ощущение, что просители готовы выйти за рамки фото, демонстрируя динамику, подтверждает эту тактику сопротивления. Склоненная голова центральной фигуры, прошение в его руках контрастирует с положением его тела в динамичном наклоне вперед, как готовности действовать, требовать, отстаивать.

Склонили головы лишь пять мужчин, остальные держатся прямо. У склоненных фигур взгляд исподлобья, непохожий на покорный, а скорее демонстрирующий символическое сопротивление. Покорность же выражается скорее опущенными глазами. Еще одна тактика сопротивления олицетворена в фигуре мальчика-калмыка с любопытством и веселой усмешкой выглядывающего из-за спины рядом стоящего мужчины.

Данная фотооткрытка является медийным посланием, репрезентирующим как попытку символического *подчинения непокорных*, так и их сопротивление. И есть в этом также имперское удовольствие репрезентации своей власти напоказ.

Таким образом, все три фотографии калмыков, рассмотренные в перспективе стратегии выстраивания иерархии властных отношений калмыков с империей в этот период, говорят о столкновении сил подчиняющих агентов власти — в композиции, подписях, общем содержании снимков — и латентных тактик сопротивления подчиненных (калмыков) — прежде всего в позах и пластике тела отдельных лиц на фото, театрализованности в исполнении изобразительных задумок фотографа.

¹ Вспомним правителя Дондука-Омбо, поведение которого было символическим сопротивлением попыткам имперской администрации установить колониальную иерархию власти и подчинить калмыков (Бакунин, 1995: 96–126).

Визуальные репрезентации властных отношений у тувинцев

Ничего подобного в репрезентации явных и латентных взаимоотношений ойрат-калмыков с властью не встречается в тувинском кейсе. Во-первых, последний представлен исключительно фотографиями четы Минцловых, сделанными ими во время экспедиции 1914 г.

Фото 4. С. Минцлов, Буян-Бадьргы и практиковавший в Урянхае врач В. Платонов перед юртой Буяна-Бадьргы, 1914 г. (стр. 125). С. Минцлов, «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Дневник поездки в Туву в 1914 г. Фотоальбом». Кызыл, 2014. 256 с., илл. Научно-справочная библиотека НА РТ, инв. № 9294.

Photo 4. S. Mintslov, Buyan-Badyrgy and doctor V. Platonov who practiced in Uriankhai, in front of the yurt of Buyan-Badyrgy, 1914 (p. 125). S. Mintslov, "Secret Assignment. A Travel to Uriankhai. Diary of a trip to Tuva in 1914. Photo album". Kyzyl, 2014. 256 p., fig. The Scientific and Reference Library of the National Archives of the Republic of Tuva, inventory No. 9294.

Как фото 4, так и фото 5 изображают Кемчикского нойона¹ в окружении русских гостей у входа в его юрту (фото 4) и, соответственно, внутри (фото 5).

В первом случае князь находится, как и полагается, в центре, во втором — по левую руку от гостя. В обоих случаях обращает на себя внимание ненавязчивый указательный жест левой рукой нойона, в то время как правая рука спокойно лежит на бедре. Возможно, это случайное совпадение, связанное с банальной моторикой тела, но оба раза этот жест указывает на главного гостя: С. Р. Минцлова (фото 4) и В. К. Габаева (фото 5).

Примечательно, что на рассматриваемых снимках не проявляется доминирование нойона над гостями и, наоборот, русских над тувинцем, пусть и высокостатусным. Композиции снимков спокойные, статичные, без горизонтального и вертикального углов.

Используя возможность проведения герменевтической интерпретации изображений (т. е. рефлексии самого фотографа), нельзя не заглянуть в книгу С. Р. Минцлова и его воспоминания по по-

¹ Старинный монгольский титул, обозначающий владетельного князя.

Фото 5. Кемчикский нойон (князь) и В. К. Габаев. На снимке — нойон Даа хошууна Монгуш Буян-Бадыргы, 1914 г. (128 с.).

С. Минцлов, «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Дневник поездки в Туву в 1914 г. Фотоальбом».

Кызыл, 2014. 256 с., илл. Научно-справочная библиотека НА РТ, инв. № 9294.

Photo 5. The Noyon of Khemchik (Prince) and V. K. Gabaev. In the picture is the Noyon Daa hoshuuna Mongush Buyan-Badyrgy, 1914 (128 p.). S. Mintslov, "Secret Assignment. A Travel to Uriankhai. Diary of a trip to Tuva in 1914. Photo album".

Kyzyl, 2014. 256 p., fig. The Scientific and Reference Library of the National Archives of the Republic of Tuva, inventory No. 9294.

воду проведения данных съемок (Минцлов, 2014). Так мы узнаем, что русский мужчина на фото 5, подписанный В. К. Габаевым, является чиновником, заведующим устройством русского населения в Туве. По сути, это человек, заинтересованный в расположении нойона, однако, судя по комфортной и расслабленной позе (нога на ногу, корпус слегка склоняется к молодому князю), совсем не ищет этого расположения и выглядит как общающийся с ним на равных¹. На фото 5, кроме нойона Буян-Бадырги и Минцлова (слева), изображен также практиковавший в Урянхае врач по фамилии Платонов. Самого Буян-Бадыргы Минцловы охарактеризовали как очень обаятельного и приветливого молодого человека, гостеприимного и почтительного, непременно желающего сфотографироваться с гостями (Минцлов, 2014: 234).

Обе фотографии сделаны в контексте тувинского быта, где нет ни единой отсылки к быту русских, кроме самих русских, позирующих вместе с тувинским нойоном и представляющих империю. Фотографии были сделаны в период вхождения «урянхайцев» под протекторат России. После Мон-

¹ Чиновник по переселенческим делам В. К. Габаев начал свою деятельность с организации землеустройства и выделения земли для новых переселенцев из России. Вел он себя крайне бесцеремонно, отнимая земли не только у рядовых аратов и старых русских поселенцев, но даже у самого амбы-нойона Комбу-Доржу. Такое колониальное поведение вследствие пренебрежения рекомендациями Совета министров не производить землеустройства, осторожно относиться к тувинцам и их нравам, не вызывать у них враждебных чувств, закончилось его отзывом (История Тувы, 2001: 322–323).

гольской революции 1911 г. и образования независимого государства Монголии, а также падения династии Цин в Китае тувинские племена оказались в ситуации выбора — присоединиться к Внешней Монголии или к России. Буян-Бадьрги, ныне почитаемый как основатель тувинской государственности, принимает решение подать прошение 26 октября 1913 г. императору Николаю II, в котором просит «снова принять нас, как триста лет тому назад, в состав Великой России...» (История Тувы, 2001: 317). При этом он апеллирует к тому, что в 1616 г. предки тувинцев «присягали на подданство России», но затем покровительство России «почему-то прекратилось и наш маленький народ, предоставленный самому себе, постепенно и незаконно подпал под влияние императоров маньчжурской династии...» (там же). Высочайшее соизволение на принятие «урянхов» под русское покровительство было дано 5 апреля 1914 г. (там же: 320).

Выйдя из-под власти одной империи — Цинской, тувинцы были в самом начале пути вхождения в другую империю — Российскую. На этом этапе отменялись все прежние повинности и долги перед китайскими и русскими фирмами, устанавливался налог в 75 копеек с каждого аратского двора, сохранялась власть правителей хошунов в пределах их владений и их привилегии, статус буддийской религии и право на соблюдение традиций. Единственно, что строго запрещалось — сношения с иностранными государствами (там же: 320–322). В этом контексте, конечно, фокус оценки тувинских изображений, по сравнению с калмыцкими, сделанными примерно в этот период, отличаются. Если в отношении калмыков применялась разработанная со времен существования Калмыцкого ханства стратегия их подчинения с целью включения в колониальную иерархию власти, то в отношении тувинцев применялась стратегия привлекательности российского протектората. На этом этапе важно было, как писал иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев, чтобы Урянхайский край мирным путем приобщился к русской культуре и подпал «под державное обладание России» (там же: 324).

В этой перспективе относительной самостоятельности и обособленности тувинцев рассмотрим их снимки.

Если воспринимать русских гостей тувинского князя как символических проводников русской власти, то встреча лидеров, как сегодня мы бы сказали, происходила на равных и «без галстуков», т. е. соблюдаются официальные дипломатические правила.

Содержание фото 4 можно рассмотреть и с точки зрения позиционного сосуществования. На снимке три автономные, самодостаточные, индивидуальные фигуры, со своим историческим, культурным, социальным прошлым. Несмотря на физическую близость расположения каждый сохраняет индивидуальное культурное пространство, характеризующееся автономией личных ресурсов, статуса, профессии. У каждого из них в рамках своего пространства есть потенциальная возможность воспользоваться шкалой власти-подчинения. Если говорить о визуальной репрезентации позиций, то условно их можно обозначить: «посланник империи», «князь», «специалист» (путешественник, исполняющий секретное поручение имперской власти, князь, врач¹). У каждого из них свои задачи, при этом выявлены их различия в позах, одежде, выражении лиц.

«Посланник империи», пожалуй, — самая колоритная фигура. Уверенная посадка, сила, добродушие. Левая рука опирается на колено, наклон корпуса чуть вправо. Волосной покров на лице (растительность волос — усы, борода) с элементами естественного беспорядка. Свободная неухоженность путешественника-европейца. Он пока запечатлевает, описывает, исследует предполагаемые будущие владения империи. Для решения этой задачи такой инструмент, как власть, вряд ли нужен. Здесь можно присваивать, не принуждая.

«Специалист» (врач) ограничен профессиональными нормами. Внешний вид более форматирован — спокойное, деловое выражение лица, усы и бородка аккуратны. Он так же, как «посланник империи», опирается правой рукой на колено, но это жест «самоопоры» — знаний, квалификации, долга.

Центральная фигура — «князь», статус которого определяется его рождением. Именно это задает восприятие и принятие любой ситуации с достоинством. У князя спокойное, нейтральное выражение

¹ Присутствие врача на фото объясняется тем, что главное направление деятельности на этом этапе русская власть видела в работе цивилизаторского типа: открытие отделения банка, учреждение почты и телеграфа, улучшение дорожного сообщения, организация медицинской помощи (История Тувы, 2001: 325).

лица, без всякого проявления почтительного угождения. Обращает на себя внимание эмоциональная закрытость, нечитаемость эмоций, свойственная всем тюрко-монголам. Как будто стоит фильтр между эмоциональным внутренним восприятием ситуации и внешним визуальным «высказыванием».

На фото полов юрты открыт и выглядит как знак гостеприимства, как приглашение в дом, как доверие к гостю. Вместе с тем черный проем пространства представляет собой границу, разделяющую «посланника» и «князя».

На фото 5 отношения власти / подчинения скрыты. В. К. Габаев прочно сидит, а князь будто бы только присел. Хотя внешне нет явного доминирования, но и партнерства или сотрудничества не видно. Габаев выглядит здесь как хозяин, демонстрируя свое положение имперского чиновника. Его поза, выражение лица демонстрируют уверенность.

Если сравнивать между собой отношения с властью у ойрат-калмыков и тувинцев на уровне их визуального маркирования и репрезентации в визуальных документах имперского периода, становится явным наличие диалога между двумя сторонами, неравнозначного по распределению сил в связи с разницей их этнополитической истории. Во-первых, тот факт, что кейс ойрат-калмыков представлен не просто фотографиями, а фотооткрытками, рассчитанными не только на российского, но и западного зрителя, говорит о явной форме объективации изображенных ойрат-калмыков как типажей в составе полиэтнической колониальной Российской империи. Почтовая открытка являлась в то время важным инструментом пропаганды. В данном случае пропаганды имперской идеологии, объективировавшей инородцев империи¹. Что же касается кейса тувинцев, то здесь представлены фотографии К. Минцловой, на которых отношения с властью — это скорее соседство и партнерство двух самостоятельных властных элит. Во-вторых, в массиве полученных визуальных документов в калмыцком кейсе не нашлось ни одного изображения ойрат-калмыков рядом с русскими, что исключало возможность сопоставления их телесного положения на одном пространстве. Напротив, тувинские фотографии в контексте отношений с властью в силу текущего этапа этнополитической истории (добровольное вступление Тувы под протекторат России с сохранением своей самобытности) демонстрируют именно соотносительное положение тел русских «гостей» с тувинским князем.

Заключение

Подведем итоги исследования. Появившаяся в XVIII в. первая репрезентация инородцев, визуализировавшая этническое разнообразие империи, носила уничижительный характер. Визуально через шутовскую свадьбу происходила репрезентация устанавливаемой империей иерархии властных отношений. Использование исторического материала, относящегося к калмыцкому хану Дондуку-Омбо, позволило подтвердить это.

Как мы уже писали ранее, в визуальной перспективе положение ойрат-калмыков как субалтернов в российской империи заметно как в содержании визуальных документов, так и в самой их форме — в фотооткрытках. С одной стороны, видна подчеркнутая инаковость, диковинность типажа-инородца, с другой стороны, показана демонстрация их подчиненности имперской власти. Однако подчиненность калмыков формируется в противоборстве стратегии символического подчинения со стороны имперской власти и тактик сопротивления непокорных со стороны калмыков. Что же касается формы, то такой ее вид как фотооткрытка говорит о мере объективации двух народов. Казалось бы, трудно сопоставимый характер самих визуальных документов в двух кейсах — фотооткрытки, изображающие калмыков, и фото К. Минцловой, сопровождавшей мужа, посланного с разведывательным поручением, затрудняет оценку и сравнение их отношений с имперской властью. Однако именно это различие показывает особенности визуального маркирования и репрезентации калмыков и тувинцев в фотографиях имперского периода. Кейс ойрат-калмыков представлен не просто фотографиями, а открытками, рассчитанными и на российского, и на западного зрителя, что говорит о явной форме объективации и, следовательно, подчиненности изображенных ойрат-калмыков как типажей в составе полиэтнической Российской империи. Что же касается фотографий К. Минцловой, то тувинский князь на них репрезентируется и визуально маркируется как представитель пока еще самостоятельной

¹ Тема почтовой открытки как средства пропаганды анализируется в статье «Имперский миф народности и его пропаганда с помощью почтовых открыток» (Четыррова, Четырров, 2023).

властной элиты, связанной с русскими отношениями партнерства. Более длительная история взаимоотношений калмыков с российской империей и сама интенсивность их контактов в конце концов завершилась формированием колониальной иерархии властных отношений, где калмыки занимали положение субалтернов, что нашло свое выражение в фотодокументах, репрезентирующих калмыков как подчиненных. Напротив, короткая история взаимоотношений тувинцев с имперской властью еще не привела к их подчинению и интеграции в колониальную иерархию. В фотографиях, изображающих Кемчикского князя с русскими, осуществляется репрезентация тувинского аристократа как относительно самостоятельного актора, еще не познавшего в полной мере подчинения империи.

Таким образом, фотография в имперский период становится не только способом документирования (визуальной инвентаризации) и репрезентации разных этнических групп и их быта, но и самостоятельным инструментом проведения колониальной политики.

Благодарности

Благодарим за предоставленные фотоматериалы директора Национального архива Республики Тыва Б. В. Мунге, директора Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (АГОИАМЗ) А. А. Булычева, заместителя директора АГОИАМЗ А. А. Курапова; коллекционера С. Ю. Степанова (г. Астрахань, Россия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакаева, Э. П. (2021) Предания о калмыцком хане Дондуке-Омбо: исторические факты в фольклоре // Новый филологический вестник. № 2 (57). С. 404–421. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00060>
- Бакунин, В. М. (1995) Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста : Калм. кн. изд-во. 153, [5] с.
- Барт, Р. (1989) Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс. 616 с.
- Волынский, А. П. (1865) Шесть писем А. П. Волынского к цесаревне Елизавете Петровне. 1724–1725 // Русский архив. Вып. 1–6. М. : В тип. В. Грачева и Комп. 416 с. Стб. 323–330.
- Вортман, Р. (1999) «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века : сборник / сост. Н. Н. Мазур. М. : О.Г.И. 280 с. С. 233–244.
- Гакман, И. Ф. (1787) Пространное землеописание Российскаго государства, изданное в пользу учащихся по Высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторыя. СПб. : Тип. Брейткопфа. [8], 420 с.
- Горшенина, С. М. (2021) Фотография и царская колониальная администрация Туркестана: конструируя историю и место между прошлым и будущим // Вестник МИЦАИ. Вып. 31. С. 45–87. DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2021.45-87>
- Зорин, А. (1997) Идеология «православия — самодержавия — народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. № 26. С. 71–104.
- История Тувы (2001) : в 2 т. / под общей ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука. Т. I. 367 с.
- Манштейн, К. Г. фон (1875) Записки Манштейна о России: 1727–1744 / перевод [В. В. Тимошук] с французской подлинной рукописи автора ; [предисл. М. Семевского]. СПб. : Тип. В. С. Балашева. 397 с.
- Минцлов, С. Р. (2014) Секретное поручение: путешествие в Урянхай: Фотоальбом: Дневник поездки в Туву в 1914 году. Кызыл. 256 с.
- Митиров, А. Г. (1998) Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста : Калм. кн. изд-во. 384 с.
- Нагайкина, С. И. (2011) Фотография в Астрахани. 1861–1920. Очерки по истории губернской фотографии. Астрахань : АГОИАМЗ. 280 с.
- Нефедьев, Н. А. (1834) Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб. : Тип. К. Крайя. VIII, 290, 4 с.
- Ням Тхи Ван Ань. (2018) Культурные коннотации зоонима *свинья* во фразеологических единицах русского и вьетнамского языков // Вестник Череповецкого государственного университета. № 6 (87). С. 114–123. DOI: <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-6-87-12>

Погосян, Е. (2001) «И невозможное возможно»: свадьба шутов в ледяном доме как факт официальной культуры // Труды русской и славянской филологии. Литературоведение. Вып. IV (Новая серия). Тарту. С. 80–108.

Русанова, С. В. (2016) Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 12, № 3. С. 705–716.

Савицкий, Е. (2020) Колониальная фотография и воспитание (не)граждан (обзор) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. № 6 (166). С. 594–605. URL: https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22971/ (дата обращения: 12.03.2023).

Сергеева, Н. М., Четырова, Л. Б. (2022) Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Серто, М. де (2013) Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 330 с.

Соловьева, К. Ю. (2022) Образы Империи: фотография на Всероссийской этнографической выставке 1867 года : альбом / авт.-сост. К. Ю. Соловьева. СПб. : А–Я. 287 с.

Тепкеев, В. Т. (2019) «Всемиловейше жалую тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. // Oriental Studies. Т. 12, № 4 (44). С. 627–633. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-627-633>

Толмачева, Е. Б. (2007) Коммерческая фотография как этнографический источник // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова. СПб. : МАЭ РАН. 300 с. С. 85–87.

Цюрюмов, А. В. (2007) Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : ЗАОр «НПП “Джангар”. 464 с.

Четырова, Л. Б. (2016) Российские калмыки: очерки по истории, культуре, буддизму и языку. Самара : Изд-во «Самарский университет». 188 с.

Четырова, Л. Б., Сергеева, Н. М. (2022) Советская модерность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 239–262. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Четырова, Л. Б., Четыров, У. Б. (2023) Имперский миф народности и его пропаганда с помощью почтовых открыток // Вестник Калмыцкого университета. № 1 (57). С. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2023-57-1-125-132>

Шараева, Т. И., Айыжы, Е. В. (2019) Чай в традиционной культуре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 140–153. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Шубинский, С. Н. (1908) Исторические очерки и рассказы С. Н. Шубинского. 5-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. А. С. Суворина. VIII, 712 с.

Элерт, А. Х. (2007) По следам академического отряда Великой Северной экспедиции // Наука из первых рук. № 6 (18). С. 6–11.

Этнографическая выставка 1867 года Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете (1878) : Исторический очерк устройства выставки, описание и перечень предметов, бывших на выставке и протоколы заседаний Комитета по устройству выставки. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К°. [4], II, 93 с. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXIX).

Khodarkovsky, M. (1992) Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600–1771. Ithaca ; London : Cornell University Press. xiv, 278 p.

Mignolo, W., Walsh, C. (2018) On decoloniality: concepts, analytics, praxis. Durham : Duke University Press. xii, 291 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity/rationality // Cultural Studies. Vol. 21, issue 2–3. P. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>

Tlostanova, M., Mignolo, W. D. (2012) Learning to unlearn: Decolonial reflections from Eurasia and the Americas. Columbus, OH : Ohio State University Press. vii, 281 p.

Дата поступления: 13.03.2023 г.

Дата принятия: 16.06.2023 г.

REFERENCES

Bakaeva, E. P. (2021) Predaniia o kalmytskom khane Donduke-Ombo: istoricheskie fakty v fol'klore [The legends about the Kalmyk Khan Donduk-Ombo: Historical facts in folklore]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (57), pp. 404–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00060>

Bakunin, V. M. (1995) *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutsogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of the Torgout people, and the deeds of their khans and governors. Work of 1761]*. Elista, Kalmyk Publishing House. 153, [5] p. (In Russ.).

Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]* / transl. from French / comp., ed. and opening chapter by G. K. Kosikov. Moscow, Progress. 616 p. (In Russ.).

Volynskiy, A. P. (1865) *Shest' pisem A. P. Volynskogo k tsesarevne Elizavete Petrovne. 1724–1725 [Six letters of A. P. Volynskiy to Tsar's daughter Elizaveta Petrovna. 1724–1725]*. In: *Russkii arkhiv*, issue 1–6. Moscow, At V. Grachev & Co. 416 p. Clmns. 323–330. (In Russ.).

Wortman, R. (1999) «Ofitsial'naia narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [“Official national ethos” and the national myth of the Russian monarchy of the 19th century]. In: *ROSSIIa / RUSSIA*. Issue 3 (11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive: Rossiia, XVIII — nachalo XX veka [Cultural practices in an ideological perspective: Russia, 18th — early 20th century] : A collection / comp. by N. N. Mazur. Moscow, O.G.I. 280 p. Pp. 233–244. (In Russ.).

Hackmann, J. F. (1787) *Prostrannoe zemleopisanie Rossiiskago gosudarstva, izdannoe v pol'zu uchashchikhsia po Vysochaisheму poveleniiu tsarstvuiushchiia imperatritsy Ekateriny Vtoryia [A detailed geography of the Russian state, published in favor of learners by the highest command of the Reigning Empress Catherine the Second]*. St. Petersburg, Breitkopf's Printing House. [8], 420 p. (In Russ.).

Gorshenina, S. M. (2021) *Fotografiia i tsarskaia kolonial'naia administratsiia Turkestana: konstruirua istoriiu i mesto mezhdz proshlym i budushchim [Photography and the tsarist colonial administration of Turkestan: Constructing history and a place between the past and the future]*. *Bulletin of IICAS*, issue 31, pp. 45–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2021.45-87>

Zorin, A. (1997) *Ideologiya «pravoslaviia — samoderzhaviia — narodnosti»: opyt rekonstruktsii [The ideology of “Orthodoxy — autocracy — nationality”: An experience of reconstruction]*. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 26, pp. 71–104. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2001) : in 2 vols. / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. 2nd ed., revised and enlarged. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Manstein, Ch. H. von (1875) *Zapiski Manshteina o Rossii: 1727–1744 [Manstein's notes on Russia: 1727–1744]* / transl. by V. V. Timoshchuk from the French original manuscript of the author / foreword by M. Semevskii. St. Petersburg, V. S. Balashev's Printing House. 397 p. (In Russ.).

Mintslov, S. R. (2014) *Sekretnoe poruchenie: puteshestvie v Uriankhai: Fotoal'bom: Dnevnik poezdki v Tuvu v 1914 godu [A secret assignment. Travel to Uriankhai: Photo album. Diary of a trip to Tuva in 1914]*. Kyzyl. 256 p. (In Russ.).

Mitirov, A. G. (1998) *Oiraty-kalmyki: veka i pokoleniia [Oirats-Kalmyks: Centuries and generations]*. Elista, Kalmyk Publishing House. 384 p. (In Russ.).

Nagaikina, S. I. (2011) *Fotografiia v Astrakhani. 1861–1920. Ocherki po istorii gubernskoi fotografii [Photography in Astrakhan. 1861–1920. Essays on the history of provincial photography]*. Astrakhan, Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve. 280 p. (In Russ.).

Nefediev, N. A. (1834) *Podrobnye svedeniia o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste N. Nefed'evym [Detailed data about the Volga Kalmyks collected onsite by N. Nefediev]*. St. Petersburg, K. Kray's Printing House. viii, 290, 4 p. (In Russ.).

Nham Thi Van Anh. (2018) *Kul'turnye konnotatsii zoonima svin'ia vo frazeologicheskikh edinitsakh russkogo i v'etnamskogo iazykov [Cultural connotations of component-zoonym pig in phraseological units of Russian and Vietnamese languages]*. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (87), pp. 114–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-6-87-12>

Pogosian, E. (2001) «I nevozmozhnoe vozmozhno»: svad'ba shutov v ledianom dome kak fakt ofitsial'noi kul'tury [“And the impossible is possible”: The wedding of jesters in the Ice House as a fact of official culture]. In: *Trudy russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie*, issue IV (New series). Tartu. Pp. 80–108. (In Russ.).

Rusanova, S. V. (2016) *Terminy chelobitnaia i proshenie v zakono-datel'nykh aktakh XVIII veka [The terms chelobitnaia and proshenie in the legislative acts of the 18th century]*. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniia*, vol. 12, no. 3, pp. 705–716. (In Russ.).

Savitskii, E. (2020) *Kolonial'naia fotografiia i vospitanie (ne)grazhdan (obzor) [Colonial photography and personal development of (non)citizens (A survey)]*. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6 (166), pp. 594–605. [online] Available at: https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22971/ (accessed 12.03.2023). (In Russ.).

Sergeeva, N. M. and Chetyrova, L. B. (2022) Vizual'naia reprezentatsiia oirat-kalmykov i tuvintsev v kontekste byta v nachale XX veka [Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of day-to-day life at the beginning of the 20th century]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 257–275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Certeau, M. de (2013) *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat' [L'invention du quotidien. I. Arts de faire]* / transl. from French by D. Kalugin and N. Movnina. St. Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ. 330 p. (In Russ.).

Solovieva, K. Yu. (2022) *Obrazy Imperii: fotografiia na Vserossiiskoi etnograficheskoi vystavke 1867 goda [Images of the Empire: Photography at the All-Russian Ethnographic Exhibition of 1867]* : An album / authored and compiled by K. Yu. Solovieva. St. Petersburg, A–Ia. 287 p. (In Russ.).

Tepkeev, V. T. (2019) «Vsemilostiveishe zhaluem tebia, poddannogo Nashego, i uchrezhdaem Khanom Kalmytskim». Tseremoniia ob"iavlennia Don-duk-Ombo v khanskoe dostoinstvo v 1737 g. [‘This is to grant you, our subject, a merciful favor of ours and inaugurate as Khan of the Kalmyks’. The 1737 ceremony of proclaiming Donduk Ombo Khan]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 4 (44), pp. 627–633. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-627-633>

Tolmacheva, E. B. (2007) Kommercheskaia fotografiia kak etnograficheskii istochnik [Commercial photography as an ethnographic source]. In: *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2006 g. [Radlov collection: Scientific research and museum projects of the Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS in 2006]* / ed. by Yu. K. Chistov and E. A. Mikhailova. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS. 300 p. Pp. 85–87. (In Russ.).

Tsiuriumov, A. V. (2007) *Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate as part of Russia: Problems of political relations]*. Elista, Dzhangar. 464 p. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. (2016) *Rossiiskie kalmyki: ocherki po istorii, kul'ture, buddizmu i iazyku [Russian Kalmyks: Essays on history, culture, Buddhism and language]*. Samara, Samara University Publ. 188 p. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. and Sergeeva, N. M. (2022) Sovetskaia modernost' v vizual'noi perspektive (na primere oirat-kalmykov i tuvintsev) [Soviet modernity in visual perspective (The cases of Kalmyks and Tuvans)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 239–262. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Chetyrova, L. B. and Chetyrov, U. B. (2023) Imperskii mif narodnosti i ego propaganda s pomoshch'iu pochtovykh otkrytok [The imperial myth of nationality and its propaganda by post cards]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1 (57), pp. 125–132. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2023-57-1-125-132>

Sharaeva, T. I. and Aiyzhy, E. V. (2019) Chai v traditsionnoi kul'ture kalmykov i tuvintsev [Tea in the traditional culture of the Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 140–153. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.12>

Shubinsky, S. N. (1908) *Istoricheskie ocherki i rasskazy S. N. Shubinskogo [Historical essays and stories by S. N. Shubinsky]*. 5th ed., enlarged and revised. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Printing House. viii, 712 p. (In Russ.).

Elert, A. Kh. (2007) Po sledam akademicheskogo otriada Velikoi Severnoi ekspeditsii [In the footsteps of the academic detachment of the Great Northern expedition]. *Nauka iz pervykh ruk*, no. 6 (18), pp. 6–11. (In Russ.).

Etnograficheskaiia vystavka 1867 goda Imperatorskogo obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii, sostoiashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete [The 1867 Ethnographic exhibition of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography, which is affiliated with the Imperial Moscow University (1878)] : A historical sketch of the exhibition structure, description and a list of items that were at the exhibition and minutes of meetings of the Committee on the Arrangement of the exhibition. Moscow, M. N. Lavrov & Co.'s Printing House [4], ii, 93 p. (Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete / Proceedings of the Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University, vol. XXIX). (In Russ.).

Khodarkovsky, M. (1992) *Where two worlds met: The Russian state and the Kalmyk nomads, 1600–1771*. Ithaca ; London, Cornell University Press. xiv, 278 p.

Mignolo, W. and Walsh, C. (2018) *On decoloniality: concepts, analytics, praxis*. Durham : Duke University Press. xii, 291 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity/rationality. *Cultural Studies*, vol. 21, issue 2–3, pp. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>

Tlostanova, M. and Mignolo, W. D. (2012) *Learning to unlearn: Decolonial reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus, OH, Ohio State University Press. vii, 281 p.

Submission date: 13.03.2023.

Acceptance date: 16.06.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.3.12

Статья

Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов

Галина Ф. Балакина

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация

В статье рассмотрены подходы к анализу адаптационных стратегий населения Республики Тыва. Обозначено проблемное поле исследования, даны характеристика используемых ключевых понятий и их дефиниции (адаптационные практики, инновационный потенциал, социальная адаптация, социокультурная сфера). Анализ опубликованных научных работ о специфике адаптационных процессов в регионах дополнен обобщением мнений экспертов, в качестве которых выступили руководители и специалисты предприятий и органов исполнительной власти Тувы, научные работники и преподаватели вузов, журналисты и общественные деятели. Интервью с 25 экспертами были записаны автором в апреле-мае 2023 г.

Цель статьи — выявление и классификация мнений экспертного сообщества об особенностях адаптационных стратегий жителей Республики Тыва, а также определение основ исследования формирования адаптационных процессов в регионе сквозь призму социального прогресса. Адаптационные модели поведения классифицированы как модели выживания и модели социального прогресса. Частота упоминаний стратегий выживания несколько выше, чем стратегий социального прогресса. Это обусловлено объективными

обстоятельствами социально-экономической обстановки в республике, соотносится с контекстом ситуации в Туве. Также экспертные оценки пассивных адаптационных стратегий — вынужденного бездействия и надежды на помощь государства и родственников, наращивание долгов — существенно выше, чем активных стратегий.

Результаты экспертного опроса показали превышение количества отрицательных оценок выезда из республики над положительными. Выявлено, в частности, что практика выезда жителей из Тувы имеет ряд существенных недостатков, заключающихся в длительном периоде адаптации к высоко урбанизированным условиям жизни и труда, жесткой перестройке организма вследствие продолжительной акклиматизации, снижению социального статуса, потере части профессиональных навыков, сужении социальных контактов, прохождении переехавших через стрессовую ситуацию и культурный шок, падении (хотя и временном) уровня располагаемых доходов, ухудшении социального самочувствия. В качестве положительных последствий выезда из республики отмечены: расширение возможностей для самосовершенствования, профессионального роста, улучшения условий труда, отдыха и досуга. Также эксперты указали, что хотя с отъездом жителей из региона снижается нагрузка на рынок труда и социальную сферу, с точки зрения прогресса республики отъезд квалифицированных специалистов не желателен.

Ключевые слова: адаптация; социокультурная сфера; инновация; Республика Тыва; адаптационная практика; экспертная оценка

Статья подготовлена в рамках исследования по проекту Российского научного фонда № 23-28-10009 «Социально успешные и не-успешные адаптационные практики этнорегиональных общностей в условиях масштабных инновационных изменений (на примере Республики Тыва)», <https://rscf.ru/project/23-28-10009/>.

Для цитирования:

Балакина Г. Ф. Адаптационные стратегии населения Республики Тыва: проблемное поле исследования и мнения экспертов // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 193-206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Балакина Галина Федоровна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Эл. адрес: balakina.gal@yandex.ru

BALAKINA, Galina Fedorovna, Doctor of Economics, Chief Research Fellow, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: balakina.gal@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2387-7190

Adaptation strategies of the population of the Republic of Tuva: The problematic field of research and expert opinions

Galina F. Balakina

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, RAS, Russian Federation

The article examines approaches to the analysis of adaptation strategies of the population in the Republic of Tuva. The author specifies the problematic area of the research and provides characteristics of the used key concepts and their definitions (adaptation practices, innovative potential, social adaptation, sociocultural sphere). The analysis of published academic texts on the specific features of adaptation processes in the regions is supplemented by a generalization of expert opinions, which included managers and specialists of enterprises and executive authorities of Tuva, researchers and faculty members, journalists and public figures. Interviews with 25 experts were recorded by the author in April-May 2023.

The purpose of the article is to identify and classify the opinions of the expert community about the features of adaptation strategies of the people of the Republic of Tuva, as well as to determine the foundations of the study of the development of adaptation processes in the region through the prism of social progress. Adaptive models of behavior are classified as survival models and models of social progress. The frequency of mentions of survival strategies is slightly higher than that of social progress strategies. This is due to the objective circumstances of the socioeconomic conditions in the Republic and correlates with the context of the situation in Tuva. Also, expert assessments of passive adaptation strategies — forced inaction and hope for help from the state and relatives, the build-up of debts — are significantly higher than those of active strategies.

The results of the expert survey have shown the prevalence of negative assessments of departure from the Republic over positive ones. In particular, it has been found out that the residents' practice of leaving Tuva has a number of significant drawbacks consisting in a long period of adaptation to highly urbanized living and working conditions, a severe restructuring of the human body due to prolonged acclimatization, a decrease in social status, loss of some professional skills, narrowing of social contacts, living of the transplanted people through a stressful situation and cultural shock, fall (although temporary) in the level of disposable income, deterioration of social well-being. The following positive consequences of leaving the Republic are highlighted: expansion of opportunities for self-improvement, professional growth, improvement of working conditions, recreation and leisure facilities. The experts have also pointed out that although the departure of residents from the region reduces the burden on the labor market and the social sphere, the leaving of qualified professionals is not desirable from the point of view of the progress of the Republic.

Keywords: adaptation; sociocultural sphere; innovation; Republic of Tuva; adaptation practice; expert assessment

Financing

The article was prepared as part of the research project of the Russian Science Foundation No. 23-28-10009 "Socially Successful and Unsuccessful Adaptation Practices of Ethno-regional Communities in the Context of Large-scale Innovative Changes (On the Example of the Republic of Tyva)", <https://rscf.ru/en/project/23-28-10009/>.

For citation:

Balakina G. F. Adaptatsionnye strategii naseleniia Respubliki Tyva: problemnoe pole issledovaniia i mneniia ekspertov [Adaptation strategies of the population of the Republic of Tuva: The problematic field of research and expert opinions]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 193-206. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.12>

Введение

Изучение социокультурных процессов и их динамика последние 10–15 лет в России и регионах стали традиционным объектом социологических, исторических, культурологических и экономических исследований. В центре внимания исследователей социальных процессов все чаще оказываются проблемы социокультурного характера, особенно при изучении социальных последствий модернизации. Исследователями концентрируется внимание на особенностях региональных социальных последствий трансформационных процессов в экономике, специфике адаптационных практик населения, выявлении недостатков и противоречий, поиске путей и методов их преодоления.

Определение перспектив развития региона в условиях трансформаций, характеризующихся интенсификацией инновационных процессов, требует изучения возможностей развития прогрессивных форм хозяйствования, социальных и трудовых предпочтений жителей. С нашей точки зрения, общес-

тву разумно также использовать социальные черты представителей разных народов для ускорения развития хозяйства, приближения структуры производства региона к навыкам, трудовым традициям, профессиональному опыту населения, т. е. следует принимать во внимание социокультурные аспекты развития региона. К исследуемым в статье факторам относятся: качественные характеристики трудовых ресурсов, их склонности и навыки, инновационный потенциал этнических групп, особенности этнических практик адаптации к новым реалиям, снижение уровня социальных рисков. Важной составляющей характеристики трудовых ресурсов региона является способность адаптации к новым реалиям развития, скорость и направление адаптационных процессов. Эти параметры зависят от уровня инновационного потенциала.

Цель статьи — выявление и классификация мнений экспертного сообщества об особенностях адаптационных стратегий социальных групп населения Республики Тыва, а также определение основ исследования их формирования у жителей региона сквозь призму социального прогресса. Представленный здесь анализ адаптационных стратегий основывается на материалах опроса экспертов, проведенного автором в виде формализованного интервью в апреле-мае 2023 г. В качестве экспертов были привлечены 25 человек: руководители и специалисты органов управления республики, научные сотрудники, преподаватели высших учебных заведений, журналисты с многолетним опытом работы в Тыве, ориентирующиеся в тенденциях формирования социально-экономических процессов в исследуемом регионе. Были проанализированы мнения экспертов в возрасте от 40 до 75 лет, представляющих следующие этнические группы: тувинцы, русские, буряты и хакасы. Все эксперты имеют высшее образование, 11 из них (44%) имеют ученую степень кандидата и доктора наук. Опрос экспертов проводился в виде формализованного интервью с использованием анкеты, состоящей из 12 вопросов, как открытых, так и закрытых, при уточнении мнения опрашиваемых со стороны интервьюера. Мнения экспертов по возможности формализованы и обобщены, цитаты из интервью приводятся анонимно.

Работа над проблемой исследования адаптационных стратегий предполагает изучение экономической культуры региона в различных ее проявлениях. Под экономической культурой общества понимается процесс осознания личностями и социальными группами закономерностей экономического развития и выработка стратегии поведения, принятия решений, а также материальные ценности, накопленные обществом, достигнутый уровень жизни. Теоретический анализ социальных проблем региона, выявление их социокультурного содержания призваны помочь распознаванию трудностей, кризисных явлений и конфликтов в социуме, с которыми может столкнуться региональная экономика на этапе модернизации.

Термин «адаптация» в научном анализе используется с конца XIX в., появилось это понятие в естественных науках — физиологии и биологии. Позднее здесь адаптация стала пониматься как совокупность реакций живой системы, обеспечивающих ее целостность и функциональную устойчивость при воздействии на нее изменений окружающей среды (Роом, 2006: 12–13). В гуманитарных науках (социологии, социальной психологии) постепенно сформировалось научное представление именно о социальной адаптации, отражающее процесс приспособления личности и социальной группы к изменяющейся системе норм и ценностей в обществе. Под социальной адаптацией понимается процесс изменения состояния социальной группы под воздействием разных факторов социальной среды, приспособления к новым условиям жизни и труда. По мнению О. В. Луневой, «адаптация социальная — процесс и результат включения личности и группы в социальную среду через решение проблем взаимодействия с другими людьми, группами и обществом, ведущих как к развитию личности и группы, так и к изменениям самой среды» (Лунева, 2018: 240). Л. В. Корель вслед за Дж. У. Беннеттом (J. W. Bennett) считает, что «адаптация относится “к формам и правилам социального приспособления и изменения в поведении индивидов и групп в процессе достижения цели или просто сохранения статус-кво”» (цит. по: Корель, 1997: 39). Адаптационная стратегия социальной группы, с нашей точки зрения, это форма активной деятельности общности, в которой усваиваются социальные новации, вырабатываются модифицированные принципы, способы реагирования и нормы поведения в трансформирующейся социально-экономической сфере с целью оптимизации использования имеющихся ресурсов развития. Взаимосвязь понятий «адаптационная практика» и «адаптационная стратегия» рассматривается нами как то обстоятельство, что практика есть реализация стратегии.

В развитии Республики Тыва существует целый ряд проблем и факторов, сдерживающих повышение ее экономического потенциала. К ним относится и напряженная нестабильная ситуация на рынке

труда, характеризующаяся, с одной стороны, высоким уровнем безработицы и острой нехваткой квалифицированных кадров — с другой. Такая ситуация в сочетании с низким уровнем доходов жителей региона порождает высокие риски возникновения социальных конфликтов, опасность низких темпов развития или даже снижения (деградации) человеческого потенциала Тувы. При разработке перспектив развития Республики Тыва, выявлении конкурентных преимуществ территории предлагается учитывать региональные и этнические различия, особенности современного адаптационного поведения жителей региона в период трансформации, продуцируемые вследствие дистанции в социально-экономических позициях, уровне жизни, бытовом укладе, менталитете представителей различных этнических общностей Тувы, а также инновационном потенциале этнических групп. Под инновационным потенциалом этнической группы нами понимается совокупность характеристик социальной общности, определяющих ее способность к созданию, внедрению, восприятию и распространению новых идей, технологий, продуктов. Инновационный потенциал рассматривается как характеристика способности этнической общности к изменению, улучшению, прогрессу.

Обзор литературы

Логика исследований динамики развития общества и процессов модернизации привела ученых к необходимости введения таких дефиниций, как «социокультурная сфера» и «социокультурные процессы», «социокультурная экономика», синтезирующих понятия «социальное» и «культурное» развитие. Взаимосвязь социального и культурного, опосредованная развивающей деятельностью различных субъектов, порождает особую реальность, суть которой выражается понятием «социокультурное развитие». В качестве субъектов социокультурного развития исследователями рассматриваются такие понятия и категории, как «личность», «социальная группа», «этнос», «регион», «общество», «человечество в целом». Российскими учеными определены основные понятия социокультурной сферы, которые уточняются и оттачиваются (Зазулина, 2016; Куклина, 2006; Локосов, 2006; Мархинин, Удалова, 2014; Невеличко, 2016; Нечипоренко, 2012; Попков, 2016; Попков, Костюк, 2013).

Под социокультурным развитием далее понимается созидательная деятельность личности, социальной группы, этноса, нации, содержание которой составляют процессы создания, освоения, сохранения и развития традиций, ценностей и норм культуры. Современные процессы глобализации стимулируют распространение не только новых видов экономической деятельности, технологий, информации, образа жизни, но и все более разнообразных культурных моделей. Изучение механизмов влияния современных реалий на духовную и интеллектуальную составляющую культуры и на формирование различных культурных моделей — процесс, требующий глубокого изучения и дальнейших исследований. Наша исследовательская задача — выявить особенности модернизационных процессов, внедрения инноваций, специфику изменения ценностей, норм и традиций в трансформирующемся мире, особенности адаптационных практик, форм совмещения технологического развития с сохранением традиций и локальных особенностей.

В конце XX — начале XXI в. в отечественной науке получило развитие новое направление — социология адаптаций: рассмотрены ее теоретико-методологические вопросы, предложена классификационная система адаптаций. Выдвинут и обоснован тезис о необходимости дифференцированного построения концепции адаптаций для эволюционных и бифуркационных сред (Корель, 1997, 2005). Проводились исследования по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», по итогам которых опубликован ряд монографических трудов и научных статей (см., например: Этнорегиональные модели адаптации ..., 2008; Анайбан, Тюхтенева, 2008; Каравай, 2019).

В основе нашего исследования адаптационных практик жителей региона лежит системный анализ (Квейд, 1969) и концепция теории жизненного пути, базирующаяся на положении о том, что на разных этапах общественного развития социальные группы формируют адаптационные стратегии, исходя из вариаций исторических, культурных и социальных процессов (Elder, Caspi, 1990; Narotzky, Besnier, 2014). При отсутствии четких и формализованных процедур соизмерения зачастую противоречащих друг другу социокультурных составляющих анализ социальных процессов региона как системы позволяет повысить качество принимаемых управленческих решений, обоснованность выбора основных направлений развития из возможных альтернатив. По мнению Э. Квейда, «метод анализа систем в том виде, в каком он существует сегодня, может при умелом его использовании давать такие результаты, которые невозможны ни при одном другом методе» (Квейд, 1969: 36).

Основы исследования инноваций и региональных инновационных систем сформировались на базе работ по применению системного подхода к изучению инновационной деятельности отечественных и зарубежных ученых: С. Ю. Глазьева (Глазьев, 2022), О. Г. Голиченко (Голиченко, 2014), Д. Мейсснера, Л. Гохберга, А. Соколова (Meissner, Gokhberg, Sokolov, 2013), Б. Н. Кузыка (Кузык, 2014) и др. Результаты анализа особенностей региональных инновационных систем и рассмотрение инновационного потенциала как одной из категорий теории инноваций излагаются в работах: Н. А. Кравченко (Кравченко, 2021), М. А. Каневой, Г. А. Унтуры (Канева, Унтура, 2021), Г. И. Жиц (Жиц, 1999). Тема целенаправленного управления инновационным развитием региона изучалась Л. Гохбергом, И. М. Бортником, С. П. Земцовым и др. (Бортник и др., 2015).

Отметим, что наиболее полно социокультурная проблематика, а именно социальные ракурсы этнических процессов, изучается в России сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Москва) и Института социологии РАН (Москва). Здесь трудами В. А. Тишкова (Тишков, 2012), Л. М. Дробижевой (Дробижева, 2012, 2021), Ю. В. Арутюняна (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999), М. Н. Губогло и др. создана научная школа исследования этнокультурных и межнациональных отношений, нейтрализации этнических рисков и предотвращения конфликтов, анализа этнической идентичности. В рамках этого направления заслуживают внимания работы: З. В. Анайбан, С. П. Тюхтеновой (Анайбан, Тюхтенева, 2008), Л. В. Остапенко, И. А. Субботиной (Этнорегиональные ... , 2008), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2011, 2018, 2023) и др. Результаты изучения особенностей социальной структуры и социального расслоения в Туве представлены в коллективной работе московских социологов З. Т. Голенковой, Ю. В. Голиусовой, П. Е. Сушко, А. Д.-Б. Самба и др. (Социально-стратификационные процессы ... , 2020).

Другой сформировавшейся научной школой по изучению этнорегиональных процессов является группа ученых Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск). Здесь выделяются работы Ю. В. Попкова, В. Г. Костюка, М. А. Абрамовой, Г. С. Гончаровой (Попков, Костюк, 2017; Абрамова, Гончарова, Костюк, 2014), Е. А. Тюгашева (Попков, Тюгашев, 2017), В. В. Мархинина, И. В. Удаловой (Мархинин, Удалова, 2014) и др. Также заслуживают внимания работы социологов из Института экономики и ОПП СО РАН З. И. Калугиной (Калугина, 2020), Л. В. Корель (Корель, 2005), С. В. Соболевой, Н. Е. Смирновой, О. В. Чудаевой (Соболева, Смирнова, Чудаева, 2020) и других ученых. По динамике социокультурных процессов в Республике Тыва проведен цикл исследований с участием автора статьи, результаты которых обобщены в ряде монографий и научных статей (Балакина, Анайбан, 1995; Балакина, Кылыгдай, 2015), в которых определены специфика адаптационных процессов к рынку труда, занятиям предпринимательством, фермерством, особенности этнорегиональных моделей адаптации на этапе промышленного освоения природных ресурсов в 1990–2010 гг.

Итак, изучение опубликованных научных работ позволяет сделать вывод о заинтересованности научного сообщества России в исследовании социокультурных процессов вообще и адаптационных практик населения к современным трансформационным реалиям в частности. Тем не менее, подход к исследованию процессов социокультурной сферы в значительной мере не систематизирован, требует уточнения проблемного поля, взаимосвязей понятий, методов исследования. Поэтому в качестве метода изучения нами применяется системный анализ.

Анализ процессов адаптации в Туве: мнения экспертов

Обзор научной литературы дополняется нами агрегированным мнением экспертного сообщества (представителями интеллигенции — научной, преподавательской и управленческой элиты, журналистов) о формирующихся адаптационных практиках жителей Тувы.

Эксперты отметили низкое (80 %) и среднее (20 %) развитие инновационной деятельности в отраслях реального сектора Тувы, оценку «высоко развита» не выбрал ни один опрошиваемый. При этом с помощью опроса выявлено существенное расхождение — «ножницы» — между широким использованием населением значительного числа инновационных технологий в быту, в области информационного обеспечения профессиональной деятельности и применением инноваций на производстве и в отраслях реального сектора экономики. По мнению одного эксперта (мужчина, 60 лет, управленец), невысокая степень инновационной активности предприятий республики (одна из низких среди регионов РФ: в среднем по России в 2021 г. уровень инновационной активности организации

составил 11,9, по Республике Тыва — 4,4, по Алтайскому краю — 17,1, по Томской области — 17,9¹ детерминируется низким удельным весом предприятий крупного и среднего бизнеса в количестве предприятий и организаций Тувы. Ряд экспертов отметили как пример инновационных практик распространение «организации голосования в различных профессиональных и творческих конкурсах, формирование групп жителей для поездок в Монголию и города России, создание групп подписчиков по интересам (по распространению БАД), анкетирование населения посредством сети Интернет» (женщина, 50 лет, научный сотрудник); «использование возможностей социальных сетей, чтобы заработать» (женщина, 52 года, журналист); «покупки в маркетплейсах (“Вайлдберриз”, “Али-экспресс”, “Озон”) для экономии времени и денег» (женщина, 61 год, научный сотрудник); «обеспечивает равный доступ для всех к информационным ресурсам, консультационным и регистрационным центрам, электронная запись через Госуслуги» (мужчина, 64 года, управленец).

Опрошенные отметили, что восприимчивость населения республики к инновациям можно охарактеризовать как среднюю, такую оценку указали большинство опрошенных — 68%, как низкую — 32%. По данным статистики, количество персональных компьютеров на 100 работников в 2021 г. насчитывало по РФ — 61, по Тыве — 62, по Сибирскому федеральному округу — 56 и Томской области (лидеру инновационного развития Сибири) — 71; количество персональных компьютеров, подключенных к сети Интернет, соответственно: 45, 41, 41 и 55². Таким образом, привлеченные нами эксперты имеют достаточно четкие представления о складывающихся адаптационных практиках населения Тувы на фоне трансформационных изменений и масштабных инновационных преобразований в стране и регионе, которые подтверждаются данными официальной статистики, а также увязываются с опубликованными результатами научных исследований. Изучение мнений экспертного сообщества позволило более четко определить контуры проблемного поля исследования.

По оценкам экспертов, процесс восприятия инноваций населением Тувы проходит противоречиво. С одной стороны, владение и применение в повседневной практике новых электронных устройств, созданных на основе новейших компьютерных технологий (гаджетов) в республике значительно распространено, сопоставимо с подобной ситуацией в крупных городах России. Жители Тувы широко используют приложения «Мобильный банк», «Умный дом», «Умный транспорт», «Умный город», голосовые помощники и др., позволяющие повысить комфорт и безопасность, экономить время. С другой стороны, большинство экспертов (52%) указало, что жители Тувы недостаточно готовы или относятся настороженно к проведению модернизации в быту и на производстве, что неадекватно потребностям динамики социально-экономических процессов в стране, по мнению каждого пятого эксперта, жители Тувы безразличны к инновациям. Также невысоко эксперты оценили развитие инновационной деятельности в отраслях реального сектора Тувы — 80% из них отметили низкий уровень инновационной деятельности, тогда как восприимчивость населения республики к инновациям охарактеризовали как среднюю 68%, как низкую — 28%. У предприятий республики нет средств, они не могут себе позволить модернизацию и внедрение инноваций — отметили 56% опрошенных специалистов. Как примеры использования инноваций в повседневной жизни населения Тувы экспертами отмечено использование тувинского языка в мобильных приложениях, мобильных телефонов для слепых, трансляцию онлайн-концертов (женщина, 50 лет, научный сотрудник). Недостатки политики по поддержке процессов новой индустриализации, модернизации опрошенные видят в излишней бюрократизации процесса: «Мешают чиновники, занимающие выжидательную позицию, и бюрократия» (женщина, 65 лет, журналист). Они считают, что «финансовые средства из Стабилизационного фонда РФ необходимо направлять на развитие передовых технологий на конкурсной основе» (мужчина, 60 лет, преподаватель).

Значительное количество экспертов — около двух третей (64%) — оценили практику переезда на постоянное место жительства за пределы Тувы как имеющую положительные и отрицательные последствия (табл. 1). Каждый четвертый эксперт считает выезд из республики социально успешной практикой, 12% — не разделяют эту точку зрения.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 : стат. сб. М. : Росстат, 2022. 1122 с. С. 962–963.

² Там же. С. 894–895.

Таблица 1. Оценка экспертами последствий переезда на постоянное место жительства за пределами Тувы*
Table 1. Experts' assessment of the consequences of moving to a permanent place of residence outside Tuva

Положительные последствия		Отрицательные последствия	
Содержание	Частота, % к числу ответивших	Содержание	Частота, % к числу ответивших
Расширение возможностей для самореализации, карьерного роста	52,0	Трудности поиска подходящей работы	8,0
Восстановление связей с родственниками при переезде на историческую родину, ощущение возвращения в родные места, появление новых социальных связей	24,0	Долговременная адаптация к новому месту жительства, новому окружению и высоко урбанизированным условиям жизни и труда, психологический стресс, культурный шок	56,0
Возможность получения более высокого уровня образования и квалификации	12,0	Длительная акклиматизация, приспособление организма к новым условиям, иногда через обострение хронических заболеваний	8,0
Повышение качества жизни, том числе за счет лучшего оснащения учреждений здравоохранения и доступности медицинских услуг	28,0	Сужение привычного круга общения, социальных контактов, затруднение в социализации в новых условиях	48,0
Расширение доступа к культурным ценностям (театры, музеи, выставки, концерты и т. п.) и повышение культурного уровня	20,0	Утрата части профессиональных навыков вследствие невостребованности на новом месте работы, включая традиционные навыки животноводства	12,0
Увеличение спектра качественных социальных услуг	12,0	Ослабление наработанных социальных и деловых связей	12,0
Снижение нагрузки на рынок труда, уменьшение уровня безработицы и бедности	24,0	Снижение социального статуса	12,0
Активизация склонности к саморазвитию, раскрытие неиспользованного ранее потенциала личности	24,0	Сокращение уровня доходов, рост расходов по созданию комфортных условий быта, на городской и пригородный транспорт	12,0
Расширение возможностей профессионального выбора	8,0	Изменение среды и стиля жизни	8,0
Улучшение условий труда и отдыха	8,0	Убыль, снижение численности населения	16,0
Повышение профессионального квалификационного уровня	16,0	Нехватка квалифицированных кадров, неизбежное понижение качества трудовых ресурсов Тувы	44,0

* Материалы опроса в апреле-мае 2023 г.

По мнению экспертов, практика выезда жителей из Тувы имеет ряд существенных недостатков, заключающихся в длительном периоде адаптации к высоко урбанизированным условиям жизни и труда, жесткой перестройке организма вследствие продолжительной акклиматизации, снижении

социального статуса, сокращении уровня доходов, потерей части профессиональных навыков, сужением социальных контактов. Многие эксперты (56%) отметили прохождение через стрессовую ситуацию, через культурный шок переехавших, снижение, хотя и временное, уровня располагаемых доходов, социального статуса, показателей здоровья и социального самочувствия. В качестве положительных последствий выезда из республики отмечены: расширение возможностей для самосовершенствования, увеличения доходов, профессионального роста, улучшения условий труда, отдыха и досуга. Также эксперты указали, что с отъездом жителей из региона снижается нагрузка на рынок труда и социальную сферу. Т. е. результаты экспертного опроса показывают превышение отрицательных оценок выезда из республики над положительными.

Появившееся в последние 5–7 лет явление трудовой миграции и выезда за пределы Тувы из-за отсутствия работы, по мнению экспертов, имеет и отрицательные и положительные стороны, но негативно с точки зрения перспектив развития республики, несет в себе высокий уровень рисков и депривации. Суженное поле жизненных ресурсов значительной части населения региона стимулируют стремление жителей к перемещению в другие социальные условия, что ассоциируется для большинства россиян с переездом на новое место жительства. По мнению одного из экспертов, «при переезде в крупные города у человека появляется больше возможностей для саморазвития, самосовершенствования, путешествий по миру» (женщина, 68 лет, научный сотрудник). С точки зрения другого, «при переезде повышается мобильность, в том числе и социальная, расширяется доступ к рабочим местам и достойной зарплате, получение новых навыков и знаний» (женщина, 42 года, научный сотрудник). Также высказывались следующие суждения: «С точки зрения человека (лично), при выезде из Тувы легче найти работу, трудоустроиться за более высокую оплату и найти жилье. С точки зрения региона и государства, последствия миграции нельзя считать успешной практикой, так как выезжают в основном люди активного (трудоспособного) возраста и высококвалифицированные специалисты» (мужчина, 69 лет, инженер); «При смене места жительства происходит отрыв от привычной среды, утрачиваются навыки. Например, при реализации губернаторского проекта “Кыштаг для молодой семьи” оказалось, что утеряны навыки животноводства у некоторых участников, живших в городах» (женщина, научный сотрудник, 48 лет).

При анализе экспертных оценок выяснилось, что если в большинстве российских регионов к переезду в другие регионы и крупные города более высокую склонность обнаруживают представители социальных групп с высокими и средними доходами, то в Туве более высок уровень склонных к переезду жителей с низкими доходами. Это повышает риски превращения республики в регион «исхода гастарбайтеров».

Классификация адаптационных стратегий

По итогам экспертного опроса можно выделить несколько сложившихся адаптационных практик населения Тувы, которые условно разбиты нами на два класса: практики выживания и практики прогресса (табл. 2). К практикам выживания относятся: поиск дополнительного заработка, увеличение долговой нагрузки, надежда на помощь родственников. Эти практики (стратегии) формируются в условиях недостаточности или отсутствия ресурсов. Среди них выделяются стратегии пассивного ожидания «лучших времен», вынужденного бездействия, принятия помощи от государства, надежда на помощь родственников, получение социальных пособий, материнского капитала. Также экспертами выделены занятия огородничеством, расширение личных подсобных хозяйств, продажа активов или получение пассивного дохода (процентов и дивидендов), сдача в аренду жилья. По мнению одного эксперта, «одна из практик выживания: экономия на всем, поиск подработок (вторичной занятости)» (женщина, 43 года, научный сотрудник). Другое высказывание: «Как практику выживания можно назвать создание групп для внутренней мобильности типа “попутчики”» (женщина, 46 лет, управленец).

Практики социального прогресса включают: оптимизацию использования социально-государственных ресурсов, повышение уровня образования и квалификации, смена места жительства для повышения соответствия благоустройства внешней среды уровню притязаний современных поколений населения. Повышение эффективности использования социально-государственной поддержки, с

точки зрения экспертов, включает в себя: применение социального контракта¹, самозанятость, участие в губернаторских проектах², участие в конкурсах на получение финансовой поддержки. Наряду с этим указаны стратегии приобретения новых знаний и навыков с целью повышения уровня саморазвития, оптимизация владения информацией, участие в сетевом маркетинге. По мнению экспертов, наиболее популярными стратегиями социального прогресса являются получение новых навыков и знаний, использование возможностей дистанционного образования, формирование интернет-сообществ. Их выделили более половины экспертов. Каждый четвертый опрошенный считает эффективной практикой смену места работы, треть — повышение уровня образования и квалификации. Один из экспертов указал: «К практикам развития относятся: участие в губернаторских проектах, конкурсах Минэкономки РТ по финансовой поддержке субъектов малого бизнеса, переезд для трудоустройства в другие регионы России и за границу, работа во время учебы» (женщина, 50 лет, управленец).

Таблица 2. Ранжирование экспертами практик выживания населения Республики Тыва*

Table 2. Experts' ranking of survival practices of the population of the Republic of Tuva

Практики «выживания»	
Название, описание практики	Частота, % к числу ответивших
Поиск дополнительного заработка, использование активов	24,0
Увеличение долговой нагрузки	20,0
Надежда на помощь родственников, государства	36,0
Вынужденное бездействие	32,0
Трудовая миграция	24,0
Развитие личного подсобного хозяйства, огородничество, сбор дикоросов	24,0

* Материалы опроса в апреле-мае 2023 г.

Суммарные оценки экспертов практик выживания несколько выше практик социального прогресса: их опрошенные называли чаще. Частота упоминаний практик выживания несколько выше, чем практик социального прогресса, что обусловлено объективными обстоятельствами социально-экономической обстановки в республике, соотносится с контекстом условий жизни в Тыве. Жители республики, относящиеся к социальным группам с низкими доходами, не имея возможности их повысить, зачастую выбирают стратегию сокращения своих потребностей, экономии денег, усилий, энергии. Здесь наиболее высокий уровень социальных рисков и депривации. Население с более высокими доходами, имеющие ресурсы для нивелирования социальных рисков, выбирают стратегии, связанные с повышением уровня образования и квалификации, получением престижных высокооплачиваемых профессий или совершенствованием в них.

¹ Социальный контракт — заключение соглашения на определенный срок между малоимущим гражданином и региональными органами социальной защиты на получение финансовых средств для прохождения переобучения или открытия собственного дела, ведения личного подсобного хозяйства. См.: Социальный контракт в Кызыле [Электронный ресурс] // GOGOV. 2023. 26 мая. URL: <https://gogov.ru/social-contract/kyzyl> (дата обращения: 10.06.2023).

² Губернаторские проекты в Республике Тыва: «Молоко Тувы», «В каждой семье — не менее одного ребенка с высшим образованием», «Дук» («Шерсть»), «Таежное село», «Корова кормилица», «Мы на связи», «Село, в котором я живу», «Служебное жилье», «Сорунза» («Притяжение»), «Эзирлернин уязы» («Гнездо орлят»), «Одно село — один продукт», «Кыштаг для молодой семьи», «Кеш» («Выделка шкур»), «Чаа сорук» («Новая жизнь») и др. См.: Губернаторские проекты [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtuva.ru/natsionalnye-gubernatorskie-proekty/2678/> (дата обращения: 01.05.2023).

Таблица 3. Ранжирование экспертами практик социального прогресса населения Республики Тыва*
Table 3. Experts' ranking of the practices of social progress of the population of the Republic of Tuva

Практики социального прогресса	
Название, описание практики	Частота, % к числу ответивших
Повышение уровня образования и квалификации	32,0
Изменение места работы	24,0
Смена места жительства	16,0
Оптимизация владения информацией, реализация образовательных программ, социального контракта	24,0
Приобретение новых навыков и знаний, использование инноваций	52,0
Применение социального контракта, участие в губернаторских проектах	28,0

* Материалы опроса в апреле 2023 г.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что формирование индивидами адаптационных стратегий для эффективного использования располагаемых ресурсов в Республике Тыва имеет ряд особенностей. К ним относятся: высокая восприимчивость к инновациям в сфере быта и коммуникаций при низкой инновационной активности предприятий, а также высокая нацеленность на миграцию как способ адаптационного бегства от региональных проблем и преобладание пассивного восприятия изменений над активным приспособлением к ним. Особенности адаптационных практик населения Тувы формируются в условиях неадекватного миграционного обмена, для которого характерна «утечка мозгов», снижение численности квалифицированных специалистов и качества трудовых ресурсов региона, высокий уровень конкуренции на рынке труда. По результатам анализа мнений экспертного сообщества можно выделить ряд адаптационных стратегий, дифференцированных по обеспеченности финансовыми ресурсами их приверженцев, позиционированием индивидов на рынке труда в местах проживания, профессиональному статусу, возрасту и принадлежности к этнорегиональной группе. Тем не менее, экспертные оценки пассивных адаптационных стратегий — вынужденного бездействия и надежды на помощь государства и родственников, наращивание долгов — существенно выше, чем активных практик выживания.

Одним из основных критериев (но не единственным) разделения адаптационных практик на социально успешные и социально неуспешные, по нашему мнению, должна стать динамика их социально-экономического положения как в объективной, так и в субъективной оценке, возможность повышения доходов и улучшения материального положения. Другими критериями могут стать уровень социального самочувствия, ориентация на прогресс семьи или группы родственников и др. Выбор адаптационных стратегий в конкретных исторических условиях зависит от уровня доходов, ресурсов его изменения, включая риски, потенциала накопления активов, соотношения целей развития и возможностей их достижения, показателей благополучия индивида. Сравнительный анализ мнений экспертного сообщества и населения республики в целом об особенностях адаптационных стратегий в качестве адаптационных практик в условиях инновационных изменений, их ранжирование на социально успешные и социально неуспешные, проблемы совершенствования методов исследования станет предметом изложения в следующих публикациях.

Благодарности

Автор признателен специалистам-экспертам, нашедшим время ответить подробно и вдумчиво на вопросы интервью. Благодарю анонимных рецензентов, замечания которых помогли уточнить формулировки по тексту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2014) Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск : Автограф. 179 с.
- Анайбан, З. В., Тюхтенева, С. П. (2008) Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период) / под ред. Н. М. Горбуновой. М. : Институт востоковедения РАН. 217 с.
- Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М., Сусоколов, А. А. (1999) Этносоциология : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс. 271 с.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы / отв. ред. З. И. Калугина. Новосибирск : Наука. 140 с.
- Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / отв. ред. Л. В. Корель. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.
- Бортник, И. М., Земцов, С. П., Иванова, О. В., Куценко, Е. С., Павлов, П. Н., Сорокина, А. В. (2015) Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки // Инновации. № 7 (201). С. 26–36.
- Глазьев, С. Ю. (2022) Регулирование инновационных процессов в новом технологическом и мирохозяйственном укладах // Экономическое возрождение России. № 2 (72). С. 24–27. DOI: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27>
- Голиченко, О. Г. (2014) Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования // Вопросы экономики. № 7. С. 35–50. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>
- Дробижева, Л. М. (2012) Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. Социология. Этнология. Т. 21, № 4. С. 91–110.
- Дробижева, Л. М. (2021) Опыт 1990-х гг. и управление культурным разнообразием // Социологические исследования. № 8. С. 49–61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2>
- Жиц, Г. И. (1999) Инновационный потенциал. Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т. 129, [2] с.
- Зазулина, М. Р. (2016) Сообщество как предмет исследования социальных наук: стратегии изучения, сравнение, проблемы // Сибирский философский журнал. Т. 14, № 3. С. 124–139.
- Калугина, З. И. (2020) Социальные риски развития Сибири // Регион: экономика и социология. № 3 (107). С. 117–134. DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20200305>
- Канева, М. А., Унтура, Г. А. (2021) Модели оценки влияния экономики знаний на экономический рост и инновации регионов / отв. ред. В. И. Сулов. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН. 256 с.
- Каравай, А. В. (2019) Основные модели социально-экономической адаптации в разных странах российского общества // Terra Economicus. Т. 17, № 3. С. 128–145. DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>
- Квейд, Э. (1969) Анализ сложных систем : пер. с англ. / под ред. И. И. Ануреева, И. М. Верещагина. М. : Советское радио. 520 с.
- Корель, Л. В. (1997) Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН. 160 с.
- Корель, Л. В. (2005) Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука. 424 с.
- Кравченко, Н. А. (2021) Национальная инновационная система: незавершенное строительство // Управление наукой: теория и практика. Т. 3, № 4. С. 44–50. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2021.3.4.5>
- Кузык, Б. Н. (2014) О формировании системы стратегического управления модернизацией и развитием российской экономики // Экономические стратегии. Т. 16, № 2 (118). С. 24–29.
- Куклина, В. В. (2006) Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН. 116, [1] с.
- Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб. : Алетейя. 368 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Локосов, В. В. (2006) Российское сообщество: трансформация целей, интересов, ценностей. М. : РИЦ ИСПИ РАН. 205 с.
- Лунева, О. В. (2018) Адаптация социальная // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 240–247. DOI: <http://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.22>
- Мархинин, В. В., Удалова, И. В. (2014) Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 12, вып. 1. С. 70–78.
- Невеличко, Л. Г. (2016) Местные сообщества как основа местного самоуправления. Биробиджан : ПГУ им. Шолом-Алейхема. 93 с.

Нечипоренко, О. В. (2012) Сельские локальные сообщества как объект исследования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 10, вып. 2. С. 126–131.

Попков, Ю. В. (2016) Социокультурный подход в исследовании этносоциальных процессов и этнонациональной политики // Наследие. № 1 (8). С. 81–90.

Попков, Ю. В., Костюк, В. Г. (2013) Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 11, вып. 2. С. 68–74.

Попков, Ю. В., Костюк, В. Г. (2017) Динамика социокультурных процессов в сообществах: тенденции, основные показатели // Сибирский философский журнал. Т. 15, № 3. С. 75–85. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-3-75-85>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2017) Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. № 10 (520). С. 7–19.

Роом, М. В. (2006) Философия и психология адаптивных процессов : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Изд-во Моск. психолого-социального ин-та ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК». 296 с.

Соболева, С. В., Смирнова, Н. Е., Чудаева, О. В. (2020) Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития // ЭКО. № 8 (554). С. 48–65. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO131-7652-2020-8-48-65>

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др. ; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/mognr.978-5-89697-332-4.2020>

Тишков, В. А. (2012) Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы (вместо заключения) // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М. : Наука. 656 с. С. 630–653.

Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики) (2008) / ред.-сост.: Л. В. Остапенко, И. А. Субботина ; общ. ред. М. Н. Губогло. М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 444 с.

Elder, G. H., Jr., Caspi, A. (1990) Studying lives in a changing society: Sociological and personal explorations // Studying persons and lives / ed. by A. I. Rabin, R. A. Zucker, R. A. Emmons, S. Frank. N. Y. : Springer Publishing Co. xv, 349 p. P. 201–247.

Meissner, D., Gokhberg, L., Sokolov, A. (eds.) (2013) Science, technology and innovation policy for the future: Potentials and limits of foresight studies. Heidelberg ; N. Y. ; Dordrecht ; London : Springer. xviii, 292 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-31827-6>

Natzke, S., Besnier, N. (2014) Crisis, value, and hope: Rethinking the economy: An Introduction to Supplement 9 // Current Anthropology. Vol. 55, no. S9. P. 4–16. DOI: <https://doi.org/10.1086/676327>

Дата поступления: 30.05.2023 г.

Дата принятия: 13.06.2023 г.

REFERENCES

Abramova, M. A., Goncharova, G. S. and Kostiuk, V. G. (2014) *Sotsiokul'turnye tipy molodezhi: etnicheskii i regional'nyi aspekty [Sociocultural types of the youth: Ethnic and regional aspects]*. Novosibirsk, Avtograf. 179 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. and Tiukhteneva, S. P. (2008) *Etnokul'turnaia adaptatsiia naseleniia Iuzhnoi Sibiri (sovremennyi period) [Ethnocultural adaptation of the population of Southern Siberia (modern period)]* / ed. by N. M. Gorbunova. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS. 217 p. (In Russ.).

Arutiunian, Yu. V., Drobizheva, L. M. and Susokolov, A. A. (1999) *Etnosotsiologiia [Ethnology] : A guide for HEIs*. Moscow, Aspekt Press. 271 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Contemporary Tuva: Sociocultural and ethnic processes]* / ed. by Z. I. Kalugina. Novosibirsk, Nauka. 140 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Klygydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva]* / ed. by L. V. Korel. Kyzyl, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources of the SB of the RAS. 160 p. (In Russ.).

Bortnik, I. M., Zemtsov, S. P., Ivanova, O. V., Kutsenko, E. S., Pavlov, P. N. and Sorokina, A. V. (2015) Stanovlenie innovatsionnykh klasterov v Rossii: itogi pervykh let podderzhki [Formation of innovative clusters in Russia: Results of the first years of support]. *Innovatsii*, no. 7 (201), pp. 26–36. (In Russ.).

Glaziev, S. Yu. (2022) Regulirovanie innovatsionnykh protsessov v novom tekhnologicheskom i mirokhoziaistvennom ukladakh [Management of innovative processes in the new technological and world economic structures]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no. 2 (72), pp. 24–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27>

Golichenko, O. G. (2014) Natsional'naiia innovatsionnaia sistema: ot kontseptsii k metodologii issledovaniia [National innovation systems: From conception toward the methodology of analysis]. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 35–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2014-7-35-50>

Drobizheva, L. M. (2012) Resurs mezhnatsional'nogo soglasiia i balans neterpimosti v sovremennom rossiiskom obshchestve [Resource of interethnic harmony and the balance of intolerance in contemporary Russian society]. *Mir Rossii. Sotsiologiia. Etnologiia*, vol. 21, no. 4, pp. 91–110. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2021) Opyt 1990-kh gg. i upravlenie kul'turnym raznoobraziem [1990s experience and cultural diversity management]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 49–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2>

Zhits, G. I. (1999) *Innovatsionnyi potentsial [Innovative potential]*. Saratov, Saratov State Technical University. 129, [2] p. (In Russ.).

Zazulina, M. R. (2016) Soobshchestvo kak predmet issledovaniia sotsial'nykh nauk: strategii izucheniia, sravnenie, problemy [Community as a subject of study in the social sciences: Strategies for study, comparison, problems]. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, vol. 14, no. 3, pp. 124–139. (In Russ.).

Kalugina, Z. I. (2020) Sotsial'nye riski razvitiia Sibiri [Social risks of Siberian development]. *Region: ekonomika i sotsiologiia*, no. 3 (107), pp. 117–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15372/REG20200305>

Kaneva, M. A. and Untura, G. A. (2021) *Modeli otsenki vliianiia ekonomiki znaniia na ekonomicheskii rost i innovatsii regionov [Models for assessing the impact of the knowledge economy on the economic growth and innovation of regions]* / ed. by V. I. Suslov. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering of the SB of the RAS. 256 p. (In Russ.).

Karavay, A. V. (2019) Osnovnye modeli sotsial'no-ekonomicheskoi adaptatsii v raznykh stratakh rossiiskogo obshchestva [Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society]. *Terra Economicus*, vol. 17, no. 3, pp. 128–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>

Quade, E. (1969) *Analiz slozhnykh sistem [Analysis for military decisions]* : transl. from English / ed. by I. I. Anureev and I. M. Vereshchagin. Moscow, Sovetskoe radio. 520 p. (In Russ.).

Korbel, L. V. (1997) *Sotsiologiia adaptatsii: etudy apologii [Sociology of adaptation: Essays of apology]*. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering of the SB of the RAS. 160 p. (In Russ.).

Korel, L. V. (2005) *Sotsiologiia adaptatsii. Voprosy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of adaptations. Problems of theory and methodology]*. Novosibirsk, Nauka. 424 p. (In Russ.).

Kravchenko, N. A. (2021) Natsional'naia innovatsionnaia sistema: nezavershennoe stroitel'stvo [National innovation system: Construction in progress]. *Science Management: Theory and Practice*, vol. 3, no. 4, pp. 44–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/smt.2021.3.4.5>

Kuzyk, B. N. (2014) O formirovanii sistemy strategicheskogo upravleniia modernizatsiei i razvitiem rossiiskoi ekonomiki [On the formation of a strategic management system for modernization and development of the Russian economy]. *Ekonomicheskie strategii*, vol. 16, no. 2 (118), pp. 24–29. (In Russ.).

Kuklina, V. V. (2006) *Lokal'nye soobshchestva Iuzhnoi Sibiri v polietnichnoi srede: kul'turno-geograficheskii srez [Local communities of Southern Siberia in a multiethnic environment: Cultural and geographical juncture]*. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. 116, [1] p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdum proshlym i budushchim [Tuva between the past and future]*. 2nd ed. St. Petersburg, Aletheia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [National character of Tuvans]*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2023) Kontsepty kul'tury: forma, ideia, sotsial'naia reguliatsiia [Concepts of culture: Form, idea, social regulation]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Lokosov, V. V. (2006) *Rossiiskoe soobshchestvo: transformatsiia tselei, interesov, tsennostei [The Russian community: Transformation of goals, interests, values]*. Moscow, Printing and Publication Center of the Institute of Socio-Political Research of the RAS. 205 p. (In Russ.).

Luneva, O. V. (2018) Adaptatsiia sotsial'naia [Social adaptation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 240–247. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.17805/zpu.2018.3.22>

Markhinin, V. V. and Udalova, I. V. (2014) Mezhetnicheskoe soobshchestvo kak sotsiokul'turnyi kontsept (postanovka problemy) [Interethnic community as a sociocultural concept (problem statement)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofii*, vol. 12, issue 1, pp. 70–78. (In Russ.).

Nevelichko, L. G. (2016) *Mestnye soobshchestva kak osnova mestnogo samoupravleniia [Local communities as the basis of local self-government]*. Birobidzhan, Sholem Aleichem Priamursky State University. 93 p. (In Russ.).

Nechiporenko, O. V. (2012) Sel'skie lokal'nye soobshchestva kak ob'ekt issledovaniia [Rural local communities as a research object]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofii*, vol. 10, issue 2, pp. 126–131. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2016) Sotsiokul'turnyi podkhod v issledovanii etnosotsial'nykh protsessov i etnonatsional'noi politiki [Socio-cultural approach in the study of ethno-social processes and ethno-national policy]. *Nasledie*, no. 1 (8), pp. 81–90. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Kostyuk, V. G. (2013) Sotsiokul'turnaia dinamika: kontseptual'nye podkhody [Sociocultural dynamics: Conceptual approaches]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofii*, vol. 11, issue 2, pp. 68–74. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Kostyuk, V. G. (2017) Dinamika sotsiokul'turnykh protsessov v soobshchestvakh: tendentsii, osnovnye pokazateli [Dynamics of social-cultural processes in communities: Trends and main indicators]. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, vol. 15, no. 3, pp. 75–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-3-75-85>

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2017) Fenomen goroda kak mezhetnicheskogo soobshchestva [The phenomenon of the city as an interethnic community]. *EKO*, no. 10 (520), pp. 7–19. (In Russ.).

Room, M. V. (2006) *Filosofii i psikhologii adaptivnykh protsessov [Philosophy and psychology of adaptive processes] : A student's guide*. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ.; Voronezh, MODEK. 296 p. (In Russ.).

Soboleva, S. V., Smirnova, N. E. and Chudaeva, O. V. (2020) Demograficheskie problemy Sibiri v kontekste prostranstvennogo razvitiia [Demographic problems of Siberia in the context of spatial development]. *EKO*, no. 8 (554), pp. 48–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-8-48-65>

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva] (2020) / Z. T. Golenkova et al. ; ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Tishkov, V. A. (2012) Etnopoliticheskii konflikt: sistemnyi i antropologicheskii (vmesto zakliucheniia) [Ethnopolitical conflict, systemic and anthropological: In lieu of a conclusion]. In: *Etnichnost' i religii v sovremennykh konfliktakh [Ethnicity and religion in contemporary conflicts] / ed. by V. A. Tishkov and V. A. Shnirelman*. Moscow, Nauka. 656 p. Pp. 630–653. (In Russ.).

Etnoregional'nye modeli adaptatsii (postsovetskie praktiki) [Ethnoregional adaptation models (post-Soviet practices)] (2008) / ed. and comp. by L. V. Ostapenko and I. A. Subbotina; ed. by M. N. Guboglo. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS. 444 p. (In Russ.).

Elder, G. H., Jr. and Caspi, A. (1990) Studying lives in a changing society: Sociological and personological explorations. In: *Studying persons and lives / ed. by A. I. Rabin, R. A. Zucker, R. A. Emmons, S. Frank*. New York, Springer Publishing Co. xv, 349 p. Pp. 201–247.

Meissner, D., Gokhberg, L. and Sokolov, A. (eds.) (2013) *Science, technology and innovation policy for the future: Potentials and limits of foresight studies*. Heidelberg; New York; Dordrecht ; London, Springer. xviii, 292 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-31827-6>

Narotzky, S. and Besnier, N. (2014) Crisis, value, and hope: Rethinking the economy: An Introduction to Supplement 9. *Current Anthropology*, vol. 55, no. S9, pp. 4–16. DOI: <https://doi.org/10.1086/676327>

Submission date: 30.05.2023.

Acceptance date: 13.06.2023 г.

Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект

Тамара К. Ростовская

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Екатерина Н. Васильева

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

Целью статьи является изучение институциональных вызовов и их влияния на образовательную миграцию тувинской молодежи в Республике Тыва в период с 2018 по 2022 г. Под институциональными вызовами понимаются: 1) соотношение числа молодежи и количества бюджетных мест в образовательных учреждениях республики; 2) стоимость обучения в учреждениях среднего и высшего образования в регионе и уровень доходов населения; 3) уровень безработицы молодежи. Источниками информации являются сайты образовательных учреждений по исследуемому субъекту РФ в сети Интернет, статистические данные о доходах населения, рынке труда и демографических показателях Тувы. Используемые методы исследования — логический, статистические методы, анализ документов.

Индикаторы возрастно-половой структуры населения Республики Тыва показывают, что в демографической структуре населения доля молодежи, претендующей на обучение в средних профессиональных и высших образовательных учреждениях, в ближайшие 10 лет будет расти. Ресурсы института образования в Тыве на современном этапе развития не рассчитаны на удовлетворение спроса абитуриентов на региональном рынке образовательных услуг. Ограниченное количество бюджетных мест, высокая стоимость образования являются причинами формирования жизненных стратегий молодежи, направленных на реализацию планов образовательной миграции в более благополучные регионы России. Препятствием к получению высшего и среднего профессионального образования тувинской молодежью являются низкие доходы населения. На примере модели домохозяйства, состоящего из родителей и трех детей, находящихся на иждивении, рассчитано, что оплату образования одного ребенка по договору оказания услуг за счет физических лиц члены такого домохозяйства позволить себе не смогут. Вынужденный, мотивированный материальными проблемами отказ молодых людей от миграции после получения среднего образования не гарантирует, что молодой человек не уедет в другой регион в поисках работы. Анализ ситуации на рынке труда Тувы показывает, что уровень безработицы остается высоким.

Ключевые слова: Республика Тыва; внутренняя миграция; образовательная миграция; миграция молодежи; институциональный вызов; образовательное учреждение; уровень доходов населения; рынок труда

Публикация выполнена в рамках проекта № 060508-0-000 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 207-219. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. Эл. адрес: rostovskaya.tamara@mail.ru

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: vasilevaen@yandex.ru

Challenges of educational migration of Tuvan youth: Demographic aspect

Tamara K. Rostovskaya

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS;
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation,*

Ekaterina N. Vasilieva

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
Russian Federation*

The purpose of the article is to study institutional challenges and their influence on the educational migration of Tuvan young people in the Republic of Tuva in 2018–2022. In the article, institutional challenges are interpreted as: 1) the ratio of the number of young people to the number of state-funded places in educational institutions of the Republic; 2) tuition fee in institutions of secondary and higher education in the region and the level of income of the population; 3) the youth unemployment rate. The sources of information include websites of educational institutions in the studied subject of the Russian Federation on the Internet, statistical data on the income of the population, the labor market and demographic indicators of Tuva. The research methods are logical and statistical ones, as well as document analysis.

The indicators of the age and gender structure of the population of the Republic of Tuva show that in the demographic structure of the population, the proportion of young people applying for a place in secondary vocational and higher educational institutions will be increasing during the next 10 years. At the present stage of development, there are not enough educational resources in Tuva to meet the demands of applicants on the regional market of educational services. The limited number of budget-funded places and the high cost of education are the reasons for the formation of life strategies of young people aimed at implementing plans for educational migration to more prosperous regions of Russia. Low incomes of the population are an obstacle to obtaining higher and secondary vocational education for the Tuvan youth. Using the example of a household model that consists of parents and three dependent children, the authors have calculated that the members of such a household will not be able to afford to pay for the education of one child under a service contract at their expense. The young people involuntarily abandon the idea to migrate after acquiring secondary education due to financial problems. But this does not guarantee that a young person will not leave for another region searching for a work. An analysis of the situation on the Tuvan labor market shows that the unemployment rate remains high.

Keywords: Republic of Tuva; internal migration; educational migration; youth migration; institutional challenge; educational institution; income level of the population; labor market

Financing

This publication was supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No. 060508-0-000.

For citation:

Rostovskaya T. K. and Vasilieva E. N. Vyzovy obrazovatel'noi migratsii molodezhi Tuvy: demograficheskii aspekt [Challenges of educational migration of Tuvan youth: Demographic aspect]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 207-219. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.13>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotievov St., 119333 Moscow, Russian Federation; 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780)

VASILIEVA, Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Sociology, Associate Professor; Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotievov St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: vasilevaen@yandex.ru

[ORCID ID: 0000-0002-0460-5539](https://orcid.org/0000-0002-0460-5539)

Введение

Демографическая ситуация в регионах Российской Федерации ухудшается с 2016 г., когда соотношение между естественным приростом населения и миграционной убылью приобрело неблагоприятные тенденции. Лидерами миграционного прироста уже не первый год являются Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край. Рост численности в указанных субъектах происходит за счет исходящей миграции из других регионов РФ, особенно интенсивный отток населения наблюдается в регионах, в которых население не удовлетворено уровнем доходов, предложением на рынке труда, доступностью социальной инфраструктуры.

Если во многих регионах РФ отток населения сопряжен с низкой рождаемостью, что дополнительно увеличивает риски депопуляции населения, то Республика Тыва является одним из лидеров в РФ по суммарному коэффициенту рождаемости. Население, человеческие ресурсы — сегодня главный и востребованный капитал регионов, обладая данным капиталом, можно существенно увеличить благосостояние в регионе, используя управленческие ресурсы, осуществляя стратегическое планирование.

В Тыве много сделано для повышения качества жизни населения, однако не все вызовы миграции преодолены. Цель данного исследования — изучение институциональных вызовов и их влияния на образовательную миграцию тувинской молодежи в период с 2018 по 2022 г. Объект исследования — вызовы образовательной молодежной миграции. Предмет исследования — институциональные условия, влияющие на формирование вызовов молодежной образовательной миграции в Республике Тыва. Под вызовами миграции понимаются проблемы (угрозы), которые ведут к увеличению исходящей образовательной молодежной миграции из Республики Тыва, их институциональный характер определяется тенденциями, которые можно зафиксировать, анализируя индикаторы функционирования таких социальных институтов, как семья, образовательные учреждения, рынок труда и др.

Методологическая база исследования вызовов образовательной миграции опирается на концепцию принятия управленческих решений обеспечения демографической безопасности, разработанную под руководством проф. Т. К. Ростовской на основе следующих концепций: национальной безопасности академика РАН Г. В. Осипова, демографической безопасности ведущего демографа России Л. Л. Рыбаковского, демографического благополучия чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева (Ростовская, Васильева, Князькова, 2022). Исследование вызовов (угроз) демографической безопасности включает оценку параметров и индикаторов изменения численности населения (естественного воспроизводства населения, миграции, плотности населения и др.). Снижение численности населения или увеличение исходящей миграции при сохранении численности населения — тенденции, которые необходимо исследовать с целью выявления их причин, последующего принятия управленческих решений (предупреждения негативных последствий для страны или субъекта РФ). Неблагоприятные тенденции миграции, фиксируемые в Республике Тыва (Анайбан, Балакина, 2022; Хольшина, Кылгыдай, 2014; Чернышев и др., 2023), повышают актуальность исследования вызовов образовательной миграции тувинской молодежи. В работе использованы следующие источники информации: сайты образовательных учреждений по исследуемому субъекту РФ в сети Интернет, статистические данные о доходах населения, рынке труда и демографических показателях Тувы, опубликованные в статистических ежегодниках Республики Тыва (Красноярскстат), а также данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Используемые методы исследования — логический и статистические методы, а также анализ документов.

На основе полученной информации выделены следующие институциональные вызовы, позволяющие прогнозировать рост образовательной миграции тувинской молодежи из региона: 1) соотношение числа молодежи и количества бюджетных мест в образовательных учреждениях республики; 2) стоимость обучения в образовательных учреждениях среднего и высшего образования в регионе и уровень доходов населения; 3) высокий уровень безработицы молодежи в возрастных группах от 20 до 40 лет, а именно в период расцвета экономической активности молодежи. Проведенный анализ позволил определить основные стратегические направления, позволяющие сократить миграцию молодежи из Тувы в другие регионы и РФ.

Краткий обзор исследований миграционных процессов и мотивации к миграции в Туве

Исследования динамики численности населения Тувы проводятся постоянно. Оценивая вклад миграции в демографический баланс, исследователи отмечают, что сельская местность Тувы является ресурсом населения для городов как самой республики (Хольшина, Кылгыдай, 2014), так и других населенных пунктов Сибирского федерального округа и России (Абылкаликов, 2021). На миграцию из республики влияют этнические особенности миграционного поведения тувинцев (Балакина, Анайбан, 2016), в том числе стремящихся сохранить уникальную тувинскую культуру, но проживающих в других странах или регионах (Ламажаа, 2014). Важное влияние, помимо экономических, на миграцию оказывают социокультурные и гендерные факторы (Бадмаева, Натсак, 2021). Статус приграничного региона формирует настороженное отношение населения к мигрантам из других стран (Сарылар, 2019; Ойдул, 2021).

З. В. Анайбан отмечает, что мотивация к миграции различна у русского и тувинского населения (Анайбан, 2020), и выявляет вместе с коллегой Г. Ф. Балакиной неблагоприятные тенденции, оценивая ожидания учащейся молодежи Тувы (Анайбан, Балакина, 2022). Учеными отмечено, что каждый четвертый студент (исследование было проведено среди молодежи, учащейся в Тувинском государственном университете, Кызылском транспортном техникуме, Кызылском техникуме экономики и права) готов поменять свое место жительства для улучшения материального положения. Обозначенные результаты исследования ценностей и ожиданий студенческой молодежи можно дополнить данными о том, что часть абитуриентов уже покинули регион с целью образовательной миграции (Чернышев и др., 2023). В основном это выпускники школ из столицы региона, уехавшие для получения образования в Новосибирск, Томск, Красноярск и другие города России, в столицу региона же приезжают выпускники сельской местности, что, конечно, не исключает случаи переезда абитуриентов из сельской местности в другие регионы или принятого городскими выпускниками решения продолжать обучение в столице региона.

Основной мотив для миграции — улучшение материального положения. В 2018 г. сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН (под руководством З. Т. Голенковой) было проведено исследование, основной целью которого было выявить причины бедности тувинского населения (Социально-стратификационные процессы ... , 2020). Выявив специфические черты экономического и финансового поведения, а также систематизировав статистические данные, исследователи проделали огромную работу, однако для решения проблемы необходимы не только знания о специфике поведения, но и институциональные решения, направленные на повышение благосостояния тувинской молодежи.

Р. Ш. Харунов и М. М.-Б. Харунова выявили, что образовательная миграция молодежи является жизненной стратегией не только современных молодых тувинцев, поскольку она является актуальной с 1921 г., а значит, является привычной практикой для тувинского народа (Харунов, Харунова, 2021). В то же время востребованность высшего образования у населения Тувы остается на контроле правительства региона. В Туве некоторые семьи не имеют в трех поколениях детей с высшим образованием. Для них разработан проект «В каждой семье — не менее одного ребенка с высшим образованием на 2020–2022 годы», т. е. управленческие стратегии в республике включают задачи по повышению уровня образования населения (Харунова, 2020). Возможно, на то, что высшее образование не востребовано некоторыми семьями, влияют традиционные представления и исторический опыт, негативно отразившиеся на детско-родительских отношениях, а именно — принудительное образование и ломка традиций кочевого образа жизни тувинцев (Ламажаа, 2021).

Мониторинг планов школьников на ближайшую перспективу после окончания школы, проведенный в 2010 и 2019 гг. Т. М. Ойдул и А. Ч. Кылгыдай, показывает, что более 90% выпускников хотят продолжить образование (Ойдул, Кылгыдай, 2021). Исследование проводилось и в 2021 г., по его итогам до 95% вырос процент выпускников, нацеленных на получение дальнейшего образования (Ойдул, Трошкина, 2022). Понимание молодежью образования как одного из значимых социальных лифтов, информированность о наиболее востребованных и актуальных профессиях в современной России — показатель целерациональной мотивации, сопряженной с выработкой стратегий, ориентированных на повышение качества жизни. Целерациональной поведение — это и причина выявленных в указанных исследованиях высоких миграционных настроений у выпускников, а также отсутствия желания связывать трудовую деятельность с регионом, который характеризуется неблагоприятными экономическими показателями.

Т. К. Ростовская и О. А. Золотарева по результатам кластеризации регионов включили в первый кластер, характеризующийся крайне неблагоприятным уровнем благосостояния населения, 10 субъектов России, в том числе Республику Тыва (наряду с Республикой Калмыкией, Республикой Ингушетией, Кабардино-Балкарской Республикой, Карачаево-Черкесской Республикой, Чеченской Республикой, Республикой Марий Эл, Курганской областью, Республикой Алтай, Еврейской автономной областью) (Ростовская, Золотарева, 2022). Проблематика бедности в Туве обсуждается достаточно давно в работах Т. И. Гориной (Горина, 2019), О. Д. Натсак (Натсак, 2022), П. Е. Сушко (Сушко, 2019).

Таким образом, проведенный теоретический анализ по основным проблемам исследования позволил определить основные направления сбора статистической и эмпирической информации для достижения поставленной в работе цели:

- возрастно-половая пирамида как источник информации о динамике изменения числа молодежи в общей численности населения;
- количество бюджетных мест в образовательных учреждениях республики;
- стоимость обучения в образовательных учреждениях среднего и высшего образования в регионе;
- уровень доходов населения;
- данные о занятости и безработице в Туве.

Институты высшего и среднего образования в Республике Тыва

Дефицит образовательных организаций в Республике Тыва является вызовом образовательной миграции молодежи, на что указывают данные мониторингов, показывающих качество подготовки кадров в среднем профессиональном образовании¹; эффективность деятельности образовательных организаций высшего образования². По данным, полученным по итогам мониторинга 2022 г., в средних профессиональных образовательных учреждениях обучалось за счет средств бюджетной системы РФ 7 255 человек, в учреждениях системы высшего образования — 4 164. Если сравнить полученные данные с данными по численности молодежи в возрастных группах, соответствующих возрасту получения среднего и высшего образования, то из числа молодежи в возрасте 15–24 лет на 2021 г. (см. табл. 1) только малая часть выпускников могла претендовать на обучение в образовательных учреждениях Тувы за счет бюджетных средств.

Таблица 1. Численность населения Республики Тыва в возрасте от 15 до 29 лет включительно на 2018–2022 гг.³

Table 1. Population of the Republic of Tuva aged 15 to 29 years (inclusive), for 2018–2022

	2018	2019	2020	2021	2022
Все население	321 722	324 423	327 383	330 368	332 609
15–19	20 589	21 596	22 867	24 136	24 977
20–24	19 602	19 529	19 426	19 223	19 103
25–29	22 894	22 308	22 327	22 392	23 303

¹ Характеристика системы среднего профессионального образования. Сибирский федеральный округ. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Мониторинг (СПО). Главный информационно-вычислительный центр. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_spo/material.php?type=2&id=11005 (дата обращения 30.06.2023).

² Характеристика системы высшего образования. Сибирский федеральный округ. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Мониторинг (СПО). Главный информационно-вычислительный центр. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vro/material.php?type=2&id=11005 (дата обращения: 30.06.2023).

³ Таблицы 1–6, рисунок 1 — составлены на основе данных, представленных в следующих изданиях: Статистический ежегодник Республики Тыва 2022 : стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2022. С. 104. URL: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ежегодник_РТ.zip (дата обращения: 30.06.2023); Статистический ежегодник Республики Тыва 2020 : стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2021. С. 104. URL: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.5_Ежегодник_РТ.rar (дата обращения: 30.06.2023); Республика Тыва в цифрах 2022 : стат. сб. / Красноярскстат. Красноярск, 2023. С. 45. URL: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.4РТ_Республика_Тыва_в_цифраx_2022\(1\).zip](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.4РТ_Республика_Тыва_в_цифраx_2022(1).zip) (дата обращения: 30.06.2023).

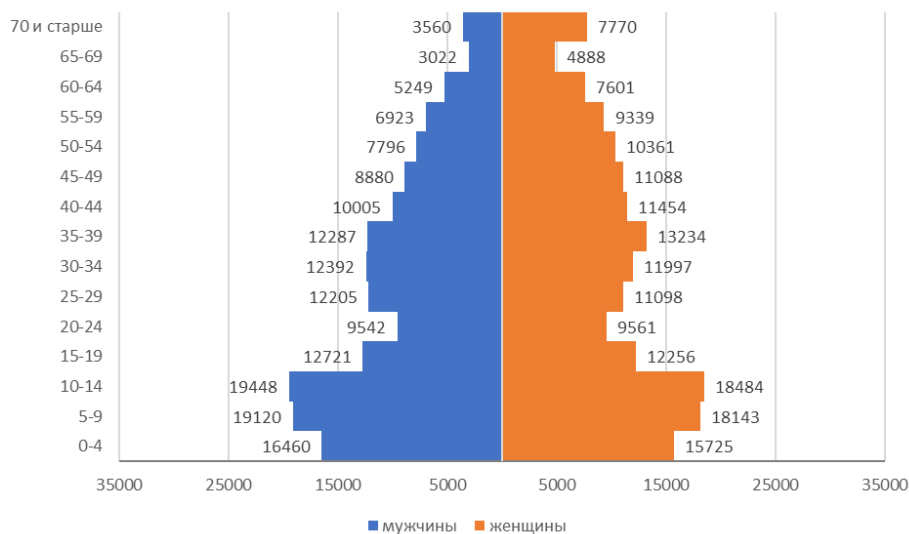

Рисунок 1. Возрастно-половая пирамида Республики Тыва на 1 января 2022 г.
 Figure 1. Age-sex pyramid of the Republic of Tuva, as of January 1, 2022

Возрастно-половая пирамида Республики Тыва на 1 января 2022 г. (см. рис. 1) наглядно показывает, что в ближайшее время дефицит бюджетных мест будет расти: новые поколения абитуриентов, которые не пройдут по конкурсу на бюджетные места в региональные учебные заведения, если они на них рассчитывали, будут вынуждены покинуть регион и принять участие в конкурсе за бюджетные места в более крупных вузах, чем Тувинский государственный университет, а также в иных средних профессиональных образовательных учреждениях. Ограниченное число бюджетных мест в образовательных учреждениях Республики Тыва имеет несколько последствий.

Во-первых, контингент вуза не растет, что в рамках стратегии нормативно-подушевого подхода к финансированию образования ведет к недостатку ресурсов у образовательных учреждений для наращивания конкурентных преимуществ на рынке образовательных услуг, не позволяет открывать новые образовательные программы, обновлять инфраструктуру в соответствии с актуальными инновационными разработками (в соответствии со стандартами это делают все образовательные учреждения), приглашать на чтение отдельных курсов ведущих специалистов (теоретиков или практиков). Неуверенность в качестве образования и желание учиться на конкретной образовательной программе, не открытой в образовательных учреждениях Тувы, приводит к тому, что абитуриенты стремятся получить образование за пределами региона. Во-вторых, недостаток бюджетных мест приводит к большому конкурсу, в том числе за счет тех абитуриентов, кто не может выезжать за пределы Тувы (в том числе по финансовым причинам). Например, в 2022 г. конкурс в Тувинском государственном университете на направления подготовки «Юриспруденция» был 40 человек на место, «Электроэнергетика и электроника» — 7 человек на место, специальность «Горное дело» — 6 человек на место и т. д.¹

Таким образом, недостаточное количество бюджетных мест является первым вызовом образовательной миграции тувинской молодежи. Важная проблема артикулируется на основе сведений, представленных в мониторингах, которые указывают на яркую тенденцию — платное образование остается недоступным для абитуриентов и их родителей: только 1 330 человек обучаются за счет собственных средств в вузах; 2912 человек — в средних профессиональных образовательных учреждениях. Доступность высшего образования за счет физических лиц в Туве необходимо со-

¹ Результаты приемной кампании 2022 года [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. Сайт для абитуриента. URL: <http://abiturient.tuvsu.ru/sites/default/files/2022-12/rezultaty-priema-2022avtomaticheskivosstanovlenoavtomaticheskivosstanovleno0.pdf> (дата обращения: 20.06.2023).

поставить с уровнем доходов в домохозяйстве (стоимость обучения в Тувинском государственном университете на 2023/2024 учебный год составляет от 168 222 до 225 300 руб.¹).

Уровень доходов населения в Республике Тыва

Анализ данных изменения прожиточного минимума (см. табл. 2) позволяет сделать следующие выводы. В течение исследуемого периода величина прожиточного минимума ежегодно росла равномерно за 2019 и 2020 гг. (5–7% по всем категориям населения). Однако в 2021 г. рост серьезно замедлился и составил 2–4%, т. е. почти в два раза меньше. 2022 г., наоборот, характеризуется чрезвычайно высоким увеличением данного показателя до 9%. Тем не менее стоит отметить и серьезную дифференциацию размера прожиточного уровня в зависимости от выделяемой категории населения. Самый низкий прирост прожиточного уровня оказывается у детей (4%), в то время как самый высокий — у пенсионеров и трудоспособного населения — 17 и 14% соответственно.

Данные изменения хорошо иллюстрируют происходящие в экономике страны изменения, связанные с ростом влияния на ВВП обрабатывающих предприятий, а также производств, имеющих высокий уровень добавленной стоимости своих товаров, что оказывает положительное влияние на уровень доходов части населения, занятой выпуском высокомаржинальных и трудоемких товаров. Если обратить внимание на интенсивный рост величины прожиточного минимума у пенсионеров, то это итог оптимизации поддержки со стороны государства.

В целом, увеличение величины прожиточного минимума также является следствием замедления процесса роста в 2021 г., т. е. в 2022 г. происходит компенсационный рост данного показателя за 2021 г.

Таблица 2. Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения), руб. в месяц
Table 2. The value of the subsistence minimum (on average per capita), rubles per month

	Все население	Трудоспособное население	Пенсионеры	Дети
2018	9 957	10 268	7 869	10 482
2019	10 556	10 887	8 355	11 106
2020	11 041	11 540	8 815	11 842
2021	11 494	11 856	9 034	12 213
2022	13 420	14 628	11 542	13 337

Величина прожиточного минимума (см. табл. 2) стала основой расчета величины прожиточного минимума для модели домохозяйства, состоящего из родителей трудоспособного возраста и трех детей. Такая структура домохозяйства выбрана как модельная, в связи с тем, что суммарный коэффициент рождаемости в Республике Тыва (среднее число детей на одну женщину) хоть и снизился с 2,97 в 2020 г. до 2,94 в 2021 г.², однако указывает, что многодетная семья остается важным элементом тувинского общества и в тоже время является целевым ориентиром российской семейно-демографической политики.

Если принять за ориентир среднемесячный доход от трудовой деятельности (см. табл. 4), то можно сделать вывод, что полная многодетная семья, в которой оба супруга работают, не в состоянии без государственной поддержки обеспечить достойный уровень жизни в домохозяйстве, не говоря уже об оплате расходов за обучение за счет бюджета семьи (см. табл. 3).

¹ Стоимость обучения [Электронный ресурс] // Тувинский государственный университет. URL: <http://tuvsu.ru/abitur/bakalavriat-spetsialitet/stoimost/> (дата обращения: 20.06.2023).

² О демографической ситуации в Республике Тыва в 2021 году : пресс-выпуск [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: [https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/O демографической ситуации в Республике Тыва в 2021 году_728484.pdf](https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/O%20демографической%20ситуации%20в%20Республике%20Тыва%20в%202021%20году_728484.pdf) (дата обращения: 31.06.2023).

Таблица 3. Величина и динамика прожиточного минимума (в среднем рассчитана для модели домохозяйства, состоящего из родителей трудоспособного возраста и трех детей)
Table 3. The value and dynamics of the subsistence minimum (calculated on average for a household consisting of parents of working age and three children)

	2018	2019	2018 /2019	2020	2019 /2020	2021	2020 /2021	2022	2021 /2021
Среднее домохозяйство	51 982 руб.	55 092 руб.	6%	58 606 руб.	6%	60 351 руб.	3%	64 956 руб.	8%

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Таблица 4. Среднемесячная начисленная заработная плата работников в Республике Тыва (2017–2021 гг.)
Table 4. Average monthly accrued wages of employees in the Republic of Tuva (2017–2021)

	2017	2018	2019	2020	2021
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций: номинальная, руб.	31 251,10	35 778,80	39 672,80	44 104,20	46 084,30
Среднемесячный доход от трудовой деятельности, руб.	27 995,00	31 222,00	33 870,00	37 533,00	38 983,00
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	15 010,90	15 609,70	16 617,90	18 975,00	20 651,80

Итак, в таблице 3 приведен расчет динамики величины прожиточного минимума исходя из характеристик среднего домохозяйства — благополучной полной семьи, включающей супругов и троих несовершеннолетних детей, находящихся на иждивении у своих родителей. Изменение данной величины в рамках анализируемого периода характеризуется уже описанными тенденциями.

В течение 2018–2020 гг. прожиточный уровень среднего домохозяйства равномерно увеличивается на 6% год к году. В 2021 г. данный рост существенно замедляется и составляет лишь 3%, а в 2022 г. стремительно увеличивается до уровня в 8%. Таким образом в 2022 г. проявляется процесс компенсации (возмещения) за период 2021 г. Это становится хорошо видно, если рассчитать рост каждого по интервалам, равным не одному, а двум годам. Получается, что в 2020 г. величина данного показателя увеличилась по отношению к 2018 г. на 12%, а в 2022 г. по отношению к 2020 г. величина прожиточного минимума среднего домохозяйства увеличилась на 11%. В последствии будет интересно и полезно узнать какую тенденцию в изменении величины прожиточного минимума покажет 2023 г.

Уровень безработицы населения в Республике Тыва

Третий вызов определяется высоким уровнем безработицы. Окончив образовательные учреждения в Туве, выпускники будут вынуждены выйти на рынок труда, где доля безработных является одной из самых высоких в России (см. табл. 5). В этом отношении целерациональное поведение — это получение образования за счет бюджетных средств в экономически успешных регионах, так как одна из приоритетных жизненных стратегий молодежи — получение опыта работы на последних курсах, поиск стажировок в успешных компаниях или подработка для получения опыта работы на основе частичной занятости. Неблагоприятными являются и данные о структуре безработных по уровню образования (см. табл. 6).

Таблица 5. Структура безработных по возрастным группам
Table 5. The structure of the unemployed by age group

	2019			2020			2021		
	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины
Безработные – всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе в возрасте, лет:									
15–19	1,7	2,1	0,9	1,7	1,3	2,5	1,6	1,9	1
20–24	16,7	16,4	17,3	14,6	14,2	15,4	11,4	12,1	10,3
25–29	14	17,9	7,7	15	16,6	11,9	20	20,2	19,6
30–34	16,1	18,1	12,8	19	17,3	22,3	18,9	17,9	20,6
35–39	15,2	14,5	16,4	15,4	16,2	13,9	16	16,9	14,4
40–44	11,2	9,3	14,1	11,5	12,2	10,2	11,3	11,9	10,5
45–49	12,5	9,6	17,2	13,8	13,2	14,9	12,8	11,9	14,5
50–54	8,3	7,9	9	6,2	6,4	5,8	5,5	4,5	7,2
55–59	2,7	3,1	2,1	2,8	2,6	3,1	2,3	2,5	1,9
60–69	1,6	1	2,6	-	-	-	0,2	0,3	-
Средний возраст, лет	35,7	34,6	37,6	35,4	35,4	35,3	35,3	35,1	35,7

Таблица 6. Структура безработных по уровню образования
Table 6. The structure of the unemployed by level of education

	2019			2020			2021		
	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины	Всего	Муж- чины	Жен- щины
Безработные – всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе имеют образование:									
Высшее	12,8	6,8	22,5	14,2	13,5	15,7	16,6	9,6	28,6
Среднее профессиональное:									
По программе подготовки специалистов среднего звена	17,5	14,1	23	23,4	21,3	27,4	23,7	24,6	22
По программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)	21,6	24	17,8	17,4	17,8	16,5	18,2	18,5	17,7
Среднее общее	34,5	38,2	28,6	29,2	28,7	30,2	22,6	23	21,9
Основное общее	13,2	16,5	8	15,1	17,6	10,2	18,1	23,8	8,2
Не имеют основного общего	0,2	0,4	–	0,7	1,1	–	0,8	0,4	1,5

В целом безработица среди тех, кто получил высшее образование, ниже, чем среди других групп населения, но, тем не менее, она высока, особенно среди женщин. Для понимания сложившейся ситуации на рынке труда стоит проанализировать информацию Министерства труда и социальной политики Республики Тыва¹. По итогам 2022 г. в списке присутствуют 50 наименований наиболее востребованных профессий, которые предоставляют около 800 рабочих мест (более точно — 740). Укрупненно можно выделить две наиболее больших группы и все остальное (третья группа). Первая группа — профессии, относящиеся в сфере среднего и дошкольного образования — 34% вакансий (253 рабочих места). Вторая группа — работники здравоохранения — 25% (184 рабочих места). В третьей группе большую часть 14% (107 рабочих мест) составляют разнорабочие и специалисты широкого профиля, а все остальные — работники сферы обслуживания. Соотношение вакансий и получаемых выпускниками специальностей² показывает, что данную сферу также необходимо регулировать, добиваясь большего соответствия направлений подготовки востребованным вакансиям.

Заключение

Стратегически важно для сокращения образовательной миграции тувинской молодежи в другие регионы, а, следовательно, сокращения числа невозвратных миграций расширить меры поддержки образовательных учреждений Республики Тыва. Рост числа бюджетных мест зависит от поддержки тувинского образования на федеральном уровне. Стратегии образовательных учреждений также могут существенно изменить ситуацию за счет увеличения интересных для абитуриентов специальностей или совместных программ с другими вузами России или зарубежных стран (Китая, Монголии).

Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 г.³ включает задачи по улучшению качества жизни населения, развитию транспортной доступности региона, снятию напряжения на рынке труда и др. Но, к сожалению, включенные в документ вызовы (высокая очередь в детские сады; износ зданий; рост запроса на профессиональные технические компетенции; средний возраст педагогических работников; недостаток рецензируемых научных изданий) не акцентируют внимание на недостатке бюджетных мест в средних и высших учебных образовательных учреждениях, высокой стоимости высшего образования для населения. Выявленные нами вызовы будут оказывать все большее влияние, так как возрастно-половая пирамида Тувы расширена к основанию, а, следовательно, необходимо уже сегодня планировать расширенные меры поддержки молодежи и образовательных учреждений среднего и высшего образования, продолжая социологический мониторинг целей и ценностных ориентаций тувинской молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Анайбан, З. В. (2020) Динамика развития этнодемографических процессов в постсоветской Туве // Вестник Института востоковедения РАН. № 2. С. 284–293. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-284-293>

¹ Источник: Перечень востребованных профессий по Республике Тыва (на основе потребности работодателей) (по состоянию на 30 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной политики Республика Тыва. URL: <https://mintrudtuva.ru/wp-content/uploads/2022/12/Востребованные-профессии-2022.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

² Характеристика системы среднего профессионального образования. Сибирский федеральный округ. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Мониторинг (СПО). Главный информационно-вычислительный центр. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_spo/material.php?type=2&id=11005 (дата обращения: 30.06.2023); Характеристика системы высшего образования. Сибирский федеральный округ. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Мониторинг (СПО). Главный информационно-вычислительный центр. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=2&id=11005 (дата обращения: 30.06.2023).

³ О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года от 24 декабря 2018 г. № 638 (с изменениями на 17 января 2023 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550322563> (дата обращения: 01.07.2023).

Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2022) Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // Социологические исследования. № 2. С. 151–156. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10 (390). С. 85–92.

Горина, Т. И. (2019) Методологические основы исследования проблематики бедности в Республике Тыва // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. № 3: Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. С. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.2>

Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 152–165.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Натсак, О. Д. (2022) Материальная самооценка жителей республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18, № 1. С. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.10>

Ойдуп, Т. М. (2021) Миграционные процессы в приграничном регионе: социологический анализ // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия (23–25 сентября 2021 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 346 с. С. 227–231.

Ойдуп, Т. М., Кылгыдай, А. Ч. (2021) Выпускники школ как основа человеческого капитала региона (на примере Республики Тыва) // Вестник Института социологии. Т. 12, № 3. С. 176–188. DOI: <https://doi.org/10.19181/vs.2021.12.3.743>

Ойдуп, Т. М., Трошкина, И. Н. (2022) Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 198–210. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н., Князькова, Е. А. (2022) Теоретическая интерпретация понятия «демографическая безопасность» и принятие управленческих решений по обеспечению национальной безопасности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. Т. 15, № 4. С. 158–170. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-158-170>

Ростовская, Т. К., Золотарева, О. А. (2022) Переход к новому технологическому укладу — детерминанта роста благосостояния населения регионов России // Экономика региона. Т. 18, № 3. С. 623–637. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-1>

Сарыглар, С. А. (2019) Социологический анализ миграционной ситуации в Республике Тыва // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Т. 2, № 8. С. 233–238.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) : [монография] / З. Т. Голенкова [и др.]; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Сушко, П. Е. (2019) Особенности доходной стратификации населения Республики Тыва // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. № 3: Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. С. 46–58. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.4>

Харунов, Р. Ш., Харунова, М. М.-Б. (2021) Образовательная миграция как жизненная стратегия молодежи Тувы // Ермолаевские чтения : материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики (26–27 августа 2021 г.). Кызыл : Изд. отд. НБ им. А. С. Пушкина РТ. 284 с. С. 32–36. DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-32-36>

Харунова, М. М. Б. (2020) В каждой семье — не менее одного ребенка с высшим образованием // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1: Социальные и гуманитарные науки. № 3 (64). С. 53–64.

Хольшина, М. А., Кылгыдай, А. Ч. (2014) Территориальное различие внутренней миграции населения республики Тыва // Перспективы науки. № 11 (62). С. 14–17.

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Дата поступления: 03.07.2023 г.

Дата принятия: 25.07.2023 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Anayban, Z. V. (2020) Dinamika razvitiia etnodemograficheskikh protsessov v postsovetsoi Tuve [The dynamics of ethno-demographic processes development in post-Soviet Tuva]. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, no. 2, pp. 284–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-284-293>

Anayban, Z. V. and Balakina, G. F. (2022) Sotsial'nye ozhidaniia i tsennostnye orientatsii uchashcheisia molodezhi Tuvy [Social expectations and value orientation of the contemporary students of Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 151–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Balakina, G. F. and Anayban, Z. V. (2016) Osobennosti etnoregional'noi migratsii v Tuve [Features of ethno-regional migration in Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10 (390), pp. 85–92. (In Russ.).

Gorina, T. I. (2019) Metodologicheskie osnovy issledovaniia problematiki bednosti v Respublike Tyva [Methodological foundations of the study of the problems of poverty in the Republic of Tyva]. *Informatsionno-analiticheskii biulleten' Instituta sotsiologii FNISTs RAN*, no. 3, pp. 18–28. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.2>

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan mountains: Way of living, values and ideals]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 152–165. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Natsak, O. D. (2022) Material'naia samoootsenka zhitelei respubliki Tyva v kontekste issledovaniia bednosti (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniia) [The material self-assessment of the Tuvan families in the context of the poverty studies (based on the materials of sociological research)]. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 18, no. 1, pp. 120–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.10> (In Russ.)

Oidup, T. M. (2021) Migratsionnye protsessy v prigranichnom regione: sotsiologicheskii analiz [Migration processes in the border region: Sociological analysis]. In: *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma khakasskogo eposa, VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Narody i kul'tury Saiano-Altaiia i sopredel'nykh territorii», posviashchennoi 300-letiiu otkrytiia pamiatnikov eniseiskoi pis'mennosti i Godu khakasskogo eposa v Respublike Khakassii* [Proceedings of the International Symposium of Khakass Epic, the 8th International scientific conference “Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and bordering territories” dedicated to the 300th anniversary of the discovery of sites of the Yenisei script and to the Year of Khakass epic in the Republic of Khakassia] (September 23–25, 2021) / ed. by N. S. Maynagasheva. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book Publishing House. 346 p. Pp. 227–231. (In Russ.).

Oydup, T. M. and Kylgiday, A. Ch. (2021) Vypuskniki shkol kak osnova chelovecheskogo kapitala regiona (na primere Respubliki Tyva) [School graduates as the basis of the human capital of the region (on the example of the Republic of Tyva)]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 12, no. 3, pp. 176–188. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>

Oydup, T. M. and Troshkina, I. N. (2022) Professional'nye predpochteniia vypusknikov shkol stolits respublik Tyva, Altaiia i Khakassii kak osnova formirovaniia chelovecheskogo kapitala regionov (2021 g.) [Vocational choices of secondary school graduates in the capitals of Tuva, Altai and Khakassia as a basis of building human capital in the region (2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 198–210. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Rostovskaya, T. K., Vasilieva, E. N. and Knyazkova, E. A. (2022) Teoreticheskaiia interpretatsiia poniatiiia «demograficheskaiia bezopasnost'» i priniatie upravlencheskikh reshenii po obespecheniiu natsional'noi bezopasnosti [Theoretical interpretation of the concept of “demographic security” and making managerial decisions to ensure national

security]. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*, vol. 15, no. 4, pp. 158–170. (In Russ.) <http://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-158-170>

Rostovskaya, T. K. and Zolotareva, O. A. (2022) Perekhod k novomu tekhnologicheskomu ukladu — determinanta rosta blagosostoianiia naseleniia regionov Rossii [Transition to a new technological paradigm as a determinant of the population welfare growth in Russian regions]. *Ekonomika Regiona*, vol. 18, no. 3, pp. 623–637. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-1>

Saryglar, S. A. (2019) Sotsiologicheskii analiz migratsionnoi situatsii v Respublike Tyva [Sociological analysis of the migration situation in the Republic of Tyva]. *Sotsial'naia integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve*, vol. 2, no. 8, pp. 233–238. (In Russ.).

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Social stratification processes in the Republic of Tuva] (2020) / Z. T. Golenkova et al., ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Sushko, P. E. (2019) Osobennosti dokhodnoi stratifikatsii naseleniia Respubliki Tyva [Features of income stratification of the population of the Republic of Tyva] *Informatsionno-analiticheskii biulleten' Instituta sotsiologii FNISTs RAN*, no. 3, pp. 46–58. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.4>

Kharunov, R. Sh. and Kharunova, M. M.-B. (2021) Obrazovatel'naia migratsiia kak zhiznennaia strategiiia molodezhi Tuvy [Educational migration as life strategy of Tuva's youth]. In: *Ermolaevskie chteniia [Ermolaev Readings] : Proceedings of the 5th jubilee science-to-practice conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Tuvan People's Republic (August 26–27, 2021)*. Kyzyl, Publishing Department of A. S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva. 284 p. Pp. 32–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-32-36>

Kharunova, M. M. B. (2020) V kazhdoi sem'e — ne menee odnogo rebenka s vysshim obrazovaniem [No less than one child with university degree in each family]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 1: Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 3 (64), pp. 53–64. (In Russ.).

Kholshina, M. A. and Kylgyday, A. Ch. (2014) Territorial'noe razlichie vnutrennei migratsii naseleniia respubliki Tyva [Territorial differentiation of internal migration of the population of the Republic of Tuva]. *Perspektivy nauki*, no. 11 (62), pp. 14–17. (In Russ.).

Chernyshev, K. A., Mitiagina, E. V., Chernysheva, N. V. and Petrov, E. Yu. (2023) Masshtaby i napravleniia obrazovatel'noi migratsii tuvinskoii molodezhi [Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Submission date: 03.07.2023.

Acceptance date: 25.07.2023.

Святое в тувинской культуре: прошлое и современность**Чимиза К. Ламажаа***Независимый исследователь, Российская Федерация,***Надежда Д. Сувандии, Айлаана В. Монгуш***Тувинский государственный университет, Российская Федерация*

В статье анализируется концепт тувинской культуры ыдык 'святое, святыня'. Представления тувинцев об освящении и святых объектах далеко не всегда связываются с религиозным почитанием и специальными обрядами. Святость, выражаемая термином ыдык, охватывает гораздо больший класс объектов, чем то, что освящается обрядами дагылга. Авторы представили классификацию объектов ыдык, собрав информацию из традиционного фольклора, топонимии, тувинской литературы, тувинских песен.

Такое же расширение класса святых объектов (ыдык) произошло и в постсоветское время в Туве. В том числе ыдык даже названа Конституция Республики Тыва и государственные символы республики, в том числе гимн. Т. е. заметно стремление возвысить все традиционное, а также ценное до статуса священного. Сегодня характеристика ыдык щедро присваивается большому числу предметов и вещей, окружающих тувинцев, — для того, чтобы укрепить их значение непреложности и неприкасаемости.

Ключевые слова: тувинская культура; святое; святость; тувинцы

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Монгуш А. В. Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 220-241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь, Российская Федерация. Эл. адрес: lamazhaa@tuv.a.sia

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Монгуш Айлаана Витальевна — младший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Эл. адрес: ailaashka_88@mail.ru

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity

Chimiza K. Lamazhaa

Independent researcher, Russian Federation,

Nadezhda D. Suvandii, Aylaana V. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the concept of ydyk 'the sacred, holy thing' in Tuvan culture. The Tuvans' beliefs about consecration and holy objects are not always associated with religious veneration and special rites. The term of ydyk means the sanctity that covers a much larger class of objects than what is sanctified by the rites of dagylga. The authors present a classification of sacred objects (ydyk), having collected information from traditional folklore, toponymy, Tuvan literature and songs.

The same expansion of the class of sacrosanct objects (ydyk) occurred in Tuva during the post-Soviet period. Even the Constitution of the Republic of Tuva and the state symbols of the Republic, including its anthem, are called ydyk. That is, there is a noticeable desire to sublime all traditional as well as valuable things to the status of the sacred. Today, the characteristic of ydyk is generously assigned to a large number of objects and things surrounding the Tuvans in order to strengthen their value of sacrosanctity and untouchability.

Keywords: Tuvan culture; sacred; holiness; Tuvans

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D. and Mongush A. V. Sviatoe v tuvinskoi kul'ture: proshloe i sovremennost' [The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 220-241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, independent researcher, Russian Federation. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

[ORCID ID: 0000-0003-1813-3605](https://orcid.org/0000-0003-1813-3605)

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: Office 107, 9B, Mongush Sat St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: suvandiin@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-5817-2436](https://orcid.org/0000-0002-5817-2436)

MONGUSH, Aylaana Vitalyevna, Junior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: 36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: ailaashka_88@mail.ru

[ORCID ID: 0000-0002-3164-1463](https://orcid.org/0000-0002-3164-1463)

Введение

М. Б. Кенин-Лопсан писал о традициях тувинского народа, называя их священными — *тыва чон-нуң ыдыктыг сагылгалары* (Кенин-Лопсан, 2017: 164–356), оставленными потомкам их предками. Незнание, несоблюдение и нарушение традиций он назвал проступками, которые покроют каждого преступившего несмываемым позором на всю жизнь: «Өгбелерниң ыдыктыг чаңчылын хажыткан оолдар болгаш кыстар бүгү назынында ат-сывын бужартатканы ол болур» (там же: 164) — «Юноши и девушки будут опозорены на всю жизнь, если нарушат святую традицию предков». При этом знание традиций тувинцы детям прививали, по его мнению, до тринадцати лет, и с этого возраста мальчики и девочки уже должны были знать, что можно делать, а что — нельзя.

Анализируя тезаурус этнической культуры, выделяя в нем концепты, которые сформулированы на языке этой культуры и имеют богатство словоформ, смыслового содержания (Тувинцы. Родные ... , 2022; Ламажаа, 2023), мы также рассматриваем и *ыдык* 'святое; святость' как один из концептов тувинской культуры. В этом отношении мы считаем, что определения-наставления М. Б. Кенин-Лопсана, высказанные не только в его научных публикациях, но и в художественно-этнографических произведениях, являются важнейшими источниками.

В одном из романов М. Б. Кенин-Лопсана «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») главная героиня Агана Хертек размышляет так: «Ам бодаарымга *ыдык* дээрге тываларның дээди хоойлузу болур. Бурун өгбелерниң амгы салгалга арттырып каан *ыдыктыг хоойлузу дагылга* бооп, *ыдыктаашкын* бооп турар»¹ 'Сейчас я думаю, что *ыдык* 'святость' это священный закон тувинцев. Священным законом древних предков, который передается от поколения к поколению, является *дагылга* 'освящение' и *ыдыктаашкын* 'святость'².

Несмотря на то, что представление об *ыдык* весьма распространено в тувинской культуре и имеет в тувинском языке разные формы, тем не менее эта тема до сих пор не входила в поле внимания исследователей. В публикациях самого М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 2006, 2017) обсуждение святости относится лишь к прошлому традиций, а ряд важных нюансов не был проанализирован. Этнографические и филологические исследования обрядов освящения, религиозных ценностей тувинской культуры, ритуалов и пр. лишь мимоходом затрагивали тему *ыдык*. Анализ ритуалов освящений, сакрализации, сакрального чаще всего производился в рамках научных концепций со своей собственной терминологической базой. Соответственно, авторы упускали из виду лингвокультурологические понятия и внутреннюю логику культуры, ее собственное понимание мира.

Поэтому целью данной статьи выступит анализ концепта *ыдык* 'святое' в тувинской лингвокультуре, его смысловое наполнение. В том числе мы полагаем весьма интересным также соотнести варианты описания освящения, которые передаются не только словом *ыдык*, но и *дагы-* (*дагыыр*). Не только их разница, но и само наличие порой ускользает от понимания тувиноведов и даже самих тувинцев — носителей культуры. Мы рассмотрим, каким объектам тувинцы присваивали раньше характеристику *ыдык*, какие действия производятся или не производятся, а также что сегодня получает в тувинском общественном дискурсе характеристику *ыдык*.

Источниками нашего исследования выступят характерные тексты фольклора, тувинской литературы, народных песен, а также публикации средств массовой информации, сообщений в тувинском сегменте Интернета. Также мы опираемся на словари, привлекаем рассуждения и выводы из научных работ.

Ыдык: понятие и идея

Известно, что термин *ыдык* 'святыня, святое' восходит к древнетюркскому *ıdıq* 'священный, святой'³. Сохранившиеся тексты древней письменности позволили исследователям назвать ряд объектов, к которым это слово применялось: так определялось, например, достоинство бека («бекское достоин-

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]: роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. 416 с. С. 56 (На тув. яз.). Здесь и далее в цитатах курсив наш. — Авт.

² Здесь и далее перевод из литературных произведений выполнила Ш. Ю. Кужугет.

³ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Ленинград: Наука, 1969. С. 217.

ство — священное»¹), называлось существо или особа («святое существо»², «священная особа»); священными считали писание, закон. Титул верховных уйгурских правителей также содержал прилагательное *iduiq*³.

Слово *ыдык* в вариациях до сих пор присутствует в тюркских языках. Причем, как отмечал П.-С. Паллас, «в ходе развития отдельных тюркских языков значение этого слова претерпевало изменения. Так, в якутском языке слово *ытык* означает “жертва”, “жертвенный”, “священный”, “почтенный”. <...> ...в хакасском *ызык* — “священный”, “предмет преклонения, почитания (например, гора, дерево, животное)”; “духи рек, гор, долин”; в алтайском *ыйык* “священный”, “приносящий счастье”; “фетиш”, “предмет преклонения, почитания (например, гора, дерево, животное, посвященное в жертву)”, а также “духи гор, рек, долин”, в киргизском *ыйык* “священный, приносящий счастье”; “священное домашнее животное, пущенное в стадо с тем, чтобы его не резать и не употреблять в дело”... (Паллас, 2001: 163; курсив источника. — Авт.). В чувашском «словом *йёрёх*... обозначают духа-покровителя рода, место его жительства, предмет, посвященный этому духу, а также обряд жертвоприношения божеству и предметы, используемые при этом обряде...» (там же).

В целом значений этих терминов в языках насчитывают шесть:

- священный;
- духи гор, долин, фетиш, предмет поклонения;
- приносящий счастье;
- скот, посвященный в жертву;
- животное, выпускаемое на свободу в знак обещания;
- высокий (Традиционное мировоззрение ..., 1988: 38).

Однако авторы коллективной монографии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» также указывают на то, что в древнетюркском словаре есть еще одно значение слова *ызык* ‘непроходимый, неприступный’ (там же). Поэтому они связывают представление о священном с характеристикой закрытости, т. е. защищенного, освоенного, своего пространства: «“Свое” место обитания потому и священно, что защищено, закрыто от злых сил, ветров, непогоды» (там же: 39). В целом они объясняют, что *ыдык* в культуре тюрков Южной Сибири — это своеобразный маркер «своего» пространства, символизирующий его священность и закрытость. Освященное же животное преподносилось духам мест, и оно воплощало собой договорные отношения между людьми и духами, являлось символом совместного владения территорией (там же).

Об этом писал и Л. П. Потапов, анализирувавший особенности культа гор в алтайском регионе. По его мнению, истоки культа *ыдык* не могли быть связаны с желанием людей просить у гор дождя для урожая (слишком разные хозяйственные условия были у этносов и их групп). Также он отметил версию связи культа с тотемистическими представлениями (гора не могла быть родоначальницей людей). Он писал, что почитаемые родовые горы могли быть непостоянными, со временем менялись (Потапов, 1946). Сопоставив почитавшиеся горы и родовые территории, преимущественно охотничьи, Потапов сделал вывод о том, что этот культ является отражением собственности на определенную территорию.

Как мы уже рассмотрели, культы и обряды тувинцев традиционно подразумевали преклонение перед объектами природы, например, горами и включали акты освящения. Культ гор у тувинцев, как и у других народов Саяно-Алтая, а также других культур мира достаточно изучен наукой. Такие поклонные горы, как писал Л. П. Потапов, у тувинцев назывались *ыдык-даг*⁴. На их вершинах возводили жертвенные курганы *оваа*⁵, там освящали животных, которых отпускали, а в ранние времена, как упоминает Потапов, убивали. Причем обряд назывался *мал ыдыктаары* (‘освящение животного’) или *ыдык салыры* (букв. ‘наложение святости’) (Донгак, 2018: 29), а жертвенное животное — *ыдык* (Вайнштейн, 1991: 238). Ими могли быть кони (напр., *ыдык аскыр* ‘священный жеребец’), а также быки, козлы, бараны (Донгак, 2018: 52).

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В его статье дано старое написание *ыдык-таг*. См.: Потапов, 1946.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. Изд. 2-е. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2014. С. 312.

Само слово тувинского языка *ыдык* в общем смысле трактуется как ‘святыня’¹ и чаще всего рассматривается в контексте религиозного поклонения, культа. Оно имеет и глагольную форму (*ыдыктаар* ‘освящать’), и формы прилагательного (тот же *ыдык* и *ыдыктыг* ‘освященный’). Для того, чтобы назвать нечто *ыдык*, *ыдыктыг* люди, по мнению М. Б. Кенин-Лопсана, совершали соответствующие действия *ыдыктаар* или *ыдык салыр*.

Таким образом, мы видим близость двух терминов: глаголы *дагы* и *ыдыктаар* (*ыдыктары*) означают ‘освящать’; прилагательные *дагылгалыг* и *ыдык*, *ыдыктыг* — ‘освященный’.

Разница же между ними обнаруживается в объектах освящения.

Объекты ыдык

Строго выстроенная, причем в соответствии с сакральностью числа девять (Бредис, 2023), типология объектов освящений есть в работе М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 2017: 139–141; 2006: 131–133). При этом, если и *дагылга*, и *ыдыктаар* переводить как *освящение*, то в переводном издании пропадает наличие двух терминов. Поэтому для точности передачи лингвокультурных нюансов мы за основу берем оригинальный текст на тувинском языке.

Кенин-Лопсан называет девять освящений (*тос ыдык*), тесно связанных с судьбой человека, имеющих свой собственный смысл. Проводить их могут только опытные шаман или шаманка. И само действие связывает с домашними животными и вещами, дорогими человеку:

— *хойну ыдыктаары* ‘освящение овцы’, которое производилось, чтобы вылечить больного человека, отвести беды и напасти от женщин;

— *сергени ыдыктаары* ‘освящение козла’ — для успокоения духов огня (очага), а также для исцеления человека, которого преследуют ночные кошмары;

— *аътты ыдыктаары* ‘освящение лошади’ — для исцеления ее владельца, если он заболел во время поездки, а также людей, страдающих одышкой, от воспаления легких, кошмарных снов;

— *тевени ыдыктаары* ‘освящение верблюда’ — для защиты всего скота аала (освящали верблюда-производителя), для защиты приплода верблюдиц (тех, у кого верблюжат поедают волки); практиковалось в районах, где содержали верблюдов (Тес-Хем, Эрзин, Танды, Дзун-Хемчик);

— *сарлыкты ыдыктаары* ‘освящение яка’ — для того, чтобы получить благословения от хозяев тайги (Бай-Тайга, Монгун-Тайга и др.);

— *буганы ыдыктаары* ‘освящение быка’ проводилось для белых быков, чтобы *ыдык тайга* ‘священная тайга’, которая раньше была у каждого кожууна и сумона, давала людям счастье и здоровье («Ыдыктыг ак буга таңды ээзиниң сеткилин кончуг өөртүр джигир» (там же: 140) — «Говорили, что священный белый бык очень радуется духа — хозяина тайги»²);

— *ивини ыдыктаары* ‘освящение оленя’ (*фото 1*) проводилось в Тодже, чтобы духи высокой тайги, гор, рек благоволили людям;

— *ыдык овкту ыдыктаары* ‘освящение священной стрелы’, которая была в каждом доме и в которой находились, по поверьям, души детей; если дети заболели, то это понимали как гнев священной стрелы (*ыдык овк*), ее заново освящали, приглашая шамана и «кормя» стрелу (резали барана и ставили перед ней бараний курдюк, тем самым умиротворяя ее);

— *хараачаны ыдыктаары* ‘освящение обруча дымового отверстия’. Считалось, что *хараача* имеет мистическую связь с девятью небесами; к обручу новой юрты привязывали синий хадак и камланием шамана освящали *хараача*.

Описывая эти девять видов освящений, М. Б. Кенин-Лопсан выражал сожаление о том, что они совершенно забыты (там же: 141).

Но, помимо описанных им девяти видов освящений *ыдыктаары* разных объектов, есть такие вещи, которые святы (*ыдык*), как пишет он, очевидно без специальных ритуалов. В одном из параграфов его книги указываются *ыдыктыг черлер* ‘священные места’ (там же: 201–203), однако в этом списке есть и не только места (см. шестой пункт):

¹ Там же. С. 592.

² Перевод Н. Д. Сувандии.

Фото 1. Ыдык иви 'освященный олень'. Фото С. А. Демкиной.
Photo 1. Ydyk ivi 'consecrated deer'. Photo by S. A. Demkina.

- *төрээн чери* 'родная земля', т. е. земля, где человек родился;
- *ада-өгбениң сөөгүн салган чери* 'места, где положены кости предков' и где потомки должны проживать, продолжая их дела;
- *сүнезини тудуш чери* 'место связи души' — родные места, с которыми связаны души умерших людей;
- *өпөйткен чери* 'место, где слышал колыбельную', т. е. там, где мама пела колыбельные и передавала через них ребенку мысли, надежды, любовь;
- *хамнар серизи* 'помост шамана' — место захоронения шамана, устроенное по древним обычаям в отдельном месте, на специальном помосте с навесом. Рядом ставили столб, на который вешали вещи шамана;
- *тос ада ызыгууру* 'происхождение девяти поколений предков' — святая память о предках в девяти поколениях со стороны отца; необходимо было знать их и места, где они проживали.

Тувинская топонимия, национальная литература (в том числе художественно-этнографические произведения самого М. Б. Кенин-Лопсана) и народные песни¹ показывают нам и другие объекты, которые достаивались в традициях тувинцев статуса *ыдык* 'священного'.

Если попытаться обобщить, типологизировать все эти объекты, то у нас получается весьма обширный список. Рассмотрим его с примерами.

¹ Помимо них, разумеется, есть и другие группы источников, которые мы не охватили.

Во-первых, священными назывались объекты природы: горы, реки, деревья, Луна и пр.

Б. К. Ондар выделила в отдельную группу тувинских топонимов те, которые связаны с религиозными верованиями тувинцев. И в ней оказались топонимы, содержащие производные слова *дагы*, а также *ыдык* (Ондар, 2008: 184–190). Так, она назвала горы *Ыдык* и *Ыдык-Тей* вблизи н. п. Эйлиг-Хем Улуг-Хемского района, гору *Ыдык-тайгу* в Тоджинском и Дзун-Хемчикском районах, тайгу *Көк-Ыдык* в Тоджинском районе (там же: 188–189).

В романе К.-Э. К. Кудажи «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомный») в описании пространства, где происходят основные события, есть гора, которая считается *ыдык*: «Бай-Даг *ыдыктыг даг*. Ооң кырынче чүгле эр кижилер үнер»¹ «Бай-Даг — *священная гора*. На ее вершину поднимаются только мужчины».

В романе М. Б. Кенин-Лопсана «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») также упоминается святая горная вершина: «Мөңгүн-Тайга чер кырындан 3376,9 метр бедик бооп, дээрже чаларап үнген *ыдыктыг сын джир*»² «Монгун-Тайга является *священным горным хребтом*, который возвысился на 3376,9 метра высоты над землей».

Священную тайгу упоминает здесь и герой Агана Херткек: «Адам-иемниң чүдүп чораан *ыдыктыг тайгазы*»³ «Священная тайга, которую освящали мои родители».

В этом же произведении на сборе мифических существ, которые стала видеть героиня, один из семи чертей из Черби, Шуудан, так описывает святую землю:

«Найысылал Кызылдан тос километр черде үнүп чыдар аржаан болгай. Ол аржаан суглуг черни бистиң ада-өгбелеривис “Алдын-Булак” аржааны деп адаан чүве. Алдын-Булак аржаанын арган мал ишкеш, семирип деңгел кирер, Алдын-Булак аржаанынга аарыг кижиге шуут-ла сегиир. Ол аржаанны четтирген кижиниң чүлдү-чүрээ, бүүрээ, өкпе-баары арыгланыр *ыдыктыг чер* болгай. Алдын-Булак аржаанынга караа багай кижиге киргеш, каракталыр болгай, дүлей кижиге киргеш, кулаа дыннаар апаар»⁴ «Святой источник берет начало из девятого километра столицы Кызыл. Этот святой источник наши предки именуют как Алдын-Булак. Когда пьют из этого источника, то истощавший скот набирает массу, а больной человек выздоравливает. Это *священная земля*, когда пьешь воду из святого источника, то очищается сердце, почки, легкие человека. Когда люди ездят на Алдын-Булак, то человек с плохим зрением приобретает зрение, глухой человек будет заново слышать».

И сегодня тувинцы помнят и называют *ыдык / ыдыктык черлер* «священные места». Так, А. У. Ондар пишет, что в долине Шаңгана Тандынского кожууна есть еще три сакральные вершины, называемые *оюннарның үш ыды* «три святыни рода оюн»: *Калчан-Ыдык*, *Сүүр-Ыдык*, *Чалбак-Ыдык* (причем одна из них даже раньше называлась *Бурун-Ыдык* «Священная Древняя»): *Калчан-Ыдык* — гора в долине Чиңге-Шаңган (*калчан* «лысый, плешивый, голый, без растительности»), уже упоминавшаяся *Сүүр-Ыдык* — гора в долине Шаңгана на территории Тандынского кожууна (*сүүр* «сопка, пик»), *Чалбак-Ыдык* — гора в долине Шаңгана (*чалбак* «плоский», т. е. «Священная Плоская») (Ондар, 2019: 121).

Гору Хайыракан, расположенную в Улуг-Хемском районе, между городом Шагонар и селом Хайыракан, тувинцы называют *Ыдык* и поклоняются ей (фото 2).

Есть и реки, в названии которых встречается приставка *Ыдык*, например, *Ыдык-хем* в Тоджинском районе. Как пишет Б. К. Ондар, название река получила от молений духам воды, которые совершаются в ее истоках. Также она приводит легенду о том, что название *Ыдык* река получила от старухи, которая не утонула в воде, а спаслась (Ондар, 1995: 42).

В традиционных *кожамык* (песнях, частушках, припевках) также можно увидеть, что *ыдык* называли *таңды* «высокогорную тайгу»:

¹ Кудажи К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Улуг-Хем неугомный]. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное изд-во, 1996. (На тув. яз.). Т. 1. С. 60.

² Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 392.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 204.

Фото 2. У подножия Ыдык Хайыракан ‘Святой горы Хайыракан’. Фото Ш. Б. Майны, 2023 г.
Photo 1. At the foot of Ydyk Khayyurkan ‘Holy Mountain Khayyurkan’. Photo by Sh. B. Maina, 2023

<p>Сүзүглээштиң сүдүн өргүүр Сүүр-Ыдык таңдымайны. Чалбарааштың чажыын чажар Шаараш-Ыдык таңдымайны¹.</p>	<p>Молясь, преподношу молоко, Священный пик² — моя тайга, Прося милости, плескаю жидкость, Редкая и святая моя тайга³.</p>
<p>Ыдык бора тайга сактып, Киштеп, маңнап туру-ла бе? Ынак эжим мени сактып, Ыглаңайнып олур-ла бе⁴.</p>	<p>Вспоминая тайгу святой сивый, Ржет и скачет ли он? Вспоминая меня, мой любимый друг, Часто плачет и ждет ли он?</p>

Также в романе М. Б. Кенин-Лопсана упоминается священная листовница:

«Суурже кел чыткаш, кургап калган суг унунга Дилгижек тура дүшкен. Карааның уунда шаг шаандан бээр ол черниң дагып-чүдүп чорааны Бай-Дыт көзүлген. Ол дыттың будуктарында ак-ак чаламалар эстеңнедир хадып тургулаан. Ыдыктыг дыт»⁵ Дилгижек, приезжая в деревню, остановился у истока засохшей реки. Он

¹Тыва кожамыктар [Тувинские песни и частушки] / сост. Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1965. С. 35.

² Название горы в долине Шацгана на территории Тандынского кожууна именно такое — Суур-Ыдык, см.: Ондар, 2019: 121.

³ Здесь и далее построчные переводы в текстах песен выполнила Ш. Ю. Кужугет.

⁴Тыва кожамыктар [Тувинские песни и частушки] / сост. Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1965. С. 209.

⁵Кенин-Лопсан М. Б. Азаның бичези кончуг [Младший чертенок]: роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1989. (На тув. яз.). С. 126.

увидел перед глазами Бай-Дыт, которого с древних времен предки освящали. На ветках лиственницы ветер разносил в разные стороны белые ленты. *Священная лиственница*'.

М. Б. Кенин-Лопсан говорит устами одного из своих героев: «Бурунгу тывалар айны кончуг ыдыктыг кылдыр көрүп чораан болгаш ай адам джир»¹ 'Древние тувинцы смотрели на луну как очень святую и называли Луна-отец'.

Во-вторых, не просто определенные территории, участки земли, но особо значимые места считались священными: Родина, родные места, места упокоения предков и пр.

Молодой директор совхоза Тумат Тенекпей в романе М. Б. Кенин-Лопсана «Алдын чүрек» («Золотое сердце») ранним утром во время весеннего сева взял в свои руки горсть земли и, вдохнув ее аромат, произносит: «Чер! Төрээн Тывамның ыдыктыг чери аан»² 'Земля! Священная земля моей родной Тувы'.

Об *ыдык чурт* 'священной Родине' поется в песне «Хадыңчыгаш» («Березонька») (музыка С. Бюрбе, слова О. Саган-оола):

<p><i>Каптагайдан хамык чүве Хайнып, дойлуп турган-даа дег, Ыдык чурттуң ынды, бети Ынакшылдан долган-даа дег</i>³.</p>	<p>Как будто все из Вселенной Воодушевлялись и суетились Со всех сторон священной Родины Как будто заполнили любовью.</p>
--	---

После смерти 104-летней старейшины Хондергея Ондар Дуруя, при описи имущества ее юрты героиня романа Севил М. Б. Кенин-Лопсана «Алдын чүрек» («Золотое сердце») передала учителю-ветерану Деспижек Дембилдей для хранения в школьном музее пуповину сына От-оола старейшины, погибшего во время Великой Отечественной войны, со словами: «Кырган иезиниң болгаш дайынчы оглунуң Ыраажы-Хемге арттырып каан бир ыдыктыг чүвези Төрээн чурт дээш тулчуп чораан дайынчының хирни-дир»⁴ 'Одной из святынь родной земли Ыраажы-Хем является пуповина защитника Родины, оставленная пожилой матерью и ее сыном'.

В романе К.-Э. К. Кудажы «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомонный») «Николай Ивановичиниң чырыткылыг тураскаалын сактып, ооң ыдыктыг хөөрүнге база катап мөгөйгеш, Буян хемни өрү кылаштап чоктапкан»⁵ 'Буян, вспоминая светлый образ Николая Ивановича, поклонился к священной его могиле и пошел вверх по реке'.

М. Б. Кенин-Лопсан также писал: «Чылгычының хөөрү. Ыдыктыг чер ол-дур»⁶ 'Кладбище табунщика. Это священное место'.

В-третьих, освящались и животные, скот: быки, кони, козы, бараны.

Героиня романа М. Б. Кенин-Лопсана «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка») Агана Хертек, играя на национальном инструменте игил, размышляла о своей тяжелой судьбе, и ей казалось, что священный скот оберегал ее: «Тыва кижии ыдыктыг малды чиш кылдыр өлүрүп чивес джир»⁷ 'Тувинцы никогда не забивали священный скот как убойный'.

Герою другого романа М. Б. Кенин-Лопсана «Азаның бичези кончуг» («Младший чертенок») Балчый Тумату приснился сон, где старик Хойтпак, много лет проживший в этих землях, говорил о неразрывной связи между священной землей и священным животным:

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]: роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 171.

² Кенин-Лопсан М. Б. Алдын чүрек [Золотое сердце]: роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1992. (На тув. яз.). С. 137.

³ Ырлажылы [Споём]: сборник песен / сост. С. Пюрбю. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1959. С. 182.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. Алдын чүрек [Золотое сердце]: роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1992. (На тув. яз.). С. 187.

⁵ Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Улуг-Хем неугомонный]. Т. 4. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1992. (На тув. яз.). С. 233.

⁶ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки]: роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1984. (На тув. яз.). С. 170.

⁷ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]: роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 56.

«Ыдыктыг чер болгаш ыдыктыг аң база турар джир. Оран ээзи кара карактыг ак сыын дугайында тоолчургу чугааны дыңнап чор силер бе? Азы уткан силер бе?»¹ ‘Существуют *священная земля и священный зверь*. Вы слышали легенду про Хозяина земли белого марала с черными глазами? Или забыли?’

В романе К.-Э. К. Кудажи «Уйгу чой Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомонный») упоминается именно специально освященный конь: «Чейзеңниң ыдык бора аьдының соонда аьттар аралары ырак эвес, шууштур чоруп органнар»² ‘Кони мчались на небольшом расстоянии позади *священного сивого коня чейзена*’.

Герои романа М. Б. Кенин-Лопсана «Кырган-авай өпей ыры» («Колыбельная бабушки») Кажыкпан и Тенекпей посетили священную землю Чангыс-Дыт, где они выросли и где находится могила табунщика, отца Тенекпея Тумата Арган-оола. Они нашли в лесу обессилевшего любимого коня погибшего табунщика Доругдая, попавшего в петлю, и отпустили его в табун. Один другому сказал при этом:

«Эжим, сен Доругдайның ыдык-челинге болгаш кудуруунга ыдыктан баглааш, чылгы аразынга салывыт. Бурун өгбелерниң чаңчылы-дыр»³ ‘Друг мой, ты привяжи к *священной гриве* и хвосту Доругдая *святыню* и отпусти среди табуна. Это древний обычай предков’.

Интересно то, что священный конь также фигурирует и в народной песне про революцию:

<p><i>Ынак чуртум демдээн баскан Ыдык оюм мунксаар мен. Ындыннайдан хувискаалчы Ынаам сени алыксаар мен</i>⁴.</p>	<p>Поставивший клеймо любимой родины, Хочу ездить верхом на святом буланом. Имеющего революционный характер, Хочу встретить любимого моего.</p>
--	---

Упоминание священного валуха (кастрированного барана) содержится в романе М. Б. Кенин-Лопсана «Читкен уруг» («Пропавшая девушка»): «Успун-Доржунуң адазы Улуг-Хам бир ыдыктыг ирттиг чораан»⁵ ‘Отец Успун-Доржу Улуг-Хам имел одного священного валуха’.

В этом же произведении есть описание священного козла. Агана Хертек говорила:

«Мен игилдей бээримге, дөрт адыр мыйыстыг сарыг серге чанымга чедип келир. Азыраан ием ону ыдыктыг серге дээр чораан. Онзагай серге. Та дөрт адыр мыйыстыг боорга, та дүгү чаагай боорга, та саргыл өңнүг боорга ыдыктап каан чүве, ол дугайын билбес мен, айтырарындан база коргар чораан мен»⁶ ‘Когда я играла на игиле, то ко мне подходил желтый козел с четырьмя рогами. Моя приемная мать говорила, что это *священный козел*. Особенный козел. Я так и побоялась спросить, почему именно этого козла освятили, то ли за рога, или за богатую шерсть, то ли за желтоватый цвет’.

В другом романе Кенин-Лопсана «Чылгычының өө» («Юрта табунщика») ярко показывается, как нельзя обращаться с освященными животными и как этому правилу обучали детей:

«Ооң соонда кырган-авамның сарыг сергезин мунар апарган мен. Сактырымга, мойнунда бир-ле ак пөс баглап каан ышкаш чүве ийин. Ол сергениң улуу бир-ле кулун-на.

Бир катап инек саап орган кырган-авам алгыра берди. Мен сарыг сергени мунуп алгаш, хой кажаазын долгандыр шошкунгуурлап тур мен. Кырган-авам үнүн дыңнааш, харын-даа хөк бодай берген мен. Сарыг сергем дагыр-моксуй мыйыстарын чайгылааш, хииктелдир челзип келдим, кырган-авам мени чая соп алды. Кулаам бажы изиш-изиш дигенин билир мен.

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Азаның бичези кончуг [Младший чертенок] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1989. (На тув. яз.). С. 163.

² Кудажи К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Улуг-Хем неугомонный]. Т. 1. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1996. (На тув. яз.). С. 313.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Кырган-авай өпей ыры [Колыбельная бабушки] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1984. (На тув. яз.). С. 173.

⁴ Тыва кожамыктар [Тувинские песни и частушки] / сост. Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1965. С. 161.

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 56.

⁶ Там же.

— Бо болза *ыдыктыг серге-дир*, билдин бе, кулугур. Мээң одум-көзүм бир хам кадай дагааш, бо сергени чаш анай турда-ла ыдыктап каан чүве. Отка-көске ыдыктаан малды мунуп-даа болбас, дүгүн-даа кыргывас, өлүрүп-даа чивес чоор. *Ыдыктаан мал* чүгле кырып өлүр чоор, кончуг мелегей»¹.

‘Потом я стал ездить верхом на желтоватом козле бабушки. Как я помню, на его шее был привязан кусок белой ткани. Этот козел был огромным как жеребенок.

Однажды закричала моя бабушка, которая доила коров. В это время я ездил вокруг кошары овец верхом на желтоватом козле. Услышав голос бабушки, захотел позабавить ее. Я мигом подъехал рысью на козле, и бабушка меня свалила. Только помню, как горели мои уши.

— Это *священный козел*, знай, негодяй. Освятив мой огонь, женщина шаман осватила и этого козла еще маленьким. Нельзя ездить верхом, стричь шерсть, закалывать освященного огнем скота. *Священный скот* умирает только от старости, глупец’.

В-четвертых, вещи, созданные людьми, также назывались освященными *ыдык*: уже упомянутая выше священная стрела (*ыдык оък*), *оваа* (ритуальный курган), юрта, флаг, огонь, продукты, снаряжение шамана, деньги, семейные сокровища и пр.

Герой романа С. А. Сарыг-оола «Аңгыр-оолдуң тоожузу» («Повесть о светлом мальчике») Аңгыр-оол вспоминал:

«Солагай талакы кастыымдан (сай-чажымдан) бир дүргек дүк кескеш, ачамга тутсуп берди. Ачам ол дүктү бир кадакка богаш, хомду иштинде *ыдык-окка* баглап кагды»² ‘Из моего левого виска дядя постриг один клубок волос, и отдал моему отцу. Отец обмотал этот клубок на кадак и повязал на *священной стреле* внутри ящика’.

Священная стрела *ыдык оък* до сих пор считается хранителем семейного благополучия определенной части тувинских семей (Хомушку, 2013).

В романе М. Б. Кенин-Лопсана описывается освященный *оваа*:

«Ол *ыдыктыг Бай овааны* эге баштай дээр уктуг хам дагаан дээр, чүге дээрге көк дээрже Биче-Мөңгүн-Тайганың сүвүр бажы чоокшулап турар. Ол Бай овааны чылдың дагыыр. Ол дагылгага тывалар, моолдар, алдайлар, делеглер, дөрбеттер шупту четкилеп келир турган чүве-дир»³ ‘Эту *священную Бай оваа* (‘богатый жертвенный курган’) освятил небесный шаман, потому что остроконечная вершина Биче-Монгун-Тайги приближается к синему небу. Эту *Бай оваа* освящали каждый год. На дагылга приезжали каждый год все: тувинцы, монголы, алтайцы, делеги, дорбеты’.

Юрта названа священным гнездом в романе М. Б. Кенин-Лопсана «Алдын чүрек» («Золотое сердце»): «Өг — тыва чоннуң бурунгу төөгүзүн көргүзүп турар ыдыктыг уя-дыр»⁴ ‘Юрта — это священное гнездо, показывающая древнюю историю тувинского народа’. Один из героев этого произведения говорил о священности юрты старейшины: «Кырган-авайның ак өө — төөгүнүң *ыдыктыг өө* бооп артар ужурлуг — деп, Дембилдей тайылбырлаан иргин»⁵ ‘Белая юрты старейшины должна остаться священной исторической юртой, — так пояснил Дембилдей’.

Атрибуты религиозных ритуалов, обрядов, одеяния шамана (*фото 3*) также удостаивались характеристики *ыдык* и упоминаются в художественных произведениях:

«Тыва шеригни *ыдыктыг торгу тук-биле* шаңнаан»⁶ ‘Тувинскую армию наградили священным шелковым флагом’;

«Хамнаарда хереглээр дериг-херекселимни тайганың-тайгазында, белен-селен кижичетпес улуг куй иштинде шыгжап каан мен. Мээң ол *ыдыктыг чүвелерим* суккан черни кым-даа тыппас. Аптарам иштинде

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Чылгычының өө [Юрта табунщика] : роман. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. (На тув. яз.). С. 82.

² Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдуң тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008. (На тув. яз.). С. 22.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 94.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. Алдын чүрек [Золотое сердце] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1992. (На тув. яз.). С. 158.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Улуг-Хем неутомонный]. Т. 1. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1996. (На тув. яз.). С. 286.

Фото 3. Атрибуты ритуала, одяение шамана считаются ыдык 'святыми'. Фото А. С. Папына, 2021 г.
Photo 3. The attributes of the ritual, the shaman's attire are considered ydyk 'saints'. Photo by A. S. Papun, 2021

ак аадаңым бар. Ооң иштинде мээң даады ап чоруурум үш ыдыктыг чүвем бар: бир дээр эди, бир үш кырлыг чүрек илдим база бир хүлер илдим. Илди дээрге карачал кижиниң кыйырак кестии дег чүве болгай»¹ ‘Свое шаманское снаряжение я надежно спрятал в тайге, в большой пещере, куда не дойдет всякий человек. Никто не найдет мой клад со священными вещами. Внутри *аптара* есть белый кожаный *аадан* (‘кусок выделанной кожи’). Внутри *аадана* есть три моих священных предмета: один небесный предмет, трехконечный *илди* и один бронзовый *илди*. *Илди* — это ножик бедняка’;

«Оон Элдеп хам мырыңай оожургааш, орбазы биле дүңгүрүн салып кааш, от кыдыынга олуруп алган.

— Аза-четкерлер-биле сүржүр дээш, аът-хөлүмнү аргызыр-доргузур мундум — деп, өгнүң ээлериниң сунган даңзазын соруп, Элдеп хам аяар серип орган. — Хөлөзи-барылгазын көвүдөдир төлөңер. Чаяан-дөс, *дериг-ыдык* килеңней бээр. Аарыг каданназа, аза-четкерлер-биле ам чугаалажыры берге»²

‘Потом шаман Элбек успокоился и сел около огня, положив колотушку и бубен.

— Из-за погони за чертями, исхудал мой конь, — так сказав, Элбек шаман медленно выкуривал табак. — Достоинно мне оплатите. Творец, снаряжение-святыня рассердится. Если болезнь обострится, потом с чертями разговаривать еще труднее’.

В романе «Читкен-уруг» («Исчезнувшая девушка») М. Б. Кенин-Лопсана упоминается *ыдыктыг от*³ ‘священный огонь’ (см. *фото 4*).

Фото 4. Ыдыктыг от ‘святой огонь’. Фото А. С. Папына, 2021 г.
Photo 4. Ydyktyg ot ‘holy fire’. Photo by A. S. Papun, 2021

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 89.

² Кудагы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Улуг-Хем неугомонный]. Т. 1. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1996. (На тув. яз.) С. 338.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 317.

Также Кенин-Лопсан пишет об *ыдыктыг чем* 'о священной еде', тем не менее, священной по определению, а не в результате проведения специального обряда:

«Сүт болза тыва кижиниң амыдыралында эң-не *ыдыктыг чем* болур. Сүт ышкаш ак сеткилдиг джир. Сүт ышкаш арыг чаагай джир. Иезиниң сүдүн эмген бызаа чудапас, иезиниң эмииниң сүдүн ижип өскен уруг аарбас джир»¹ 'Молоко является самой священной едой в жизни тувинцев. Добродушный как молоко, говорят. Чистое, приятное как молоко, говорят. Теленок, которого кормили молоком матери, не истощался, а ребенок, который питался материнским молоком, никогда не болел'.

В романе К.-Э. К. Кудажи же пишется об освященной еде, оставленной после ритуала: «Маңгыр чейзеңниң хам дыт дагаан черинге арттырып кааны *ыдыктыг аши-чемни* оорлап чип турганы ол-дур, кончуг аза оглун»² 'Вот он, чертенок (Буян. — Авт.), воровал и ел священную еду, оставленную Мангыр чейзенем на месте освящения шаман-лиственницы'.

Священными Кенин-Лопсан назвал и деньги устами героя романа «Читкен уруг» («Исчезнувшая девушка»):

«Акша дээрге кандыг-даа күрүнениң *ыдыктыг демдээ* болгай. Бир-тээ Тыва күрүнезиниң акшазында адын салган кижиге болганда, ол черле тыва чоннун база бир онзагай оглу болур ужурлуг — деп, улуг эмчи мындыг»³ 'Деньги — это священный знак любого государства. Если он (Оюн Данчай. — Авт.) поставил подпись в деньгах Тувинского государства, то он должен быть одним из особенных сынов тувинского народа, — сказал главный врач'.

М. Б. Кенин-Лопсан описал семейные святыни, которые должны оберегать члена семьи:

«Хаш алгыдан кылган хаптың иштинге чораан чүвелерни эдээниң кырынче калган чылгычының кадайы кончуг аяр тө тудупкан. Чиг арбай, ак-тараа, чиңге-тараа, сула, ак даш, бир хой кажы, бир көк чинчи тоо быдарай берген.

— Эки кадагалаар силер, башкы! — дигеш, иштинде *ыдыктыг чүвелер* шыгжаан хаш хапчыгашты Севил угбай холдары сирилевишаан, хоочун башкыга тутчуп берген»⁴

'Жена табунщика медленно выложила на свои колени содержимое мешочка, выделанного из тонкой кожи. Рассыпались не жареный ячмень, пшеница, просо, овес, белый камень, одна бабка барана, одна синяя бусинка.

— Тщательно берегите, учитель! — с такими словами передала дрожащими руками Севил пожилому учителю выделанный из тонкой кожи мешочек, хранивший святыни'.

В-пятых, образ жизни, поведение людей, традиции культуры также получали определение *ыдык*.

Помимо того, что М. Б. Кенин-Лопсан назвал традиции и обычаи священными в научных публикациях, он также использовал эти понятия в своих художественных произведениях:

«Тыва чоннун бир *ыдыктыг болгаш сагыыр чаңчылы* турган, энер. Ол болза чүгүрүк аът чарыштарга эрттип келирге, ол аътты алгаар болгаш ооң ээзин шаңнаар. Мөге кижиге найыр болган черге шүглүрге, ону алдаржыдып алгаар, бажын ажыр шаңнаар»⁵ 'У тувинцев существовал один священный обряд, который всегда соблюдали, уважаемый. Это когда резвый конь побеждал на скачках, то его самого прославляли и хозяина награждали. Когда борец выходил победителем в празднествах, то его прославляя, благословляли, безмерно награждали';

«Черле ынчаш бурун шагдан оол, кыс он үш хар чеде бээрге, бир төлгечи кижиге *төлге салдырар ыдыктыг чаңчылы* турган. Чарын, хуваанак салыр төлгечи турар. Бистин бо черниң кижилери төлгечи кижини кончуг хүндүлээр болгаш ооң чүү дээнин кончуг сагыыр»⁶ 'С древних времен существовал священный обычай,

¹ Там же. С. 328.

² Кудажи К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Улуг-Хем неугомонный]. Т. 1. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1996. (На тув. яз.) С. 96.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.) С. 185.

⁴ Кенин-Лопсан М. Б. Алдын чүрек [Золотое сердце] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1992. (На тув. яз.) С. 188.

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.) С. 190.

⁶ Там же. С. 90.

когда мальчик и девочка достигают тринадцати лет, то обязательно гадальщик гадал. Гадальщик, который смотрел лопатку, кидал камушки для гадания. Наши земляки очень уважали гадальщика и тщательно соблюдали то, что он говорил’;

«Чаңгыс-даа эр кижн Буланныг хемниң унун каап көрбээн, оол уруг адазының чуртун ээлээр деп бурун-гунуң чаңчылын кончуг *ыдык сагып чораан* чер-дир»¹ ‘Очень свято соблюдали этот древний обычай, что ни один мужчина не оставлял руслу реки Буланныг, сын очень свято соблюдал древний священный обычай, что должен жить на отцовской земле’.

Также писал и К.-Э. К. Кудажы: «Тываларның өгбе төөгүден бээр *ыдык чаңчылы* бар: чеже-даа бакташканда, ыттавас ужурлуг чүвени черле ыттавас, үези боду чедип кээр»² ‘У тувинцев существовал один из древних времен священный обычай: даже если поссорились между собой, никогда не говорят того, чего не нужно говорить, время само подойдет’.

М. Б. Кенин-Лопсан упоминал и священный завет: «От өжүрбейн чор, уруум!» Азыраан адамның шак бо *ыдыктыг чагыы* кулаамга дыңналып келди»³ ‘Никогда не гаси огонь, дочка! Этот священный завет моего приемного отца звучит у меня в ушах’.

В первых тувинских песнях советского времени есть выражения *ыдык улуг хүлээлгевис* ‘святой великой долг’, например, в песни жанра *кожамык* «Саанчы биле комбайнерниң ыры» («Песня доярки и комбайнера») (музыка А. Чыргал-оола, слова К. Мунзук):

<p><i>Дүжүдүвүс ажаап алгаи, Түңнээр ажыл доосту бээрге, Саанчы биле комбайнерниң Шайлалгазын ажыдар бис.</i></p> <p><i>Ынакшылдың дүжүдүн бээрге, Ыдык улуг хүлээлгевис. Часкы, чайгы бойдус ышкаш, Чайынналдыр чурттай бээр бис</i>⁴.</p>	<p>После уборки урожая Когда закончатся отчеты, Будем открывать свадьбу Доярки и комбайнера.</p> <p>Когда дают плод любви Наш святой великий долг. Как весенняя, летняя погода Будем жить блестяще.</p>
--	---

В целом можно сказать, что тувинец, согласно святым традициям, проживал в окружении всего, что было для него свято, освящено (и *ыдыктыг*, и *дагылгалыг*), и того, что его самого защищало. Так это сформулировал М. Б. Кенин-Лопсан: «Мээң базымчага кирген салым-чолумну камгалаан ышкаш сагындырар чүвелер *ыдыктап каан мал-маган* болгаш *дагып каан суг бажы, дагып турар хам дьт, дагылгалыг тел ыаш* болгулаар турган»⁵ ‘Вещам, оберегавшим меня, когда оскорбляли мою несчастную судьбу, были священный скот, освящение истока реки, освящение шамана-лиственницы, священные два дерева, выросшие из одного корня’.

Народный писатель Тувы А. А. Даржай также описывал святость, как окружающее тувинца:

<p><i>Ак-көк кудай адаа черде меңээ ыдык чүү барыл? Авам-ачам сиген бүргей алы берген чевег-хөөру... Ажы-төлүм омак-сергек тоглаа-ойну, каткы- шоору</i>⁶.</p>	<p>Что свято для меня на земле под синим небом? Заросшая травой могила родителей... Радостный смех и игры моих детей...⁷</p>
---	---

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Чылгычының өө [Юрта табунщика]. Роман. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1980. (На тув. яз.). С. 79.

² Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Улуг-Хем неугомонный]. Т. 4. 2-е изд. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1992. (На тув. яз.) С. 31.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 316.

⁴ Тыва улустун ырлары. [Тувинские народные песни] / сост. М. М. Мунзук, К. Н. Мунзук. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1973. С. 205.

⁵ Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка] : роман. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2000. (На тув. яз.). С. 55.

⁶ Ожук дажы = Тувинские трехстишия : антология / сост. Л. С. Мижит. Кызыл, 2004. С. 58.

⁷ Перевод Э. Мижита. Там же. С. 59.

Мы можем видеть, что святым (и *ыдыктыг*, и *дагылгалыг*) тувинцы могут назвать огромное число окружающих их объектов, предметов, вещей.

Освященные, но без ритуала

М. Б. Кенин-Лопсан писал, что для того, чтобы объекты стали святыми, требовалось их освящение с совершением определенных ритуалов. При этом освящение можно производить и *дагыыр*, и *ыдыктаар*.

Например, С. Ч. Донгак составила список основных элементов акта освящения скота:

- возжигание можжевельника (*артыш*) *сан салыр*;
- чтение буддийских молитв *судур номчуур* или *ном номчуур* (при проведении обряда буддийским священником), или произнесение благопожеланий *алгыш кылыр* (во время камлания шаманом);
- омывание животного аржааном (целебной водой с добавлением щепотки можжевельника, молока);
- обмазывание рогов, копыт, морды животного топленным маслом — символом сытости, благополучия и богатства;
- окуривание животного дымом можжевельника;
- повязывание на шею мелкому или крупному рогатому скоту, а коню на гриву — белых и синих ритуальных ленточек, называемых *чалама* (Донгак, 2018: 33).

Остальные обряды освящения у тувинцев других объектов (рек, гор и пр.) в целом также содержат эти же элементы:

- возжигание костра *сан салыр* с ветками можжевельника;
- чтение буддийских молитв или благопожеланий;
- принесение некоей жертвы, например, продуктов питания;
- привязывание (*баглаар*) лент *чалама* или флагов *хей-агт тугу*.

При этом ритуалы освящения необходимо повторять с определенной регулярностью. Соответственно, святость надо было «продлевать», «обновлять», «укреплять». В этом смысле понимание таких действий как «договорных отношений» между людьми и духами территории, о которых пишут исследователи, вполне логично. Договоренности надо поддерживать и продлевать, периодически уверяя друг друга в неизменности взятых на себя обязательств.

Однако, когда мы говорим об освященных объектах, то здесь поле *ыдык* становится шире. И священными провозглашаются не только специально освященные при помощи ритуалов вещи, но и те, которые имеют для людей большую ценность. Рискнем предположить, что разница здесь восходит к истории терминов и словообразования. Для *дагылга* важнее специальное освящение действие, так как в основе термина, как нам подсказал этимологический словарь Б. И. Татаринцева, находится глагол *дагы*. Тувинский глагол *ыдыктаар* образован был от прилагательного, восходит к понятию *ыдык* 'священный'. Поэтому в данном концепте первичной является уже сама святость, которая означает непреложность, неприкасаемость. В ряде случаев *ыдык* становится синонимичным представлениям о ценности (*эртине*), значимости (*ужур-уткалыг*), уважаемости (*хүндүткелдиг*), любовном отношении (*ынакшыл харылзааларынга*).

Священное сегодня

И сегодня идея святости не просто не забыта, она нашла свое второе рождение в тувинской социокультурной жизни. И это не случайно.

Сегодня в тувинском дискурсе провозглашаются, транслируются, а также преподаются в учебных заведениях такие материальные ценности с характеристикой *ыдык*, как:

- *ыдык чемнер* 'священная еда' (к которой относят молочные продукты¹, а также хлеб, жареное толченое просо²);

¹ Араганың кырынга чам үнер [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. ВКонтакте. 2023, 15 марта. URL: https://vk.com/wall-64833533_18079 (дата обращения: 19.06.2023).

² Хлеб-тараа — хүндүткелдин ыдык чеми [Электронный ресурс] // Шын. 2023, 14 июня. URL: <https://shyn.ru/medeeler/hleb-taraa-h-nd-tkeldi-ydyk-chemi/> (дата обращения: 19.06.2023).

- өг-бүлениң ыдык эди ‘священное семейное имущество’¹.
- Также ыдык называются и нематериальные ценности:
- ыдык ёзулал ‘священный этикет / церемония’²;
 - өгбелерниң ыдык чагыы ‘священные заветы предков’³;
 - тываның иелериниң ыдыктыг сагылгалары ‘священные заповеди тувинских матерей’⁴ (фото 5);
 - ыдык чагыг ‘священное наставление’ (отца)⁵;
 - ыдык ажыл ‘священная работа’ (матери)⁶;
 - ыдыктыг саннарның чажыттары ‘секреты священных чисел’⁷;
 - ыдыктыг байырлалывыс ‘священное празднование’⁸;
 - ыдык сүзүктүг үжүктөр ‘священные буквы’⁹;
 - ынакшылым — ыдык күжүм ‘любовь моя — священная сила’¹⁰; и мн. др.

Интересно то, что уже с 1993 г. сам основной закон Тувы — Конституция Республики Тыва — стал характеризоваться как ыдыктык ‘священный’ (а также дээп болбас ‘неприкосновенный’)¹¹ (фото 6 и 7). Причем впервые, поскольку даже первые досоветские конституции Тувинской Народной Республики

¹ Сыртык [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. ВКонтакте. 2022, 2 января. URL: https://vk.com/wall-64833533_12749 (дата обращения: 19.06.2023).

² Тыва ча адар оюн: баг адар хевири [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. ВКонтакте. 2022, 13 августа. URL: https://vk.com/wall-64833533_15109 (дата обращения: 19.06.2023).

³ Тыва дыл хүнүнге Өгбелерниң ыдык чагыы (Тыва тоол болгаш кижизидилге) [Электронный ресурс] // Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Официальный сайт. 2018, 9 ноября. URL: <https://tigpi.ru/tyva-dyl-kh-n-nge-gbelerni-ydyk-chagygy-tyva-tool-bolgash-kizhizidilge> (дата обращения: 19.06.2023).

⁴ Тываның иелериниң ыдыктыг сагылгалары [Электронный ресурс] // Культурное наследие Тувы. Официальный сайт. 2020, 21 августа. URL: <https://old.kntuva.ru/2020/08/21/tyvany-n-ielerynin-nydyktyg-sagylgala/> (дата обращения: 12.05.2023); Свод заповедей матерей Тувы [Электронный ресурс] // Официальный портал. Верховный хурал (парламент) Республики Тыва. URL: <https://khural.rtyva.ru/press/svod-zapovedey.php> (дата обращения: 19.06.2023).

⁵ «Ада» деп ыдыктыг аттың эдилекчилеринге!!! [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. ВКонтакте. 2019, 17 ноября. URL: https://vk.com/wall-64833533_5646 (дата обращения: 19.06.2023).

⁶ Эргим аваларның хүнү-биле! [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. ВКонтакте. 2021, 27 ноября. URL: https://vk.com/wall-64833533_12367 (дата обращения: 19.06.2023).

⁷ Тема: Ыдыктыг саннарның чажыттары. [Электронный ресурс] // Инфоурок. URL: https://infourok.ru/tema_ydyktyg_sannarnyn_chazhyttary.-373425.htm (дата обращения: 12.05.2023).

⁸ Ыдыктыг байырлалывыс — ынак шагаавыс [Электронный ресурс] // Копилка уроков. Сайт для учителей. URL: <https://kopilkaurokov.ru/nachalniyeKlassi/meropriyatiya/ydyktygh-baiyrlalyvys-ynak-shaghaavys> (дата обращения: 12.05.2023); Шагаа байырлалыга тураскааткан республика чергелиг ча адар оюнунң түңнелдери [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. ВКонтакте. 2023, 24 февраля. URL: https://vk.com/wall-64833533_1743 (дата обращения: 19.06.2023).

⁹ Кызыл хоорайның 9 дугаар гимназиязынга улусчу ужурлар башкыларынга өөредиглиг семинар болуп эрткен [Электронный ресурс] // Башкы, 2022, 11 ноября. URL: <https://bashky.ru/news/kyzyl-hoorajnu-9-dugaar-gimnaziyazunga-uluschu-uzhurlar-bashkylarynga-ooerediglig-seminar-bolup-ertken/> (дата обращения: 19.06.2023).

¹⁰ Ынакшылым — ыдык күжүм [Электронный ресурс] // Шын. 2022, 11 сентября. URL: <https://shyn.ru/medeeler/ynak-sh-ylum-ydyk-k-zh-m/> (дата обращения: 19.06.2023).

¹¹ Конституции Республики Тыва (1921–1993 гг.) : сб. к 55-летию принятия Тувы в состав РСФСР и СССР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1999. С. 171.

¹² См.: Конституции Республики Тыва (1921–1993 гг.) : сборник к 55-летию принятия Тувы в состав РСФСР и СССР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1999; а также: Самдан, Мунге, Седип-оол, 2021 (в тексте статьи о неизвестном варианте конституции дан только перевод со старомонгольского языка, но переводчик А. А. Самдан сообщила нам, что в оригинале также нет упоминания об ыдык). В советское время, когда Тувинская Народная Республика вошла в состав СССР в период временного смягчения государственно-конфессиональной политики, советское государство на мировой арене в послевоенные годы для решения политических нужд демонстрировало лояльное отношение к религии. Верующие разных религиозных направлений Тувы, согласно новому обретенному в советском правовом пространстве конституционному праву на совместное вероисповедание, могли поддерживать культовую деятельность. В информационном отчете

ТЫВАНЫҢ ИЕЛЕРИНИҢ ЫДЫКТЫГ САГЫЛГАЛАРЫ

Бис, Тываның иелери,
 - Өг-бүлени быжыглап тургузар болгаш кадагалаар,
 ажы-төлдү өстүрүп кижизидер талазы-биле бодувустуң
 ыдык- тыг хүлээлгевисти медресеп билбишаан,
 - чүгле ада болгаш иениң ийи бодунуң эп-чөптүү-биле,
 нитилелдиң оларга дагып кааны чугула хүлээлгени
 күүседип шыдаар дээрзин бүзүрелди-биле бадыткавы-
 шаан,
 - Өгбелеривистиң мерген угаанныг езу-чаңчылдарын-
 га даянмышаан,
 - Тываның иелериниң ыдыктыг сагылгаларының
 чыныды төлөвилели кожууннарның болгаш суурларның
 иелериниң шуулганынга деткимчени алганын барым-
 даалавышаан, бо ыдыктыг чагыгларны күүседире-биле,
 авазындан уруунга, улуг назылыглардан биче назы-
 лыгларга дамчыдары-биле, хүлээп ап тур бис. Бо ыдык-
 тыг чагыглар херэежен кижиниң амыдырал-чурттал-
 газында ажил-херектериниң эң-не ыдыктыгы - ооң уруг-
 ларынга болгаш келир үеде төрөл-бөлүүнге хамаа-
 рыштыр хүлээлгези деп бөдүүн дүрүмге кыс уругларны
 бичии чажындан тура өөрөдирин кыйгырып турар.

1. Мону сактып чор: ие болуру - өндүр улуг аас-кежик, ыдыктыг хү-
лээлге болгаш улуг харысалга.
2. Аныяандан бодуну камна, иениң бодалдары, угаан-медресели бол-
гаш кылган херектери ооң ажы-төлүнге салгал кылдыр дамчыдып турар
күчүлүг салдары болур.
3. Бодунуң уруг-дарыыңга бүгү тала-биле үлегер-чижек бол. Уруглар
төрээн бажыңындан үнгеш, багай үүлгедиглер эвес, а буянның херектерни
кылыр ужурлуг, ындыг болганда, ол чүгле ие кижиден хамааржыр.
4. Бодунуң ажы-төлүңнүң кижизидилгези дээш харысалганы ада-
иенче, башкыларже азы уругларның боттарынен чая кагба.
5. Бажыңыңны база сагыш-сеткилинни арыг, чараш тудуп чор.
6. Бажыңыңны уругларыңга болгаш уруг-дарыыңның адазы өң
эзинге оларның оон чоруксанчыг чери эвес, а эң-не келиксээр болгаш
туруксаар чери кылдыр эдилеп чор.
7. Иениң буянның чымчаа, эриг баарлыгы болгаш экиргек хүндү
лээчели өг-бүлениң кады төрээнерин болгаш чоок кижилерин чоокшу-
лаштырып таныштырар дээрзин билип чор.
8. Өгбелерниң езу-чаңчылдарыңга шынчы бол. Бак сөс эдип болбас.
Уругларны төрээн дылыңга, бодунуң чонунуң чаңчылдарыңга өөрөдире -
иениң хүлээлгези.
9. Арага болгаш таакпы - эң багай, ону сактып чор. Ие кижиниң
кады, ооң бодунга камныг хамаарылгазы - ооң уругларының кадының
болгаш аас-кежиктиг келир үезиниң үндезини.

Фото 5. Священные заповеди тувинских матерей под названием «Свод заповедей матерей Тувы» - документ, принятый на заседании I Республиканского Форума матерей от 20 марта 2015 года.
 Photo 5. The sacred commandments of Tuvan mothers entitled «The Code of Commandments of the Mothers of Tuva» is a document adopted at the meeting of the I Republican Forum of Mothers on March 20, 2015.

уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Тувинской автономной области Г. Михайлов фиксировал, что в июле 1948 г. массовое богослужение проходило «на холме Кызыл-Тайга, на которое съезжались верующие 9 районов области». Кызыл-Тайгу в данном документе называют не тайгой, а холмом для того, чтобы, по нашему мнению, принизить значимость священного для тувинцев природного объекта (Государственный архив РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 32).

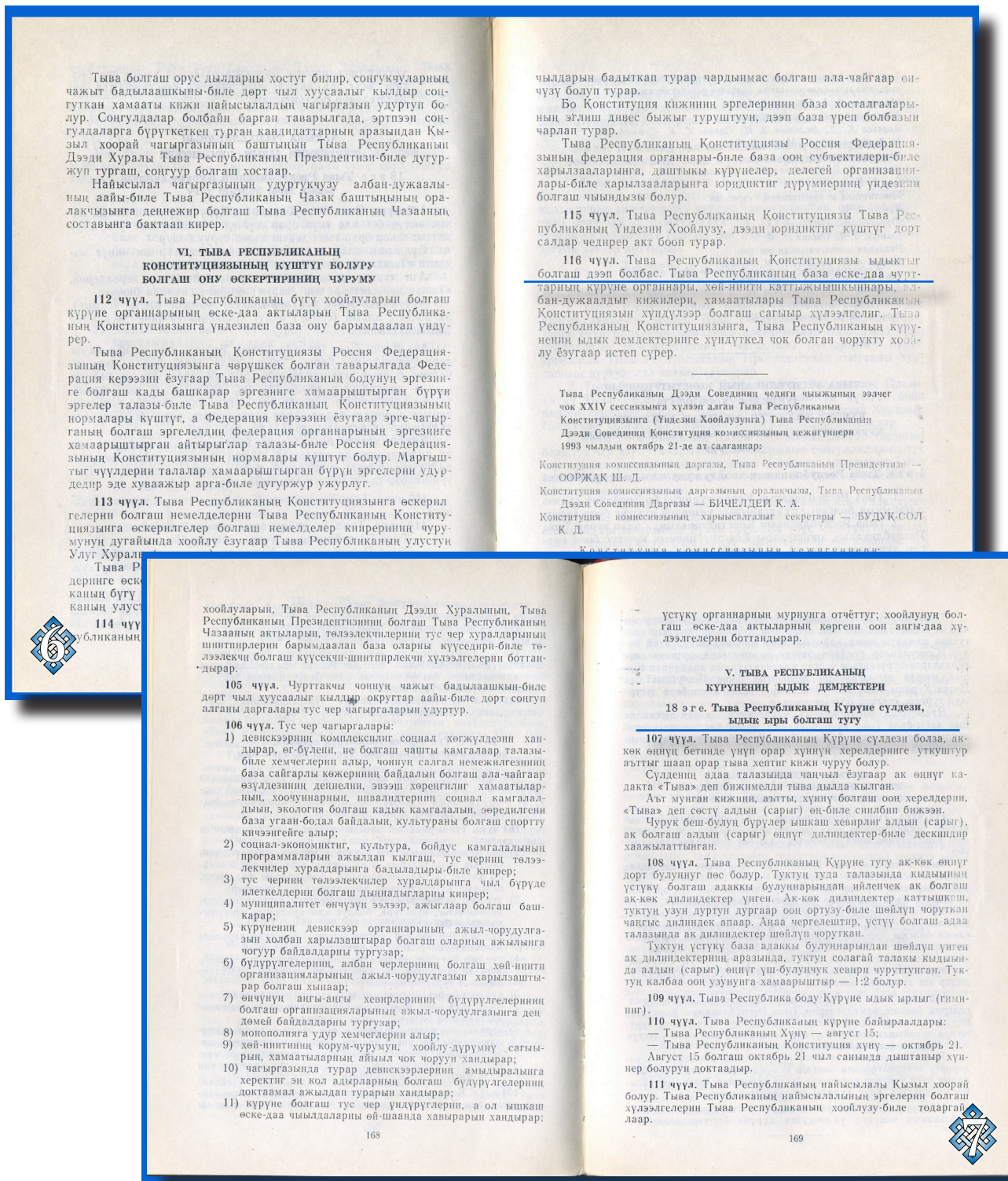

Фото 6 и 7. Пункты Конституции Республики Тыва 1993 г. на тувинском языке, содержащие указание на священность (ыдык)¹.

Photos 6 and 7. Paragraphs of the Constitution of the Republic of Tuva of 1993 in the Tuvan language, containing an indication of the sacredness (ydyk)

¹ Конституции Республики Тыва (1921–1993 гг.): сб. к 55-летию принятия Тувы в состав РСФСР и СССР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1999. С. 171 и 169.

не имели такого положения¹. Подобным статусом *ыдык* награждены и государственные символы Республики Тыва — *ыдык демдектер* ‘священные знаки’². В первую очередь, речь идет о государственном гимне, который по-тувински определяется как *ыдык ыр (гимн)* ‘священная песня (гимн)’³ (или в другой версии: *республиканың курүнениң ыдык ырызы* ‘республиканская государственная священная песня’⁴). Так называют сегодня песню «Мен — тыва мен» (авторы — Окей Шанагаш (слова), Кантомур Сарыглар (музыка)), утвержденную в качестве гимна в 2011 г.

Также слово *ыдык* стало использоваться для названий культов, предметов религиозного культа, религиозных званий. Например, *Ыдык Библия* ‘Священная Библия’.

На наш взгляд, расширение поля объектов, которым присваивается понятие *ыдык*, свидетельствует о том, что в тувинском социуме заметно стремление возвысить все традиционное, а также ценное до статуса священного. Очевидно, что эта тенденция развилась для противостояния тому обесцениванию традиционной культуры, которое поддерживалось советской политикой. Усилия по возрождению традиций, развернувшиеся с 1990-х гг., также стали сталкиваться с результатами этого обесценивания — с поведением современных тувинцев, несовместимым с традиционными правилами. Поэтому категория святости, священности обширно применяется для того, чтобы укрепить значение непреложности, неприкасаемости.

Заключение

Таким образом, лингвокультурологический анализ концепта *ыдык* ‘святое, святыня’ позволяет увидеть, что представления об освящении и святых объектах в тувинской культуре далеко не всегда связываются с религиозным почитанием и специальными обрядами. Святость, выражаемая терминем *ыдык*, охватывает гораздо больший класс объектов, чем то, что освящается обрядами *дагылга*. Скорее, она относится к тому, что тувинцы ценят, почитают, причем в том же русле, что и в древние времена — древние тюрки.

Традиция понимания важных объектов, ценностей именно как святых возобновилась в постсоветское время, коснувшись даже Основного закона Республики Тыва — Конституции, названной официально *ыдык*. Более того, сегодня характеристика *ыдык* щедро присваивается большому числу предметов, в том числе даже на традиционные продукты питания тувинцев. Поэтому очевидно, что анализ тувинской этнической культуры — ее прошлого и современности — без понимания концепта *ыдык* будет неполным.

Благодарности

Благодарим наших коллег — сотрудников лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета, помогавших собирать примеры и делать переводы, принявших живое участие в обсуждении данного исследования и его результатов: кандидата филологических наук Ш. Ю. Кужугет, кандидатов культурологии Ч. Х. Санчай и Ш. Б. Майны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.

Донгак, С. Ч. (2018) Мал ыдыктаар тыва ёзулалдар. Тувинские обряды освящения скота. Кызыл : Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. 52 с.

¹ Там же. С. 169.

² Там же. См. также: Современная Конституция: Тыва республиканың конституциязы [Электронный ресурс] // Официальный сайт. Министерство юстиции Республики Тыва. 2023, 15 мая. URL: <https://minjust.rtyva.ru/events/23626/> (дата обращения: 20.06.2023).

³ Тываның Баштыңы Тыва Республиканың Ыдык ырызының автору Өөкей Шанагаштың мөчээни-биле оон өг-бүлезинге база чоок кижилеринге ханы кажыыдалын илереткен [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2023, 17 февраля. URL: https://rtyva.ru/press_center/tyva_news/51268/ (дата обращения: 19.06.2023).

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев : пер. с тув. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 232 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Тыва чаңчыл [Тувинские традиции]. Ч. I и II. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 360 с. (На тув. яз.).

Ондар, Б. К. (1995) Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 44 с.

Ондар, Б. К. (2008) Тувинская топонимия: сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 296 с.

Ондар, А. У. (2019) Природные объекты поклонения у рода оюн // Современные этнические процессы на территории центральной Азии: проблемы и перспективы : сб. мат. II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня образования исторического факультета Тувинского государственного университета / отв. ред. З. Ю. Доржу. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 222 с. С. 118–124.

Паллас, П.-С. (2001) Путешествие по разным провинциям Российской империи // Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период / сост. Н. И. Егоров, М. Г. Данилова. Чебоксары : Чувашское книжное изд-во. 255 с. С. 156–169.

Потапов, Л. П. (1946) Культ гор на Алтае // Советская этнография. № 2. С. 145–160.

Самдан, А. А., Мунге, Б. В., Седип-оол, М. М. (2021) Неизвестный вариант первой Конституции Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 3. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.1>

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова ; отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Хомушку, И. Ю. (2013) Священная стрела — хранитель семейного благополучия семей Тулуш и Донгак // Новые исследования Тувы. № 2. С. 131–138.

Дата поступления: 12.06.2023 г.

Дата принятия: 03.07.2023 г.

REFERENCES

Bredis, M. A. (2023) Simvolika chisla deviat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Vainshtein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of the center of Asia]*. Moscow, Nauka. 296 p. (In Russ.).

Dongak, S. Ch. (2018) *Mal ydyktaar tyva ezulaldar. Tuvinskie obriady osviashcheniia skota [Livestock blessing rituals of the Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research. 52 p. (In Tuv. and Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Tuva chaңchyl [Tuvan traditions]*. Parts I and II. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 360 p. (In Tuv.).

Ondar, B. K. (1995) *Kratkii slovar' gidronimov Tuvy [A Short dictionary of hydronyms of Tuva]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 48 p. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2008) *Tuvinskaia toponimiia: sopostavitel'nyi analiz toponimii Tuvy s toponimami Iuzhnoi Sibiri i drugikh tiurkoiazychnykh territorii [Tuvan toponyms: A comparative analysis of toponyms of Tuva with those of southern Siberia and other Turkic-speaking territories]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 296 p. (In Russ.).

Ondar, A. U. (2019) Prirodnye ob'ekty pokloneniia u roda oiun [Natural objects of worship of the Oyun clan]. In: *Sovremennye etnicheskie protsessy na territorii tsentral'noi Azii: problemy i perspektivy [Modern ethnic processes on the territory of Central Asia: problems and prospects]*: sat. mat. II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the formation of the Historical Faculty of Tuva State University / ed. By Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, TuvSU Publ. 222 p. Pp. 118–124. In Russ.).

Pallas, P.-S. (2001) Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii [A journey through various provinces of the Russian Empire]. In: *Khrestomatiia po kul'ture Chuvashskogo kraia: dorevoliutsionnyi period [A reader on the culture*

of Chuvash Krai: The pre-revolutionary period] / comp. by N. I. Egorov and M. G. Danilova. Cheboksary, Chuvash Book Publishing House. 255 p. Pp. 156–169. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1946) Kul't gor na Altae [Cult of mountains in Altai]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 145–160. (In Russ.).

Samdan, A. A., Munge, B. V. and Sedip-ool, M. M. (2021) Neizvestnyi variant pervoi Konstitutsii Tuvinskoii Narodnoi Respubliki [An unknown version of the first Constitution of Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 5–14. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.1>

Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [The traditional worldview of Turkic peoples of South Siberia. Space and time. The outer world] (1988) / E. L. Lvova, I. V. Oktyabrskaya, A. M. Sagalaev and M. S. Usmanova ; ed. by I. N. Gemuev. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.).

Khomushku, I. Yu. (2013) Sviashchennaia strela — khranitel' semeinogo blagopoluchii semei Tulush i Dongak [The sacred arrow — a custodian of family welfare of Tulush and Dongak families]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 131–138. (In Russ.).

Submission date: 12.06.2023.

Acceptance date: 03.07.2023.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.
Редактор Б. Н. Гайдин.

№ 3, 2023

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/59>

*Для иллюстрации обложки использована фотография
Чойган Санчай, Россия*

Подписано к публикации 20.09.2023 г.

Объем - 30,25 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia